

Ручир Шарма

Прорывные экономики. В поисках следующего экономического чуда

На русском языке публикуется впервые Издано с разрешения литературного агентства Александра Коржаневского

Все права защищены.

Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения владельцев авторских прав.

Правовую поддержку издательства обеспечивает юридическая фирма «Вегас-Лекс»

© Ruchir Sharma, 2012

© Перевод на русский язык, издание на русском языке, оформление. ООО «Манн, Иванов и Фербер»,

ООО «Издательство «Эксмо», 2013

Оглавление

[От партнера издания](#)

[Пролог](#)

[Глава 1 Миф о долгосрочном прогнозе](#)

[1.1 Этот чудесный 2003 год](#)

[1.2 Не все деревья вырастают до неба](#)

[1.3 Если суфле осело, оно уже вряд ли поднимется](#)

[1.4 Тур по планете: проводим индивидуальный анализ](#)

[1.5 Правила уличного движения](#)

[Глава 2 Китайское афтепати](#)

[Почему растущее богатство препятствует быстрому росту](#)

[Иссякающий источник молодости](#)

[Почему инфляция ведет к снижению темпов экономического роста](#)

[Социальный протест – цена, которую Пекин платить не готов](#)

[Иллюзия китайского профицита в размере 2,5 триллиона долларов](#)

[Конец династии Дэна](#)

[Дело об отсутствующем потребителе](#)

[Замедление темпов экономического роста Китая может ему не навредить](#)

[Глава 3 Великий индийский фокус с надеждой](#)

[Индия и Бразилия: связь, не предвещающая ничего хорошего](#)

[«Молчаливый Кэл» Индии](#)

[Кто входит в класс миллиардеров?](#)

[Если политики с вождением поглядывают на незанятые земли, это плохой знак](#)

[Похоже, Черчилль был отчасти прав насчет Индии](#)

[Деление на Север и Юг](#)

[Новая карта среднего класса](#)

[Как «ловушка бедности» превратилась в конкурентное преимущество](#)

[Индия – политический хамелеон... в хорошем смысле слова](#)

[Глава 4 В России место осталось только наверху](#)

[Не лучшее место для ведения бизнеса](#)

[Отсутствие середины](#)

[Слыша хорошие новости из России, нужно читать между строк](#)

[Глава 5 Бог по национальности бразилец](#)

[Можно ли считать Бразилию моделью растущей мировой державы?](#)

[Почему Бразилия перегревается на таких низких скоростях](#)

[Нечестолюбивая бразильская модель](#)

[Если Petrobras \(компания\) стоит дороже Турции \(страны\), тут что-то не так](#)

[Неразрешимая трилемма](#)

[Когда «культура CNBC» воспринимается как комплимент](#)

[Настало время для экспериментов](#)

[Глава 6 Экономика финансовых магнатов](#)

[Революционная партия олигархов](#)

[Когда растущее неравенство – зло не необходимое](#)

[Если кредиты заморожены десятилетиями, капитализм не работает](#)

[Межолигархические войны](#)

[Обнадеживающий сигнал – азиатская сторона Мексики](#)

[Глава 7 Лакомый кусок Восточной Европы](#)

[Летящие гуси Запада](#)

[Где живет Фридрих Хайек](#)

[Сказка о двух Восточных Европах](#)

[В Евросоюзе, но не в еврозоне](#)

[Венгерское исключение](#)

[Стойкая притягательность ЕС](#)

[По-прежнему достаточно дешево для дальнейшего процветания](#)

[Глава 8 На пути тигра](#)

[Индонезия – облегченный вариант Китая](#)

[Оправданная осторожность, эффективная коррупция](#)

[Лучший лидер – имени которого никогда не прочитаешь в заголовках газет](#)

[«Нефтяное проклятие» – в чем оно заключается?](#)

[Филиппины – это уже не шутка](#)

[Красный код Таиланда](#)

[Стараясь держать руку на пульсе](#)

[Нация – любитель аббревиатур](#)

[Что на самом деле произошло после 1998 года](#)

[Вся правда об этих «злых» биржевых дельцах](#)

[Грандиозные планы](#)

[Глава 9 Золотой медалист](#)

[Азиатская Германия](#)

[Консервативное общество, мобилизующееся в условиях кризиса](#)

[Победа над Японией на ее собственном поле](#)

[Почему Тайвань – не Южная Корея](#)

[Семья лучше знает](#)

[Не надо обслуживания, пожалуйста, мы же корейцы](#)

[Как разделение народов может сыграть на руку Южной Корее](#)

[Глава 10 Одноголосое звучание Турции](#)

[Когда антиклерикализм был фундаментализмом](#)

[Сомнительные уроки Китая](#)

[А так ли привлекательна Европа?](#)

- [По стопам Китая](#)
- [Изддержки путинизации](#)
- [Растущая мощь Анатолии](#)
- [Досовременный аспект Турции](#)
- [Турецкая модель](#)
- Глава 11 Медовый месяц без начала и конца**
- [Индийский медовый месяц](#)
- [Временная петля](#)
- [Как страна, богатая золотом, может пострадать от высоких цен на этот металл](#)
- [Почему не возмущаются безработные](#)
- [Новая ЮАР слишком похожа на старую](#)
- [Странности огромного богатства на медленно зарождающемся рынке](#)
- [Почему, по мнению некоторых, местная экономика не имеет значения](#)
- Глава 12 Четвертый мир**
- [Мирные дивиденды Шри-Ланки](#)
- [Вьетнамские порты, ведущие в никуда](#)
- [Самый быстрый миллиард?](#)
- [Случайный лидер Африки](#)
- [Мир в себе](#)
- Глава 13 Холодный душ после экстаза**
- [Двести лет экономического спада](#)
- [Нефтяные миллиардеры](#)
- [Самое опасное стадное поведение](#)
- [Мальтус вернулся](#)
- [Не забывайте о валютном правиле](#)
- [«Черный всадник» финансового апокалипсиса Адама Смита](#)
- [Ничто не исчезает, все трансформируется](#)
- [Новое старое](#)
- Глава 14 Третье пришествие**
- [Новое открытие Запада](#)
- [О чем говорит «индекс мучений»](#)
- [Непостоянство наносит ответный удар](#)
- [«Третье пришествие»](#)
- [Прорывные экономики](#)

От партнера издания

В пространной биографии Уоррена Баффета описан один примечательный момент путешествия Баффета и Гейтса по Китаю^[1] – посещение миллиардерами Трех ущелий в русле реки Янцзы. Когда корабль вошел в ущелье Силин, путешественников пересадили на баркасы, которые местные речники повели против течения реки. Группа из десяти мужчин на канатах тянула лодки вверх по течению. Этот тяжелый труд произвел на Баффета неизгладимое впечатление, и он сказал: «Среди тех, кто тянул сегодня наши лодки, вполне мог бы быть еще один Билл Гейтс. Они родились здесь, и их судьба – тянуть такие же лодки, как наши. Им не повезло – в отличие от нас».

Не сомневаюсь, что читателям этой книги повезло гораздо больше, чем китайским бурлакам, потому что даже возможность просто взять в руки эту книгу гарантирует продвижение к цели взглянуть на многообразный экономический мир с точки зрения инвестора и оценить инвестиционную привлекательность своей страны. Уверен, среди читателей найдутся те, кто рано или поздно сможет повлиять на политические и экономические процессы, изменение которых вызовет длительный интерес инвесторов к нашей стране. Очень хотелось бы верить, что уроки этой книги им пригодятся. Описательные и сравнительные характеристики различных развивающихся и пограничных экономик дают достаточно много материала для размышления.

Автор очень умело лавирует между достоинствами и недостатками описываемых стран, что позволяет ему сохранять относительную объективность повествования. К тому же он не стесняется подвергать критике расхожий инвестиционный штамп БРИКС, уже более десяти лет бытующий в сфере инвестиций в развивающиеся рынки. Тем самым Ручир Шарма помогает нам глубже понять высказывание известного инвестора Джима Рождерса: «...исходя из своего опыта и времени, проведенного в путешествиях, я занял позицию быка по отношению к Бразилии и Китаю, медведя по отношению к России и несколько скептически смотрю на Индию»^[2].

Объективности ради стоит сказать и о недостатках книги. По-моему, автор значительно преувеличивает, утверждая, что характер экономического регулирования, которым пользовалось правительство Японии в 1990-е, нужно считать кейнсианским (см. главу 7), то есть регулированием методами бюджетной политики. На мой взгляд, в то время доминировали монетарные методы, так как японское правительство прибегало к снижению ставок процента и ограничению потребления для контроля над денежным предложением. Есть и другие неточности. Например, меня очень удивило утверждение, что в 2002 году Google приобрела Orkut, да еще и для усиления своих позиций в конкурентной борьбе с MySpace и Facebook (см. главу 3), хотя ни Facebook, ни MySpace на тот момент еще не представляли собой ничего выдающегося с точки зрения рынка или вовсе не существовали. Примерно тогда второкурсник Гарварда Марк Цукерберг всего-навсего разработал и запустил fasemash, а MySpace существовал только в виде домена и недоработанной идеи. Приобретение Orkut – вообще факт довольно сомнительный, так как социальная сеть была разработана сотрудником Google Оркутом Буюккоккеном и запущена в январе 2004-го. Кроме того, я бы не стал, подобно автору, утверждать, что Китайская Республика (Тайвань) и КНР разделились «в конце Второй мировой войны».

Несмотря на некоторые фактические неточности, описанные выше, отмечу, что все они не портят общего впечатления, а только придают ей репортерский характер, характерный больше для газеты, чем для академического исследования.

Книга изумляет широтой географического охвата и глубиной описанных проблем. Думаю, не так много людей в мире способны навскидку сопоставить три десятка развивающихся экономик, да еще и подкрепить свои сравнения личным опытом посещения этих стран, вспомнив об их культурных и деловых особенностях. На мой взгляд, это превосходный путеводитель «базового уровня» по современному экономическому миру, – ведь этот мир становится все более и более единым. Думаю, книга вызовет у многих горячий интерес к описываемым регионам и огромным возможностям, открывающимся здесь для инвестора и предпринимателя.

Владимир Карцев,

заместитель генерального директора ООО «НЭТТРЭЙДЕР»

Пролог

В так называемых фермерских домах в Дели уже давным-давно не живут фермеры. Название сохранилось до сих пор, но теперь это словосочетание используется для обозначения уютных роскошных гнездышек для уединения по выходным, принадлежащих людям намного богаче фермеров. Это место сразу за городом, где не нанесенные ни на одну карту грязные улочки, хаотично перерезающие бедные деревушки, вдруг упираются в роскошные коттеджи, окруженные огромными садами с фонтанами и скульптурами. Однажды я даже видел сад с собственной миниатюрной железной дорогой. Тут проводятся лучшие вечеринки в Дели; организаторы мероприятий по желанию клиента организуют вечеринку в стиле «Оскар-найт» со знаменитой красной дорожкой, воссоздадут бродвейскую и лас-вегасскую атмосферу, а для особо тоскующих по родному колориту подготовят панджаби-вечеринку, обслуживать которую будут официанты в национальной одежде.

Одним туманным вечером в конце 2010 года я присутствовал на одной из знаменитых декадентских гулянок в элитном пригороде Дели, своего рода индийском Хэмптонсе^[3]. Слуги парковали подъезжающие черные Bentley и красные Porsche, а хозяева радушно угощали гостей говядиной, привезенной самолетом из японского Кобе, белыми трюфелями из Италии и белужьей икрой из Азербайджана. Разговаривать при грохочущих, пульсирующих звуках техно было довольно трудно, но мне все же удалось завязать беседу с

двадцатилетним сыном владельцев всего этого великолепия от полусвета «фермерских домов», классическим представителем своего класса. Парень работал в экспортной компании своего отца; одет он был в узкую черную рубашку, волосы блестели от геля. Услышав, что я приехал из Нью-Йорка в поисках выгодных инвестиционных возможностей, мой собеседник пожал плечами и произнес: «Ну да. Куда же еще вкладывать деньги?»

Куда же еще вкладывать деньги? С той вечеринки я ушел около полуночи, еще до подачи главного блюда, но его комментарий не давал мне покоя. Учитывая, что мы инвестируем именно в развивающиеся (их еще называют зарождающимися, формирующимися, растущими) рынки, слова эти должны были бы стать бальзамом для моих ушей. В конце концов, за прошедшее десятилетие наш портфель увеличился в три раза, до 30 миллиардов долларов, и, если данная тенденция сохранится – а юный богач с вечеринки, очевидно, считал это само собой разумеющимся, – инвесторы нашего направления просто «обречены» стать хозяевами вселенной.

Тем не менее меня стала преследовать совсем другая мысль: будто я настолько опьянен собственным преуспеванием, что мое абсолютное благополучие начинает меня серьезно беспокоить. Моя карьера инвестора началась в середине 1990-х, когда в развивающихся странах в одной за другой разразился экономический кризис и их рынки считались проблемными чадами финансового мира. Однако к концу десятилетия некоторые из моих коллег, пытаясь подобрать горсть-другую «звездной пыли», оставшейся после бума высоких технологий в США, начали называть эти сырые активы не «развивающимися» (emerging), а e-merging^[4] рынками.

В инвестиционных кругах над развивающимися рынками подтрунивали; их называли нарушителями всем известного правила 80/20, согласно которому 80 процентов прибыли инвестор получает от 20 процентов наиболее выгодных клиентов. Большую часть времени послевоенной истории (речь идет о Второй мировой войне) на формирующиеся рынки приходилось 80 процентов мирового населения, но всего 20 процентов объема производства. В 1960-х и 1970-х годах, когда Латинская Америка была на подъеме, Африка и значительная часть Азии переживали период экономического спада. А в 1980-х и 1990-х, когда в Азии быстро ширились площади обрабатываемых земель, страны Латинской Америки никак не могли согласовать свои усилия с целью роста, а Африку вообще окрестили Безнадежным континентом. Еще в конце 2002 года крупные инвесторы денежного рынка – в том числе пенсионные и образовательные фонды – считали формирующиеся рынки либо слишком маленькими, чтобы рассматривать их как объекты для вложения многомиллиардных средств, либо просто слишком рискованными,

ибо огромные страны, такие как Индия, казались инвесторам чем-то вроде «дикого Востока».

И вот теперь, всего несколько лет спустя, я стоял рядом с избалованным индийским пареньком в пульсирующем грохоте музыки, и он явно считал себя хозяином мира по той причине, что его отец – один из тридцати тысяч долларовых миллионеров Дели, большинство из которых разбогатели совсем недавно. Парень еще практически не видел жизни за воротами уединенной роскошной «фермы» его родителей, и все же он знает достаточно, чтобы, словно попугай, высказывать свое суждение по поводу формирующихся рынков: куда же еще вкладывать деньги?

Надо признать, последние тенденции явно на его стороне. Потоки частного капитала в развивающиеся страны увеличились с 200 миллиардов долларов в 2000 году до почти триллиона в 2010 году. Даже на Уолл-стрит эксперты в один голос твердят, что Запад окончательно вошел в период экономического спада, следовательно, деньги просто не могут не перетекать с Запада на Восток и Юг.

А еще мне в голову пришла мысль: как же сильно это резкое изменение настроений повлияло на поведение и суждения политиков и бизнесменов самих развивающихся стран. Почти десять лет назад я ездил в Египет и просто не мог не чувствовать себя почетным гостем премьер-министра Ахмеда Назифа. Он пригласил фотографов из десятков СМИ для десятиминутной фотосессии, а потом разместил мою физиономию в финансовых периодических изданиях – как демонстрацию важного факта, что иностранные инвесторы начали обращать внимание на его страну. А теперь перенесемся в октябрь 2010 года, когда я выступал в Москве с телевизионной презентацией для премьер-министра России Владимира Путина, в которой не слишком восторженно высказался о финансовом будущем его страны. Некоторые местные СМИ отреагировали на мою речь весьма колкими насмешками, заявив, например, что Россия прекрасно обойдется и без моих денег.

В середине прошлого десятилетия казалось, что все кому не лень могут найти деньги для формирующихся рынков. Теперь оказалось, что это не так. Однако, как свидетельствует история, экономическое развитие происходит по правилам игры «Змеи и лестницы». Прямой дороги к успеху не существует, а пропуски хода и возвраты случаются куда чаще, чем переход на несколько шагов вперед, и это означает, что упасть гораздо легче, чем подняться. Страна может уверенно двигаться вперед десятилетие, два, три, а потом оказаться отброшенной далеко назад, и ей приходится все начинать

сначала, причем, возможно, не раз. А конкуренты тем временем уходят все дальше. И случается это несравненно чаще, нежели выпадает удачная фишка, в одночасье переносящая к победным вершинам. Конкурентов вокруг огромное множество, а поистине прорывных экономик всего несколько, и список этот постоянно меняется.

Надо отметить, представление, что игра экономического роста вдруг стала простой и легкой, коренится в уникальных результатах минувшего десятилетия, в течение которого почти все формирующиеся рынки впервые в истории действительно дружно и быстро росли. Но это вовсе не означает, что и следующее десятилетие будет таким же.

Последние пятнадцать лет одну неделю в месяц я проводил на том или ином развивающемся рынке; всесторонне изучал его, встречался со всевозможными местными персонажами и путешествовал по всей стране, чаще всего на автомобиле, а когда это было неудобно или просто невозможно, то даже на вертолете. Как сказал писатель Олдос Хаксли, «путешествовать – значит узнавать, что все, что вам рассказывали о других странах, неправда». Очевидно, что, просматривая таблицы Excel в уюте собственного офиса, вряд ли узнаешь, видят ли местные политики связь между здоровой экономикой и правильной политикой. А ведь от этого во многом зависит обозримое будущее любой страны, то есть, с моей точки зрения, в лучшем случае ее перспективы в ближайшие пять-десять лет. Кроме того, именно этот период мне представляется тем временем, в течение которого человек или организация по логике могут и должны отвечать за свои прогнозы или бизнес-решения.

После каждой поездки я взял за привычку описывать свои впечатления об увиденной стране; это не только помогает четко сформулировать мысли, но и гарантирует достоверность изложенных фактов. Надо сказать, редакторы Newsweek и The Economic Times проявляли к плодам моего труда особую снисходительность. Однако идея написать сразу обо всех развивающихся рынках неизмеримо масштабнее; чтобы ее реализовать, требуется значительно больше пространства, чем могут предложить журнальные и газетные колонки. Я уже давно подумывал написать книгу, но план этот принял четкую форму всего за несколько дней – после того как Тони Эмерсон, в течение многих лет превращавший мою колонку в Newsweek International во вполне читабельный текст, признался мне, что ужасно хотел бы заняться чем-то другим. Тут-то я и понял, что более подходящего и знающего человека, способного помочь мне воплотить эту мечту в жизнь, мне просто не найти.

Идея состояла в том, чтобы, пригласив вас всех в совместное путешествие, отправиться на поиск очередных экономических чудес и постараться вместе выяснить, куда же конкретно потекут все деньги мира в ближайшем будущем.

Итак, я собираюсь представить вам подробный отчет об экономических путешествиях, который сорвет покровы таинственности с процесса выявления реальных формирующихся рынков со «звездным» потенциалом, и инициировать дебаты на очень важную тему: у каких экономик больше всего шансов стать в ближайшем десятилетии прорывными.

Глава 1

Миф о долгосрочном прогнозе

Не все деревья вырастают до неба

Прежде составители прогнозов придерживались такого правила: составить как можно больше прогнозов, а потом активно рекламировать и оповещать мир о тех, которые оказались правильными. Новое же правило заключается в том, чтобы прогнозировать настолько далекое будущее, что когда оно

наступит, никто и не вспомнит, что прогноз предсказывал что-то совершенно другое.

Сверхдолгосрочная перспектива вдохновляет современных прогнозистов на серьезные прогнозы нынешнего времени, базирующиеся на огромной экономической мощи Китая и Индии в XVII веке; по мнению составителей, это ясно свидетельствует о том, что данные страны встали сегодня на путь возрождения своей роли доминирующих мировых держав, скажем, году к 2030-му или 2050-му. В 1600 году на долю Китая приходилось более четверти мирового ВВП, а на долю Индии немногим меньше четверти, и хотя с тех пор их вклад в глобальную экономику резко сократился, сверхдолгосрочный прогноз предпочитает закрывать глаза на проблемы последних столетий. Судя по всему, рассуждения этих прогнозистов основываются на убежденности в том, что эффективность XVII века может в определенной мере гарантировать будущие результаты. Огульная экстраполяция становится в наши дни главным аргументом многих выдающихся интеллектуалов и публичных персон, которые уверенно утверждают, что мы вступаем в «тихоокеанское» или даже «африканское столетие». Недавно мне прислали отчет одной крупной консалтинговой фирмы; согласно ее прогнозам, к 2050 году Нигерия может войти в топ-десятку мировых экономик. Ну что ж, за такой долгий срок может случиться что угодно.

По иронии, долгосрочные прогнозы набирают все больший вес даже на Уолл-стрит; в общем и целом тамошние финансисты относятся к фактору времени все спокойнее и равнодушнее. Приведу всего один пример: средняя продолжительность периода, в течение которого американские инвесторы, как крупные, так и малые, являются держателями пакетов акций, десятилетиями неуклонно снижалась, уменьшившись с пикового показателя в 16 лет в середине 1960-х до менее четырех месяцев в наши дни. В то же время американцы и европейцы, в значительной мере вдохновленные именно прогнозами на далекий 2050 год, в стремительно нарастающем темпе вкладывали средства в развивающиеся страны. Если с 2000 по 2005 годы общая сумма активов, инвестированных в акции этих рынков, увеличилась на 92 процента, то в 2005–2010 годы данный показатель вырос на целых 478 процентов. Очевидно, многих инвесторов чрезвычайно вдохновляет мысль, что их инвестиции абсолютно обоснованны, учитывая успехи и достижения этих экономик в далеком прошлом и радужные перспективы в далеком будущем. К сожалению, в реальном мире не принято, чтобы инвесторы или компании предлагали клиентам возможность через сорок лет вернуться и проверить, насколько точен был прогноз и какую реальную прибыль они получили на вложенный капитал. Без сомнения, прогнозы чрезвычайно

ценны, даже необходимы при планировании целей и проектов, однако прогнозирование на срок больше пяти, максимум десяти лет, просто не имеет смысла. И рассмотреть четкие и имеющие смысл модели и шаблоны в цикле глобального экономического развития тоже можно с оглядкой назад не более чем на десятилетие.

Нынешнее время представляет собой весьма показательный момент. После окончания Второй мировой войны первые годы каждого десятилетия становились поворотным пунктом для мировой экономики и рынков. С 1950 года каждое десятилетие начиналось с глобальной мании, с одержимости той или иной крупной идеей, с появления очередного нового агента перемен, полностью видоизменявших мировую экономику и приносивших огромные прибыли. Так, в 1970 году вспыхнула всеобщая страсть к «ходовым акциям» ведущих американских компаний, например Disney. В 1980 году объектом всеобщего вожделения стали природные ресурсы, от золота до нефти. В 1990-м объектом одержимости была Япония, а в 2000-м – Кремниевая долина. При этом всегда находилась горстка сомневавшихся, из последних сил криками предупреждавших о том, что эти перемены уже обходят другие: что пиковые цены на нефть есть путь к самоуничтожению, ибо они душат мировую экономику; что никакой отдельный участок земли в Токио не может стоить дороже всей Калифорнии; что технологические стартапы с нулевыми прибылями вряд ли оправдают четырехзначную стоимость их акций. Но к этому моменту мания уже достигает своего апогея, и в «горячую» новинку вложено столько миллиардов долларов, что мало кто хочет слушать стенания этих «кассандр».

Впрочем, большинство гуру и прогнозистов стараются дать людям то, что они хотят, – экзотические причины верить, что они входят в группу умников и умниц, а всеобщая мания, конечно же, абсолютно обоснованна и их деньги вложены туда, куда надо. Но резоны эти, как правило, оказываются совершенно беспочвенными, и все упомянутые выше послевоенные бумы быстро превращались в «пузыри», лопающиеся в первые годы очередного десятилетия.

1.1 Этот чудесный 2003 год

Манией начала нынешнего десятилетия стали крупные формирующиеся рынки, или, конкретно говоря, вера в то, что Китай, Индия, Бразилия и Россия могут и впредь продолжать расти поразительно быстрыми и равномерными темпами, характерными для предыдущих десяти лет. На самом же деле это был счастливый «золотой век» вышеупомянутых стран, и

он вряд ли когда-либо повторится, хотя при этом общепринят в качестве нового стандарта для оценки роста и развития этих относительно бедных экономик мира. Мания развивающихся стран началась с Китая, который в течение двух десятилетий рос стремительно, но неравномерно, на 4–12 процентов в год. Затем, с 1998 года, китайская экономика начала непрерывно расти не менее чем на 8 процентов в год; это счастливое число словно стало железным правилом экономического развития данной страны.

Начиная с 2003 года, который следует считать пока еще недооцененным поворотным пунктом развития мировой экономики, это везение внезапно распространилось на все развивающиеся страны. Средние темпы роста ВВП в этих странах выросли почти в два раза, с 3,6 процента в предыдущие два десятилетия до 6 процентов, и отстающих практически не было. Пик пришелся на 2007 год; за исключением трех стран, 183 экономики мира выросли, причем в ста девяти из них темпы роста увеличились больше чем на 5 процентов, то есть превысили средний показатель по почти пятидесяти странам за предыдущие два десятилетия. Трое упомянутых выше «отщепенцев», в том числе Зимбабве, были хроническими неудачниками; исключениями, лишь подтверждавшими правило. Мощный прилив возносил нацию за нацией, стремительно проводя их через ряд обычно чрезвычайно трудных и довольно долгих этапов развития. Самым ярким примером тут служит Россия; за одно десятилетие средний доход на душу населения этой страны без особых усилий вырос с 1500 до 10 тысяч долларов.

Это был самый быстрый и самый масштабный всплеск экономического роста из всех, которые когда-либо видел наш мир, и, скорее всего, такого мы больше никогда не увидим. Но еще необычнее то, что пока эти страны быстро «становились на крыло», инфляция, традиционный бич быстрого роста, повсеместно отступала. Количество государств, которым удалось победить инфляцию – то есть сдерживать ежегодные темпы роста цен ниже 5-процентного уровня, – увеличилось с шестнадцати в 1980 году до 103 в 2006-м. Это был период высоких темпов роста и незначительной инфляции. Экономисты называют это явление «лютиковой» экономикой; экономикой именно такого типа наслаждалась в 1990-х годах Америка, только с гораздо более быстрыми темпами роста и в поистине планетарных масштабах. Так сформировался хор из всех наций, в унисон поющий об истории стабильного стремительного успеха, и многие наблюдатели следили за происходящим с абсолютно непоколебимым оптимизмом. Все развивающиеся страны превратились в Китай – так, по крайней мере, казалось со стороны.

Данная иллюзия в значительной степени сохраняется по сей день, подпитываемая модным объяснением нового бума. Согласно этому

объяснению, формирующиеся рынки добились успеха благодаря тому, что извлекли полезные уроки из кризиса мексиканского песо, а также из кризиса в России и в Азии 1990-х годов; все эти кризисы начались, когда внешний долг стал слишком велик, чтобы можно было расплатиться. Но начиная с конца 1990-х эти ранее безответственные страны-должники избавились от дефицита бюджетных средств и стали кредиторами, тогда как бывшие нации-кредиторы во главе с США стали увязать в долгах.

Бывший президент США Джордж Буш рассказывал любопытную историю о Владимире Путине, отлично иллюстрирующую, что мировая экономика действительно перевернулась с ног на голову. В середине 2011 года мне довелось быть модератором популярнейшего чата с участием президента Буша, который поведал, что, когда он впервые встретился с российским лидером в 2000 году, Россия изо всех сил старалась справиться с последствиями глубочайшего валютного кризиса и Путин был одержим идеей выплаты государственных долгов. А в начале 2008 года Россия находилась на подъеме, долгов у нее не было, и в первую очередь Путин хотел говорить об американских ценных бумагах, обеспечиваемых залогом, в связи с которыми в скором времени разразился тяжелейший долговой кризис. Иными словами, фокус внимания российского президента сместился на 180 градусов: от темы сокращения долгов России он перешел к вопросам о риске, связанном с сохранением американского долга. При этом Путин все самоувереннее говорил о своей быстро растущей стране. Во время предыдущего визита в Вашингтон российский лидер познакомился с маленьким терьером Буша по имени Барни, и теперь, спустя десятилетие, представляя приехавшему в Москву Бушу своего черного лабрадора, сказал: «Видите, моя собака больше, сильнее и быстрее вашего Барни».

Надо сказать, растущая гордость стала тогда характерной чертой всех развивающихся стран, и сокращение государственного долга воспринималось по меньшей мере как признак реального прогресса. Некоторые нации (включая Россию Путина в соответствующий период) учились тратить деньги с умом, инвестируя в образование, коммуникации и транспортные системы, без которых невозможно повысить производительность, ибо именно они способны обеспечить высокие темпы роста при низком уровне инфляции. Но за подъемом и удачами периода бума все упускали один важный момент – то, что мир буквально затопляют потоки дешевых денег.

Именно из-за потока дешевых денег (низкой стоимости займов) начались трудности в США. Прежде считалось, что рецессия – естественный компонент бизнес-цикла, неприятный, но неизбежный. Однако в период

«лютиковой» экономики 1990-х начала зарождаться новая теория; в результате устойчивого роста в течение нескольких лет подряд специалисты говорили о том, что Федеральной резервной системе США (ФРС) удалось вырваться из традиционного бизнес-цикла. Под руководством Алана Гринспена и его преемника Бена Бернанке ФРС сместила акценты, перейдя от борьбы с инфляцией и сглаживания экономического цикла к более тщательному управлению ростом и контролю над ним. Все чаще основой для роста американской экономики и все более шаткой опорой для редкого по силе глобального бума становились низкие процентные ставки и госзадолженности: если в 1970-х годах для обеспечения роста ВВП страны на один доллар требовались 1,5 доллара государственного долга США, то в 1980-х и 1990-х уже три, а в прошлом десятилетии пять.

Надо признать, у развивающихся рынков действительно не было иного выбора, кроме как последовать этому примеру. Низкие процентные ставки способствовали дальнейшему буму в США, вынуждая банки развивающихся стран в свою очередь тоже снижать ставки, одновременно стимулируя резкий подъем потребительских расходов в США, что вело к увеличению экспорта товаров с формирующихся рынков. Стремительный подъем развивающихся стран в середине 2003 года, после резкого снижения процентных ставок в США – внедренного для поддержания процесса восстановления экономики, когда лопнул «пузырь» высоких технологий, – привел к началу всемирного потопа дешевых денег, бо2льшая часть которых вливалась в формирующиеся рынки. И все это отнюдь не было случайным совпадением. В 1990-х суммарный вклад частного капитала в зарождающиеся рынки составлял 2 процента от ВВП этих стран, а в 2007 году данный показатель подскочил до 9 процентов от их значительно увеличившихся к тому времени ВВП. И вот теперь этот кредитный карточный домик, жертва Великой рецессии, рушится. На Западе сегодня много говорят о «новой норме». Это явление характеризуют замедлением экономического роста, связанным с тем, что крупные экономики стараются расплатиться со своими огромными долгами. Ожидается, что в текущее десятилетие фактический рост ВВП богатых развитых стран снизится почти на целый процентный пункт, примерно до 2–2,5 процента в США и до 1–1,5 процента в Европе и Японии. Однако же наблюдатели не учитывают того факта, что формирующиеся рынки тоже столкнулись с реалиями «новой нормы». По мере замедления роста экономики в богатых странах они неизбежно начнут закупать меньше товаров на рынках, ориентированных на экспорт, в том числе в Мексике, Тайване и Малайзии. За время бума средняя доля внешнеторгового баланса развивающихся стран в их ВВП выросла почти в три раза, инициировав очередной виток рекламно-пропагандистской шумихи о преимуществах глобализации, но начиная с 2008 года объемы

продаж снизились до прежних 2 процентов. И теперь зависящим от экспорта зарождающимся рынкам – а таких, надо сказать, подавляющее большинство – придется искать новые способы поддержания стабильного роста.

И это отнюдь не сезонное, кратковременное явление. На протяжении нескольких десятилетий рост развивающихся рынков обеспечивался за счет кардинальных изменений в динамике экономического развития, и теперь основные законы экономического притяжения уже начали тянуть Китай, Россию, Бразилию и ряд других крупных развивающихся рынков обратно к земле. В первую очередь речь идет о законе больших чисел, гласящем, что чем вы богаче, тем труднее вам увеличивать свое богатство прежними быстрыми темпами.

Китай и многие (хоть и не все) другие крупные развивающиеся страны пользуются ориентированной на экспорт моделью роста, похожей на те, которые применялись в предыдущие десятилетия в Японии, Южной Корее и на Тайване. Как только доходы на душу населения достигали среднего уровня (по определению Всемирного банка данный показатель составляет 4 тысячи долларов и выше в текущем долларовом эквиваленте), темпы роста всех этих успешных экономик замедлялись с 9–10-процентного уровня до 5–6-процентного. Япония наткнулась на эту стену в середине 1970-х, Тайвань и Южная Корея в следующие два десятилетия соответственно. Обратите внимание на то, что речь в данном случае идет о самых успешных примерах в истории экономического развития и, следовательно, о наилучшем возможном сценарии, что в очередной раз подтверждает неизбежность замедления темпов роста в Китае.

Во всех трех упомянутых выше случаях главным предупреждающим сигналом надвигавшегося замедления темпов развития стало явление, называемое экономистами структурной инфляцией. Характеризуется оно резкой активизацией требований работников о повышении заработной платы и свидетельствует о том, что бездонные трудовые ресурсы, обеспечивавшие работающие на экспорт предприятия персоналом с минимальными затратами на рабочую силу, иссякли и их более не существует. Китай достиг среднего уровня доходов на душу населения (4 тысячи долларов) в 2010 году, как раз когда по стране прокатилась последняя на тот момент вспышка серьезных забастовок с требованием повышения зарплаты. И несмотря на это, многие наблюдатели по-прежнему предпочитают верить, что страна способна перескочить через 4000-долларовый барьер на почти двузначной скорости.

В то же время, следует сказать, западные инвесторы утратили веру в динамизм США и Европы и, частично от отчаяния, все чаще обращают взор на Восток и Юг. В 2009 и 2010 годах сотни миллиардов долларов были вложены в фонды, инвестирующие преимущественно в формирующиеся рынки, то есть в учреждения, которые практически не проводят различий между Польшей и Перу, Индией и Индонезией. Такая «макромания» – то есть одержимость глобальными макротенденциями – базируется на предпосылке (которая верна только в периоды экономического бума, да и то лишь кратковременно), что при оценке того или иного конкретного класса активов достаточно знать об основных, самых массовых и мощных подвижках в мировой экономике. В результате такого подхода курсы акций основных развивающихся рынков менялись и варьировались все более и более синхронно. В первой половине 2011 года разница между фондовыми рынками развивающегося мира с наилучшей и наихудшей эффективностью составляла всего 10 процентов – рекордно низкий показатель и четкий индикатор стадного поведения инвесторов.

Точно такую же ошибку мир совершил в преддверии азиатского кризиса 1997–1998 годов, когда всех без исключения так называемых экономических тигров^[5] считали, в той или иной мере, очередной Японией. Наслушавшись аналитиков с Уолл-стрит и начитавшись экономических бестселлеров, сегодня многие придают огромное значение идеям переноса богатства с Запада на Восток и неизбежного «сближения» богатых и бедных наций, то есть теории, что средний доход развивающихся стран быстро догоняет соответствующий показатель процветающих государств. Но это лишь отличный маркетинговый трюк, искажающий реальность, истина же заключается в том, что формирующиеся рынки совершенно не похожи друг на друга.

Начнем с того, что, например, такие страны, как Россия, Бразилия, Мексика и Турция, имеющие средний доход на душу населения более 10 тысяч долларов, обладают значительно более скромным потенциалом роста, нежели Индия, Индонезия или Филиппины, где этот показатель составляет менее 5 тысяч долларов. При этом высокие доходы не всегда означают технологическую мощь государства: Венгрия, например, относится к тому же классу доходополучателей, что Бразилия и Мексика, однако к широкополосной беспроводной связи сегодня имеют доступ 90 процентов венгров и только 40 процентов бразильцев и мексиканцев.

Сильно варьируется и долговое бремя развивающихся рынков – например, в традиционно успешных развивающихся странах, таких как Китай и Южная Корея, нагрузка по кредитам физических и юридических лиц относительно

с ВВП не меньше, чем во многих проблемных развитых экономиках. Типичный кореец имеет в среднем более трех кредитных карт, в то время как в Бразилии одна карточка есть даже не у каждого третьего. По-разному проявляется также и чувствительность наций к проблемам на Западе. Многие азиатские рынки по-прежнему рассчитывают прежде всего на экспорт товаров на Запад, а вот многие государства Восточной Европы, напротив, в деле финансирования экономического роста все больше полагаются на западные инвестиции.

1.2 Не все деревья вырастают до неба

Огромные деньги продолжают потоками вливаться в формирующиеся рынки, несмотря на практически полное прекращение реформ, благодаря которым в первую очередь бедные страны встали на новый путь развития. С тех пор как Дэн Сяопин в начале 1980-х годов начал экспериментировать с реформами свободного рынка, Китай проводил серьезные реформы каждые четыре-пять лет, и каждое нововведение приводило к очередному всплеску экономического роста, однако на сегодня этот цикл себя исчерпал.

Легкомысленная вера в светлое будущее развивающихся рынков базируется еще и на игнорировании крайне низких шансов на успех в этом деле. Долгосрочный и быстрый экономический рост доступен очень немногим странам. Согласно моим исследованиям, начиная с 1950 года в среднем лишь треть развивающихся рынков смогли поддерживать стабильный рост в среднем на 5 процентов в течение десяти лет подряд. Менее четверти сумели сделать это на протяжении двух десятилетий и только каждая десятая – в течение трех десятков лет. Лишь шесть стран устойчиво росли сорок лет, и всего две – пятьдесят. Следует также отметить, что за прошедшее десятилетие список стран, сумевших сохранить 5-процентные темпы экономического роста, за исключением Китая и Индии, полностью обновился, от Анголы до Танзании и от Армении до Таджикистана. Ротация этого списка происходит постоянно. Большие гонки бедных наций, изо всех сил стремящихся догнать богатые, никогда не идут по прямому или непрерывному маршруту: очень часто лидеры вдруг оказываются в хвосте, соперники выбывают из состязания, отставшие чудесным образом вырываются в первые ряды. По сути, во многих смыслах «процент банкротств» среди стран не ниже, чем среди акций. Очень немногие лидеры способны сохранять свои лидерские позиции в течение десяти лет, а тех, кто умудряется делать это на протяжении нескольких десятилетий, еще меньше, и их выявление скорее искусство, чем наука.

1.3 Если суфле осело, оно уже вряд ли поднимется

В течение нескольких следующих лет новая норма на развивающихся рынках будет в основном такой же, как старая, датируемая далекими 1950-ми и 1960-ми годами, в соответствии с которой рост составлял в среднем 5–5,5 процента, а лидеры и отстающие в гонке постоянно менялись местами. Позднее мы стали свидетелями тридцати лет экономического роста, от совсем медленного до поразительно быстрого. Например, в 1980-х и 1990-х годах средние темпы роста составляли всего 3,5 процента, что в числе прочего объяснялось распадом Советского союза и финансовыми кризисами в целом ряде стран, от Мексики до Таиланда и России. А потом настало недавно завершившееся десятилетие бурного бума, подогреваемого избыточной ликвидностью, и такая ситуация просто не могла сохраняться долго. Наиболее вероятным ее итогом представляется возвращение в 1960-е годы, но в совсем новом свете. Напомню, что в 1950-е и 1960-е развивающиеся страны называли странами «третьего мира», подразумевая тем самым, что они занимают самое незавидное третье место в самом низу пьедестала и, в сущности, обречены оставаться там вечно.

В 1950-х и 1960-х крупнейшие формирующиеся рынки – Китай и Индия – изо всех сил боролись хоть за какой-нибудь рост. А такие страны, как Иран, Ирак и Йемен, совместными усилиями довольно долго демонстрировали серьезные достижения в области экономического роста, однако этот счастливый период был прерван началом войны, и теперь эти государства больше ассоциируются с вооруженными конфликтами, чем с финансовыми достижениями. Хаос в этих регионах планеты только подчеркивает успехи Кореи и Тайваня, который на начальных стадиях явно недооценивали и практически не признавали. Достоверных данных о росте развивающихся рынков до 1950 года у нас нет, но имеющиеся в нашем распоряжении факты свидетельствуют о том, что никогда прежде такое количество наций не развивалось так быстро и столь долгий период, как в прошлом десятилетии. И все же современные аналитики по-прежнему ждут чуда – окончательного исчезновения пропасти между странами, которое, по их мнению, скоро произойдет на всем земном шаре.

А тем временем множество «развивающихся» рынков на протяжении целого ряда десятилетий как были, так и остаются развивающимися. Они так и не смогли достичь сколько-нибудь устойчивого роста либо, сумев подняться до уровня стран со средним доходом на душу населения, начинали тормозить и давать сбой. Бразилия, например, добилась в 1950–1970-х годах весьма

заметного роста, после чего из-за огромного перерасхода бюджетных средств в стране начался период сильнейшей гиперинфляции, уничтожившей львиную долю этих достижений; при этом средний доход по-прежнему составляет около 10 тысяч долларов на душу населения. Малайзия и Таиланд тоже, казалось, прочно встали на путь превращения из развивающихся стран в развитые. Однако это продолжалось лишь до тех пор, пока кумовской капитализм, послуживший фундаментом для экономических систем этих государств, не привел к бесчисленным финансовым сварам в самый разгар кризиса 1998 года. С тех пор их экономический рост способен вызвать только разочарование. В 1960-х годах очередными «экономическими тиграми» Восточной Азии были объявлены Филиппины, Шри-Ланка и Бирма, и сразу же после этого их рост начал резко колебаться – намного раньше, чем они сумели достичь среднего дохода на душу населения (4 тысячи долларов). Так что неспособность стран долгое время поддерживать стабильный экономический рост, без сомнения, общее правило.

1.4 Тур по планете: проводим индивидуальный анализ

Почти все люди обожают знакомиться с предсказаниями футурологов, но никто на свете не способен спрогнозировать события следующего столетия со сколько-нибудь достойной степенью достоверности, и никому не под силу предложить миру четкий набор причин, по которым нации растут и развиваются либо, напротив, вдруг останавливаются в своем развитии. Никакой волшебной формулы успеха нет, есть только длинный перечень давно всем известных рекомендаций. Для экономического роста требуется обеспечить движение товаров, денег и людей по принципам свободного рынка; стимулировать экономию средств и гарантировать, что банки направляют деньги исключительно на эффективные и продуктивные проекты; установить власть закона и обеспечить защиту прав собственности; стабилизировать экономику и держать инфляцию в узде; проводить политику открытых дверей для иностранного капитала, особенно если по условиям сделки этот капитал приходит вкупе с новыми передовыми технологиями; строить новые дороги и школы; досыта кормить детей и так далее и тому подобное. Но все это лишь сухая теория, клише, хотя в их правильности никто и не сомневается; это просто длинный список «Что надо сделать», ни в коей мере не помогающий понять, каким образом все эти факторы в совокупности приведут – либо не приведут – к экономическому росту конкретно в той или иной стране в тот или иной момент времени.

Чтобы разобраться в этом вопросе, необходимо совершить целенаправленный тур мыслящего человека по зарождающимся рынкам планеты – то есть отправиться в путешествие по разным странам и на месте рассмотреть, какой режим правит в них в текущий момент, какая комбинация ключевых экономических и политических сил задействована в игре, насколько эти силы способствуют экономическому росту и развитию и какой скорости развития стоит ожидать при таком комплексе факторов. Ведь, как предупреждал немецкий теолог Дитрих Бонхеффер: «Если сел не в тот поезд, бессмысленно мчаться по коридору в направлении, противоположном движению».

Мы с вами стоим на пороге массовой смены экономических систем. Дешевые деньги, которые, надув «пузырь» на рынке недвижимости США, подготовили базу для Великой рецессии, и сегодня свободно фланируют по планете. Теперь их распределением занимаются центральные банки, пытающиеся таким образом восстановить невиданно высокие темпы роста последнего десятилетия, которые в любом случае не могли сохраняться долгое время.

Но хотя центральные банки могут печатать столько денег, сколько им захочется, диктовать, куда пойдут эти средства, им не под силу; в итоге значительная часть оказалась вложенной в спекулятивные нефтяные фьючерсы, элитную недвижимость в крупнейших финансовых столицах мира и прочие в высшей степени непродуктивные объекты. Иными словами, эти инвестиции не создают базы для значимого экономического роста. И чтобы определить, какие страны будут процветать, а какие столкнутся с проблемами в мире, видоизменившемся в результате снижения темпов экономического роста, нам нужно научиться рассматривать и анализировать формирующиеся рынки не огульно, а в строго индивидуальном порядке. Далее я подробно расскажу о причинах и масштабах грядущего замедления роста развивающихся стран; мы с вами отправимся в тур по планете и попробуем определить, от каких наций стоит ждать процветания в новую эпоху, а какие, скорее всего, нас разочаруют.

В целом можно сказать, что источником наибольших разочарований станут некоторые из наиболее разрекламированных сегодня стран, в то время как некоторые самые скромные и незаметные пока экономики удивят нас своими достижениями. В частности, я убежден, что ни одна идея не оказала нам большей медвежьей услуги в деле четкого понимания современного мира, нежели всем известная концепция БРИКС. Она смешала в одну кучу пять экономик – Бразилии, России, Индии, Китая и Южной Африки, – не имеющих практически ничего общего, кроме, пожалуй, того, что все они

являются крупнейшими игроками рынка, каждая на своем континенте. Хуже того, бешеная популярность этого странного нововведения породила множество еще более абсурдных вариантов (один из самых последних – акроним CIVETS [Colombia, Indonesia, Vietnam, Egypt, Turkey, South Africa (Колумбия, Индонезия, Вьетнам, Египет, Турция, ЮАР)]). Все они страдают одним и тем же существенным недостатком: без разбора объединяют экономики, которые ни в коем случае не следовало объединять. И все ради броской аббревиатуры.

Наш тур начнется с Китая – эта страна стоит на грани естественного экономического спада, и ей предстоит резко изменить глобальный баланс сил как на финансовой, так и на политической арене и выбить почву из-под ног многих наций, которые сейчас правят бал. Признаки предстоящего замедления уже очевидны, и, по всей вероятности, в течение ближайших двух-трех лет оно начнется уже всерьез, в результате чего темпы экономического роста Китая снизятся с 10 до 6–7 процентов. А значит, миллионы индивидуальных инвесторов и компаний, сделавших ставку на двузначные показатели темпов роста китайской экономики, скорее всего, ждет большое разочарование.

1.5 Правила уличного движения

Сегодня, оценивая экономический потенциал Индии, многие называют ее «очередным Китаем», однако она в равной мере может стать и очередной Бразилией, впечатляющий рост экономики которой бесславно прекратился в 1970-х годах из-за излишней самоуверенности, перерасхода бюджетных средств и кумовства. Бразилию тоже наперебой расхваливали, называли восходящей «звездой» и новой сверхдержавой региона, но по соответствующим показателям ее стоило бы назвать анти-Китаем. Эта страна активно инвестировала в преждевременное строительство государства всеобщего благосостояния, вместо того чтобы сначала построить дороги и сети беспроводной связи, без которых не может существовать ни одна современная промышленно развитая экономика. Все страны, экономика которых в последнее время росла стремительными темпами исключительно благодаря резкому увеличению цен на сырье, например на нефть или драгоценные металлы – речь прежде всего идет о России и Бразилии, – ждет впереди очень непростое десятилетие. А ведь минувшие десять лет фондовые рынки этих государств занимали главенствующее положение.

Следующее десятилетие будет богато и приятными сюрпризами, но вы не сможете определить, где их ждать, оглядываясь на страны, вызывавшие наибольший ажиотаж в последние годы, и рассчитывая на то, что и в будущем они непременно достигнут новых, еще более невиданных высот. Новыми «звездами» станут новые «прорывные экономики» – так я называю страны, способные обеспечить устойчивое и быстрое экономическое развитие, превзойти большие ожидания инвесторов либо, по меньшей мере, соответствовать им и сохранить средние темпы роста доходов на душу населения в своем классе доходополучателей. Например, Чешской Республике, где уровень доходов на душу населения составляет 20 тысяч долларов и выше, для прорыва достаточно обеспечить прирост ВВП на 3–4 процента, в то время как в Китае (класс доходополучателей до 5 тысяч долларов) прирост менее чем в 6–7 процентов будет восприниматься как рецессия.

Очень хорошие перспективы стать прорывными экономиками у Индонезии и Филиппин – благодаря умным лидерам, большой численности населения, относительно небольшому внешнему долгу, низким доходам граждан и обоснованным ожиданиям. Все необходимое есть и у Турции, за исключением высоких ожиданий, сильно возросших в последние годы. По сути, Турция и Индонезия уже встали на путь вступления в клуб триллиондолларовых экономик мира, в который входят всего пятнадцать стран. Кстати, эти государства представляют собой мусульманские демократии – факт, весьма вдохновляющий весь остальной исламский мир. Прорывной нацией будущего десятилетия может остаться Индия – при условии, что лица, формирующие национальное общественное мнение, сумеют излечить своих сограждан от явного самодовольства и излишней самоуверенности при оценке потенциала экономического роста страны.

Незаслуженно обделенной вниманием следует считать одну из величайших экономических историй нашего столетия – Европейский союз, который сегодня многие насмешливо называют «музеем под открытым небом». ЕС служит стабилизирующей моделью и источником вдохновения для некоторых своих новых членов, в частности для Польши и Чешской Республики, относящихся к той небольшой группе избранных, которые готовы к прорыву, готовы влиться в ряды богатой элиты. Один из членов этой эксклюзивной группы, Южная Корея, приобрела сегодня непререкаемый авторитет в автомобилестроении и сфере высоких технологий и благодаря этому постоянно поднимает планку возможного для производителя экспортных товаров. Эта страна прошла огромный путь от «чуда» в категории развивающихся стран до «экономического чуда» в категории развитых наций; в определенном смысле она находится сегодня в

своим личным обособленным классе. А еще в этой книге я разобью ставшую в последнее время чрезвычайно модной группу «пограничных рынков» – на тех, кто обладает реальным потенциалом роста (Шри-Ланка, Нигерия), и тех, кому идею величия явно навязали преждевременно (Вьетнам). И попутно расскажу о базовых правилах, которые помогали мне в оценке перспектив разных развивающихся рынков (я называю их правилами уличного движения).

Прежде всего надо понять, что экономические системы – то есть набор факторов, определяющих экономический рост любой страны в любой момент времени, – находятся в постоянном движении. В разных странах действуют разные правила, зависящие от реальных обстоятельств, которые постоянно меняются. Экономические системы похожи на рынки. Достигнув пика, они имеют тенденцию слабеть и истощаться, подготавливая условия для собственной гибели. И наше понимание этой динамики обычно отстает от реальности: к тому времени, как эксперты систематизируют действующие в системе правила и их начинают активно обсуждать в СМИ, сама система чаще всего уже вступает в стадию спада. Данная динамика легла в основу так называемого закона Гудхарта, родного брата закона Мерфи. Закон этот был выведен бывшим работником Bank of England Чарльзом Гудхартом, и суть его состоит в следующем: как только экономический показатель становится целью экономической или социальной политики, он утрачивает свою достоверность при составлении прогнозов.

В период неизбежных грядущих перемен – в каком мы находимся сейчас, – людям свойственно и слишком сильно цепляться за устаревшие идеи и правила, и с излишней готовностью принимать любые новомодные теории. Одна из таких теорий-новинок превратила демографические данные в инструмент финансового консалтинга. Например, из-за того, что бум в Китае отчасти был обусловлен наличием в этой стране многочисленного молодого поколения, эффективно пополнявшего рабочую силу государства, сегодня сформировалась целая армия консультантов, которые старательно перелопачивают данные переписи населения самых разных наций в поисках похожих моделей, считая их однозначным индикатором очередного заметного всплеска экономического роста. Их прогнозы изначально базируются на предпосылке, что молодые работники имеют нужное образование и обладают навыками, необходимыми для трудоустройства, а правительства способны обеспечить их всех достойно оплачиваемой работой. Даже для страны, экономика которой находится на подъеме, такой прогноз имеет смысл только короткий период времени, а, как нам уже известно, данная ситуация долго продолжаться не может, и система непременно изменится. Она всегда меняется.

Все правила в данном случае так или иначе базируются на понимании того, как меняется система, – на признании темпов этих изменений; умении определить их направление, продуктивное или деструктивное; оценке того, способствуют ли они сбалансированному росту либо, напротив, усугубляют опасный дисбаланс. То, что новоявленные богачи Варшавы скучны и не пользуются особым уважением у соотечественников, а московские нувориши шумны и гламурны, а их значимость явно переоценена местным обществом, обусловлено не только национальными и культурными особенностями этих стран. Это еще и четкий сигнал, что Польшу ждет более привлекательное в финансовом смысле будущее, чем Россию. И то, что у европейского туриста, приехавшего в Рио, создается впечатление, будто любая мелочь, от коктейля Bellini до поездки на такси, стоит целое состояние, – не просто неприятный сюрприз для приезжих. Это знак общего раздувания и разбухания, которое, конечно, сделало местную экономику поспокойнее и «пожирнее», но из-за притока спекулятивного иностранного капитала местная валюта стала непомерно переоцененной и неконкурентоспособной. При этом на мировых рынках и сегодня чрезвычайно популярна идея, что исходя из недавних тенденций экономического развития стоимость валют развивающихся рынков просто обречена на неуклонный рост – невзирая на то что многие из них уже и так явно переоценены.

За прошедшее десятилетие несколько валют крупных развивающихся рынков резко выросли по отношению к доллару – больше всех бразильский реал. Это стало главной причиной, по которой доля США в мировом экспорте достигла в 2008 году своего нижнего предела (8 процентов) и с тех пор, хоть и медленно, но увеличивается. Иными словами, запредельная дороговизна коктейля Bellini в барах Рио – косвенный признак потенциального возрождения Детройта – того, что конкурентоспособность США по сравнению с развивающимися рынками растет.

Мой подход к оценке перспектив разных стран основывается на практическом сборе неопровержимых доказательств, а не на теории или голых цифрах. Как уже говорилось, чтобы понять, как меняется экономическая система, нужно отслеживать и учитывать самые разные факторы, начиная с уровня дохода на душу обычного населения и заканчивая соответствующим показателем в топ-десятке миллиардеров. Надо внимательно слушать выступления радикальных политиков, следить за ценами на черном рынке валюты, за настроениями местных инвесторов и изменением размеров второстепенных городов. В сущности, так поступает любой серьезный инвестор: сначала изучает макроэкономические

показатели, а затем отправляется на место, чтобы все увидеть, потрогать, пощупать и попробовать лично.

Возможно, еще десять лет назад, когда развивающиеся страны составляли менее 20 процентов от глобальной экономики и всего 5 процентов от суммарной капитализации мирового фондового рынка, детальный анализ отдельных стран не имел столь большого значения. Но по состоянию на 2011 год эти рынки представляют уже почти 40 процентов глобальной экономики и 15 процентов капитализации глобального фондового рынка; очевидно, что ставки сегодня слишком велики, чтобы относиться к этой группе легкомысленно. Даже учитывая замедление темпов роста на большинстве развивающихся рынков, именно они, хоть и в разной степени, определяют наше с вами будущее.

Глава 2 Китайское афтепати

Доказательства разворачивающейся потребительской революции в Китае найти совсем нетрудно; даже удивительно, что кто-то может всерьез считать, будто Пекин способен обеспечивать дальнейший стабильный

рост благодаря освобождению от кандалов внутреннего потребителя. Начнем с того, что никаких кандалов вовсе нет и не было

Ничто не может ярче и полнее передать уникальность экономического бума в Китае, чем поезд на магнитной подушке, поездка на котором от шанхайской улицы Луньянь до Международного аэропорта Пудун занимает всего восемь минут. Раньше, направляясь в аэропорт на автомобиле, я неоднократно видел этот поезд, подобно белой молнии проносящийся надо мной, но ни разу на нем не ездил. Объясняется это вполне логичными и практичными причинами: улица Луньянь расположена в двадцати минутах от центра города – в месте, где кроме нее ничего нет; к тому же от пункта прибытия до самого аэропорта идти придется дольше, чем занимает поездка в поезде. Но во время очередного приезда в Китай в 2009 году у меня наконец нашлось немного свободного времени, чтобы прокатиться на самом быстром в мире поезде. И, знаете, было очень интересно.

На большом цифровом экране указывается скорость поезда – вплоть до максимальной отметки в 431 километр в час, – но если не смотреть в окно, кажется, что вагон стоит на месте. Ни качки, ни грохота колес, не слышно вообще никаких звуков, особенно в моем вагоне, где кроме одетой словно стюардесса авиакомпании кондукторши ехали только мы вдвоем с коллегой. По словам местных жителей, этот поезд, как правило, отправляется в путь полупустым – из-за неудобства расположения станций отправления и прибытия и относительно высокой стоимости билетов (11 долларов в обычном вагоне и 22 доллара в первом классе). Поезд оснащен магнитной подушкой, и рекламные ролики, в которых говорится, что он «летит на нулевой высоте», отлично передают это ощущение, ибо благодаря новейшим технологиям машина действительно словно плывет в паре сантиметров над землей. Поездка в этом чуде техники была похожа на посещение аттракциона в лучшем в мире парке развлечений, и все же во время следующих поездок в Китай я всегда ездил из аэропорта и обратно только на автомобиле.

Было бы совсем нетрудно просто высмеять этот гибрид общественного транспорта и детского аттракциона, назвав его очередным бесполезным плодом труда китайцев – наряду с «городами-призраками» из так и не нашедших покупателей многоквартирных домов и заброшенных ныне объектов Олимпийских игр 2008 года. Но в данном случае у меня совсем другая цель. Я хочу продемонстрировать читателю уникальную способность Китая – государства с таким же средним уровнем дохода на душу населения, как в Таиланде и Перу (5 тысяч долларов), – разрабатывать и внедрять

экспериментальные технологии, которые до сих пор не удалось внедрить в промышленную эксплуатацию ни одной из богатейших стран мира. Одно время, в течение одиннадцати лет, поезд на магнитной подушке функционировал в британском Бирмингеме; подумывала о строительстве такой дороги в Берлине и Германия, но обе державы отказались от проекта из-за его дороговизны. А Китай с его населением в 1,2 миллиарда человек и экономикой, вот уже свыше десяти лет растущей двузначными темпами, сумел генерировать настолько огромный поток национального дохода, что это позволило ему экспериментировать в таких масштабах и таких областях, о которых не мечтают даже значительно более богатые страны.

Однако, по мере того как экономика становится все более зрелой, веселье и игры высоких скоростей имеют обыкновение заканчиваться. Правительство Китая отказалось от планов продлевать шанхайскую ветку, по всей видимости, из-за протестов местных жителей по поводу электромагнитного излучения скоростного поезда и, конечно, из-за дороговизны проекта. Модель экономического роста Китая в настоящее время переходит на новый, принципиально иной этап, на котором огромное значение имеют расходы и общественное мнение; следовательно, период дорогостоящих экспериментов подходит к своему логическому концу.

В современной дискуссии о будущем Китая участвует всего два лагеря: чрезвычайно оптимистичная группа, члены которой обожают экстраполировать прошлые тенденции на будущее, и неуклонно растущий лагерь пессимистов (до недавнего времени перманентно пребывавший в абсолютном меньшинстве), объединяющий тех, кто предпочитает фокусироваться на собственной экстравагантной непоследовательности. Но истина, скорее всего, находится где-то посередине. Наиболее вероятным для Китая представляется путь, повторяющий траекторию Японии в начале 1970-х – послевоенный всплеск экономической активности страны достиг своего пика, после чего ежегодные темпы роста замедлились от девяти до куда более умеренных пяти процентов и оставались таковым на протяжении почти двух десятилетий. Это абсолютно естественный курс развития любого экономического чуда на этапе созревания.

Сегодня Китай слишком велик, чтобы расти стремительными темпами. При доходе на душу населения около 5 тысяч долларов страна отстроила львиную долю автотранспортной сети, обеспечила бо2льшую часть незанятых крестьян работой в городах и сейчас приближается к концу периода легкого и быстрого экономического роста. Теперь Китай может продолжать расти дальше, либо платя людям за строительство железных дорог, ведущих в никуда (в 1980-х в Японии с поистине катастрофическими последствиями

строили мосты такого типа), либо в корне изменив модель экономического роста.

Надо сказать, процесс переосмысления в Китае уже начался. До сих пор большинство наблюдателей в той или иной мере недооценивали многие ключевые факторы, указывающие на грядущее замедление экономического роста страны: увеличение долгов и старение населения; инерция, сводящая на нет экономические реформы; растущая угроза инфляции и тому подобное. Сегодня Пекину все это известно. И все же самые убежденные оптимисты, очевидно, считают, что Пекин может добиться устаревших целевых показателей роста, на которые сама страна уже не нацелена, – такова уж непомерно раздутая вера в экономических лидеров Китая. После двадцати лет неустойчивого роста 1980–1990-х годов Пекину удалось в течение двенадцати лет подряд поддерживать темпы роста в 8–11 процентов и на полных парах, практически без пауз, проскочить через два глобальных финансовых кризиса. Все это действительно очень впечатляет, однако порой кажется, что инвесторы решили, будто в Китае началась эпоха «Великого успокоения», версия 2.0. Первая версия, конечно же, имела место в США в 1980-х и 1990-х, когда почти все были уверены, что ФРС под руководством Алана Гринспена сумела приручить бизнес-цикл. Мы все знаем, чем это закончилось.

Лидеры Пекина нормальные люди, они честно признали, что трюки и уловки в их запасе подходят к концу. В значительной мере Китай процветал, что называется, по старинке, то есть благодаря строительству дорог, связывающих промышленные предприятия с портами, и телекоммуникационных сетей, соединяющих между собой компании, а также благодаря обеспечению не занятых в сельском хозяйстве крестьян более выгодной работой в крупных городах. Теперь же все эти движущие факторы практически достигли стадии зрелости: резервы избыточной рабочей силы в сельскохозяйственных регионах почти иссякли, уровень занятости на городских предприятиях достиг максимума, а суммарная продолжительность транспортных сетей приближается к показателю Соединенных Штатов. И это притом, что, хотя по площади суши Китай и США практически равны, уровни дохода этих стран несопоставимы. «Демографический взрыв», за прошедшее десятилетие изменивший баланс народонаселения в пользу трудоспособной активной молодежи, тоже уже почти в прошлом, и неуклонно растущий класс пенсионеров скоро начнет оказывать на экономический рост страны свое традиционно негативное влияние.

Из-за долговых проблем Запада не может не замедлиться и экспорт, долгое время остававшийся мощным стимулом развития китайской экономики. За прошедшее десятилетие объемы экспорта Китая росли в среднем на 20 процентов в год, и, очевидно, так продолжаться не может. Оптимисты утверждают, что китайская экономика может продолжать расти и впредь, что для этого стране надо только сместить фокус с экспортных рынков на отечественных потребителей, однако эти надежды базируются на мифе о том, что китайскому потребителю до сих пор не давали развернуться. А между тем потребление в Китае до последнего времени росло двузначными темпами, чего и следовало ожидать от экономики, переживающей стадию мощнейшего бума. Однако тут есть естественные, природные барьеры, преодолеть которые просто невозможно. Уже три года назад премьер Госсовета КНР Вэнь Цзябао охарактеризовал экономический рост своей страны как «несбалансированный, несогласованный и неустойчивый», и с тех пор ситуация только усугубилась.

Все вышесказанное отнюдь не означает, что Китай движется в направлении некоего коллапса. Просто его экономический рост будет замедляться и менять орбиту звезды, преобразующей кривую прогресса человечества – пока неизвестно, к лучшему или к худшему, – резко понижая общемировой уровень бедности и одновременно не менее высокими темпами усугубляя угрозу разрушения окружающей среды и глобального потепления.

По сути, Китай можно сравнить с компанией, использующей революционную технологию: до недавнего времени страна действовала разрушительно и агрессивно, уничтожая конкурентов и возвышая нации, поддерживавшие и способствовавшие ее росту. Превращение Китая в мощного игрока рынка экспортных товаров не замедлило привести к долгосрочному спаду мирового производства (которое с 1970 года с поправкой на инфляцию снизилось с 17,5 до 16,9 процента от мирового ВВП): просто страна все быстрее «съедала» долю Запада в таких областях, как производство стали, телевизоров, автомобилей и многих других товаров. Медленнее развивающийся Китай – эквивалент менее разрушительного Китая – Китая, порождающего меньше геополитических проблем и трений, меньше торговых баталий и меньше страха перед поднимающим голову «Красным драконом». Так что, возможно, замедление экономического роста этой страны – это не так уж и плохо.

2.1 Правила уличного движения: Пекин

Чтобы понять, насколько быстро способна расти страна, надо знать, насколько она богата. Народная мудрость гласит, что богатому человеку проще заработать большие деньги, что деньги тянутся к деньгам, и все в таком духе, но если речь идет о целой нации, то для быстрого увеличения доходов государству лучше быть бедным. И чем беднее, тем лучше. Доход на душу населения считается важнейшим показателем потому, что увеличение пирога не изменит условий жизни граждан страны, если количество ртов растет такими же быстрыми темпами. Чтобы средний уровень среднедушевого дохода в 1000 долларов увеличился на 10 процентов, экономике надо заработать дополнительно по 100 долларов на человека при нулевом приросте населения; а при среднедушевом доходе в 10 тысяч долларов необходимо получить дополнительную прибыль в 1000 долларов на одного гражданина.

Следовательно, не имеет ни малейшего смысла сравнивать, например, Индию (1400 долларов на одного доходополучателя при высоких темпах прироста населения) с Россией (12 тысяч долларов, численность населения сокращается). Чем богаче страна, тем труднее ей обеспечивать экономический рост, а некоторые нации вообще становятся слишком большими, чтобы быстро расти. В 1998 году для обеспечения роста своей триллиондолларовой экономики на 10 процентов Китаю достаточно было увеличить объемы экономической деятельности на 100 миллиардов долларов и потреблять всего 10 процентов мирового промышленного сырья. А в 2011 году, чтобы обеспечить такой же рост экономики, увеличившейся к этому времени в пять раз, стране надо было увеличить объемы экономической деятельности на 550 миллиардов долларов при потреблении более 30 процентов мирового промышленного сырья.

2.2 Почему растущее богатство препятствует быстрому росту

Научная литература предупреждает нас, что на ранних этапах развития развивающиеся страны могут с относительной легкостью сократить разрыв в доходах с богатыми нациями благодаря заимствованию или копированию технологий и инструментов управления наиболее передовых представителей процветающего лагеря. Однако рано или поздно обязательно наступает момент, когда все, что можно, уже позаимствовано и надо начинать свой собственный процесс инноваций и изобретений; и тут многие развивающиеся страны оказываются неспособны выполнить эту задачу. Тогда они прекращают расти быстрее богатых стран, следовательно, перестают их нагонять и оказываются в «ловушке средних доходов», где

могут прозябать долгие годы, подобно лузерам из неблагополучных городских районов, прибежищах низов среднего класса.

Согласно теории, страны обычно угождают в эту ловушку, достигнув уровня дохода в 10–30 процентов от уровня доходов нации-лидера, то есть государства, устанавливающего золотой стандарт в области технологий и управления. На данный момент такой страной считаются Соединенные Штаты Америки. Учитывая, что сегодня 10–30 процентов от среднего дохода на душу населения в США составляют 5–15 тысяч долларов, мы сталкиваемся с очевидной проблемой этой научной концепции. Как видите, разброс очень велик, из чего следует, что «ловушка средних доходов» не так уж и полезна при определении того, какие страны действительно обладают потенциалом для дальнейшего быстрого роста, а какие нет.

Кроме того, данная концепция явно игнорирует тот факт, что многие страны застревали в развитии на долгие годы задолго до того, как достигали среднего показателя в 10 тысяч долларов, либо, добившись его на несколько лет, потом откатывались назад на несколько десятилетий. Даже самые яркие примеры успеха в современной экономической истории, например Япония, Корея и Тайвань, на ранних этапах сталкивались с периодами замедления темпов роста уровня доходов, который сегодня переживает Китай. С поправкой на колебания обменного курса Китай сейчас находится примерно на той же стадии развития, что Япония в начале 1970-х годов, Тайвань в конце 1980-х и Корея в начале 1990-х. Хотя все они продолжали тогда нагонять США, делали они это намного медленнее прежнего; их темпы роста снизились с почти 9 до 5 процентов, и такая ситуация сохранялась на протяжении целого ряда лет. А учитывая сходство между Китаем и этими его предшественниками из Восточной Азии, тоже ориентированными на экспорт, есть все основания ожидать, что сценарий его развития будет практически таким же.

2.3 Иссякающий источник молодости

В последнее десятилетие основным движущим фактором экономического бума Китая было увеличение доли инвестиций в ВВП страны с 35 до почти 50 процентов – с таким уровнем пока не сравнивалась ни одна крупная страна мира. Инвестиционные расходы включают все: от транспортных и телекоммуникационных сетей до офисных зданий и оборудования, от заводов до заводских и фабричных станков – словом, все, что закладывает основу для будущего экономического роста страны. Именно поэтому данный показатель столь важен. В настоящее время инвестиционные расходы Китая

– то есть его затраты на фундамент для дальнейшего экономического строительства – намного больше, чем у значительно более крупных экономик США и Европы (доля инвестиций от ВВП этих стран составляет около 15 и 20 процентов соответственно). В основном Китай вкладывает средства в строительство дорог, мостов и портов, призванных превратить страну в крупнейшего экспортера мира; за прошлое десятилетие Китай удвоил свою долю в мировом рынке экспорта, доведя ее до 10 процентов. Восемь из двенадцати крупнейших контейнерных портов мира сегодня функционируют в Китае.

Однако дальше так продолжаться не может. К 2010 году правительство обнародовало планы сокращения инвестиционных расходов, объяснив это решение тем, что Китай уже построил все новые автомобильные и железные дороги и порты, какие мог, а также стремительным ростом стоимости земли и рабочей силы в стране. На сегодня в Китае построено более 64 тысяч километров автомобильных дорог – это вторая по величине транспортная сеть, уступающая только США (80 тысяч километров), – и страна уже вдвое сократила темпы строительства новых дорог с 8000 километров в 2007 году до 4000 километров в 2010-м. Расходы на железнодорожную инфраструктуру тоже сокращаются; в 2011 году инвестиции в этот сектор по сравнению с предыдущим годом уменьшились на 10 процентов.

На замедление темпов экономического роста Китая указывают также демографические изменения в стране. Процесс массового исхода крестьян из деревень в города в поисках лучше оплачиваемой работы существенно замедлился, и эта тенденция сохраняется. Китай приближается к так называемой точке Льюиса, названной в честь экономиста из Сент-Люсии Артура Льюиса. Этот момент настает, когда большинство крестьян уже ушли со своих ферм в город. Ежегодно в течение двух последних десятилетий в среднем около двадцати миллионов китайских крестьян – примерно население Нидерландов – переезжали из деревень в города. Деревни практически опустошены, а жестко соблюдаемая в Китае политика одного ребенка^[6] ведет к дальнейшему сокращению численности рабочей силы. В текущее десятилетие основные трудовые ресурсы Китая пополнятся всего пятью миллионами человек в возрасте от 35 до 54 лет – сравните с 90 миллионами в предыдущие десять лет. По оценкам независимой исследовательско-консалтинговой компании Capital Economics, из общего числа китайских крестьян, более не востребованных в сельскохозяйственном производстве, 150 миллионов уже переехали в города, 84 миллиона нашли работу несельскохозяйственного профиля в сельской местности и только 15 миллионов остаются, что называется, «в резерве». Темпы урбанистической миграции снизились до почти 5 миллионов человек в год; это

свидетельствует о том, что резервы рабочей силы в сельскохозяйственной местности окончательно иссякнут уже в ближайшее время. И когда это произойдет, городские зарплаты, которые уже быстро растут, резко подскочат еще выше.

Иными словами, Китай теряет свою молодость. На протяжении десятилетий такие группы населения, как старики и дети, сокращались по сравнению с численностью наиболее трудоспособной возрастной группы (от 15 до 64 лет), оплачивающей существование пенсионеров и тех, кто еще не дорос до того, чтобы начать работать. Однако, судя по всему, эта тенденция омоложения и повышения продуктивности населения страны в ближайшие три года изменит свое направление на 180 градусов. Тенденция старения населения начнет оказывать все большее давление на рабочий класс, вынуждая его повышать производительность ради обеспечения всех этих новых пенсионеров, а сокращение трудовых ресурсов будет давить на бизнес, вынуждая его повышать зарплату работникам.

2.4 Почему инфляция ведет к снижению темпов экономического роста

Сокращение рабочей силы следует считать главной причиной, по которой Китай впервые за много десятилетий столкнулся с инфляцией, вызванной увеличением зарплат. Зарплаты в стране растут из-за того, что прежде огромный резерв дешевой и доступной рабочей силы иссяк, а их повышение, соответственно, способствует росту потребительских цен. В свое время именно резкий подъем заработных плат на производственных предприятиях стал важнейшим сигналом, предупреждающим о том, что Япония, Корея и Тайвань, находившиеся тогда на пике развития, стоят на пороге снижения темпов экономического роста с 9 до 5 процентов. Сегодня к этому моменту подошел и Китай.

Кроме того, зарплаты неквалифицированных работников в Китае растут быстрее, чем квалифицированных, что ведет к отуплению рабочей силы, к снижению требований к ней. В последние годы заработная плата работающих неофициально мигрантов увеличивалась на 16 процентов в год, темпами, вдвое превышающими темпы роста зарплат в формальном секторе экономики, а зарплата наемных сельскохозяйственных рабочих растет быстрее, чем заработки мигрантов. Все прошедшее десятилетие заработные платы рабочих-мигрантов уверенно догоняли зарплату выпускников колледжей, что свидетельствует об очевидном снижении рентабельности высшего образования в стране (то есть лишает людей уверенности в том, что с хорошим образованием можно рассчитывать на дополнительный доход).

Для китайских работодателей это означает, что им приходится платить все больше за все меньший вклад и отдачу персонала.

В последнее время им приходится платить даже за то, чтобы работники вернулись на работу после новогодних каникул. Например, ежегодно десятки миллионов рабочих-мигрантов отправляются домой, чтобы вместе с семьей встретить Новый год. Абсолютный хаос предпраздничного и праздничного периода отлично передан режиссером Фань Лисинем в отмеченном наградами документальном фильме «Последний поезд домой», вышедшем на экраны в 2009 году. Для большинства китайцев самый дешевый и быстрый способ добраться домой – это железная дорога, но из-за огромного наплыва пассажиров в предновогодние дни система работает на пределе своих возможностей. Полиция пускает в ход мегафоны, дубинки, словесные угрозы и увещания – все, что помогает хоть как-то контролировать огромные толпы людей. Многие мигранты живут на железнодорожной станции неделями, ожидая своей очереди в билетную кассу; некоторые, измотавшись по полного истощения и отчаявшись, сдаются. Но и счастливым обладателям билетов нередко приходится лезть в поезд через окно. Поездка может длиться до трех дней, но людям путь кажется гораздо более долгим. В забитых вагонах не хватает сидячих мест, и многие пассажиры вынуждены всю дорогу, день и ночь, стоять. Некоторые, чтобы не ходить в пути в туалет, надевают подгузники.

На момент создания фильма, в конце 2009 года, по оценкам специалистов, в путь домой отправилось около 130 миллионов китайцев, но с каждым годом это число растет двузначными темпами, как, впрочем, многие показатели в Китае. Доходы людей увеличиваются, условия жизни в сельской местности становятся все лучше, и владельцев фабрик и заводов все чаще беспокоит, что их работники, разъехавшись на праздники по домам, там и останутся. Чтобы этого не допустить, они предлагают людям самые разные льготы, от показа фильмов до бесплатного питания, только бы представить работу на своих предприятиях в более привлекательном свете. Например, крупный производитель готовой одежды Shenzhou завел целый парк комфортабельных автобусов. Работников предприятий на Новый год бесплатно развозят по домам, снабжая обедами и напитками и показывая в пути фильмы, а после праздников забирают.

Эта растущая потребность удовлетворять требования рабочих и все больше заботиться о них четко отражает усиление рыночной власти труда в стране, где забастовки и стачки уже перестали быть реалиями только традиционно промышленного региона юго-восточного побережья. Бурная всекитайская дискуссия об инфляции, связанной с ростом зарплат, в основном

фокусируется на производственных предприятиях, однако в малоквалифицированных сервисных отраслях, таких как розничная торговля, общественное питание и гостиничный бизнес, инфляция не ниже, а то и выше (около 20 процентов в год). По сути, почасовая зарплата в настоящее время растет быстрее таких показателей, как производительность труда или почасовая выработка на одного рабочего, что вынуждает китайские компании повышать цены на свою продукцию и таким образом компенсировать расходы на повышение зарплаты персонала.

Резкое повышение зарплат вызывает серьезные опасения в отношении будущего всей китайской экономической системы, базирующейся на дешевой рабочей силе и экспорте. Благодаря росту производительности труда Китай стремительно рос и развивался, сдерживая инфляцию на низком уровне, но теперь эта эпоха подходит к концу. Повышение зарплат вынуждает производителей переносить предприятия на более дешевые рынки труда, в частности в Индонезию и Бангладеш, из чего следует, что бум экспортного производства в Китае, судя по всему, достиг наивысшей точки и, скорее всего, начнет слабеть. Обычно странам крайне редко удается увеличить производственную долю своих трудовых ресурсов более чем до 20 процентов, а в Китае этот показатель уже достиг почти 23 процентов.

2.5 Социальный протест – цена, которую Пекин платить не готов

Потребительские цены в Китае тоже растут. Самая высокая инфляция наблюдается на рынке недвижимости; она породила в стране такой ажиотаж вокруг жилья, по сравнению с которым недавняя мания в Америке кажется вполне рациональным и невинным поведением. Чтобы поддерживать экономический рост, после того как в 2008 году в мире разразился финансовый кризис, Пекин приказал банкам раздавать кредиты практически без ограничений. В итоге за два следующих года в Китае было выдано новых кредитов на сумму около 2,7 триллиона долларов – больше 4 процентов от мирового ВВП, – что равно общей сумме кредитов, выданных в США за весь бум на рынке недвижимости 2003–2007 годов. Сегодня в Китае в обращении больше денег, чем в США (10 и 8 триллионов долларов соответственно).

И значительная часть этих денег вкладывается в недвижимость. В 2010 году в Китае было продано 800 миллионов квадратных метров недвижимости – больше, чем во всех остальных странах мира, вместе взятых. Цены на недвижимость в крупных китайских городах, таких как Пекин и Шанхай, перевалили за уровень, достигнутый Японией в конце 1980-х, когда участок земли под Императорским дворцом в Токио стоил дороже всей Калифорнии.

В период с 2003 по 2008 год цены на дома и квартиры в главных китайских городах выросли вдвое, а в 2009 и 2010 годах подскочили еще на 40 процентов, сделав жилье практически недоступным для подавляющего большинства китайцев. Чтобы успокоить рынок, в некоторых городах ввели ограничения на рост цен на недвижимость. В последнее время самым популярным телевизионным шоу в Китае стало шоу под названием *Woju*, то есть «Улиткин дом», в котором рассказывается об отчаянии простых китайцев по поводу стремительно растущих цен на квартиры.

А тем временем богатые китайцы покупают по несколько домов. Хуже всех приходится, пожалуй, растущему легиону молодых китайских мужчин. Они не могут жениться, так как не имеют возможности купить дом или квартиру. 70 процентов китайцев признаются, что первое, что их интересует в мужчине, – есть ли у него собственное жилье.

Иными словами, несоответствие между стоимостью новых домов и содержанием бумажника типичного китайца поистине разительно. Застройщики возводят так называемые города-призраки – целые кварталы высотных многоэтажек с торговыми центрами и прочей инфраструктурой, которые в основном остаются незанятыми, ибо среднестатистический китаец не может позволить себе приобрести в них квартиру. Одна из причин, по которым цены на недвижимость взлетели до таких недостижимых высот, заключается в том, что, когда в 1998–2003 годах правительство в Пекине приватизировало рынок жилья, государственные городские квартиры продавались жильцам по ценам намного ниже рыночных. После перепродажи квартир по значительно более высокой цене люди могли купить новое жилье по стоимости, далеко выходящей за рамки их доходов, способствуя дальнейшему росту цен на недвижимость. Инициировав эту восходящую спираль, Пекин со временем вынужден был вмешаться в ситуацию. Для решения проблемы в прошлом году в Китае было объявлено об амбициозных планах строительства 15,4 миллиона недорогих квартир, так называемого социального жилья; их планировалось построить к 2012 году.

Однако муниципалитеты и застройщики зарабатывают на этом процветающем рынке такие огромные прибыли, что желающих освободить землю и тратить время на строительство социального жилья находится очень мало. А поскольку в результате реформ 1998 года многие застройщики сегодня – частные компании, официальный Пекин им не указ, и, чтобы заставить их строить социальное жилье, китайскому правительству остается рассчитывать на законы о землепользовании. Это усложняет ситуацию до предела. Молодые китайцы не слишком стремятся жить в социальных домах, следовательно, можно ожидать, что и эта, более дешевая, недвижимость со

временем превратится в очередные «города-призраки». В настоящее время для усиления контроля над практически неконтролируемым рынком жилья Пекин через центральный банк повышает процентные ставки, что непременно приведет к замедлению темпов инвестиций и экономического роста в целом.

Сторонние наблюдатели считают, что китайское правительство печется только о быстром экономическом росте, но упускают из виду его постоянно усиливающееся беспокойство по поводу народного гнева, вызываемого инфляцией, и, как следствие, по поводу угрозы социальной стабильности в стране. Например, недавно Пекин запретил щиты с рекламой предметов роскоши – не для того, чтобы призвать людей экономить, а чтобы избежать нарастания недовольства в обществе. Хотя Дэн Сяопин в свое время во всеуслышание провозгласил, что «быть богатым – почетно», его преемники старательно следят за тем, чтобы в стране никто не был слишком богатым. В Китае нет ни одного миллиардера с чистым капиталом более 10 миллиардов долларов – в России таких шестнадцать, а в Индии восемь, несмотря на то что экономики обеих этих стран намного меньше китайской. Судя по всему, правительство Китая старается поддерживать активную конкуренцию среди наиболее богатых граждан и в то же время ограничивает их максимальное состояние. Конечно, в Китае, как и других странах, имеет место клановый капитализм; следовательно, есть тут и состояния, нажитые благодаря дружественным связям с правительством. Некоторые отчеты даже позволяют предположить, что большинство китайских состояний свыше 10 миллионов долларов принадлежат высокопоставленным чиновникам Коммунистической партии. И все же очевидно, что китайские лидеры остро осознают и обеспокоены фактом увеличения разрыва в уровне благосостояния народа. Правящая партия страны не станет поощрять рост любой ценой, если одной из ее составляющих будет активизация социального протеста.

2.6 Иллюзия китайского профицита в размере 2,5 триллиона долларов

Кроме того, пока еще недостаточно изучены масштабы задолженности Китая. Учитывая валютные резервы этой страны в 2,5 триллиона долларов и тот факт, что она основной кредитор США, никому и в голову не приходит, что у Китая могут быть проблемы с долгами. А они у него есть. Официально государственный долг Китая невысок – около 30 процентов от ВВП, – однако это лишь вершина айсберга. Задолженности компаний (многие из которых являются собственностью государства) и домохозяйств в сумме составляют

130 процентов от ВВП – один из самых высоких уровней среди формирующихся рынков. И это только официальные данные.

Фактические показатели, возможно, намного выше, ведь официальная статистика не учитывает уникального и стремительно растущего «теневого сектора банковских услуг» Китая. Центральный банк страны придумал для описания этого явления термин «социальное финансирование». Сектор этот не обязательно теневой, но все операции в нем проводятся вне рамок официального учета, и он включает в себя огромное разнообразие зачастую совершенно новых каналов кредитования, в том числе, например, кредитование одной корпорацией другой или одним вкладчиком другого. Банк же при этом просто играет роль посредника, не участвуя, так сказать, деньгами. Бурный рост этого «серого» сектора начался в 2008 году, когда государство сделало первые попытки снизить темпы банковского кредитования. Если же учесть деятельность этих теневых операций, доля задолженности от ВВП Китая составит 200 процентов, запредельный для развивающейся страны показатель.

Мне трудно понять, почему глобальные рынки по-прежнему убеждены, что китайские лидеры будут продолжать обеспечивать двузначные темпы роста экономики, если они сами вполне четко дали понять, что стране необходимо снизить расходы и объемы кредитования, до сих пор обеспечивавшие этот рост. Поговорите с руководителем любой китайской компании или крупным инвестором и убедитесь, что они вовсе не разделяют оптимизма сторонних наблюдателей, упрямо не желающих видеть в экономике их страны какие-либо недостатки.

2.7 Конец династии Дэна

С тех пор как Дэн Сяопин возвел прагматизм в ранг главной идеологии нации, Китай больше, чем многие другие страны мира, был готов открыто признавать и бороться с недостатками своей экономики. Однако идеи^[7], на которые вдохновил нацию Дэн, сегодня начали терять свою силу. Очень немногие государства обладали достаточной волей, чтобы проводить реформы на протяжении многих десятилетий, и Китай, пожалуй, единственная страна, в которой реформы следовали по предсказуемому циклу, в жесткой привязке к собраниям Национального конгресса Коммунистической партии Китая, на которых принимается пятилетний план экономического развития страны. Начиная с 1977 года, когда состоялся первый Национальный конгресс, которому пришлось разрабатывать планы преодоления хаоса и катастрофических последствий социальных

экспериментов Мао, каждый очередной съезд предлагал новую агрессивную идею реформации, и правительству Китая практически всегда удавалось воплощать ее в жизнь.

Трудно сказать, почему Китай оказался в состоянии так долго поддерживать этот мощный импульс. Одно из предлагаемых нам объяснений состоит в том, что, поскольку коммунизм как идеология утратил свою вдохновляющую силу, сегодня легитимность правящей партии Китая определяется прежде всего ее способностью обеспечить успех экономических реформ и экономический рост страны. Но ведь многие другие идеологически обанкротившиеся режимы – как наиболее свежие примеры назову Тунис и Египет – оказались не в состоянии провести нужные реформы. Другое объяснение базируется на несравненном стремлении китайцев возродить былую славу своего великого имперского прошлого. Однако найдется немало стран с не менее славным и великим прошлым, например Греция или Аргентина, которые, однако, никогда не выражали такого желания.

Впрочем, каковы бы ни были причины, факт остается фактом: несмотря на высокие риски, лидеры Китая проводили экономические реформы целенаправленно и с непоколебимой верой в их необходимость. И эти реформы с каждым разом все больше расширяли власть и свободы именно тех групп населения и регионов – крестьян и провинций, – которые в прошлом считались источником наибольшей угрозы для китайской политико-экономической системы.

Ослабление контроля потребовало от лидеров страны немалого мужества и силы воли, и первым, кто показал пример нужного поведения, был Дэн Сяопин. На Конгрессе 1977 года он занял место Мао и за два последующих года предоставил сельским домохозяйствам право обрабатывать свои наделы и оставлять прибыль себе, что привело к резкому повышению производительности труда и уровня доходов крестьян. Он также позволил фермерам продавать свою продукцию на городских рынках, открыв лазейку в жесткой системе китайской прописки, известной под названием хукоу, не позволявшей крестьянам вести деятельность за пределами официального места жительства. Хукоу существует и сегодня, по-прежнему низводя городских мигрантов до статуса граждан второго сорта, ибо в большинстве крупных городов без этой прописки человек не имеет доступа к коммунальным услугам. Однако теперь правила стали значительно менее жесткими; по крайней мере, разрешена миграция, что в корне изменило ситуацию в Китае. И, следует признать, для страны с долгой историей крестьянских бунтов и восстаний предоставление этой категории населения

столь большой свободы передвижения было со стороны высшего руководства действительно очень смелым шагом.

На следующем съезде Национального конгресса, состоявшемся в 1982 году, Дэн начал продвигать поколение молодых единомышленников, которым в ближайшие годы предстояло, укрепляя реформы в деревне, распространить их и на крупные города: ослабить централизованный контроль на государственных предприятиях, помочь начинающим предпринимателям в поселках и деревнях и отменить контроль в области регулирования цен на продукты питания и другие товары.

Трагические события на площади Тяньаньмэнь в 1989 году, положившие конец периоду жестких военных репрессий, вынудили реформаторов на время успокоиться. Но уже в 1992 году Дэн возродил этот процесс, открыто поддерживая во время своей знаменательной поездки по южному побережью проводившиеся там смелые рыночные эксперименты. Он еще раньше дал добро на создание в этом регионе зон экспортного производства, что было весьма разумным с экономической точки зрения шагом, учитывая потребность Китая в эффективном способе переправы экспортных товаров через порты в другие регионы мира, а также тот факт, что во всех крупных промышленных странах население сосредоточено именно на побережьях.

Побережье было логичной отправной точкой строительства современной экономики, однако такой подход противоречил общепринятому шаблону. По политическим причинам большинство стран стараются обеспечить так называемый географический баланс, как можно равномернее распределяя богатство между разными регионами, дабы не вызвать обиду у обойденных вниманием. Китайский ученый Юкон Хуан утверждает, что географический баланс «был навязчивой идеей плановиков бывшего Советского Союза» и одной из основных целей лидеров Египта, Бразилии, Индии, Индонезии, Мексики, Нигерии, ЮАР и других развивающихся стран. По словам Хуана, Дэн был практически одинок в понимании того, что усиление неравенства регионов является необходимым политическим риском, как минимум в краткосрочной перспективе. Кроме того, он знал, что бум в прибрежных зонах станет своего рода магнитом для мигрантов из сельскохозяйственных районов.

Очередной Конгресс, состоявшийся в 1997 году, совпал по времени с началом азиатского финансового кризиса и крахом национальных валют в регионе. Резкое снижение глобального спроса привело к остановке заводов по всей стране, и Пекин был вынужден массово сокращать раздутые государственные предприятия; были уволены десятки миллионов

работников, множество небольших государственных компаний продали частным лицам. Кроме того, была проведена приватизация сектора недвижимости; в стране впервые позволили продавать недвижимость в индивидуальную собственность. Действия Коммунистической партии, которая активно сокращала рабочие места на государственных предприятиях и способствовала формированию класса домовладельцев-буржуа, наглядно продемонстрировали всему миру, что коммунизм в том виде, в каком его понимал и насаждал Мао, действительно канул в Лету.

Но, пожалуй, самым важным событием этого периода следует считать неуклонное стремление Китая стать в 2001 году членом Всемирной торговой организации, для чего Пекин должен был постепенно, сектор за сектором, снизить внешнеторговые барьеры. В итоге Поднебесная официально распахнула двери для неограниченной внешней торговли.

И если весь этот четвертьвековой реформаторский период – с 1978 по 2002 год – что-либо объединяет, то это, без сомнения, великая династия Дэна. Любой лидер, одобренный Дэном Сяопином, автоматически пользовался широкой поддержкой сограждан, и хотя Дэн скончался в 1997 году, он не только подготовил себе превосходного преемника Цзяна Цзэминя, но был также наставником и руководителем и преемника Цзяна, нынешнего президента Китая Ху Цзиньтао. Благодаря этому Дэн создал в стране мощнейший импульс для экономических реформ, но сегодня львиная доля этой мощи уже исчерпана. На смену смелым шагам, как то: открытие дверей в остальной мир, ослабление внутренней паспортной системы, законы, приведшие к усилению расслоения общества, – пришел период проб и ошибок, направленных на повышение благосостояния, снижение негативного влияния быстрого роста на окружающую среду и перераспределение кусков при разделе экономического пирога. Например, начиная с 2003 года, за исключением кризисного 2008 года, Китай ежегодно повышал размер минимальной заработной платы не менее чем на 18 процентов, а данные, уже поступившие на сегодня из китайских провинций, позволяют предположить, что в этом году показатель вырастет до 21 процента. Но после ухода Ху Цзиньтао с поста президента страны династия Дэна закончится.

2.8 Дело об отсутствующем потребителе

Вера рынка в дальнейшее экономическое процветание Китая базируется на убеждении, что Пекин теперь может сменить фокус с экспортного производства и обеспечивать быстрый рост экономики за счет построения своего внутреннего общества потребления. И это якобы позволит изменить

баланс в экономике не только Китая, но и всего мира, ибо у медленно растущих экономик западных стран появится больше возможностей для продажи товаров китайским потребителям. Однако, к сожалению, эта надежда зиждется на серьезном заблуждении, в частности на ошибочном предположении, что до сих пор Китай намеренно препятствовал появлению экономики потребления, вынуждая своих граждан экономить, дабы иметь возможность активно инвестировать в строительство все новых заводов, выпускающих продукцию на экспорт.

На самом деле подавление китайских потребителей – это миф. На протяжении последних тридцати лет потребительские расходы населения Китая увеличивались в среднем почти на 9 процентов, то есть практически на грани темпов, способных привести к гиперинфляции. Кстати, это на целый процентный пункт выше, чем средний показатель Японии, и примерно равно показателю Тайваня в соответствующие десятилетия экономического бума в этих странах. Кроме того, идея, будто Пекин тем или иным образом обделял и подавлял своих внутренних потребителей, очевидно, идет вразрез с широко доступными и всем известными свидетельствами настоящего бума потребления в этой стране. Китай все увереннее занимает место США и Европы как главный рынок сбыта продукции крупных международных компаний. Один из новейших примеров – Rolls Royce, которая в 2010 году впервые за сто с лишним лет своей славной истории производителя роскошных авто продала в Китае больше машин, чем в Великобритании. По некоторым оценкам, на долю Китая уже сегодня приходится 25 процентов мирового сбыта предметов роскоши. Масштабы этой экспансии отнюдь не ограничены исключительно предметами роскоши, и данная тенденция в корне трансформирует китайское общество, причем во многих смыслах. Например, вопреки распространенному мнению, что в стране уже и так слишком много гостиниц, китайские застройщики планируют возвести еще 7500 отелей ориентировочной стоимостью в 60 миллиардов долларов, что позволит привлечь в Поднебесную еще больше иностранных туристов и удовлетворить неуклонно растущую потребность китайцев лучше узнать свою страну.

Китай изо всех сил старается расширить зону экономического развития с юго-восточного побережья в глубь страны, не отстают в этом деле и сети розничной торговли. Французский дом моды Louis Vuitton сегодня может похвалиться семнадцатью магазинами не только в Пекине и Шанхае, но и в ряде других крупных городов, например Нанкине, Шеньяне и Тяньцзине. Мужское население Китая тоже все чаще начинает видеть себя в новом, более модном свете; по данным L'Oréal продажи продуктов по уходу за кожей для мужчин в начале 2011 года выросли на 40 процентов – в пять раз

больше, чем объем продаж продукции для женщин. Короче говоря, свидетельства усиливающейся потребительской революции в Китае найти совсем нетрудно; даже удивительно, что кто-то может всерьез считать, будто Пекин способен обеспечивать дальнейший стабильный рост благодаря освобождению от кандалов внутреннего потребителя. Начнем с того, что никаких кандалов вовсе нет и не было.

Сторонники этой теории выдвигают аргумент, что доля потребления в ВВП Китая снижается и в настоящее время составляет всего 40 процентов, что значительно ниже 55–60-процентного показателя Кореи или Японии в годы экономического бума в этих странах. Это достоверные статистические данные, но вывод из них делается неверный. Потребление в Китае растет быстро, почти на 9 процентов в год; его доля в ВВП сокращается лишь потому, что объем инвестиций растет еще быстрее – по сути, абсолютно неприемлемыми темпами. За последнее десятилетие их объем увеличивался в годовом исчислении на целых 15 процентов, то есть еще быстрее, чем в течение предыдущих двадцати лет (в этот период средний показатель составлял 12 процентов). Иными словами, поскольку столь стремительный рост инвестиций не может не замедлиться, а потребление, скорее всего, уже не будет расти быстрее, вывод напрашивается сам собой: общие темпы экономического роста Китая обречены на снижение.

Если этот процесс окажется трудным и резким, не выиграет никто, а учитывая масштабы китайского экономического бума и порожденные им чрезмерные объемы кредитования, особенно в сфере недвижимости, по мнению некоторых пессимистически настроенных наблюдателей, все случится именно так. Один комментатор, например, сравнивает возможное падение темпов роста экономики Китая ниже официально намеченного 8-процентного показателя с голливудским триллером «Скорость», в котором подложенная в автобус бомба взорвется, если он начнет двигаться со скоростью менее 80 километров в час. В Китае же, по словам пессимистов, «взрыв» спровоцирует снижение темпов создания новых рабочих мест, и проявится он в форме мощных рабочих бунтов, уже сегодня проявляющих себя в виде забастовок и акций протеста.

2.9 Замедление темпов экономического роста Китая может ему не навредить

Впрочем, возможно, убежденные пессимисты ошибаются не меньше, чем оптимисты, ибо у Китая все же имеется потенциал для роста. Убедительным аргументом тут может стать сравнение с Японией. В начале 1970-х США и

другие основные торговые партнеры Японии, накопившей большие излишки торгового баланса, вынудили ее провести ревальвацию (то есть повысить ранее установленную стоимость валюты); чтобы удержать обменный курс в 360 иен за доллар, ей пришлось купить на валютном рынке миллиарды долларов. К такому низкому курсу японская иена была привязана с 1949 года; это было сделано, чтобы помочь экономике восстановиться после Второй мировой войны.

Учитывая тот факт, что более крупным экономикам необходима большая гибкость валюты, чтобы лучше приспособить ее и условия кредитования к местным потребностям, в те времена многие экономисты считали ревальвацию частью эволюционного экономического процесса. С 1971 по 1980 год курс иены резко вырос – с 360 до 200 иен за доллар. Рост объемов экспорта, естественно, замедлился, поскольку обменный курс на мировом рынке стал менее конкурентоспособным, а также из-за ряда других объективных факторов, таких, например, как резкий скачок цен на нефть в 1970-х и повышение базисных показателей экономической Японии, что изначально затрудняет экономический рост на бешеных скоростях. В течение последующих пятнадцати лет темпы экономического роста страны неуклонно снижались – сначала до 5, потом до 4 процентов в год, – что довело Японию до стагнации, которая продолжается по сей день. (Начиная с 1990 года средние темпы роста составляли всего 1,2 процента, а с 2000 года снизились до менее одного процента).

Конечно, маловероятно, что Китай в скором времени снизит свой показатель экономического роста даже до 4 процентов. Хотя страна тоже приняла определенные меры с целью повышения гибкости обменного курса национальной валюты (юаня), который с 2005 года стабильно растет, это было сделано не так решительно, как в Японии. Кроме того, Китаю по-прежнему еще предстоит пройти очень долгий путь, прежде чем он хотя бы приблизится к высочайшему уровню модернизации, достигнутому Японией в середине 1970-х. Китай взял курс на активную модернизацию в 1978 году с намного более низкой экономической базы, чем Япония, которая в 1955 году, к началу периода быстрого роста, была уже относительно передовой индустриальной державой с развитой текстильной, сталелитейной и судостроительной промышленностью.

По сравнению с Японией 1970-х Китай по-прежнему намного меньше урбанизирован, и его население не так быстро стареет. Кроме того, лидеры Китая, на счастье, понимают, что происходит: они стараются управлять замедлением так, чтобы этот процесс не повредил развитию наиболее жизнеспособного среднего класса, и в связи с этим отказались от

неприемлемой и нерациональной цели экономического роста. Благодаря такому благоразумию сценарий краха становится значительно менее вероятным.

Если в ближайшие годы Китай плавно перейдет на темпы экономического роста в 6–7 процентов, то сначала в стране начнется незначительная рецессия, но после некоторых проблем и трудностей переходного периода эти события вряд ли приведут к каким-либо катастрофическим последствиям для мировой экономики. В конце концов, как гласит китайская пословица: мертвый верблюд все равно больше лошади. Экономика Китая так долго росла быстрее, чем на 8 процентов в год, что падение ниже этого уровня, скорее всего, станет психологическим шоком для тех, кто без всяких сомнений предрекает стране блестящее будущее. Но если постараться увидеть более общую картину, становится очевидно, что китайская экономика сейчас настолько велика – она приносит около 5 триллионов долларов в год, – что в ближайшие годы даже при 6-процентном росте по-прежнему будет делать наибольший вклад в рост мировой экономики. И это непременно скажется и на тех нациях, которые уже справились по Китаю поминки, и на тех компаниях и инвесторах, которые, будучи абсолютно уверенными, что экономика этой страны и впредь будет расти двузначными темпами, сделали на это слишком большую ставку.

Глава 3

Великий индийский фокус с надеждой

В конце XIX века, когда западные путешественники, один за другим возвращаясь из Индии, клялись, что собственными глазами видели поразительный фокус, по миру распространились самые невероятные слухи об этой стране. Сегодня люди возвращаются из Индии под таким же огромным впечатлением, абсолютно потрясенные нацией, возможно, претерпевшей наибольшую трансформацию в период подъема формирующихся рынков последнего десятилетия

В конце XIX века, когда западные путешественники, один за другим возвращаясь из Индии, клялись, что собственными глазами видели поразительный фокус, по миру распространились самые невероятные слухи об этой стране. Вариаций рассказа было великое множество; рассказывали, как уличный актер-маг складывал в корзину тонкую веревку и начинал играть над ней на дудочке. Вербка начинала танцевать, словно кобра, и поднималась на большую высоту. После этого ассистент факира, маленький озорной мальчишка, взбирался по веревке наверх и – исчезал из виду. Факир кланялся публике, звал мальчишку... и опять... и опять. Маг терял терпение,

раздражался, злился, а потом, схватив огромный нож, карабкался по веревке вверх и тоже исчезал. А затем на землю сыпались окровавленные конечности, туловище и голова мальчика. Факир же спускался вниз, собирал части тела, накрывал их простыней, и из-под кровавого покрывала, широко улыбаясь, появлялся маленький ассистент, живой и невредимый. Только сто лет спустя так называемый великий индийский фокус с веревкой разоблачили как обман и мошенничество: это была комбинация всевозможных трюков и уловок индийских магов, соединявшаяся в воображении потрясенных западных путешественников в страшную картину. Сообщество фокусников и магов предложило щедрое вознаграждение каждому, кто сумеет повторить «величайшую в мире иллюзию», но до сих пор это так никому и не удалось.

В последние годы люди возвращались из поездок в Индию под таким же впечатлением – абсолютно потрясенные нацией, возможно, претерпевшей наибольшую трансформацию в период подъема зарождающихся рынков последнего десятилетия. Индию вполне обоснованно стали считать типичным представителем развивающихся наций, своего рода архетипом, объединяющим как наилучшие, так и наихудшие приемы, уловки, фокусы и трюки наиболее динамичных молодых экономик. Поскольку рынок Индии глубже и разнообразнее любого другого, цены на индийские акции менялись более синхронно колебаниям среднего показателя глобального развивающегося рынка, нежели стоимость ценных бумаг большинства других стран. В Индии более пяти тысяч зарегистрированных на фондовой бирже компаний; в больше тысячи из них вложен иностранный капитал, а двести с лишним могут похвастаться рыночной капитализацией свыше миллиарда долларов. (Единственным в мире рынком такого же огромного размера считается рынок Китая, но он в основном закрыт для иностранцев, и, следовательно, к нему вряд ли можно относиться как к отображению общих глобальных тенденций). Кроме того, в то время как на фондовых рынках многих развивающихся стран котируются в основном акции компаний из какой-нибудь одной отрасли (в России нефтяной, на Тайване технологической), на индийской фондовой бирже найдется все – от автомобилестроительных до фармацевтических компаний.

Благодаря огромным размерам и разнообразию при желании можно собрать из отдельных компонентов практически любой фоторобот Индии; это настоящий «плавильный котел» всех недостатков и надежд, связываемых сегодня с формирующимися рынками, от средневековой отсталости штата Бихар до сияющих корпусов высокотехнологичной компании Infosys в Бангалоре. Один только штат Уттар-Прадеш с населением 166 миллионов человек мог бы стать шестой по числу жителей страной мира, а в одной

Западной Бенгалии живет 80 миллионов – столько же, сколько во всей Германии. В этой стране молодежь и сейчас может выбрать как учебу в техническом университете мирового уровня, так и участие в маоистском восстании, но из-за того, что местная элита отличается очень неплохим знанием английского языка, многим приезжим индийское общество кажется в высшей степени однородным и открытым для внешнего мира. Современные зарубежные аналитики наперебой прогнозируют быстрый экономический подъем Индии, рассказывая о том, как скоро страна вернет себе былое величие трехвековой давности, когда на ее долю приходилось 20 процентов объемов мирового производства. Конечно, любое общество сложно, но такие огромные и разнородные структуры, как Индия, годятся для прямолинейного долгосрочного прогнозирования еще меньше, чем большинство стран мира.

К слову сказать, когда историки, решив разгадать загадку великого индийского трюка с веревкой, копнули поглубже, они нашли более ранние версии рассказов об этом фокусе – из Китая XIV века. И вот сегодня Индия рискует угодить в ловушку собственного разрекламированного образа, который в основном базируется на предположении, что эта страна опять использует для достижения своих целей трюки, придуманные ранее китайцами, и, следовательно, ей, вслед за Китаем, суждено стать самой быстрорастущей экономикой мира следующего десятилетия. Надо сказать, что, судя по всему, элита индийского общества в этом абсолютно уверена, и сегодня внутринациональные политические дебаты в основном ведутся по поводу того, как делить и тратить неожиданные богатства, которые скоро свалятся индийцам на голову, а не как обеспечить реальный рост и расцвет экономики.

По многим показателям – например, по количеству телевизоров в домохозяйствах и автомобилей на дорогах либо по числу народонаселения и увеличению процента молодежи от общего населения – современная Индия действительно напоминает Китай 1990-х годов, когда ему предстояло вот-вот вытеснить Таиланд с почетного места самой быстрорастущей экономики мира. Но чтобы составить «фоторобот» Индии, действительно похожий на Китай 1990-х, придется выкинуть множество отнюдь не самых привлекательных компонентов.

Лучший пример излишне оптимистичной оценки будущего этой страны – то, как бэби-бум, наблюдаемый сегодня в Индии, из «бомбы замедленного действия» вдруг превратился в «демографический дивиденд», по крайней мере в сознании местной элиты. До недавнего времени индийское правительство напряженно работало над спасением нации от серьезной

угрозы перенаселения, но теперь эти страхи развеял аргумент, что именно поколение бэби-бума обеспечило новыми рабочими руками Китай, и это способствовало бурному экономическому росту страны; следовательно, такого же развития событий стоит ожидать и в Индии. Действительно, бэби-бум в Китае сегодня подходит к концу – ожидается, что в 2015 году «коэффициент иждивения», то есть соотношение пенсионеров к трудоспособной молодежи, обеспечивающей их существование, начнет расти резко, – в то время как в Индии этот бум в полном разгаре. К 2020 году среднестатистическому китайцу будет тридцать семь лет, а среднестатистическому индийцу только двадцать восемь. Исходя из этого, многие индийцы оценивают демографическую ситуацию как важнейшее преимущество в конкурентной борьбе с нацией, которую они считают своим главным соперником. Некоторые индийские политики очень любят говорить, что Китай постареет раньше, чем разбогатеет, а Индия, когда достигнет как минимум среднего уровня дохода, будет еще молода.

Уверенные в этом люди упускают из виду опыт целого ряда африканских стран, где резкий приток молодежи на рынок труда привел к серьезной безработице, волнениям в обществе и увеличению количества ртов, которые кому-то нужно кормить. Принято считать, что благодаря относительно сильной системе образования, предпринимательской жилке индийцев и прочным связям с глобальной экономикой, Индия сможет обеспечить работой всех, кто пополнит ее рынок труда. Однако, хотя все вышеперечисленные факторы действительно имеют место, уже сегодня в стране можно найти тревожные примеры серьезных неудач и провалов, произошедших в числе прочего по причине излишней самоуверенности на начальных этапах роста и развития. Политическая элита нации, судя по всему, абсолютно убеждена, что Индия будет и впредь уверенно расти огромными темпами (не менее 8–9 процентов в год), а ведь до сих пор это удавалось лишь небольшой горстке стран послевоенной Восточной Азии. Не меньший оптимизм проявляют и многие сторонние наблюдатели. Однако, учитывая целый ряд рисков, упрямо игнорируемых индийской элитой и зарубежными специалистами, – раздутые органы госуправления, мощный клановый капитализм, усиление расслоения общества, тревожная тенденция, связанная с тем, что крестьяне остаются на фермах, и тому подобное, – я бы оценил вероятность того, что в следующее десятилетие Индия продолжит свое поступательное движение как прорывная нация, всего лишь как 50 к 50.

Индия и Бразилия: связь, не предвещающая ничего хорошего

Надо сказать, Китай – не единственная возможная модель дальнейшего развития Индии. С культурно-политической точки зрения Индия имеет

гораздо больше общего с хаосом и беспорядками современной Бразилии, чем с порядком, дисциплиной и контролем, характерными для Китая. Если Китай на протяжении целого ряда десятилетий каждые четыре-пять лет решительно нацеливался на все новые и новые раунды серьезных экономических реформ, в Бразилии реформационный период прекратился еще в 1970-х, когда страна вылетела из списка растущих экономик и показала «пример» самой сильной гиперинфляции, какую когда-либо видел мир.

И Индия, и Бразилия относятся к странам с так называемой высококонтекстной культурой; этот термин популяризировал известный антрополог Эдвард Холл. Им обозначается культура народов ярких, шумных, готовых на быстрые обещания, которые далеко не всегда выполняются, и довольно легкомысленно относящихся к таким понятиям, как сроки или ранее оговоренное время встречи. Эти общества, как правило, ориентированы на родственные связи; в них принято длительное время сохранять и поддерживать тесные взаимоотношения даже с относительно дальними родственниками. В такой среде многое происходит вовсе без обсуждений либо обсуждается очень кратко, ибо ценности этих обществ давно укоренились в сознании каждого члена и без лишних объяснений понятны из контекста. Произнесенные же слова нередко излишне цветисты и витиеваты; извинения длинны и формальны. Низкоконтекстная же культура встречается, например, в таких странах, как США и Германия, для ее представителей характерен индивидуализм. Люди тут очень серьезно относятся к вопросам неприкосновенности частной жизни, привыкли держать слово и выполнять все договоренности. Такие общества обычно очень мобильны, их члены имеют множество кратковременных связей, и как следствие их поступки и поведение регулируются открытым, свободным общением и закодированными правилами. Попробуйте переехать из немецкоязычного кантона швейцарского Цюриха в италоговорящий кантон Лугано, где уровень децибелов при общении вдруг резко повышается и создается впечатление, будто все говорят одновременно, – и увидите яркий пример деления общества на высококонтекстное и низкоконтекстное в рамках одной страны. И уж конечно, индийцы и бразильцы намного больше похожи на итальянцев, чем на немцев.

Высококонтекстные общества бережно хранят свои традиции, свято чтут историю и в любых отношениях, как личных, так и деловых, стремятся объединяться в группы; отсюда их, по сути, природная склонность к коррупции. Добавьте сюда еще и уникальную индобразильскую особенность – стремление граждан к защите от любых жизненных рисков со стороны своего государства. Такое отношение к вопросам благосостояния нации, объединенной в одну закрытую группу, в столь же немислимой степени

встречается крайне редко, даже в других высококонтекстных культурах, например в Китае или Чили. И если бизнесменам и туристам, которые считают Бразилию и Индию открытыми и понятными странами, данная характеристика кажется сомнительной, то это потому, что их опыт общения, скорее всего, ограничивается «низкоконтекстным» фасадом – элитой, которой часто приходится иметь дело с иностранцами и которая научилась это делать. На бразильском карнавале или индийской свадьбе каждый чувствует себя дорогим гостем, а то и вообще своим человеком, но на самом деле, чтобы действительно стать частью этих культур, требуется не одно десятилетие. Премьер-министр Индии Манмохан Сингх любит повторять, что все, что говорят о его стране, будет правдой, даже если сказать о ней нечто прямо противоположное. В этих словах, без сомнения, есть доля правды: Индия вообще полна противоречий, – но это еще и классический пример высококонтекстного анализа, способ во что бы то ни стало избежать открытой конфронтации с неопровержимыми фактами или с той стороной Индии, которая может потянуть ее вниз.

Конечно, Бразилия и Индия далеко не единственные высококонтекстные культуры в мире. Этот стиль социального взаимодействия характерен для многих стран Азии и Латинской Америки, в то время как низкоконтекстные общества преобладают у германских, англо-американских и скандинавских народов. И все же, по моему глубокому убеждению, между Бразилией и Индией существует некая особая связь. Я чувствую это каждый раз, когда посещаю обе эти страны: и из-за общей привычки поздно обедать, и из-за удивительной колоритности людей, которых встречаешь на улице, и из-за пренебрежения к формальностям и условностям, и из-за сходства культурно-духовного выбора.

Например, в последнее время в Бразилии приобрел огромную популярность телесериал «Поездка в Индию» – бразильско-индийская история любви, которая снималась в индийских городах Агра и Джодхпур; бразильские актеры играют индийцев и без особого труда сходят за жителей севера Индии. По мнению индийцев, посмотревших фильм, в нем на редкость точно копируется картинка, атмосфера и даже освещение, характерные для стиля индийского кинопродюсера Экты Капура. Он создатель самых популярных сериалов в истории индийского кино; кстати, названия всех его ранних работ из суеверных соображений начинались с буквы «К». (Трудно найти более характерную для высококонтекстного общества черту, чем суеверие). Надо признать, индийцы и бразильцы плохо осведомлены о тесной связи между своими нациями, если знают о ней вообще. Например, для усиления своих позиций в конкурентной борьбе с MySpace и Facebook компания Google в 2002 году приобрела социальную сеть под названием Orkut, работающую на

48 языках мира. Так вот, эта сеть вскоре потерпела фиаско почти во всех странах, за исключением Индии и Бразилии, на которые сегодня в сумме приходится свыше 80 процентов трафика. Что-то во внешнем виде сайта, его атмосфере и предлагаемых характеристиках и функциях показалось притягательным и индийским, и бразильским пользователям.

Кроме того, политические элиты обеих стран просто одержимы идеей государства всеобщего благосостояния, и население Индии и Бразилии уже сегодня требует серьезной поддержки со стороны государства – невзирая на то, что экономики этих стран еще не приносят дохода, необходимого для создания такой социально-экономической структуры. В последнее время, стараясь вернуть бывших сторонников, разбежавшихся по множеству региональных партий, правящая партия страны «Индийский национальный конгресс» начала проявлять чудеса невиданной щедрости. Она, например, обещает сто рабочих дней в году с гарантированной зарплатой одному члену каждой крестьянской семьи – невероятное великодушие для подавляющего большинства развивающихся стран. Кроме, ясное дело, Бразилии. Индии не составило особого труда повысить уровень расходов в разгар глобального экономического бума, но эти расходы продолжали расти и в посткризисный период. Именно эта привычка – расходы, превышающие доходы, как в хорошие, так и в плохие времена – стала одной из основных причин нынешних долговых проблем в США и Западной Европе, а Индия, конечно же, ни в коем случае не может себе этого позволить.

«Молчаливый Кэл» Индии

Ранние признаки грядущих перемен начали появляться в годы правления премьер-министра Сингха, но не благодаря ему. В начале 1990-х, будучи министром финансов, Сингх помог открыть страну для внешней торговли. Индия пребывала тогда в состоянии кризиса, и Сингх руководил радикальными изменениями, сломавшими бюрократическую систему под названием License Raj, в соответствии с которой четко прописывалось не только кто может производить товары, но и сколько и по какой цене. Сингх также снизил средние импортные тарифы с 85 до 25 процентов и открыл индийский фондовый рынок для иностранных инвесторов. В 1990-х годах экономика Индии росла примерно на 5,5 процента в год, то есть не намного быстрее, чем в 1980-х, но проведенные Сингхом реформы подготовили страну к взлету во времена глобального бума, начавшегося в 2003 году. В период между 2003 и 2007 годами экономика Индии, как и во всех развивающихся странах, росла почти на 9 процентов в год.

Когда в 2004 году Сингх занял пост премьер-министра, многие надеялись, что он продолжит проводить реформы, а он стал скорее номинальным лидером экономического бума, начавшегося под влиянием глобальных, а вовсе не местных факторов. По мнению критиков, стать сильным премьер-министром Сингху помешал сдержанный, не слишком харизматичный стиль руководства, однако на практике его власть была довольно ограничена. Не имеющий собственной независимой политической базы, Сингх всецело обязан своим положением главе партии «Индийский национальный конгресс» Соне Ганди, ярой стороннице социально направленной государственной политики, не слишком способствующей экономическому росту страны. Сингх так и не смог форсировать реформы при политическом классе и в условиях культуры, для которых характерно редкое самодовольство. Теперь он напоминает мне бывшего президента США Кэлвина Кулиджа, незаметного лидера, который занимал этот высокий пост во время бума 1920-х годов, но не сумел воспользоваться властью, чтобы исправить неуклонно усугублявшиеся ошибки и просчеты, которые в конечном счете привели к резкому ухудшению экономической ситуации в США в 1930-х годах. Кулидж слыл очень немногословным человеком, за что получил прозвище Молчаливый Кэл. Сингх тоже предпочитает держать рот на замке. В Индии чрезвычайно популярна карикатура, на которой изображен Сингх в зубоврачебном кресле, а стоматолог, нависший над ним, умоляет пациента открыть рот, чтобы хотя бы произвести осмотр.

В нынешний период вялого дрейфа большую тревогу вызывает клановый капитализм, характерный для Индии. Проблема коррупции существовала тут издавна, но сегодня ситуация стала поистине ужасающей, ибо решающим фактором при заключении любой бизнес-сделки в стране служат полезные связи в правительстве. Я высказал эту мысль в статье сентябрьского номера Newsweek International за 2010 год – она называлась «Роковая ошибка Индии», – и реакция на нее была весьма резкой. Индийские государственные чиновники высокого ранга наперебой убеждали меня, что кумовство и nepotism представляют собой вполне нормальный этап развития, и приводили в пример американских «баронов-разбойников» XIX века. А когда премьер-министра Манмохана Сингха в частной беседе спросили о проблеме коррупции в его стране, он, говорят, посоветовал в ответ прекратить чернить имидж Индии и перестать распространяться на эту тему. Понятно, что впечатление нередко значит больше реальности, но премьер-министр Индии, кажется, и слыхом не слыхивал о крепнувшем в его народе впечатлении, что кумовство в бизнес-кругах становится все более вопиющим и безудержным.

Но начиная с 2010 года эта проблема привела к целому ряду громких скандалов: в сфере недвижимости, при проведении аукциона на получение лицензий на использование диапазона частот беспроводной связи, в связи с отвратительным качеством строительства объектов для Игр Содружества^[8], состоявшихся в том же году. Индия приближается к точке, к которой на разных стадиях цикла развития приходили Латинская Америка и некоторые страны Восточной Азии. Она наступает тогда, когда в обществе начинает формироваться и крепнуть противодействие экономическим реформам, ибо, по мнению большинства, они идут на пользу только небольшой кучке избранных. Даже в таком высококонтекстном обществе, как Индия, средний класс, увидев серьезную угрозу для своей закрытой группы, непременно взбунтуется.

Кто входит в класс миллиардеров?

В мировых СМИ Индию любят отождествлять с ее активными и успешными предпринимателями из сферы высоких технологий – людьми, лица которых часто украшают обложки международных журналов. Однако при таком подходе абсолютно упускается из виду интроспективный, высококонтекстный аспект этой нации. В последнее время индийских предпринимателей все больше вытесняет из списка миллиардеров новая группа – провинциальные финансовые магнаты, сколотившие состояние благодаря полезным контактам с властями штатов и монополизировавшие благодаря этому рынок в базовых для своего региона отраслях, например горном деле и недвижимости. Индия всегда «производила» много миллиардеров, отчасти потому, что закрытые группы оставляли почти весь экономический пирог себе любимым. Кроме того, в стране напрочь отсутствуют налоги на богатство и наследство. Огромные состояния тут сколачиваются быстрее, чем в любой другой стране нашей планеты. Если в 2000 году в топ-сотне миллиардеров мира не было ни одного индийского олигарха, то сейчас их семь – больше только в США, России и Германии. В этой категории Индия обогнала Китай (от него в топ-списке пять миллиардеров) и Японию (ноль имен).

Правила уличного движения: Мумбаи

Далее вашему вниманию представлен список богатейших миллиардеров мира, в котором также указано, на чем они сделали свои миллиарды и сколько именно. Эти данные весьма показательны. Если в стране слишком много миллиардеров по сравнению с размерами ее экономики, значит, баланс нарушен. (В России, например, насчитывается 100 миллиардеров, то есть примерно столько же, сколько в Китае, хотя экономика России в четыре

раза меньше китайской). Кроме того, если «среднестатистический» миллиардер владеет десятками миллиардов, а не просто миллиардом-другим, это может привести страну к застою (единственный развивающийся рынок, на котором среднее состояние миллиардера составляет более 10 миллиардов долларов, – это Мексика).

Если миллиардеры страны делают свои состояния в основном благодаря покровительству государства, а не продуктивным новым отраслям, это нередко ведет к нарастанию недовольства в обществе (например, именно этим фактором были вызваны серьезные народные волнения в Индонезии в конце 1990-х годов). Здоровые формирующиеся рынки обязательно будут «плодить» своих миллиардеров, но их число должно быть пропорционально размерам экономики; миллиардерам нужно чувствовать конкуренцию и угрозу вылететь из вожделенного списка. В идеале необходимо, чтобы они создавали свои огромные состояния благодаря успешной деятельности в продуктивных секторах экономики, а не тесным связям с политической элитой. Основой любого процветающего капиталистического общества является творческое разрушение, а поскольку лица с полезными связями в верхах получают все, что им нужно, просто благодаря установившемуся порядку, их, без сомнения, следует считать врагами капитализма.

Список миллиардеров

Страна	Количество миллиардеров	Капитал (млрд долл. США)	Капитал в % от ВВП страны	Среднее состояние топ-десятки (млрд долл. США)
США	412	1529,2	10,2	30,3
Китай	115	230,4	3,3	6,0
Россия	101	432,7	23,0	16,8
Индия	55	246,5	13,4	14,8
Германия	52	246,4	6,8	12,7
Турция	38	63,7	8,3	2,8
Гонконг	36	156,5	63,4	10,6
Великобритания	32	93,7	3,8	5,4
Бразилия	30	131,4	5,2	8,8
Япония	26	75,8	1,3	5,1
Тайвань	25	62,3	12,3	4,1
Канада	24	85,2	4,8	3,9
Австралия	17	48,0	3,2	4,0
Израиль	16	46,7	19,0	4,0
Южная Корея	16	39,6	3,4	3,2
Италия	14	62,6	2,8	5,7
Франция	14	118,5	4,2	11,2
Индонезия	14	32,3	3,9	2,8
Испания	14	61,6	4,0	5,7
Мексика	11	125,1	10,6	12,4

Источник: Forbes, IMF WEO, сентябрь 2011 г.

Если сравнить, как изменяются топ-десятки индийских и китайских миллиардеров, сразу видно, что экономики этих стран развиваются совершенно по-разному. В списке Китая мы видим постоянную ротацию: одни фамилии вылетают, новые появляются, и ни один из вошедших в перечень миллиардеров по сумме состояния ни разу не поднимался выше потолка в 10 миллиардов долларов. Иными словами, есть все основания полагать, что руководство этой страны строго следит за соблюдением неписаного правила, ограничивающего общие размеры состояний своих граждан. А как объяснить то, что за последние пятнадцать лет Китай добился

более впечатляющих показателей экономического роста и суммарного богатства, чем любая другая страна мира, но при этом самый богатый китаец владеет в настоящее время всего примерно девятью миллиардами долларов, что значительно меньше, чем могут похвастаться миллиардеры намного меньших экономик, например Мексики, России и Нигерии? Не менее красноречив и тот факт, что человек, названный в 2007 году богатейшим гражданином Китая – основатель крупнейшей в стране дисконтной сети магазинов электроники Хуан Гуанюй, – в настоящее время отбывает долгий тюремный срок по обвинению в инсайдерстве, манипуляциях на рынке ценных бумаг и взяточничестве. Как и один из его предшественников, талантливый предприниматель Моу Кижонг, получивший пожизненный срок за мошенничество в банковской сфере. Никто, конечно же, не думает, что обвинения в адрес этих людей были беспочвенными, но эти факты ярко демонстрируют, что в Китае сформировалась уникальная бизнес-культура, в которой власти, судя по всему, обращают особо пристальное внимание на те махинации, в результате которых сколачиваются миллиардные состояния. Очевидно, что главная цель руководства Китая в данном случае заключается в том, чтобы сдерживать негодование и обиду общества на богачей и ограничивать влияние толстосумов на политические решения. И, следует сказать, в определенном смысле эта стратегия приносит неплохие плоды. Конечно, в Китае тоже нередко вспыхивают забастовки и протесты против коррумпированности местных чиновников, но в Индии сегодня ширится движение вооруженных маоистов, известных под названием наксалиты. Они особенно сильны в некоторых центральных штатах, например Чхаттисгархе и Джаркханде, богатых природными ресурсами, где новоиспеченные богачи сколотили львиную долю новых состояний при поддержке коррумпированных властей.

По такому показателю, как доля суммарного состояния миллиардеров в экономике страны в целом, Индия отстает только от России и Малайзии. И ротация в топ-десятке в последнее время постоянно замедляется. Девять из десяти богатейших индийских миллиардеров в списке Forbes за 2010 год входили и в список 2006 года, в то время как в 2006 году таких «долгожителей» было всего пять. Сегодня многие индийские супербогачи пока еще вызывают у сограждан в основном чувство национальной гордости, а вовсе не обиды, и могут путешествовать по стране, не опасаясь за свою безопасность, но это приятное для них положение дел может скоро измениться. Клановый капитализм – рак, разъедающий страну; именно поэтому (низкоконтекстные) Соединенные Штаты, столкнувшись в 1920-х годах с такой же проблемой, решительно выступили против баронов-разбойников и уничтожили их монополии. Со времени принятия антимонопольных законов американская экономика постоянно «тасует»

списки богатых и влиятельных людей и компаний. Индекс Доу-Джонса, охватывающий тридцать промышленных американских компаний-лидеров, пребывает в постоянном движении; в среднем за пятнадцать лет меняется больше половины его членов. На рынке Индии ротация тоже имеет место, однако на конец 2011 года двадцать семь из тридцати топ-компаний, отслеживаемых с применением сравнительного индекса Sensex, перешли в этот список из списка 2006 года. То есть 90 процентов. А в 2006 году этот показатель составлял всего 68 процентов. Более того, на топ-десятку акций, входящих в индекс Sensex, приходится две трети от общей стоимости активов, а на топ-десятку из Доу-Джонса всего половина, что, безусловно, свидетельствует о более высокой концентрации корпоративных активов в Индии.

Все это свидетельства усиливающегося застоя в верхних эшелонах индийской элиты, явления, характерного для любого высококонтекстного общества. Проявляется оно и в знаменитом Болливуде, где безраздельно правит кумовство и на главные роли обычно приглашают дочерей и сыновей высокопоставленных кинодеятелей. Большинство молодых членов индийского парламента – политические князьки или «наследственные депутаты», получившие кресла в наследство от отцов или других близких родственников. В вышедшей в 2010 году книге Патрика Френча «Индия: портрет» (India: A Portrait) рассказывается, что абсолютно все члены нижней палаты парламента страны младше тридцати лет занимают этот пост по наследству; среди депутатов в возрасте от 41 до 50 лет эта пропорция уменьшается до 37 процентов, в возрастной группе 51–60 лет – до 21 процента, в группе 61–70 лет – до 16 процентов и в группе 71–80 – до 10 процентов. В правящей партии «Индийский национальный конгресс» наблюдалась еще более вопиющая ситуация: каждый член Конгресса младше тридцати пяти был потомственным депутатом.

Причина, по которой семейные династии успешно выживают в стране, где население склонно голосовать против должностных лиц, заключается в том, что эти политические деятели вообще никогда не уходят из политики. Они просто ждут очередных выборов и готовят реванш. Во многих штатах политическая конкуренция сводится к обычной «карусели»: две занимающие прочное положение партии просто меняются постами и местами в администрации. Зачастую это региональные партии, сфокусированные на проблемах провинций, даже в крупных и богатых штатах, таких как Уттар-Прадеш и Тамилнад. В Тамилнаде, например, тамильская Националистическая партия (ее чаще называют «Дравида Муннетра Кажагам», то есть Федерация дравидского прогресса, сокращенно ДМК) впервые победила партию Конгресса в конце 1960-х и с тех пор на

каждых выборах меряется силами с местной отколовшейся партийной группировкой АИАДМК. В этих местах партия Конгресса и БДП («Бхаратия джаната парти» – Индийская народная партия) считаются чем-то вроде младшеньких. Данная комбинация крепнущего отвращения избирателей с все глубже укореняющимся политикумом провинций способствует вызреванию в Индии национального движения нового типа. Возможно, именно этим можно объяснить нынешний подъем движения, возглавляемого известным общественным деятелем Анна Хазаре, агрессивные протесты которого, направленные прежде всего против коррупции, привлекли огромное внимание растущего среднего класса Индии.

Если политики с вожделием поглядывают на незанятые земли, это плохой знак

Когда компании развивающихся стран начинают расширять свои интересы за рубеж, это, как правило, приветствуется и считается гигантским шагом для всей страны в целом. Сегодня СМИ восторженно кричат: «Индия становится глобальной!» – однако предприятия, на которые ссылаются, следовало бы интерпретировать с учетом контекста. Дело в том, что изменения в Индии позволяют предположить, что компании выходят на зарубежный рынок прежде всего для того, чтобы сбежать со своего, внутреннего. В последнее время предприниматели Дели и Мумбаи все чаще жалуются на то, что из-за резкого увеличения всевозможных взяток и «откатов» государственным чиновникам в Индии сильно выросли расходы на открытие нового бизнеса. Инвестиции в частный сектор снизились с 17 процентов от ВВП в 2008 году до 13 процентов на сегодняшний день. В то время как Индия, для обеспечения целевого роста в 8–9 процентов, остро нуждается в том, чтобы ее бизнесмены активно реинвестировали средства у себя дома, те все чаще обращают взор на заграничные рынки. Сегодня на операции индийских компаний за рубежом приходится более 10 процентов суммарных корпоративных доходов – сравните с всего двумя процентами пять лет назад. В сущности, учитывая огромный потенциал внутреннего рынка, индийским компаниям нет никакой нужды гнаться за ростом за рубежом. А между тем больше половины прибыли пятидесяти самых преуспевающих индийских компаний в настоящее время зависит от экспорта и мировых цен на сырье.

Это может показаться не совсем логичным, но, когда развивающиеся нации начинают слишком мало тратить на внутренние инвестиции, возникает большой риск резкого всплеска инфляции. Поток инвестиций пересыхает, и страна не вкладывает достаточно денег в новые заводы и дороги, без которых не произвести и не доставить товары, пользующиеся все большим спросом

все более процветающего среднего класса. Предложение начинает отставать от спроса, и цены резко идут вверх. При этом в нестабильной бизнес-среде тенденция снижения инвестиций сама по себе не изменится, и трудно назвать более дестабилизирующий экономику фактор, чем фаворитизм и взяточничество на государственном уровне. Вот почему взятки и подкуп способствуют усилению инфляции: они уводят деньги от продуктивных инвестиций, отпугивают их.

К сожалению, в примерах, подтверждающих, что сегодня в Индии существует серьезная угроза усиления инфляции, порождаемой взяточничеством, недостатка нет. В последнее время индийские бизнесмены любят развлекать друг друга рассказами о причудах одного высокопоставленного местного политика, сколотившего огромное состояние на сделках с недвижимостью. Например, на закрытом показе нового голливудского фильма он попросил продюсера несколько раз повторить один и тот же особенно понравившийся ему танцевальный номер. А когда продюсер спросил знатного гостя, понравилась ли ему актриса, сыгравшая главную роль, тот ответил, что и не видел ее, потому что смотрел только на природу. И тут же живо поинтересовался, где это продюсер умудрился найти в Мумбаи такой симпатичный незастроенный участок.

Чтобы избежать кризиса, Индии необходимо построить общество, которым будут управлять законы и правила, а не личные связи, из-за которых продуктивные в потенциале активы попадают не в те руки. Один из секретов успешного роста экономик Восточной Азии заключается в том, что в Японии, Корее и Тайване созданы относительно справедливые системы продажи государственных земель, и парламент Индии – честь ему и хвала – в данное время работает над законом, призванным предотвратить незаконный захват земель. Огромное сельскохозяйственное население Индии должно получать какую-то материальную выгоду от выкупа земель, только тогда эти сделки будут способствовать бизнес-развитию страны.

Похоже, Черчилль был отчасти прав насчет Индии

До сих пор от традиционной высококонтекстности индийского общества больше других выигрывала партия «Индийский национальный конгресс». Основателей этой партийной династии, Ганди, с давних пор считали семьей, которая правит страной на законном основании, и после обретения Индией независимости они стояли у руля почти три десятилетия подряд. Конгресс и сегодня представляет собой чрезвычайно централизованную структуру, в которой все вращается вокруг семьи Ганди, ныне находящейся у власти уже в четвертом поколении. Но Ганди – единственный национальный бренд в

индийской политике, и они так долго демонстрировали свою способность к обновлению, что многие и сегодня считают Рахула Ганди, генерального секретаря партии и отпрыска этой старинной династии, лицом современной Индии.

Но в высококонтекстном обществе такого огромного размера, как Индия, не одна закрытая группа, и никто не может править вечно. В хаосе конца 1970-х, когда в стране пустила глубокие корни многопартийная демократия, Конгресс потерпел свое первое поражение на общенациональных выборах, и в течение следующих двадцати пяти лет индийские избиратели превратились в самых нелояльных избирателей в мире. Окончательно разочаровавшись в стандартах управления национальных лидеров страны, они в 70 процентах случаев голосуют на выборах против нынешних представителей власти, как на государственном уровне, так и в отдельных штатах. По традиции, накануне очередных всеобщих выборов члены парламента позируют для большой фотосессии, и лично мне кажется, что на этих фотографиях они похожи на группу приговоренных перед расстрельной командой, ибо каждый знает, что шансов сохранить свой пост надолго нет ни у кого из них. В период бума последнего десятилетия «норма выбраковки» снизилась до 50 процентов, и сейчас опять наблюдается ее рост.

Сегодня индийские избиратели ищут ответы в основном не у центрального правительства, а у властей своих штатов, и инициаторами экономических реформ все чаще становятся главные министры двадцати восьми штатов. В Индии правительства штатов действительно обладают серьезной властью: они контролируют более половины всех государственных расходов, а это очень много. А поскольку индийцы начали считать себя в первую очередь гражданами Бихара или Тамилнада, они все больше доверяют региональным партиям или наиболее сильным региональным лидерам национальных партий, таких как БДП и «Индийский национальный конгресс». Иными словами, объединение в группы все чаще происходит не на национальном уровне, а на уровне штатов. Например, явка избирателей в штатах на региональных выборах на 10 процентов выше, чем на общенациональных, и этот разрыв неуклонно растет.

Важно помнить, что и в давние времена Великих Моголов^[9] и британского владычества Индия отнюдь не была государством единой нации. Даже в XVII веке, в разгар монгольского завоевания, когда на долю Индии приходилась почти четверть мирового ВВП, эта империя состояла из множества автономных штатов, которые имели собственные своды законов и сами занимались сбором налогов. Уинстон Черчилль однажды сказал, что «Индия – это не страна, а географический термин. Называть Индию нацией

– все равно что называть нацией экватор». Судя по всему, сегодня это замечание актуально, как никогда прежде. Центральная власть слабеет, и Индия снова начинает выглядеть как содружество штатов с самобытными, уникальными характеристиками и ослабленным национальным самосознанием.

Тем не менее усиливающаяся регионализация отнюдь не разрывает страну на части, как считал Черчилль. Действительно, из-за ослабления центральной власти Нью-Дели все труднее проталкивать серьезные общенациональные реформы. Однако именно благодаря подъему регионов экономический бум проникает в каждый уголок страны, что наряду с усилением кумовства (плохо влияющим на рост) способствует появлению новых потребительских субкультур (что очень хорошо для роста). Сложность регионализации – одна из главных причин, по которым до этой страны так трудно «достучаться», и ее шансы и впредь остаться прорывной нацией – всего лишь 50 к 50.

Деление на Север и Юг

Сегодня центр динамичного экономического развития Индии смещается с юга и части Запада на крупнейшие населенные центры в центральной и северной частях страны. В 1980-х годах, когда Индия начала проводить свои реформы, темпы роста резко подскочили с 3 до 5,5 процента, прежде всего благодаря появлению в южных штатах Карнатака и Тамилнад технологической и аутсорсинговой отраслей. По состоянию на 1981 год доходы в более развитых штатах были на 26 процентов выше, чем в малоразвитых; к 2008 году этот разрыв увеличился до 86 процентов. Вполне предсказуемо, это породило некоторую заносчивость и высокомерие южных штатов: у них вошло в привычку смотреть на неудачи густонаселенных северных штатов, неспособных сравняться с ними, с тревогой и жалостью. Южане привыкли думать, что они больше работают, лучше образованны и больше подготовлены к конкуренции с другими странами мира. Бихар, самый большой и самый отсталый северный штат, стал традиционным объектом шуток и насмешек южан.

Южане, например, любят острить, что Индия могла бы разрешить территориальные споры с Пакистаном, отдав ему Кашмир – но при условии, что пакистанцы заберут и Бихар. Бихар – единственный индийский штат, не только не участвовавший в первоначальном рывке экономического роста в Индии, в период между 1980 и 2003 годами его экономика сократилась на целых 9 процентов. Но вскоре после этого ситуация начала меняться, и в последние годы Север растет быстрее, чем Юг. С 2007 по 2010 год средние

темпы роста южных штатов снизились с 7 процентов предыдущих трех лет до 6,5 процента, в то время как северные штаты за тот же период ускорили свое развитие с 4,5 до 6,8 процента.

Подъем остальной части Индии был результатом целого ряда факторов, и, возможно, важнейшим из них стало избрание более эффективных лидеров. Анализ, недавно проведенный финансовым конгломератом Credit Suisse, показал, что за последние двадцать лет многие штаты Индии прошли период резкого всплеска роста, но только одним из них руководил главный министр от партии Конгресса. Этим, возможно, объясняется, почему Конгресс в настоящее время является правящей партией только в двух из десяти крупнейших штатов Индии, хотя в 1980-х годах эта политическая сила правила в восьми, а в 1960-х в десяти штатах. Вместе с тем можно привести множество примеров заметных всплесков роста под руководством одной из новых региональных партий. Например, с 2005 по 2010 годы экономика Бихара и Гуджарата увеличивалась на 11 процентов в год – один из самых высоких показателей роста в стране. Главный министр Бихара Нитиш Кумар и Гуджарата – Нарендра Моди считаются в высшей степени компетентными руководителями, их правительства не замечены в коррупции и обеспечивают сегодня весьма заметные экономические результаты. Короче говоря, в этих управленцах видят позитивное исключение из неприятного правила: они не ассоциируются с усиливающимися проблемами кумовства, характерными для других штатов, и с национальным правительством Дели с его боссами из партии «Индийский национальный конгресс».

Наиболее яркий пример – события в штате Бихар. Кумар ворвался во власть в 2005 году на волне разочарования избирателей, вызванного незавидным существованием в этом отдаленном северном штате, который выдающийся писатель Видиадхар Сурадхипрасад Найпол однажды описал как «место, где кончается цивилизация». Кумар инициировал агрессивную кампанию по наведению порядка на территории, где царило полное беззаконие. Он заставил полицию начать преследование мошенников, в том числе высокопоставленных членов парламента Бихара и их закадычных друзей – бизнесменов. Чтобы наказать преступников в штате с совершенно неработающей судебной системой, Кумар создал «ускоренные» суды, которые работали так быстро, что многие критиковали эту процедуру, называя ее неоправданной спешкой. Кроме того, Кумар ввел закон, согласно которому у коррумпированного бюрократа можно отобрать имущество; и действительно, не так давно в роскошном доме одного из чиновников была устроена школа для детей из бедных семей.

Штат, которым руководит Кумар, знаменит тем, что тут решительно сносятся любые бюрократические барьеры, мешающие реализации того или иного проекта. Кумар отменил необходимость собирать горы документов, например, инженеру только для того, чтобы построить мост. Поверив, что их деньги действительно попадут в государственную казну, а не в кошельки мошенников, непривыкшие к порядку жители Бихара согласились даже платить налоги. Тут начали реализовываться разные проекты, строились мосты и дороги; штат начал нормально функционировать, а потом и пошел на взлет. В настоящее время его экономика растет на 11 процентов в год – второй по скорости показатель в Индии, а Кумара в стране считают примером того, чего может достичь честный лидер в нечестном штате.

А между тем вся Индия в целом двигалась в противоположном направлении – прежде всего потому, что ранее стремительно развивавшиеся южные штаты принялись, что называется, поживать на лаврах. Из шести индийских штатов, экономика которых росла в 2010 году быстрее, чем на 10 процентов, нет ни одного штата с Юга. Уровень компетентности руководителей южных штатов снизился, и это, само собой, негативно сказалось на росте: за последние десять лет Карнатака, Андхра-Прадеш и Тамилнад столкнулись с падением темпов экономического роста, в некоторые годы в половину по сравнению с двузначными показателями недавнего прошлого. Некоторые южане оправдывают подобную ситуацию тем, что, мол, у них пик бума уже прошел, и кивают при этом на Китай. Однако им вряд ли стоит приводить в пример Поднебесную. В этой стране бум в богатых южных штатах продолжался не одно, а три десятилетия, и они достигли уровня дохода на душу населения в 15–20 тысяч долларов, в то время как в индийских южных штатах уровень дохода лишь немногим выше среднего по стране показателя в 1200 долларов.

В определенной мере успехам северной и центральной частей Индии способствовала их изоляция: глобальный кредитный бум прошел мимо них, а следовательно, последовавший далее кризис их не сломал, и эти регионы сохранили возможность брать займы на строительство новых предприятий. Глобальный сырьевой бум тоже пошел им на пользу, ведь они богаты огромными запасами угля и железа, и большинство новых проектов в сталелитейной и энергетической отраслях реализуются именно здесь. Кумар и другие новые лидеры принимают простые, но действенные меры, необходимые для обеспечения роста при небогатой экономической базе, в частности активно строят новые дороги и системы беспроводной связи. Уровень грамотности на севере растет быстрее, чем на юге, и это служит четким подтверждением того, что новое руководство в полной мере использует преимущество огромного демографического потенциала своего

региона: половина индийского населения младше пятнадцати лет проживает в пяти самых слабо развитых штатах страны.

Новая карта среднего класса

Жизнь в Индии можно поделить на три уровня: все более космополитические крупные города, безликие небольшие города и зачастую прозябающие в нищете деревни, в которых, на первый взгляд, за последние десятилетия ничего не изменилось, за исключением сети связывающих их новых хороших дорог. Если спрыгнуть с парашютом в центре любого такого городка или деревни, первое впечатление будет приблизительно одинаковым, где бы вы ни приземлились. Я изъездил по проселочным дорогам всю страну, от юго-восточного прибрежного городка Неллор, возникшего в результате экономического бума, до метко названного Бхагалпуром («обитель беженцев») города в Бихаре, и все они, на первый взгляд, практически ничем не отличались. Везде то же дикое разнообразие транспортных средств, как безмоторных, так и моторных, от мотоциклов до колоритных трехколесных автомобилей Tempo. Обычно движение выплескивается с переполненных улиц на центральную площадь, как правило, украшенную бюстом какого-нибудь крупного политического деятеля и окруженную магазинами в одинаковом утилитарно-бетонном стиле.

Создается впечатление, что нация, создавшая все это, ровным счетом ничего не смыслит в современной эстетике; что перед тобой длинная полоса однообразия, на тысячи миль растянувшаяся с севера на юг. Но если присмотреться, тут все переполнено разнообразием. Да, салоны красоты возникают на каждом углу, словно грибы после дождя, и все они, предавая идею национальной индивидуальности и местного колорита, предлагают региональные скидки на новомодные прически западного типа. Но зайдите в любую дверь, посмотрите любой стеллаж в любом магазине – и потрясающее разнообразие региональных вкусов и стилей ошеломит вас. Тут есть все, от местных брендов растительного масла для кулинарии до масел для волос, которые индийцы единодушно считают гарантированным средством от облысения, но ингредиенты различаются в каждом штате. Даже в пределах одного города излюбленные сорта риса или соленых огурчиков могут варьироваться от квартала к кварталу. Это Индия в наивысшем проявлении своего высококонтекстной сути – Индия, упрямо цепляющаяся за местные нормы и правила, как в деле борьбы с облысением, так и в языковом вопросе.

Повышение уровня благосостояния индийской глубинки находит выражение во многом, в частности в подъеме хиндиязычной прессы, которая на протяжении многих лет была явным аутсайдером отрасли. Например, последнее время премиальная цена для рекламодателей за рекламу в англоязычных газетах снизилась с 1200 до 700 процентов. Кроме того, почти все горожане из бедных штатов сегодня имеют мобильные телефоны, которые раньше были только у жителей богатых штатов. И если прежде большинство транснациональных корпораций крайне неохотно выходили на рынки хиндиязычных регионов, теперь ситуация начинает меняться. Не так давно в англоязычной ежедневной газете Hindustan Times появилась статья об открытии первой пиццерии Domino в городе Патна в Бихаре. В редакционном комментарии очередь перед заведением сравнивалась с очередями, которые обычно выстраиваются перед так называемыми магазинами-распределителями, повсеместными в Индии государственными магазинами ратционированных товаров, торгующими по льготным ценам рисом и керосином для бедных слоев населения. Открытие пиццерии стало четким сигналом, что и в Бихар пришла современность. Теперь и в «месте, где кончается цивилизация», есть заведение глобальной фирменной сети быстрого питания.

Однако в Индии непременно приживется далеко не каждый унифицированный сетевой магазин или ресторан. Глава одной крупной корейской компании, торгующей товарами широкого потребления, недавно сказал мне, что если вкусы китайских потребителей становятся все однороднее, то в Индии дело обстоит иначе. По его словам, он был очень удивлен, узнав, что такие журналы, как Vogue и Elle, очень неплохо чувствуют себя во всех крупных китайских городах, в то время как вкусы потребителей из разных регионов Индии все больше разнятся, и в каждом штате процветают разные периодические издания. В Китае все учатся говорить на мандаринском диалекте китайского языка, который вытесняет кантонский диалект даже в традиционных для него регионах южного побережья, в том числе и в Гонконге. Поскольку Пекин систематически переселяет ханьцев^[10] – которые составляют 90 процентов населения страны и являются крупнейшей этнической группой в мире – в регионы, населенные меньшинствами, даже такие прежде изолированные районы, как Синьцзян и Тибет, сегодня вливаются в ханьский потребительский мейнстрим, делая страну все более однородной. Да и крепнущее чувство национализма, основанное на гордости за возрождение Китая как одной из величайших держав мира, без сомнения, способствовало появлению и укреплению единой национальной культуры потребления, в то время как подъем политических сил в провинциях Индии возымел противоположный эффект. «Когда мне предлагают съездить в Индию, я всегда говорю: хорошо, а куда

именно?» – признался мне все тот же руководитель компании. В Китае, отмечает он, множество популярных общенациональных продуктов «для перекуса», например лапша в пакетиках компании Tingyi. А в Индии в каждом регионе свои предпочтения, как, скажем, в разных странах Европы.

Бренд-менеджерам следует относиться к Индии так же, как к «Соединенным Штатам Европы», и соответствующим образом решать вопрос реализации товаров в стране, где даже даты и названия основных праздников и, следовательно, пиковые сезоны рекламы брендов разнятся от штата к штату. Праздники тут самые разнообразные, от всеобщего ликования по поводу сбора урожая в январе и августе до религиозных праздников, посвященных всевозможным богам и богиням, обрядов по случаю наступления весны и дня зимнего солнцестояния и тому подобных. Многие праздники в одних штатах отмечаются, а в других нет; в разных местах праздники по-разному называются. Например, зимний фестиваль урожая в штате Тамилнад носит имя Понгал, но в остальной части страны у этого праздника еще как минимум шесть названий.

Надо сказать, уровень доходов на севере Индии сопровождался ростом доходов в сельскохозяйственных районах всей страны, отчасти из-за повышения цен на рис и другие культуры, щедрой государственной поддержки крестьян и резкого повышения зарплаты госслужащих и сельскохозяйственных работников. Все это позволило конюмеризму нового типа проникнуть в самые отдаленные и отсталые уголки страны, на рынки которых из-за крайне низкого уровня доходов населения еще несколько лет назад вообще не было смысла выходить. Демографы традиционно считают, что спрос на не так уж необходимые, «факультативные» товары, например дезодоранты и кондиционеры для волос, возникает только после того, как их «принимает» средний класс, поэтому они, как правило, прогнозируют повышение спроса в регионах, в которых доходы населения приближаются к среднему уровню. В Индии это в основном крупные города и южные штаты. Однако из-за широкого распространения современных СМИ спрос на предметы не первой необходимости вырос среди тех доходных групп населения и в тех регионах, которые прежде никогда не проявляли интереса к таким продуктам.

Сегодня даже индийские мужчины с относительно низкими доходами охотно покупают отбеливающий крем для кожи – продукт, пользующийся все большей популярностью в Индии, где цвет кожи имеет огромное значение. А если потребители хотят приобрести такие товары, но не могут себе этого позволить, компании предлагают версии со скидкой или в меньшей, более доступной расфасовке, например в саше стоимостью всего в

несколько центов. Такие товары, помимо их ценовой привлекательности, еще и проще распространять и хранить на сильно фрагментированном розничном рынке Индии с его более чем 7,5 миллиона торговых точек. Например, сегодня у продвинутой молодежи северной Индии считается модным выставлять напоказ красную полоску нижнего белья Jockey, высовывающегося из-под джинсов с низкой посадкой. А в сельскохозяйственном Бихаре, где бренд Jockey по-прежнему недостижим, особой популярностью пользуются значительно более дешевые подделки под такими лейблами, как Obama.

Как «ловушка бедности» превратилась в конкурентное преимущество

Сегодня Бихар и другие северные штаты оказались в эпицентре всеобщего индийского ажиотажа вокруг роста населения. Объемы продаж автомобилей на севере растут быстрее, чем на юге. В 2006 году один из крупнейших автопроизводителей Индии потратил за пределами крупных городов всего 20 процентов своего маркетингового бюджета, сегодня же этот показатель вырос до 50 процентов, и львиная доля нового роста приходится именно на северные штаты. Но еще в 1970–1980-х годах рост численности населения в Индии считался серьезной угрозой для экономики, и в мрачный период, известный сегодня под названием «Чрезвычайное положение», этот страх вдохновлял власти на жесточайшие меры по ограничению рождаемости. В 1975 году, когда экономика Индии испытала сильнейшее давление, вызванное резким изменением цен на нефть, и начались массовые забастовки и протесты, премьер-министр страны Индира Ганди оказалась в ситуации, близкой к полному краху. А тут ее еще по решению суда обвинили в злоупотреблении властью на выборах 1971 года, в результате чего была оспорена правомерность ее избрания на пост премьер-министра. В жаркий июнь того же года по совету семьи и близких советников Ганди нанесла ответный удар: ввела режим чрезвычайного положения, приостановила деятельность парламента и ограничила гражданские свободы. В последующие месяцы в тюрьмах страны оказались десятки тысяч активистов, профсоюзных лидеров и политических деятелей оппозиции.

И самой спорной из множества драконовских мер периода Чрезвычайного положения стала программа насильственной стерилизации, проводившаяся под руководством сына Индиры Санджая. В рамках этой программы каждый государственный служащий должен был предложить как минимум двух кандидатов на стерилизацию; цель ее заключалась в стерилизации мужчин, у которых уже есть два и более ребенка. Отобранных кандидатов принуждали лечь на пятнадцатиминутную операцию; занимались этим мобильные группы, имевшие право лишать за непослушание разных

государственных льгот и привилегий, от продуктовых карточек до лицензий на ведение бизнеса.

Поражает, что многие представители среднего класса горячо поддерживали эту программу на том основании, что Индию надо вызволять из «ловушки бедности», куда ее якобы загнал резкий рост населения. При этом надо отметить, что зачастую люди побогаче за весьма небольшие деньги могли нанять для стерилизации бедного «дублера», так что средний класс в данной ситуации почти ничем не жертвовал. Известно, что власти страны пытались ослабить сопротивление людей насильственной стерилизации, предлагая добровольцам бесплатное радио. В те времена была распространена мрачная шутка: если парень спотыкался или шел смешной походкой, о нем говорили, что у него новое радио.

Период Чрезвычайного положения завершился в 1977 году, когда Ганди объявила о новых выборах; тогда же была остановлена и программа насильственной стерилизации. Однако к этому времени вазэктомии подверглись 7,8 миллиона индийских мужчин – за деньги или по принуждению. Выборы 1977 года «Индийский национальный конгресс» проиграл; так закончился период безраздельного господства этой политической силы и начался период укрепления центробежных сил регионализации, которые по сей день продолжают разрушать центральную власть. Но и в 1980-х новое правительство призывало индийцев к ограничению рождаемости, на этот раз взывая к их гражданской сознательности. В то десятилетие была особенно популярна рекламная песенка приблизительно такого содержания: «Родили первого ребенка – повремените со вторым, родили второго – больше не беременейте». На хинди эти строки отлично рифмуются, и граждане Индии никак не могли выбросить эти слова из головы.

Последние десять лет индийские власти наконец оставили эту тему, и сегодня общественное мнение в основном базируется на убеждении, что рост численности населения означает увеличение числа рабочих рук, способствующих экономическому развитию страны. Индийские библиотеки буквально ломятся от научно-исследовательских отчетов с доводами в пользу неизбежных чудес в результате этой демографической тенденции. Логика в двух словах такова: поскольку экономический бум в Китае был обусловлен растущими трудовыми ресурсами вследствие роста численности населения, следовательно, увеличение населения – явление в основном позитивное. Но это совсем не так, ибо те, кто это говорит, забывают об огромных проблемах, связанных с образованием и трудоустройством

молодежи – тех десяти миллионов молодых людей, которые ежегодно пополняют рынок труда Индии.

Конечно, растущие ресурсы молодых работников могут быть огромным преимуществом, но только если государство напряженно и целенаправленно работает над тем, чтобы подготовить их к продуктивной карьере. Опрос, проведенный недавно консалтинговой фирмой Aon Hewitt, показал, что зарплата рабочих в городах Индии растет самыми быстрыми темпами в Азии. В 2011 году средний показатель вырос почти на 13 процентов – четкий признак того, что требуемую квалификацию имеют очень немногие рабочие; и те, кто ее имеет, могут рассчитывать на серьезную надбавку.

Но еще больше лично меня удивляет переход демографии в разряд глобальной области деятельности. Не могу даже приблизительно сказать, сколько демографов приходило в наш офис за последние годы; все они предлагали те или иные аналитические расчеты для подтверждения идеи, что рост населения стимулирует экономический рост, и очень хотели поделиться с нами своими прогнозами относительно того, какие страны в ближайшее время получат наибольший «демографический дивиденд». Подобные аналитические фокусы очень напоминают историю Уолл-стрит. В 1970-х и 1980-х в каждой инвестиционной компании был свой политэкономист, своего рода предсказатель путчей и войн, но в 1990-х, когда войны стали более локализованными, а развивающиеся страны – политически стабильными, эта традиция постепенно канула в Лету. Сегодня же бал правят демографы, которые очень любят говорить об Индии. К подобным новым трендам в области консалтинга следует относиться с беспристрастием и отстраненностью, которых они заслуживают, и с пониманием того, что и эта модная новинка когда-нибудь забудется. Нет ни малейших сомнений, что скоро демографы вспомнят и о фразе «бомба замедленного действия».

Индия – политический хамелеон... в хорошем смысле слова

Помимо всего прочего, экономический бум в Индии привел к усилению расслоения общества. На ранних стадиях экономического роста это вполне естественно, но если данный процесс бесконтролен, он, как правило, несет угрозу для дальнейшего развития. В прошлое десятилетие наблюдался серьезный рост уровней потребления среди всего индийского населения, но среди 10 процентов самых богатых граждан ежегодные темпы роста прибыли были на 6 процентов выше, чем среди 10 процентов беднейших. Руководство страны работает над сдерживанием потенциальной социальной напряженности, но в основном путем государственных подачек, а не расширения бизнеса и создания новых рабочих мест. Семья Ганди и ныне

продолжает демонстрировать свою фирменную фишку – сочувствие к бедным, – но делает это такими способами, которые, усиливая дефицит, могут рикошетом ударить по экономическому росту нации. На протяжении десяти лет бюджетные расходы страны росли быстрее, чем ее экономика, а в последние пять лет их темпы выросли до 20 процентов. За это время общий дефицит бюджета Индии резко увеличился с 6 до 9 процентов от ВВП, и на сегодня соотношение суммарного государственного долга к ВВП составляет 70 процентов – один из самых высоких показателей среди крупных развивающихся стран.

Значительную часть этих денег правительство тратит на явно преждевременное создание государства всеобщего благосостояния – чисто бразильский стиль. Задолго до 2005 года, когда Конгресс провел так называемую MGNREGA (Mahatma Gandhi National Rural Employment Guarantee Act – Национальная программа содействия занятости населения в сельских районах имени Махатмы Ганди), в Бразилии была предложена инициатива, которую, пожалуй, можно считать самой щедрой социальной программой во всем развивающемся мире (она называлась Bolsa Familia, что в переводе означает «семейный кошелек»). MGNREGA ежегодно гарантирует сельским беднякам сто дней занятости в государственном секторе и обходится казне почти в 10 миллиардов долларов в год. Сегодня, вдохновившись популярностью программы, правительство Индии планирует потратить такую же сумму на увеличение продовольственных субсидий для бедных слоев населения. И если власти будут и дальше продолжать в том же духе, скорее всего, Индию ждет такая же участь, как Бразилию в конце 1970-х, когда чрезмерные бюджетные расходы привели к гиперинфляции и вытеснили частные инвестиции с внутреннего рынка, что вскоре «похоронило» экономический бум в стране. Одной из главных ошибок Бразилии была индексация зарплат с учетом инфляции, что зачастую высвобождает спираль поочередного роста заработных плат и цен. И сегодня центральный банк Индии не без оснований опасается такого же развития событий, ибо гарантии MGNREGA уже в 2011 году привели к усилению инфляции, вызванной повышением зарплат жителей сельскохозяйственных регионов на целых 15 процентов.

Более того, схемы вроде MGNREGA предлагают сельским жителям искаженные стимулы оставаться в деревнях. Как мы уже обсуждали, Китай сумел превратить растущие трудовые ресурсы в экономическое чудо благодаря стимулированию быстрой массовой миграции крестьян из удаленных в глубь материка регионов в более продуктивные крупные города на побережье. За последнее десятилетие доля китайского населения, проживающего в городских районах, выросла с 35 до 46 процентов. В тот же

период население индийских городов росло намного медленнее, увеличившись всего лишь с 26 до 30 процентов.

Надеясь на большие дивиденды от роста населения, Индия игнорирует то, где живут люди. Увеличение народонаселения помогает стимулировать рост, если граждане переезжают в города и начинают трудиться на заводах и фабриках, а не прозябают по-прежнему в бедных и непродуктивных сельскохозяйственных регионах. В Китае насчитывается двадцать три города, население которых с 1950 года выросло со 100 тысяч до более чем миллиона, и в этот список входят некоторые наиболее динамично развивающиеся китайские города, например Шэньчжэнь, который еще совсем недавно, в 1970-х годах, был маленькой рыбацкой деревушкой. В Индии же к этой «взрывной» категории роста можно отнести всего шесть городов, и, судя по всему, повышение долгосрочных темпов роста Индии до двузначных показателей происходит в первую очередь в результате агрессивных усилий властей по урбанизации населения.

Однако, судя по всему, все это не кажется слишком важным индийским политикам, которые абсолютно уверены, что их стране уже в этом десятилетии суждено стать самой быстрорастущей крупной экономикой мира. А то, как на долгосрочное экономическое развитие сильно влияют динамика демографической ситуации, долги и прочие важные факторы, они попросту игнорируют. Впрочем, они могут оказаться и правы, отчасти потому, что рост Китая, как только в нем начнет действовать закон больших чисел, скорее всего, замедлится, и первое место вполне может перейти к Индии, которая из-за роста с низкой экономической базы по-прежнему имеет много возможностей для дальнейшего развития.

Надо признать, ни одна другая крупная экономика мира не может похвастаться таким количеством благоприятных факторов: это и модель демографического развития, и потрясающая предпринимательская энергия нации, и, пожалуй, самое важное, невысокий ежегодный доход на душу населения, всего лишь четверть от показателя Китая. Но подарки судьбы никогда не следует принимать как нечто само собой разумеющееся. Индийские политики не могут исходить из того, что демографическая ситуация непременно принесет большие дивиденды, и считать такие негативные явления, как усиление кланового капитализма и непомерные расходы на социальные программы, всего лишь побочными эффектами, а не серьезными проблемами, каковыми они являются на самом деле. Именно эти факторы на ранних этапах процесса задавили экономический рост в целом ряде других развивающихся стран.

Источником самых неожиданных сюрпризов для Индии служит ее развивающаяся без каких-либо правил демократия – атмосфера, в которой дух времени может меняться поистине стремительно. Стране потребовалось всего одно прошлое десятилетие, чтобы начать видеть себя не жалкой экономической развалиной, а очередным Китаем, а свое быстрорастущее население не как угрозу, а как мощнейшее конкурентное преимущество. В настоящий момент, пока мы с вами обсуждаем эту тему, традиционное чувство превосходства южан над северянами быстро уступает место куда более уважительному отношению. И вполне возможно, что при некоторых сдвигах в руководстве традиционная национальная самоуверенность так же быстро сменится куда более логичным и оправданным ощущением потребности перемен. К слову, современным фокусникам все же удалось воспроизвести «облегченную» версию великого индийского фокуса с веревкой, который и по сей день считается одним из величайших достижений магии. В новом варианте мальчик-ассистент карабкается вверх по веревке, но не исчезает и не сыпается в расчлененном виде, а просто соскальзывает вниз с высоты в несколько метров. И этого достаточно, чтобы произвести на зрителей неизгладимое впечатление. Так вот, чтобы внимание аудитории и впредь было приковано к их шоу, лидерам современной Индии тоже нужно придумать новые трюки и фокусы.

Глава 4

В России место осталось только наверху

Считается, что деньги кричат, а истинное богатство шепчет, но в Москве оно пляшет на стойке бара. Эта мировая столица – яркая витрина состояний чванливых нуворишей

Развивающиеся страны нередко называют «землей контрастов», но Россия другая, она экстремальнее и сюрреалистичнее. Это страна открытых, явных противоречий. Здешнее правительство жестко контролирует все, что говорят по телевизору, но не то, что пишут в газетах. Средний доход россиян на душу населения составляет около 12 тысяч долларов, но, вероятно, это единственный относительно богатый народ в мире, который живет в постоянном страхе отключения электроэнергии. Многие москвичи ездят на превосходных немецких автомобилях, но организованной службы такси в городе нет. Если вы хотите взять такси, вам придется либо вызвать машину по телефону, либо идти на улицу и «голосовать», то есть останавливать личное авто горожан, готовых подработать частным извозом. Будучи крупным экспортером пшеницы, Россия вынуждена импортировать миллионы тонн мяса и птицы для внутреннего потребления. Неудивительно, что приезжим крайне трудно понять, что тут происходит, поэтому они так часто меняют свое мнение. Российский фондовый рынок открылся для мира в 1995 году, в первые годы посткоммунистических реформ, и с тех пор большинство лет заканчивал либо в тройке самых эффективных рынков мира, либо в тройке наихудших.

Считается, что деньги кричат, а истинное богатство шепчет, но в Москве оно пляшет на стойке бара. Эта мировая столица – настоящая витрина состояний чванливых нуворишей, непревзойденных по своему кричащему безвкусию: дикие вечеринки в будние дни, дорогие проститутки, толпящиеся в вестибюлях роскошных отелей, шампанское по 10 тысяч долларов за бутылку. Я видел много удивительного и даже экстраординарного и в других столицах развивающихся стран, но в Москве это выведено на принципиально новый уровень. Я, например, знаком с московскими бизнесменами, которые ездят по выходным в лес за грибами – на вертолете. Для высших слоев здешнего общества характерна настолько безграничная страсть к потреблению, что, по словам местных историков, зачастую ситуация сильно напоминает времена заката Древнего Рима. Однако, за исключением разве что Санкт-Петербурга, прекрасной, изрезанной каналами «северной столицы» России, построенной Петром I, все остальные второстепенные города страны серы и мрачны; они до сих пор советские, и по внешнему виду, и по нравственным устоям.

Путешествие по России напоминает путешествие во времени: Москва и Санкт-Петербург связаны между собой ультрасовременной высокоскоростной железной дорогой, вагоны для которой импортируют из Германии, но средний возраст остальной части российского

железнодорожного парка составляет двадцать лет. Это означает, что почти половина используемых сегодня железнодорожных вагонов были произведены еще в советскую эпоху. Путешествие в 700 километров из Москвы в Санкт-Петербург занимает сегодня не более 4 часов, а на поездку примерно на такое же расстояние от Москвы до Казани, которую называют «третьей столицей» России, потребуется целых тринадцать часов. Правительство инвестирует в транспортную систему так мало – всего 20 процентов от ВВП, меньше половины показателя Китая, – что трещины в ней растут просто на глазах. Продажи автомобилей (особенно класса люкс) увеличиваются двузначными темпами, а автодороги вокруг Москвы буквально разваливаются, в результате чего дорожные пробки тут похлеще, чем в любой другой столице мира. Все крупные развивающиеся страны (за исключением Бразилии) в период экономического бума прошлого десятилетия модернизировали свои основные крупные аэропорты, но Пулково в Санкт-Петербурге так и остался устаревшим и изношенным, еще одним реликтом давно ушедших советских времен.

Все эти противоречия нельзя объяснить исключительно культурными особенностями России. Они коренятся и в том, как делаются дела сегодня: Кремль позволяет предпринимателям свободно процветать в розничной торговле и других потребительских секторах и при этом жестко на государственном уровне контролирует стратегические нефтяной и газовый сектора. Результат – две разные экономики в рамках одной системы, первая относительно свободная, другая на редкость авторитарная. В 2007 году я рассматривал эти противоречия как побочный эффект переходного этапа, через который России предстоит пройти на пути превращения в европейскую экономическую державу. Сегодня же эта ситуация представляется мне полупостоянной.

Россия – нефтяное государство, которое сбилось с пути. После распада Советского Союза в начале 1990-х страна прошла через стадию полного хаоса, когда ее экономика изо всех сил боролась за восстановление своих позиций, вспыхивали войны в Чечне, а президент Борис Ельцин усиливал общенациональную нестабильность личной нестабильностью: пьянствовал, постоянно увольнял министров, увеличивал государственный долг страны. Одним из крупнейших экономических фиаско администрации Ельцина была неудачная приватизация государственных отраслей промышленности. Этот процесс быстро переродился в распродажу по бросовым ценам основных активов олигархам с нужными связями в правительстве. После всего этого хаоса страна нуждалась в стабильности, которую ей обеспечил приход к власти Владимира Путина; благодаря новому президенту Россия вступила в десятилетие бурного процветания.

Как и многие другие новые лидеры развивающихся стран, поначалу Путин очень напугал Уолл-стрит. Его предыдущая карьера агента КГБ в сочетании с явными характеристиками сильной и даже жесткой личности породили на Западе опасения, связанные с возвратом к старым советским способам управления, возможно даже, к холодной войне. Скучная информация о стремительном восхождении Путина по карьерной лестнице в кулуарах муниципалитета Санкт-Петербурга способствовала самым невероятным домыслам и предположениям относительно намерений нового российского президента. А поскольку на момент вступления в должность Путину было всего сорок восемь лет, он мог править еще очень долго. Но за первые восемь лет правления он сделал в основном все, что тогда было нужно России. Он заключил сделку, позволявшую олигархам не беспокоиться за свои компании до тех пор, пока они не лезли в политику, и обеспечил жесткий контроль над государственным долгом России.

Именно Путин породил в российском обществе здоровую паранойю и благоразумное отношение к своим нефтяным богатствам. В начале 2000-х, когда цена на нефть перевалила за 30 долларов за баррель, Путин и его главные экономические консультанты очень боялись, что она снова упадет до 20 долларов. Экономика страны сильно пострадала из-за резкого падения цен на нефть в 1990-х годах, и теперь плановики сосредоточили внимание на мерах спасения ситуации на случай, если это произойдет вновь. В итоге были созданы запасы на черный день – так называемый нефтяной стабилизационный фонд; к 2007 году в нем было более 225 миллиардов долларов.

В первые годы правления Путин провел ряд важнейших реформ: по укреплению банковской системы, по ослаблению бюрократии при основании новых компаний, по снижению подоходного налога физических лиц до 13 процентов и многие другие. Все это стимулировало потребительский бум в стране. Цены на нефть росли, и деньги текли рекой. Улицы Москвы начали выглядеть по-европейски, их заполнили всевозможные кафе и магазины брендовых европейских розничных сетей. На дорогах невероятно уродливые доморощенные автомобили «Лада» уступили место Mercedes и BMW. Невыносимую для глаза одежду 1970-х сменили новейшие модные тенденции из Милана и Парижа. Типичный россиянин сегодня имеет два и больше мобильных телефона, в то время как 60 процентов китайцев и 40 процентов индийцев не могут позволить себе даже одного. Начиная с конца 1990-х годов средний доход на душу населения в России вырос с 1500 до 12 тысяч долларов, больше чем в два раза превысив показатель Китая. Все это, понятно, в полной мере сочеталось

со стремлением многих россиян восстановить статус своей страны как крупного игрока глобального рынка давних времен холодной войны.

В 2007 году я описал Путина – к тому времени он был уже невероятно популярен, – как одного из немногих лидеров развивающихся стран, который явно понимает взаимосвязь между экономическими достижениями и политическим успехом государства. Тогда казалось, что Россия начала развиваться и вне нефтяного сектора: такие отрасли, как СМИ и розничная торговля товарами широкого потребления, были на подъеме. Конечно, усиливающийся контроль государства в стратегических секторах, таких как нефтяная, газовая и горнодобывающая промышленность, – а также заключение в тюрьму по сомнительным обвинениям нефтяного олигарха Михаила Ходорковского – отпугивали многих иностранных инвесторов. Однако те, кто был готов не обращать внимания на проблемы вроде дела Ходорковского, сорвали огромный куш. Сегодня, оглядываясь назад, можно сказать, что это были поистине неповторимые для бизнеса времена.

Россия пережила один из самых мощных бумов внутреннего спроса среди всех развивающихся стран мира. Акции банков, СМИ и компаний потребительского сектора дорожали на глазах – несмотря на то что цены на ценные бумаги российских нефтяных и газовых компаний практически зависли на одном уровне, отягощенные так называемой «российской скидкой», обязательной для любого бизнеса, подконтрольного Кремлю. Эти компании могли «сидеть» на нефтяных трубах стоимостью в миллиарды, но всем было понятно, что управляют ими в интересах Министерства финансов России или в личных интересах инсайдеров, но никак не в интересах миноритарных акционеров. В период между 2003 и 2007 годами экономический рост в стране в среднем составлял около 8 процентов, и хотя китайская и индийская экономики росли быстрее, из-за «российской скидки», отпугнувшей многих иностранных конкурентов, российские компании получали большую прибыль.

К концу 2007 года, впрочем, экономический пейзаж в стране начал меняться. По мере роста цен на нефть росло и высокомерие нации. С начала 2006 по середину 2008 года стоимость необработанной российской нефти взлетела более чем на 205 процентов, достигнув показателя в 140 долларов за баррель. Правительство Путина забыло о прежних опасениях и уверовало в то, что цены будут и впредь продолжать расти, подстегиваемые спросом со стороны Китая и других крупных формирующихся рынков. Осторожный подход к бюджетным расходам был отброшен в сторону – расходы на пенсии и прочие социальные программы росли на 20–30 процентов в год, все больше истощая государственную казну. И когда в 2008 году разразился мировой кризис,

правительство было вынуждено запустить руку в стабилизационный нефтяной фонд. В итоге этот фонд сильно оскудел: если на конец 2008 года он составлял 225 миллиардов долларов, то к концу 2010-го уменьшился до 114 миллиардов.

Сегодня для обеспечения сбалансированного бюджета Россия нуждается в постоянном повышении цен на нефть – основной источник государственных доходов этой страны. В 2009 году впервые за много лет стоимость барреля нефти упала ниже точки безубыточности для России. Тогда нефть стоила около 60 долларов за баррель, а России нужна была цена, приближающаяся к 100 долларам. В прошлом году этот разрыв не уменьшился, и ожидается, что он останется в пассиве до 2012 года. При этом кремлевские лидеры, составляя бюджет на 2011 год, исходили из того, что цена на нефть поднимется до 100 долларов и уже не упадет.

Суть всех этих рассуждений в том, что Россия была поистине удивительной историей возрождения – но только до 2008 года, когда финансовый кризис показал, что ей не хватает институциональной силы и политической воли для осуществления серьезных реформ, способных обеспечить быстрый экономический рост, особенно теперь, когда ее экономика стала сравнительно большой. Задача дальнейшего роста при доходе на душу населения в 12 тысяч долларов намного сложнее задачи роста с базы в 1500 долларов, которая стояла перед страной десять лет назад. Возможно, Владимир Путин оказался именно тем человеком, который сумел спасти Россию от распада в 1999 году, но сейчас вовсе не ясно, есть ли у него верное видение, способное вывести страну на новый уровень экономического развития. В 2011 году Путин объявил о планах в очередной раз баллотироваться на пост президента, и у него есть все шансы оставаться там до 2024 года, то есть в общей сложности четверть века.

Правила уличного движения: Москва

Будьте бдительны, если лидеры страны остаются у власти, исчерпав свои возможности. При любой системе правления упорное стремление лидеров удержать власть в своих руках – это очень тревожный знак. В такой ситуации фокус их внимания, как правило, смещается на защиту глубоко корыстных интересов, и они не слишком много думают о том, как предложить своей стране новое перспективное видение. Ярчайшими примерами могут стать бывшие республики СССР, от Беларуси до Туркменистана и Казахстана: их лидеры без особых раздумий отменяют ограничения сроков президентских полномочий, а то и вовсе «миропомазали» себя пожизненным президентством. Однако, к сожалению, заметные успехи развивающихся

стран последнего десятилетия убедили многих лидеров Африки и Латинской Америки в том, что достижения их государств – их личная заслуга. В Камеруне и Нигерии, Боливии и Венесуэле некомпетентные или коррумпированные лидеры присвоили себе право самовольно продлевать срок своих полномочий. Распространенная уловка – уход в отставку с передачей полномочий супругу или супруге. Именно так Киршнеры продлили время своего пребывания у руля Аргентины, которой в последние годы управляли настолько неэффективно, что в итоге Уолл-стрит исключила страну из списка развивающихся рынков.

Сильная сторона, которую используют слишком активно и простирают слишком далеко, рано или поздно обязательно становится слабостью. Российское правительство все больше сосредотачивается на развитии и поддержке государственных компаний-лидеров из сектора природных ресурсов – при необходимости выдавливая с рынка иностранные транснациональные корпорации, – и все меньше на развитии частного сектора. Начиная с 2008 года компании, не относящиеся к нефтяной промышленности, например местные автопроизводители и сектор недвижимости, добивались довольно жалких результатов; процесс анемичного восстановления мировой экономики их никак не коснулся. Из-за спада экономической активности рост потребительского сектора и сектора розничной торговли застопорился, и сегодня страна остро нуждается в каком-то другом, кроме нефти, источнике роста доходов для возрождения этих секторов. Сейчас российская экономика изо всех сил пытается добиться хотя бы 4-процентных темпов роста; по этому показателю Россия отстает от большинства развивающихся стран.

В развивающихся странах бытует старая мудрость: богатая страна производит богатые вещи. Южная Корея и Тайвань, например, выпускают множество видов высокотехнологичных продуктов и создали целый ряд глобальных потребительских брендов, от Samsung до Acer. Россия же не создает, по сути, ничего. На Московской фондовой бирже не зарегистрировано ни одной крупной и конкурентоспособной на мировом рынке производственной компании. Весьма печальный исход для страны, которая первой отправила человека в космос и дала миру двадцать семь лауреатов Нобелевской премии в области экономики и науки.

В России не существует золотой середины. Доля малых и средних предприятий здесь ниже, чем на любом другом крупном развивающемся рынке мира. Маленьких, динамичных и предприимчивых компаний, сыгравших решающую роль в экономическом подъеме Японии, Тайваня и Южной Кореи, в России практически нет. Это экономика находящаяся под

протекторатом государства промышленных конгломератов, а маленького семейного магазина или ателье тут не найдешь.

Не лучшее место для ведения бизнеса

Многие россияне, разочаровавшись в возможности нормального ведения бизнеса в родной стране, в конечном итоге эмигрировали. По оценке Всемирного банка, по простоте ведения бизнеса Россия стоит на 120-м месте из 183 возможных. Достаточно, например, сказать, что в российских компаниях практически любого сектора экономики есть должность, которую я не встречал больше почти нигде, – специалист по связям с государственными чиновниками, берущими взятки. Вряд ли это можно считать удачным рецептом повышения рентабельности, а чем прибыльнее работает небольшая компания, тем чаще становятся ее контакты со всякого рода взяточниками. Это ведет к потрясающему по объемам оттоку частного капитала с внутреннего рынка: в 2010 году из страны было вывезено 36 миллиардов долларов, а только в первом квартале 2011 года еще 29 миллиардов.

Еще одна простая, но часто игнорируемая проблема – география этого государства. Россия – одна из двадцати наименее густонаселенных стран мира; по сути, тут всего пять городов с критической массой потребителей и доходов, способной привлечь внимание глобальных брендов. Рассмотрим, например, задачу, которую поставила перед собой Magnit, крупнейшая по количеству магазинов розничная сеть России с более чем четырьмя тысячами торговых точек по всей стране. Начав с продуктовых магазинов шаговой доступности и перейдя на гипермаркеты, торгующие «всем, что нужно семье», Magnit открывала торговые предприятия поистине потрясающими темпами, по одному каждые восемь часов. Поскольку в России всего 800 крупных городов и лишь двенадцать из них города-миллионники, компания открывает свои магазины даже в городках с населением в 5 тысяч человек, и, по словам аналитиков, иногда дело заканчивается тем, что вывеска сети появляется на здании, больше напоминающем сарай, чем современное торговое предприятие. Снабжение столь широкой сети товарами представляет собой чрезвычайно трудную задачу, рефрижераторы компании нередко объезжают за рейс тысячи магазинов, разбросанных по многокилометровой территории. Позитивной же стороной данного проекта является то, что если Magnit сумеет утвердиться и начать процветать на столь сложном рынке, бизнес, скорее всего, будет очень выгодным. В связи с этим компания поставила перед собой весьма амбициозную цель – ежегодный рост в 40–50 процентов.

Российский бизнес-климат в равной степени невыносим и для иностранцев. Красноречивый факт: Россия – единственная крупная страна мира, которая все еще требует от командировочных и туристов перед походом в посольство России для заполнения заявления на визу подавать официальный запрос в МИД России. Это вряд ли способствует созданию дружественной для бизнеса атмосферы и особенно странно, учитывая, что многие россияне мечтают о том, чтобы их столица Москва стала когда-нибудь одним из финансовых центров мира.

Отсутствие середины

В России богатство и власть все больше сосредотачиваются в Москве, и правительство все жестче контролирует бизнес. В настоящее время в стране проживает 101 миллиардер; по этому показателю Россия уступает только США (там 412 миллиардеров), хотя ее экономика намного меньше японской, немецкой, китайской и многих других. В одной только Москве 69 миллиардеров – наибольшая концентрация для любого города мира... Экономика России (1,8 триллиона долларов) и ее фондовый рынок (общая стоимость 785 миллиардов долларов) составляют лишь четверть от соответствующих показателей Китая, но российские миллиардеры владеют почти вдвое большими богатствами, нежели их китайские «коллеги», и конкуренция среди них несравненно меньше. В список Forbes 2011 года вошли восемь из десяти миллиардеров России, которые входили также в предыдущий список, опубликованный пять лет назад.

Конечно, этого и следовало ожидать, ведь почти 80 процентов российских миллиардеров сколотили свои состояния в сырьевых отраслях промышленности, в частности нефтяной и газовой. В этих секторах успех всецело зависит от государственной поддержки, и, если относиться к своим покровителям правильно, можно сохранять выгодные контакты на протяжении долгих лет. Однако за рамками нефтяной и газовой отраслей Россия генерирует в лучшем случае очень скромные богатства. Поэтому прямо за миллиардерами тут зияет дыра – это место для отсутствующего в этой стране класса очень богатых людей. Занимая второе место в мире по числу миллиардеров, страна вообще не входит в список Boston Consulting Group, включающий пятнадцать государств с наибольшим количеством миллионеров. Китай, третий в мире по миллиардерам, третий и по миллионерам; в этой стране их 1,1 миллиона. В Испании, номер пятнадцать в списке BCG, 260 тысяч миллионеров; стало быть, в России, которая в него не вошла, их значительно меньше. Такое отсутствие середины – в определенной мере следствие способа создания богатства в России после падения коммунизма. В здешнем перечне миллиардеров очень мало

динамичных предпринимателей, если таковые вообще имеются, и большинство из них переместились в этот список из той группы олигархов, которые во времена ельцинских «распродаж» скупали крупные государственные компании за бесценок.

Многие сторонние инвесторы пытаются выиграть в инвестиционной игре в России, исключительно наблюдая за крупнейшими олигархами. Они стараются выяснить, сколько нефтяных денег в чьи карманы течет, а затем ставят на олигархов, замеченных в наиболее тесных связях с нынешними властями. В одном из своих обращений к клиентам, опубликованном в 2011 году, крупный американский банк представил анализ, куда в России идет «рента» (пренебрежительное жаргонное название монопольной прибыли), то есть сколько возвращается населению, сколько направляется обратно в экономику и сколько «прибирают к рукам олигархи». В конце обращения банк советует клиентам «держаться олигархов, наиболее преуспевших в получении доступа к рентным потокам», и предлагает на выбор несколько компаний, на которые, по его мнению, стоит обратить особое внимание.

Это классическая ошибка развивающихся рынков: на первый взгляд, данный подход кажется разумным использованием инсайдерской информации, но он очень рискованный, ибо, как только меняется политическая система – а это может произойти в любой момент, – выбранный вами олигарх буквально в одночасье может остаться у разбитого корыта. Мы уже не раз становились свидетелями того, как подобное случалось с инвесторами, которые слишком смело ставили на олигархов и компании, имевшие тесные связи с сильными лидерами, например Таксином Чинаватом из Таиланда (свергнут в 2006 году в результате переворота) или египетским Хосни Мубараком (свергнут в результате народных восстаний 2011 года).

Но больше всего сегодня меня поражает не то, что происходит в России, а то, чего там не происходит. Одно из самых вопиющих различий между Европой и Россией – это современная банковская система, которой в России, по сути, нет. В здешней банковской системе доминирует один крупный банк, а поскольку очень немногие россияне инвестируют у себя на родине, получить кредит какого-либо типа тут довольно трудно. Ипотечный рынок практически отсутствует; на его долю приходится всего около трех процентов от ВВП, самый низкий показатель среди развивающихся стран. Поэтому при покупке дома россияне расплачиваются наличными. Здешние малые предприятия платят по коммерческим кредитам процентную ставку в 15–20 процентов. Россияне очень мало занимают деньги в банках: общий объем кредитов как доля от ВВП тут приблизительно такой же, как в значительно более бедных странах, например в Египте. Здешний

финансовый сектор вообще больше напоминает соответствующие сектора приграничных рынков вроде Нигерии, нежели крупной развивающейся страны.

В преддверии кризиса 2008 года российские компании начали массово обращаться за кредитами в иностранные банки. Кремль же практически пребывал в неведении о том, что многие российские корпорации по уши увязли в долгах. Даже одной из крупнейших государственных нефтяных компаний страны пришлось брать заем у китайских государственных банков – под залог будущих поставок нефти. У государственных компаний второго эшелона проблемы были еще крупнее, а когда кризис начал набирать силу, иностранные кредиторы и инвесторы поспешили поскорее убраться с российского рынка. В итоге Россия стала единственной крупной страной мира, которая, чтобы остановить отток капитала и не допустить обвала рубля, во время Великой рецессии была вынуждена пойти на повышение процентных ставок: ставки по краткосрочным кредитам в пиковый момент подскочили с 6 до 29 процентов.

Слабость финансового сектора России частично обусловлена тем, что это единственная крупная страна, валюта которой была дважды уничтожена за последние два десятилетия. Сначала рубль пережил девальвацию в 1991 году, после распада Советского Союза, а потом во время кризиса 1998 года. Кроме того, в период Великой рецессии Россия была единственной большой развивающейся страной, пережившей классический кризис банковской системы, когда ее центральный банк, чтобы спасти наиболее проблемные банки, был вынужден накачивать их дешевыми деньгами. Это сделало положение России весьма уязвимым – наряду с Казахстаном, Нигерией и Украиной. Когда во время кризиса 2008 года иностранное финансирование внезапно прекратилось, на Московской фондовой бирже возникла паника, и за два месяца она «упала» на 74 процента – самое серьезное падение во всем мире.

Российские олигархи, многие из которых использовали акции своих компаний в качестве обеспечения по иностранным кредитам, были практически уничтожены. Для их спасения Кремлю пришлось запустить руку в валютные резервы и нефтяной фонд, созданный правительством на черный день. Соответственно, выжили те, у кого оказались самые полезные связи в верхах. Именно поэтому список богатейших российских миллиардеров в последнее время практически не изменился, разве что поуменились их состояния. А расплачиваться олигархам пришлось ужесточением государственного контроля без каких-либо дополнительных прибылей.

Кремль воспользовался процедурой спасения проблемных компаний, для того чтобы убедить владельцев бизнеса из таких отраслей, как горнодобывающая, передать свои акции сторонам, имеющим тесные связи с правящей партией страны «Единая Россия». Во время кризиса олигархам из этой отрасли во избежание банкротства приходилось закладывать огромные пакеты акций для получения кредитов от государственных учреждений. Правительство никогда не называло акции залогом, и, хотя благодаря данному маневру Кремль получил мощные рычаги воздействия на облагодетельствованных им бизнесменов, Министерство финансов России от всего этого никак не выиграло. Сегодня среди московских бизнесменов ходят устойчивые слухи, что Кремль предлагает спасенным им олигархам – и весьма настойчиво и убедительно – финансировать проекты стоимостью в сотни миллионов долларов в Сочи, где будут проходить зимние Олимпийские игры 2014 года. Говорят, теперь иностранные инвесторы, встречаясь с владельцами российских компаний, в первую очередь интересуются: «А чего ваше правительство хочет от вас?»

А хочет оно власти и популярности, причем любой ценой. В последнее время Москва проявляет все большее желание заслужить благосклонность своего народа. В 2007 году правительство щедро увеличило пенсии, и с тех пор отношение пенсионных выплат к реальной заработной плате выросло еще больше, с 25 до 40 процентов. Даже когда разразился кризис, никто и не думал идти на попятную; при этом доля государства в экономике страны приближается к огромным 50 процентам, серьезно препятствуя дальнейшему экономическому прогрессу в России. Положительное сальдо, созданное Путиным в начале десятилетия, превратилось к 2010 году в дефицит бюджета в размере 4 процентов от ВВП.

Кроме того, в стране наблюдается дальнейшая криминализация политики; связи между правительством и бизнесом неуклонно укрепляются. Это мешает появлению в стране поистине предпринимательской культуры – культуры того типа, которая в свое время обеспечила процветание Японии, Южной Кореи и Тайваня и способствовала развитию малого бизнеса в этих государствах. Администрация Путина позволила коррупции распространяться практически бесконтрольно, вызывая немалые сомнения в отношении провозглашаемой ею приверженности идее реформ свободного рынка.

В итоге даже российские олигархи с отличными связями в правительстве утратили веру в свою страну. С 2004 по 2008 годы деньги текли в Россию рекой, но в 2009 году этот поток повернулся вспять. В настоящее время Россия представляет собой единственный крупный зарождающийся рынок,

на котором показатель чистых прямых иностранных инвестиций в минусе – четкий знак, что россияне инвестируют за границей больше, чем иностранцы вкладывают в Россию. В 2010 году этот показатель составлял минус 10,5 миллиарда долларов, а в 2011-м отток капитала стал еще больше. Это говорит о том, что олигархи все сильнее обеспокоены медленным экономическим ростом и ухудшением делового климата на родине.

Иногда понять, куда же именно идут деньги российских олигархов, совсем нетрудно. Например, недавно один из них стал героем мировых СМИ из сферы недвижимости, выложив 78 миллионов долларов за особняк в Кремниевой долине. Иногда объекты их инвестиций загадочны и туманны. Одна из аномалий российской бухгалтерии заключается в том, что большие прибыли не всегда отображаются в потоках наличности, позволяя предположить, что деньги были вложены в весьма неоднозначные покупки. Я, например, подозреваю, что это вовсе не совпадение – что, по словам риелторов с юга Франции, многие роскошные виллы в Кап-Ферра и Монте-Карло в ценовом диапазоне 200–400 миллионов долларов выкуплены российскими олигархами и крупными государственными компаниями этой страны. Этакое уютные пристанища, места для бегства больших шишек.

И все же в стране можно найти некоторые признаки, указывающие на то, что Путин и его команда признают необходимость изменений. В конце 2010 года он попросил организаторов пригласить на пресс-конференцию в Москву знающего иностранного инвестора, чтобы тот дал для него честную оценку экономики России. И ваш покорный слуга провел презентацию – в блеске камер общенациональных телеканалов и в присутствии министров важнейших ведомств. Я говорил о том, что России будет трудно и впредь расти темпами, даже близкими к темпам последнего десятилетия, поскольку цены на сырье вряд ли будут расти столь стремительно, как в предыдущий период; что у России практически нет прошлого в других отраслях, кроме сырьевой; что государство играет в экономике слишком большую роль для страны со средними доходами. Путин слушал меня очень внимательно, делая пометки, и в заключение заверил, что правительство России намерено в скором будущем отказаться от некоторых нестратегических отраслей промышленности.

Слыша хорошие новости из России, нужно читать между строк

Даже к явно позитивным сведениям из России следует относиться осторожно. Например, вскоре после описанной встречи с Путиным правительство страны объявило о планах ускоренной приватизации государственных компаний. Но в России «приватизация» означает лишь то,

что государство продает свою собственность, оставляя себе не 60 процентов, а 51 процент. В итоге получается, что оно владеет меньшим числом акций, но контрольный пакет по-прежнему принадлежит ему.

Еще один пример – то, как Кремль справляется, пожалуй, с наихудшей проблемой старения населения в развивающемся мире. По оценкам специалистов, в период между 2010 и 2015 годами население трудоспособного возраста в стране будет сокращаться примерно на 870 тысяч человек в год. Это означает ежегодное уменьшение данного показателя на 1 процент – вдвое выше среднеевропейского; единственный пример демографического спада среди крупнейших формирующихся рынков. В тот же период, с 2010 по 2015 годы, ожидается, что численность населения трудоспособного возраста в Индии будет расти почти на 2 процента в год, а в Китае на 0,5 процента (после чего в Китае также прогнозируют спад).

Одно из очевидных решений проблемы старения населения – иммиграция, разрешение на въезд в страну более молодым семьям из-за рубежа. Однако Россия в течение почти двух десятилетий после распада Советского Союза упорно не шла на эту меру. Возможно, обидевшись на бывшие республики СССР за то, что они с такой готовностью высказались в пользу национальной независимости, Россия после их ухода наглухо захлопнула за ними двери. Но в 2007 году Москва все же ввела новые правила, благодаря которым Россия стала одной из немногих крупных стран мира, куда люди въезжают, а не выезжают. Из десяти самых густонаселенных государств сегодня только Россия и США имеют позитивный поток иммиграции. (В Китае, Индии, Бразилии и ЮАР этот показатель со знаком минус). Ожидается, что в 2011 году Россия примет 40 тысяч иммигрантов, в основном из бывших советских республик-сателлитов из Центральной Азии.

Однако, хотя приток иммигрантов, несомненно, явление позитивное, плюс этот совсем незначительный. Хорошо, что люди едут в страну, но 40 тысяч – капля в море для государства с населением в 140 миллионов, это никак не может решить тяжелейшую проблему старения населения России. А поскольку большинство иммигрантов русские либо, как минимум, русскоязычные – по сути, это в основном репатрианты, возвращающиеся домой после долгого отсутствия, – то, что на первый взгляд кажется открытием дверей в мир, на самом деле очередной поворот внутрь себя.

И данный шаблон – с виду реформы, а на поверку пустой жест – мы видим в России снова и снова. Например, не так давно президент Дмитрий Медведев стал инициатором создания современного научно-технологического

инновационного комплекса Сколково на западе Москвы, призванного стать своего рода инкубатором технологических российских стартапов. Идея вполне согласуется с современным прогрессивным мышлением, однако знающие люди считают, что это, прежде всего, способ защитить российских предпринимателей от алчных бюрократов, обеспечив их прямой связью с Кремлем. Или еще один пример. Инвесторы, вложившие средства в крупные российские розничные сети, были очень рады, услышав о решении Кремля закрыть в Москве огромный вещевой рынок под открытым небом – остров антисанитарии и криминала и прибежище для злостных нарушителей налогового кодекса в центре города – давний символ практики черного рынка, с которым законопослушным государственным компаниям было чрезвычайно трудно конкурировать. Но, копнув глубже, руководители компаний розничной торговли поняли, что это вовсе не шаг к построению более открытой и законопослушной экономики, а всего лишь ответная мера, направленная против владельца этого рынка, который, как говорят, отказался сотрудничать с высокопоставленным кремлевским чиновником в реализации проекта по строительству гостиничного комплекса в Чечне.

После многочисленных и кровопролитных боев с государственниками реформаторы в правительстве России складывают оружие. На протяжении многих лет в Кремле велась открытая война – дворцовые интриги у всех на виду, явление, абсолютно уникальное для России. Речь идет не о здоровой прозрачности, эта постоянная борьба представляется не чем иным, как самоцелью, и в конечном итоге очень мешает стране двигаться вперед. И на данный момент трудно сказать, каким образом Россия вернет себе свою былую харизму.

Путин по-прежнему пользуется в народе большой популярностью, что, как недавно сказал мне один из главных советников Медведева, является отражением «монархического менталитета» россиян. Под этим он имел в виду всеобщее преклонение российского народа перед авторитарными, сильными личностями и довольно прохладное отношение к идеям демократии и свободного рынка. Вряд ли эти слова можно назвать новым прочтением России, однако было весьма любопытно услышать их от одного из ключевых игроков и представителя реформаторских сил Кремля.

Куда же все это приведет Россию? Спустя два года после глобального финансового кризиса она остается одной из очень немногих развивающихся стран, где темпы роста значительно ниже докризисного уровня: по сравнению с докризисным уровнем в 7,2 процента они снизились почти вдвое. Страна сильнее большинства других пострадала и во время Великой рецессии, когда ее экономика сократилась более чем на 10 процентов. Из

всех крупных формирующихся рынков Россия, вероятно, последней восстановила былые объемы производства – ее экономика вернулась к докризисному пику только в конце 2011 года. Кроме того, хотя в период медленного восстановления в стране не должно быть большой инфляции, в России она становится все большей проблемой: уровень инфляции последние два года составлял тут в среднем 7,8 процента – сравните со средним для формирующихся рынков показателем в 4,5 процента. Большая инфляция наблюдалась только в Индии, экономика которой растет намного быстрее российской, да в Египте со всеми его политическими потрясениями последнего времени. Это сочетание медленного экономического роста и серьезной инфляции позволяет предположить, что потенциальные темпы роста России неуклонно снижаются: Россия, как и Бразилия, так мало инвестировала в новые заводы, дороги и промышленное оборудование, что ее рабочая сила становится все менее и менее продуктивной. И чтобы восстановить прежний потенциал роста, Россия нуждается не только в новой, не нефтяной, модели экономического развития. Она нуждается в новом, не монархическом, менталитете народа.

Глава 5

Бог по национальности бразилец

Дорожное движение в Сан-Паулу настолько затруднено, что главы крупнейших бразильских компаний создали для себя альтернативную транспортную систему – сеть посадочных площадок на крышах офисных небоскребов. Теперь топ-менеджеры могут летать из штаб-квартиры в штаб-квартиру на вертолете

Когда события развиваются в нужном для них направлении, бразильцы шутя говорят, что Бог по национальности бразилец, и, надо сказать, в последние годы эта страна действительно словно была отмечена Божьим благословением. Такое впечатление, что она главный мировой экспортер каждого вида сырья, цены на которое за это время поднялись до пиковых показателей: железной руды, сои, сахара. В итоге прошедшее десятилетие стало поистине «золотым веком» экономического роста Бразилии. Президент страны Инасиу Лула да Силва еще в 2007 году назвал этот период *Momento Mágico* (магическим моментом) Бразилии, но, по мнению многих иностранцев, в дальнейшем эта магия продолжится, причем в еще более впечатляющих масштабах, ведь стране удалось выйти из кризиса 2008 года

с относительно небольшими потерями. Иностранные деньги текут в бразильские акции и облигации бурными потоками: если по состоянию на начало 2007 года эти инвестиции ежегодно увеличивались на 5 миллиардов долларов, то за год, предшествовавший марту 2011 года, они выросли более чем на 50 миллиардов долларов.

Однако же если Бог и приложил к этому руку, то действовал Он отнюдь не на пользу бразильцам. Приток иностранных денег, на которые сегодня скупаются бразильские ценные бумаги, превратил бразильский реал в одну из самых дорогих валют в мире, а Бразилию – в одну из самых дорогих и переоцененных экономик. За последние десять лет валюта почти всех крупных развивающихся рынков укрепилась по отношению к доллару, но реал идет по своему собственному, уникальному пути, резко выделяясь среди остальных. Его стоимость по сравнению с долларом за последнее время выросла вдвое, а если страна повышает свои цены до несопоставимого с конкурентами уровня, любой ее гость почувствует это сразу по приезду.

Гостиничные номера в Рио стоят дороже, чем на Французской Ривьере, а поход в ресторан в Сан-Паулу обойдется дороже, чем в Париже. Апартаменты в шикарном районе Рио под названием Леблон выставлены на продажу за бо2льшую цену, чем квартиры на Пятой авеню с видом на Центральный парк. В апреле 2011 года крупнейшая газета Рио O Globo опубликовала статью о ценах в городе. Оказалось, круассаны тут стоят дороже, чем в Париже; стрижка в парикмахерской – дороже, чем в Лондоне; прокат велосипеда – дороже, чем в Амстердаме, а поход в кино – дороже, чем в Мадриде. Недавно на знаменитом пляже Рио Ипанема я купил знакомой девушке коктейль Bellini, заплатив за него 24 доллара, – это просто нелепо! Если валюта страны со средним уровнем дохода становится такой дорогой, значит, что-то в ней неладно, и у Бразилии действительно есть скрытые проблемы, способные привести в будущем к весьма серьезным трудностям.

По-моему, трудно найти лучший пример в подтверждение того, что нельзя сваливать в одну кучу все крупные развивающиеся рынки мира, чем вошедшее у многих в привычку сравнение Бразилии с Китаем. Бразилия – крупнейший в мире экспортер многих сырьевых материалов, а Китай – крупнейший импортер. И данное обстоятельство не только делает эти страны важнейшими торговыми партнерами – как главный партнер Бразилии Китай еще в 2009 году обогнал США, – но и «сталкивает лбами» практически во всех основных экономических вопросах. Иначе говоря, Бразилию скорее можно назвать противоположностью Китая.

Сегодня специалисты и наблюдатели все чаще признают, что в Китае возник серьезный «дисбаланс». Одержимая идеей быстрого экономического роста, эта страна в последние годы потратила слишком много средств на строительство дорог и портов. При этом она прилагала огромные усилия к тому, чтобы национальная валюта оставалась излишне дешевой (так экспортным отраслям Китая проще конкурировать на мировом рынке), поощряя чрезмерно высокий уровень экономии (сэкономленные в результате средства реинвестируются в очередные крупные проекты по развитию инфраструктуры) и сохраняя процентные ставки на слишком низком уровне (чтобы иметь возможность финансировать многочисленные инвестиции в экспорт и инфраструктуру). И только сейчас Китай начал задумываться о разработке социальных программ, призванных защитить народ от превратностей старости и безработицы.

В Бразилии тоже наблюдается серьезный дисбаланс, хотя и совершенно иного свойства. Те, кто объединяет Бразилию и Китай в одну категорию, учитывают лишь тот факт, что обе страны являются крупнейшими игроками в своих регионах, напрочь забывая о том, как функционируют их экономики. Все последнее десятилетие Бразилия была одержима скорее идеей стабильности, нежели роста. Тогда как Китай на протяжении последних трех десятков лет неустанно проводил всевозможные реформы, открываясь для остального мира, даже если это угрожало ему усилением внутренней нестабильности. Бразилия же шла на серьезные перемены только в самом крайнем случае. Опасаясь проблем из-за рубежа, по такому показателю, как доля внешней торговли в ВВП, Бразилия и сегодня остается одной из самых закрытых стран развивающегося мира, несмотря на статус ведущего мирового экспортера таких важных продуктов питания, как сахар, апельсиновый сок, кофе, мясо птицы и говядина.

Пережив совсем недавно, в 1980-х годах, сильные всплески гиперинфляции, Бразилия создала экономическую систему с одной из самых высоких процентных ставок во всем развивающемся мире. Они-то и привлекли в страну бурный поток иностранных денег, из-за чего бразильский реал резко подорожал по сравнению с другими, сопоставимыми с ним, национальными валютами. Правительство уже потратило огромные средства на создание государства всеобщего благосостояния в европейском стиле, а вот в дороги, школы и другие объекты инфраструктуры здесь инвестируют мало. Все это делает Бразилию латиноамериканской противоположностью Китая, со значительно менее амбициозными целями относительно экономического роста. В сущности, тут мы имеем дело с хрестоматийным примером негативного аспекта осторожности: ничем не рискуя, рискуешь еще больше.

Можно ли считать Бразилию моделью растущей мировой державы?

В 2007 году, когда президент Лула провозгласил наступление «магического момента» в развитии своей страны, в Бразилии только что завершился четырехлетний период 4-процентного экономического роста. Но экономики России, Индии и Китая в тот же период росли в среднем на 8 процентов. Возможно, не вполне правомерно сравнивать показатели Бразилии с достижениями ее азиатских соперников, ведь доход на душу населения в этой стране равен 12 тысячам долларов, то есть более чем вдвое выше, чем в Китае, и в пять раз выше, чем в Индии. Но даже если принять во внимание тот факт, что богатым странам расти и развиваться труднее, чем бедным, темпы роста Бразилии не могут не разочаровывать. С начала 1980-х этот показатель колебался в среднем вокруг 2,5 процента, пиковые взлеты наблюдались лишь в связи с основными экспортными товарами Бразилии. А это явно не назовешь моделью державы с растущей экономикой.

Если Китай критикуют за стремление к росту любой ценой, то Бразилия, напротив, стремится к стабильности любой ценой. Такая осторожность есть следствие долгой череды финансовых кризисов, пережитых этой страной, когда чрезмерные расходы вели к огромным долгам, унижительным нарушениям обязательств по платежам и постыдной девальвации реала, а кульминацией стала экономическая катастрофа, достаточно недавняя, чтобы воспоминания о ней были по-прежнему свежи в памяти каждого взрослого бразильца. Речь идет о гиперинфляции, разразившейся в начале 1980-х и достигшей своего пика в 1994 году, когда цены взлетели на поистине головокружительные 2100 процентов. Цены в стране росли так быстро, что к моменту, когда компании сдавали чеки на депозит, те теряли до 30 процентов своей стоимости. Компании, соответственно, тоже взвинчивали цены, причем настолько сильно и бессистемно, что в один «прекрасный» момент дошло до того, что маленькая баночка солнцезащитного крема могла стоить столько же, сколько номер в роскошном отеле.

Заработная плата бразильцев индексировалась с учетом инфляции, но далеко не всегда адекватно, поэтому никто толком не знал, хорошо он зарабатывает или нет. Как только людям платили зарплату, они буквально бегом бежали в магазин за продуктами питания. Помимо еды, бразильцы могли позволить себе очень немного, и отрасли, производящие продукты не первостепенной важности, начали вымирать. Каждый очередной президент, занимая свой пост, предлагал новый план спасения – впрочем, обычно это были вариации одного и того же плана. Заключался он в основном в замораживании цен и введении новой валюты, что за десять лет было проделано пять раз. Крузейро уступил место крузадо, крузадо новому крузейро, а потом крузеро, и так до

тех пор, пока наконец этот длительный процесс проб и ошибок не закончился внедрением плана, реализованного в 1994 году, в результате которого в Бразилии был введен реал, нынешняя валюта страны. Но обуздать гиперинфляцию получилось только в 1995 году, после чего регулярные проблемы страны с инфляцией остались позади.

В итоге Бразилия построила государство всеобщего благосостояния, что она просто не может себе позволить. После кризисов 1980-х бюджетные расходы как доля от всей экономики страны неуклонно росли, увеличившись в 2010 году с 20 процентов – типичный для развивающегося мира показатель – до примерно 40 процентов, одного из самых высоких коэффициентов среди развивающихся наций. Сегодня Бразилия уже не та, что прежде. В 1950-х и 1960-х годах ее экономика росла двузначными темпами, и профессора экономики из развивающихся стран, от Южной Кореи до Аргентины, единодушно провозглашали Бразилию моделью совершенства в области экономического развития. Но к 1970-м годам, когда нефтяные потрясения уверенно потянули цены вверх, Бразилия сбилась с верного пути и скатилась к популистским мерам, из последних сил стараясь дать народу комфортную жизнь. Достаточно сказать, например, что принятая в 1988 году Конституция гарантирует всем бразильцам бесплатное медицинское обслуживание и высшее образование. Сегодня каждый третий бразильский работник находится под защитой законов о минимальной заработной плате – вопиющий пример микроменеджмента рынка труда на государственном уровне. Современные экономисты никак не сойдутся во мнении, в какой момент заботливое управление становится эквивалентом плохого управления, но они полностью единодушны в том, что бюджетные расходы должны регулироваться с учетом такого важнейшего показателя, как доходы на душу населения. И если говорить о Бразилии, то в настоящее время государственные расходы должны составлять около 25 процентов от ВВП, а никак не 40. Иными словами, следует признать, что Бразилия уже давно вошла в зону чрезмерных расходов.

Как уже говорилось, обременительная система государства всеобщего благосостояния – это болезнь богатых, но в Бразилии мы имеем дело с полномасштабным примером такой системы при отсутствии достаточно высокого уровня дохода граждан. Чтобы содержать свое огромное правительство, Бразилия взвинтила налоги, и в настоящее время налоговое бремя составляет 38 процентов от ВВП. Это самый высокий показатель во всем развивающемся мире, более характерный для развитых европейских стран с развитой социальной системой, таких как Норвегия и Дания. Столь тяжкий груз налогов, возложенный на плечи физических и юридических лиц в относительно бедной стране, означает, что у компаний не хватает средств

на инвестиции в новые технологии и обучение персонала, а это, в свою очередь, значит, что отрасли не развиваются. В период между 1980 и 2008 годами производительность труда в Бразилии росла примерно на 0,2 процента в год, в то время как в Китае этот показатель составлял 4 процента. Данная ситуация четко отражает тот факт, что Китай не только привлекает больше людей к работе на заводах и фабриках, активно инвестирует в новейшее оборудование и строит новые дороги для быстрой доставки готовой продукции на рынок, но и постоянно думает о способах повышения эффективности работников и оборудования. В тот же период – с 1980 по 2008 год – производительность труда в Индии росла почти на 3 процента в год, а в Южной Корее и Таиланде почти на 2 процента. Это одна из главных причин, по которым все вышеназванные страны можно с уверенностью, фактически или в потенциале, отнести к прорывным нациям, а вот Бразилия в эту категорию явно не входит.

Почему Бразилия перегревается на таких низких скоростях

С одной стороны, из-за нежелания или неспособности Бразилии инвестировать в новые дороги и фабрики довольно простые задачи, например перемещение грузов по стране, превращаются, по сути, в фарс. Из-за недостатка складских помещений и автопогрузчиков водители грузовиков, доставивших сахар в морской порт в Сан-Паулу, регулярно простаивают у портовых ворот по два-три дня. И далеко не всем им удастся довести груз до порта в целостности и сохранности. Один бывший руководитель крупной американской агрофирмы рассказал мне, что его компания доставляла семена из удаленных от прибрежной черты регионов Бразилии грузовиками, но дороги в стране настолько ужасны, что по прибытии в порт Сан-Паулу приемщики зачастую недосчитывались половины груза. А выпавшие из машин мешки с семенами тут же подбирали местные жители, и, по словам того же бизнесмена, он не раз видел, как его продукцией бойко торговали на парагвайских рынках.

С другой стороны, низкий уровень инвестиций представляет для Бразилии весьма серьезную проблему, ибо это означает, что экономика перегревается даже при очень невысоких темпах роста. По сути, речь идет не о чем ином, как о балансе спроса и предложения: если система снабжения страны базируется на устаревших заводах и разбитых дорогах, предложение не может угнаться за спросом и цены неизбежно будут расти. Если государство слишком мало инвестировало в школы и, следовательно, выпускает недостаточно высококвалифицированных рабочих, то заработная плата будет расти. А в последние годы создается впечатление, что экономика Бразилии дошла до предела практически во всех аспектах: давно устаревшие

аэропорты в Рио и Сан-Паулу – их не модернизировали несколько десятков лет – из последних сил справляются с ростом воздушного трафика; предприятия страны работают на грани производственной мощности.

Дорожное движение в Сан-Паулу настолько затруднено, что главы крупнейших бразильских компаний создали альтернативную транспортную систему – сеть посадочных площадок на крышах офисных небоскребов. И теперь топ-менеджеры могут летать из штаб-квартиры в штаб-квартиру на вертолете. С тех пор как я услышал об этой системе впервые, мне не раз приходилось пользоваться ею самому, и, должен сказать, хотя она отлично обслуживает бизнес-элиту, для Бразилии в целом ее появление – очень плохой знак. А еще это чрезвычайно инфляционный способ перемещения по городу. Учитывая весьма скромные достижения этой страны, люди, приезжая сегодня в Сан-Паулу и глядя на пустые участки, отведенные под строительство объектов Олимпийских игр 2016 года, сильно сомневаются, под силу ли Бразилии решить эту задачу.

Правила уличного движения: Сан-Паулу

Будьте бдительны, если для массовых общественных проблем находят неофициальные частные решения. Если вы видите, что частные лица и компании строят собственные транспортные сети или электростанции, знайте, что правительство страны не сумело должным образом выполнить свою работу (примеры – Бразилия или Нигерия) и реальные затраты на ведение бизнеса в этом государстве, скорее всего, очень высоки.

Не менее тягостное впечатление вызывают и «закупорки» в артериях, питающих трудовые ресурсы Бразилии. Из-за недостаточного финансирования школ страна испытывает острую нехватку квалифицированной рабочей силы. Уровень безработицы снизился до рекордно низкого за последнее десятилетие показателя в 6 процентов, а предприниматели жалуются, что вынуждены отдавать рабочие места совершенно неподготовленным и неквалифицированным кандидатам. Среднестатистический ученик в Бразилии учится в школе всего семь лет. Это самый низкий показатель для страны со средним уровнем дохода; даже в Китае, где класс доходополучателей намного ниже, он составляет 8 лет. В стране налицо очевидное снижение производственных и сервисных стандартов. Зарплаты растут, привлекая обратно бразильских пилотов, эмигрировавших ранее в Азию и на Ближний Восток, а стандарты обслуживания на отечественных авиалиниях неуклонно снижаются. Из-за нехватки пилотов количество отмененных и задержанных рейсов резко возрастает в конце каждого месяца; в стране введены ограничения на

ежемесячный налет. Даже в чрезвычайно дорогих отелях Рио, например в *Ipanema Beach*, где вам придется уплатить до 1000 долларов за сутки, – номер зачастую не убирают до полудня. За рамками любой критики!

Это может показаться нелогичным, но высокая стоимость рабочей силы и транспорта в Бразилии есть прямой результат недостаточного инвестирования в соответствующие сферы. Это ведет к отсутствию потенциала. Если общий объем инвестиций в Китае (во все области – от новых заводов до новых школ) в последнее десятилетие вырос до 50 процентов от ВВП, в Бразилии этот показатель на протяжении многих лет остается чуть менее 19 процентов – один из самых низких в развивающемся мире. А конкретно, доля суммарных инвестиций в новую инфраструктуру – автомобильные и железные дороги, порты и др. – составляет в Бразилии всего 2 процента от ВВП. Сравните это со средним показателем по развивающимся странам (5 процентов) и с показателем Китая (10 процентов). Приятное чувство, которое испытываешь, ведя авто по гладенькому, только что построенному шоссе, известно и привычно большинству нынешних китайцев, но, по сути, незнакомо бразильцам. Неудивительно, что, чтобы добраться до порта Сан-Паулу, требуется не меньше двух дней; неудивительно и то, что в Бразилии создается впечатление, будто все вокруг куда-то спешат и все равно отстают от графика, что чего-то постоянно нет в наличии.

Широко распространенный показатель, отображающий, насколько полно экономика страны задействует свою рабочую силу и оборудование (его называют коэффициентом использования производственных мощностей), в Бразилии очень высок – 84 процента, то есть почти на 5 процентных пунктов выше, чем в среднем по развивающимся странам. А поскольку бразильским компаниям постоянно чего-то не хватает и при этом им приходится дорого платить и за персонал, и за товары, они, как правило, перекладывают эти затраты на потребителей. Серьезная нехватка мощностей означает, что экономический двигатель Бразилии перегревается на относительно низких скоростях, все выше взвинчивая цены. Притом что темпы роста ВВП страны едва дотягивают до 4 процентов, в то время как в Китае этот показатель составляет около 8 процентов. Цены растут, когда предложение не поспевает за спросом, а в Бразилии и спрос, и предложение слабее, чем в Китае. Этим в двух словах объясняется, почему мне пришлось выложить в Рио целых 24 доллара за коктейль *Bellini*.

Правила уличного движения: Рио-де-Жанейро

Обращайте внимание на валюту страны. Хорошо, если национальная валюта дешева, ибо это значит, что цена активов и экспортные цены низкие и обладают большим потенциалом роста. Современные экономисты используют для определения ценности валюты сложные модели, позволяющие отслеживать самые разные факторы, от баланса внешней торговли до инфляционной разницы цен, но не менее полезную и ценную информацию о конкурентоспособности страны несут в себе самые обычные цены на проживание в гостинице и ужин в ресторане. Если пребывание в развивающейся стране кажется непомерно дорогим даже гостю из богатого, экономически развитого государства, велика вероятность, что эта страна неконкурентоспособна.

Нечестолюбивая бразильская модель

Сказать, что Бразилия развивается так медленно просто потому, что она более не заинтересована в высоких темпах роста, не будет слишком большим преувеличением. Гиперинфляция 1980-х годов в значительной степени была вызвана непомерными бюджетными расходами, финансируемыми за счет внешних займов; так страна старалась сохранить двузначные темпы роста предыдущего десятилетия. Но в настоящее время главная цель бразильских плановиков заключается не в быстром росте, а в стабильности экономики. В Китае все крупные реформы, проведенные за последние три десятка лет, были по-настоящему радикальными: разрешение крестьянам мигрировать в города, допуск иностранных инвесторов на китайский рынок и тому подобные. А в Бразилии реформы в основном были направлены на создание надежного фундамента для экономики страны. Главная заслуга в прекращении гиперинфляции в Бразилии принадлежит премьер-министру Фернанду Коллор де Мелу, который в 1994 году раз и навсегда положил конец чехарде с новыми валютами, введя реал и привязав его к доллару. Когда в конце 1990-х инфекция, поразившая валюту многих развивающихся рынков, начала угрожать и бразильскому реалу, тогдашний президент Фернанду Энрике Кардозу смог стабилизировать экономику страны, введя новые меры по контролю расходов, в том числе приняв закон о бюджете, серьезно ограничивший доступ к большим займам независимо настроенным бразильским штатам. Но самый яркий пример – это, конечно же, президент Лула, победивший на выборах 2002 года с программой радикальных реформ, которая в числе прочего предусматривала завуалированную угрозу невыполнения страной своих обязательств по платежам, что, понятно, серьезно напугало иностранных инвесторов. Однако, придя к власти, Лула резко изменил курс и принял программу бюджетной дисциплины, практически неотличимую от стабилизационной программы Кардозу, и сделано это было по очень простой причине. Президент понял, что инфляция

сильнее всего бьет по бедным слоям населения и рабочему классу, главному фундаменту его Рабочей партии. И когда в апреле 2007 года темпы инфляции снизились до 3 процентов – уровень США, – казалось, что Бразилия сделала невозможное.

Лула дал бразильскому народу то, чего тот действительно хотел, то есть стабильность. Поскольку экономика Бразилии никогда не росла такими огромными темпами, как в некоторых других странах – крупных экспортерах сырья, например в России, и не брала крупных займов, она оказалась лучше подготовленной к кредитному кризису. Рабочее происхождение президента Лулы дало ему смелость и решимость призвать широкие народные массы Бразилии к финансовой ответственности. Лула покинул свой пост в начале 2011 года, и сегодня его стиль управления считается моделью для Латинской Америки. Другие страны этого региона следуют его примеру, переходя от радикализма к умеренности. Например, во время избирательной кампании 2006 года известный перуанский политик Ольянта Умала выступал в образе классического латиноамериканского смутьяна в красной футболке, но во время кампании 2011 года он одевался уже в строгие костюмы и в высшей степени позитивно отзывался о макроортодоксальном бразильском стиле управления. Однако люди, восхищающиеся бразильской экономической моделью, видят только ее относительно сильные экономические показатели последнего времени и забывают о неожиданных всплесках цен на сырье, благодаря которым в основном были достигнуты эти показатели, а также о более давнем незавидном прошлом экономики Бразилии и присущих ей слабостях и недостатках.

Если Petrobras (компания) стоит дороже Турции (страны), тут что-то не так

До недавнего времени бразильская элита, судя по всему, упускала из виду один простой факт: деньги, которые так щедро тратят правительство и потребители страны, всецело зависят от высоких цен на сырьевые товары, и если цены на сырье резко снизятся, пирамида сразу рухнет. Президент Лула приобрел огромную популярность, взяв под контроль долги и обеспечив народ некой экономической стабильностью, но его администрация, похоже, так и не поняла, насколько хрупкой была и остается эта стабильность. Бразилия нашла деньги для строительства государства всеобщего благосостояния в первую очередь благодаря высоким ценам на такие товары, как железная руда и сахар. Трудно переоценить, в какой мере ее недавний успех обусловлен высокими ценами на эти виды сырья. Ситуацию с резким усилением экономической мощи экспортеров сырьевых товаров отлично охарактеризовал глава Резервного банка Австралии Гленн Стивенс, отметив,

что еще пять лет назад за один корабль, груженный железной рудой, можно было купить 2200 телевизоров с плоским экраном, а в 2011-м – 22 тысячи. Бразилия крупнейший в мире экспортер железной руды и других видов сырья, что, конечно же, стало одной из главных причин стремительного роста фондового рынка страны. Последние десять лет самыми эффективными секторами развивающихся государств были энергетический и сырьевой, а самыми эффективными нациями, соответственно, экспортеры энергии и сырьевых товаров, в частности Россия и Бразилия. В 2008 году был период, когда общая стоимость ценных бумаг нефтяного гиганта Petrobras, государственной собственности Бразилии, составляла более 300 миллиардов долларов. При этом весь фондовый рынок Турции оценивался тогда в менее чем 200 миллиардов долларов.

Сырьевой «золотой дождь» прекрасен, пока он идет, однако он несет в себе семена саморазрушения. Большой спрос на бразильский кофе, сталь и железную руду ведет к постоянному повышению стоимости реала, из-за чего все остальные экспортные товары Бразилии неуклонно дорожают. Бразильские заводы пустеют. Доля производства в ВВП достигла своего пика в 16,5 процента в 2004 году, после чего к концу 2010 года сократилась до 13,5 процента. При всех иностранных деньгах, мощными потоками привлекаемых в Бразилию дешевым сырьем и высокими процентными ставками, сильный реал обеспечивает бразильского потребителя все большей покупательной способностью: общий объем импорта иностранных товаров и услуг растет в стране быстрее, чем объем экспорта, уводя общий текущий баланс в пассив, с профицита в 2007 году к дефициту в 50 миллиардов долларов по состоянию на 2010 год. И в этом Бразилия тоже представляет собой полную противоположность Китая, где стоимость валюты выросла за последние годы очень незначительно, а суммарное положительное сальдо торгового баланса продолжает стремительно расти.

Зависимость Бразилии от экспорта сырьевых товаров не просто чревата риском, этот риск постоянно растет. После открытия в последние годы ряда новых крупных нефтяных месторождений Бразилия, по оценкам специалистов, занимает по запасам нефти десятое место в мире; некоторые эксперты называют ее «очередной Саудовской Аравией». Десять лет назад страна производила миллион баррелей нефти в день. К 2011 году этот показатель вырос до двух миллионов, и по глобальным прогнозам к 2015 году увеличится до 4 миллионов в день, а к 2020 году – до 6 миллионов, после чего Бразилия станет очень серьезным конкурентом крайне ненадежных поставщиков с Ближнего Востока и из Африки. Возможно, это благо для всего мира, но Бразилия выиграет от данной ситуации только в том случае, если научится инвестировать огромные прибыли, получаемые от торговли

нефтью, в повышение своей производительности. Саудовская Аравия не делала этого на протяжении многих лет, и сегодня доход на душу населения в этой стране ниже, чем в 1970-х годах.

Неразрешимая трилемма

В настоящее время Бразилия являет собой яркий пример одного из популярнейших экономических проектов, нацеленных на решение труднейшей «трилеммы». С этой проблемой сталкивается лидер любого государства, стараясь одновременно решить три задачи: стабилизировать обменные курсы, процентные ставки и потоки иностранного капитала в страну и из нее и управлять ими. Поиск решения в данном случае очень напоминает игру в незамысловатую компьютерную игрушку Whack a Mole (то есть «Прихлопнуть крота»), в которой игрок бьет по одному кроту, а из другой норы тут же появляется следующий. В нашем глобальном мире с огромными международными денежными потоками в эту игру можно играть бесконечно. Молотишь по одному аспекту трилеммы, и где-то тут же вылезает другая. В попытке стабилизировать инфляцию повышаешь процентные ставки, и это, как правило, привлекает в страну иностранный капитал и ведет к росту обменного курса. Стараясь повысить конкурентоспособность своей валюты, сдерживаешь рост процентных ставок, рискуя при этом разгулом инфляции. И далее в том же духе.

Бразильскую же головоломку решить особенно трудно, поскольку здешнее население буквально одержимо проблемой инфляции, которая уверенно набирает скорость при низких темпах экономического роста. Чтобы ее сдерживать, власти на протяжении многих лет удерживали процентные ставки на высоком уровне, что способствовало привлечению иностранного капитала, но неизбежно вело к неоправданной переоценке национальной валюты и препятствовало экономическому росту. Китай сегодня столкнулся с прямо противоположной проблемой: производственный потенциал страны очень высок, и власти много лет старались удерживать стоимость валюты на низком уровне, обеспечивая тем самым конкурентоспособность своих предприятий на мировом рынке и максимально полное использование ресурсов. Однако все это сильно усложняет задачу повышения процентных ставок в случае угрозы инфляции, как это случилось в 2011 году. Китаю, в отличие от Бразилии, необходимо, напротив, снизить обороты инвестиционного разгула и позволить своей валюте с заниженным курсом дорожать, и это в то время, когда многие заводы страны уже работают не на полную мощность. Бразилия же нуждается в увеличении инвестиций, снижении процентных ставок и более дешевой валюте, но решить все эти три задачи будет крайне трудно. Из-за мощного притока иностранного капитала

ни Бразилия, ни Китай ни за что не смогут достичь этих целей, не навредив себе в других аспектах. Обе страны угодили в одну и ту же ловушку трилеммы, несмотря на то что первая является крупнейшим экспортером, а вторая крупнейшим импортером сырья в мире, и стоящие перед ними проблемы носят прямо противоположный характер.

В столь сложной ситуации совсем неудивительно, что китайцам и бразильцам сегодня так трудно понять друг друга. Недавно топ-менеджер крупнейшего бразильского банка рассказал мне любопытную историю, наглядно иллюстрирующую эту проблему. Китайские инвесторы охотно вкладывают деньги в экономику Бразилии – главным образом потому, что, расходуя огромные суммы на покупку бразильского кофе и железной руды, они считают такие инвестиции надежными и выгодными. Однако, как узнал один крупный китайский инвестор, пришедший в бразильский банк жаловаться на жуткие простои и задержки в бразильских портах, инвестиционная среда в этой стране очень сильно отличается от китайской; он чувствовал себя тут как на чужой планете. «Ну почему же вы не развиваете свою инфраструктуру?» – удивленно спросил китаец. И бразильский банкир объяснил ему: «Нам нужно думать о рентабельности, а из-за высоких процентных ставок стоимость капитала у нас настолько высока, что построить что-либо очень и очень трудно».

Китайский инвестор смотрел на банкира с недоумением. Рентабельность? Процентные ставки? В Китае с его масштабными вливаниями государственных средств в проекты, связанные с развитием инфраструктуры, вопрос рентабельности вообще не стоит; не надо думать о рентабельности, если вы хотите построить порт или железную дорогу. Будущая прибыль правительство не интересуется, ему нужно, чтобы заработали новые железнодорожные ветки. И при процентных ставках, близких к нулю, рост которых китайские власти сдерживают уже не первый год, стоимость капитала тоже никогда не была особой проблемой. Так что разговор банкира из страны с одними из самых высоких процентных ставок в мире с инвестором из страны, где деньги практически бесплатны, по сути, напоминал разговор глухого со слепым.

Когда «культура CNBC» воспринимается как комплимент

Приведенная выше беседа помогает объяснить и еще одно диаметрально различие между этими двумя странами: все последнее десятилетие фондовый рынок Бразилии оставался одним из самых быстрорастущих в развивающемся мире, а китайская биржа – самой пассивной. Несмотря на все разговоры о том, что китайские коммунисты «приняли капитализм», его

важнейший, основополагающий аспект ими еще явно не принят. На Шанхайской фондовой бирже зарегистрированы в основном крупные государственные предприятия, которым не приходится особенно заботиться о прибыли; в Бразилии же, из-за высокой стоимости займов (и всего остального), котирующиеся на бирже компании вынуждены вести себя в высшей степени дисциплинированно, и, как следствие, работают они весьма рентабельно. Это одна из главных причин, по которым фондовый рынок Бразилии в долларовом выражении вырос с 2000 по 2010 год на 300 процентов, то есть больше чем втрое по сравнению с китайским, несмотря на значительно более медленные темпы экономического роста.

По крайней мере, в этом отношении в Бразилии, в отличие от ряда других развивающихся стран, наблюдается позитивная тенденция. Стоимость фондовых рынков должна повышаться с ростом экономики, но в последние десятилетия это правило часто не соблюдалось в развивающемся мире. Яркий пример – Южная Корея, где основной фондовый индекс KOSPI достиг своего пика в 1989 году, в то время как экономика страны продолжала расти на 8 процентов в год и впредь, вплоть до азиатского финансового кризиса, разразившегося в 1997 году. Компании начали рассматривать фондовую биржу как место, где можно заработать шальные деньги, а не как основной показатель своей долгосрочной стоимости. Компании развивающихся стран сосредоточились на росте – больше сотрудников, бо2льшие объемы сбыта, бо2льшая доля рынка – и совершенно перестали обращать внимание на то, обеспечивает ли все это достаточно большую чистую прибыль после налогообложения. А ведь именно этот показатель в первую очередь интересует инвесторов любого фондового рынка. В последние годы ситуация начала меняться: компании большинства стран, от Бразилии до Южной Кореи, все чаще переориентируются на прибыль, а фондовые рынки растут (и уменьшаются) вместе с колебаниями экономики – за немногочисленными, но яркими исключениями, к коим относится, например, Китай.

Чем точнее фондовая биржа отображает реальную экономическую ситуацию в стране, тем важнее становится ее роль как индикатора, позволяющего определить, в каком направлении движется нация. В Индии, например, фондовый рынок со временем превратился в своего рода замену опросов общественного мнения. В важнейшие периоды принятия годового бюджета национальные СМИ подробно рассказывают о реакции фондового рынка на решения правительства, и народ воспринимает это как окончательный приговор по поводу реалистичности и осмысленности нового бюджета. Возможно, по этой причине современные индийские политики привыкли спрашивать себя, что о них думает фондовый рынок. Из-за всеобщего

внимания к тому, что говорят инвесторы и финансовые аналитики на новостных каналах, работающих в стиле CNBC – сегодня они быстро распространяются во всех развивающихся странах, включая Индию и Бразилию, – эти люди превратились в своего рода рупор общественного мнения, в этакий глас народа.

Влияние класса инвесторов на важнейшие общенациональные решения трудно оценить в количественных показателях, но, я уверен, оно огромно. Взлет многих лидеров вроде президента Лулы, которые идут на выборы как радикалы, а управляют как умеренные политики, наглядно демонстрирует, насколько эффективно усиление культуры глобального рынка сужает рамки политического выбора. Поскольку рынки капитала играют все более важную роль в финансировании экономического роста стран, у всех у нас, по сути, остается только один вариант – использовать стандартный набор универсальных правил, позволяющих стране с максимальной выгодой воспользоваться преимуществами глобализации. Постоянно растущий класс акционеров наблюдает за всем происходящим в мире круглые сутки, и рынок моментально наказывает политиков за решения, слишком сильно оторванные от традиций.

Термин «культура CNBC» (Consumer News and Business Channel – канал потребительских и деловых новостей), то есть массовая одержимость взлетами и падениями рынков, – часто используют в уничижительном смысле. Многие считают круглосуточные репортажи обо всех, даже самых незначительных, движениях рынка наивысшим проявлением краткосрочного мышления и всего негативного, что с этим связано. Но в последнее время правительства и компании многих развивающихся стран настолько сосредоточились на росте любой ценой, что на прибыль – символ эффективного устойчивого роста – часто просто не обращали внимания. И в таких странах подъем «культуры CNBC» может иметь весьма позитивные последствия.

Особенно яркий пример в данном смысле представляет собой Бразилия. Чего стоит, например, история одного из богатейших бразильских бизнесменов Эйке Батисты, который перемещается по городу с большим отрядом телохранителей, что считается среди магнатов Рио хорошим тоном, ибо вопрос уличной преступности, вызванной огромным разрывом в доходах населения, стоит тут очень остро. (По этой же причине, кстати, Бразилия является вторым по величине покупателем бронированных автомобилей). А еще с Эйке всегда и везде сторожевой пес Эрик и устройство BlackBerry; бизнесмен постоянно проверяет, как меняется стоимость акций его неуклонно расширяющейся бизнес-империи.

Сегодня Батиста входит в десятку богатейших людей мира, но его цель – занять место самого богатого человека на планете, мексиканца Карлоса Слима, и Батиста явно выбрал правильный фокус, чтобы этого добиться. Все дело в прибыли, продуктивности и принятии верных стратегических решений. Какими бы мотивами ни руководствовался Эйке Батиста, его нацеленность на прибыль и обеспечение ценности для акционеров, без сомнения, весьма выгодно отличает его от магнатов, действовавших на развивающихся рынках до кризиса 1990-х годов. Эти бизнесмены стремились только к одному – построить максимально огромную империю, пусть она даже будет неэффективной, расхлябанной и в долгах как в шелках. Бразилии, судя по всему, одержимость вопросами эффективности была бы очень полезна.

Настало время для экспериментов

Следует, однако, признать, что во властных структурах страны особых подвижек в нужном направлении не наблюдается. Если китайские лидеры признали и уже активно обсуждают проблемы дисбаланса, с которыми столкнулась экономика государства, то бразильцы только едва начинают понимать, насколько переоценена их экономика и занижены инвестиции в нее. И бразильцев такое вялое отношение в проблеме, похоже, вполне устраивает, либо же они сами ищут и находят способы обходить возникающие на их пути препятствия – например, строят вертолетные площадки на крышах небоскребов в Сан-Паулу.

Чтобы вырваться за рамки порочного круга низких темпов роста, Бразилии нужно начать экспериментировать – ей необходимо пойти на определенный риск. Несмотря на роль крупного мирового экспортера, страна по-прежнему остается чуть ли не самой протекционистской, «нормальной» экономикой в мире – если не считать совсем уж экстравагантных случаев, таких, например, как Северная Корея. В Бразилии действует огромное множество давно устаревших торговых ограничений, и доля внешней торговли в ВВП страны составляет тут всего 20 процентов – самый низкий показатель среди всех развивающихся рынков. Власти противятся устранению или хотя бы ослаблению этих ограничений, опасаясь, что резкое увеличение импорта приведет к ухудшению торгового дефицита, однако усиление конкуренции со стороны иностранных производителей могло бы разжечь искру новаторства и экспериментирования, которой так не хватает бразильским предпринимателям.

Не так давно я беседовал с Арминио Фрагой, бывшим управляющим центрального банка Бразилии. Он рассказал, что на первом этапе

экономического бума, в 1950-х и 1960-х годах, доход на душу населения в стране вырос с 12 до 25 процентов от соответствующего показателя США, за следующие десятилетия снизился до 16 процентов и за последние десять лет опять вырос до 20 процентов. Теперь же Фрага опасается, что цикл непомерных расходов и самоуспокоенности, положивший в свое время конец первому экономическому буму в Бразилии, может начаться снова. «Как мне представляется, все дело в том, что мы никак не можем избавиться от своих иберийских корней», – сказал Фрага, ссылаясь на самоуспокоенность, характерную для культуры государства всеобщего благосостояния, построенного в стародавние времена Португалией, колонизатором Бразилии. Если Бразилия не начнет проводить серьезные реформы, ее экономике будет трудно расти даже на нынешние 4 процента в год, что и так больше чем в половину медленнее темпов роста Китая. И тогда народу останется рассчитывать лишь на то, что Бог действительно по национальности бразилец.

Глава 6

Экономика финансовых магнатов

По всей видимости, не стоит удивляться, что после серьезного ослабления власти колумбийских наркокартелей центр картельной мощи переместился

в Мексику – своего рода «чашку Петри» для разведения монополий любых видов и типов

У каждой нации есть свои олигархи и финансовые магнаты, но Мексику в этом смысле можно считать редким исключением – эта страна принадлежит им безраздельно. Десять богатейших бизнес-семей контролируют тут практически все отрасли, от телефонной связи до СМИ, что позволяет им без особых усилий устанавливать высокие цены, даже несмотря на относительно слабый спрос на внутреннем рынке. Благодаря отсутствию конкуренции местные олигополисты наслаждаются необычайно высокими прибылями, и именно этим объясняется, почему в последние два десятилетия фондовый рынок Мексики оставался одним из самых эффективных, а экономика страны – одной из самых неэффективных во всем развивающемся мире. Следует отметить, что столь вопиющий разрыв между состоянием фондового рынка и экономики для современной глобальной экономической среды крайне нетипичен. В Мексике эта необычная ситуация в первую очередь отражает огромную, ничем не ограниченную власть олигополии.

Крупные мексиканские компании используют полученные на внутреннем рынке сверхприбыли в основном для того, чтобы стать крупными транснациональными корпорациями, но сама Мексика в плане экономического роста безнадежно отстала. Из-за проблем и трудностей местных рынков у мексиканских олигополистов практически нет стимулов для инвестиций и инноваций: темпы роста производительности остались практически на том же уровне, что и во времена финансового кризиса 1994 года, когда чрезмерные займы правительства привели к падению стоимости национальной валюты песо на 80 процентов. В последнее десятилетие экономика росла в среднем на 3 процента в год, а во времена глобального экономического бума 2003–2007 годов застыла в одной точке. Когда-то Мексика считалась богатейшей страной Латинской Америки, но в последние годы крупнейшие соперники решительно обошли ее; сегодня же средний доход на душу населения тут составляет 9500 долларов, то есть ниже, чем в Бразилии (10 800 долларов) и Чили (11 800 долларов).

Однако на мексиканском фондовом рынке все это ровным счетом никак не сказывается. Все прошедшее десятилетие он уверенно опережал рынок США: его стоимость в долларовом выражении выросла за это время более чем на 200 процентов, хотя американский фондовый индекс S&P 500 оставался практически на одном уровне. При этом экономика Мексики развивалась не намного быстрее, чем экономика ее северного соседа. Данную ситуацию можно объяснить двумя вероятными причинами: либо ценные бумаги Мексики дорожают по отношению к американским, либо

мексиканские компании увеличивают прибыли достаточно быстро, чтобы оправдать повышение курса своих акций. Любопытно, что заработки мексиканских корпораций действительно росли значительно быстрее, чем у американских компаний. Из-за Великой рецессии корпорации США вынуждены рационализировать производственные процессы и массово увольнять рабочих; корпорации потребляют все большую долю экономического пирога, в связи с чем их прибыли становятся все более спорными с политической точки зрения. Сегодня их доля составляет около 12 процентов от ВВП страны. Но мексиканские корпорации оттяпывают куда больший кусок мексиканского экономического пирога – около 25 процентов от ВВП.

В итоге Мексика стала страной с низкими темпами роста экономики, характерными для экономически развитых наций, стремительно растущей фондовой биржей, характерной для формирующегося рынка, и огромными прибылями, источником которых служат дисфункциональные монополии. Десять богатейших мексиканских бизнес-семей владеют более чем третью общего объема здешнего фондового рынка – это одна из самых высоких концентраций среди развивающихся стран мира. Частные картели производят около 40 процентов продуктов, потребляемых мексиканцами, и устанавливают на них цены на 30 процентов выше среднего международного уровня. Телефоны, услуги, безалкогольные напитки и многие продукты питания стоят тут дороже, чем в соседней Америке, где доход на душу населения в пять раз выше.

Революционная партия олигархов

Олигополистическая культура этой страны коренится в ее государственной политике. Вплоть до выборов, состоявшихся в июле 2000 года, доминирующая Институционно-революционная партия Мексики (Institutional Revolutionary Party, PRI) и сама была самой настоящей монополией. Она без особых проблем и потрясений правила в стране на протяжении семидесяти лет, и за это время мексиканцы очень привыкли и окончательно приспособились к централизованной власти. Лидеры «передавали мантию» в соответствии с весьма специфической системой «престолонаследования»: действующий президент просто указывал на преемника *el dedazo*, то есть буквально пальцем. А поддержку общества PRI обеспечивала себе, щедро раздавая избранным влиятельным лицам различные привилегии, в том числе места в парламенте. Ведение деловых переговоров превратилось в простой и предсказуемый процесс, ведь самые разные группы: правящая партия, крупные компании, государственные и частные альянсы и объединения, группы, представляющие интересы

крупных фермеров и крестьян, мощный учительский профсоюз, – имели, по сути, одинаковую структуру. Все это были иерархически организованные олигополии. Иными словами, для заключения деловой сделки достаточно было, чтобы олигархи встретились в кулуарах, обсудили ситуацию и выработали устраивающее обе стороны решение.

Нет смысла говорить, что заключающиеся таким образом соглашения неизбежно были корыстными. Профсоюзы, например, протолкнули Закон о труде, гарантирующий невероятно низкую текучесть кадров в бюджетной сфере. А корпорации удерживали налоги на чрезвычайно низком уровне: суммарный сбор составлял всего 12 процентов от ВВП, один из самых низких показателей в мире. Подобные сделки и соглашения всегда дорого обходятся государству; в Мексике неуклонно растущий государственный долг привел к последовавшим один за другим кризисам 1980-х и 1990-х годов. В конечном итоге в 2000 году PRI наконец свергли, но прочно укоренившаяся олигополистическая структура пережила не только эту партию, но и нового президента Мексики Висенте Фокса, лидера Национальной партии действия (Nation Action Party, PAN). К 2006 году, когда Фокс ушел в отставку, 90 процентов законодателей общенационального уровня были выходцами из организованных структур с давними связями с PRI, в том числе из общественных объединений и групп, представляющих интересы крестьянства. К чести президента Фокса, надо сказать, он пытался реформировать олигополии и культуру, лежащую в их основе, по крайней мере в государственном секторе, но потерпел сокрушительное фиаско. Опросы общественного мнения и сегодня показывают, что подавляющее большинство мексиканцев относятся к приватизации враждебно, считая, что государство должно жестко контролировать экономику страны.

Мексика не относится к нациям с современной политической культурой, в которых демократические институты постоянно бьются над вопросом, что полезнее и лучше для их страны. Это так называемая досовременная экономика, в ней группы с особыми интересами и разные влиятельные круги соперничают друг с другом за доступ к политической верхушке, то есть, по сути, за свою долю от общего пирога. Например, из боязни утратить влияние на получение прибыли государственный нефтяной сектор и сегодня наотрез отказывается открывать двери посторонним. Из-за этого объемы инвестиций в отрасль недопустимо ничтожны, а мероприятия по поиску и разработке новых месторождений сведены к минимуму. В крупнейшей государственной нефтяной компании Pemex числится почти 150 тысяч сотрудников, и более 11 тысяч вообще не заняты в производственном процессе, ибо их рабочих

мест больше не существует. Но из-за закрепленных в вышеупомянутом Законе о труде привилегий бюджетных кадров уволить их невозможно.

Картельный подход к ведению дел глубоко проник в государственный сектор Мексики, и ярчайшим примером того может послужить именно Pemex. Компания работает настолько неэффективно, что государство практически ничего не выиграло даже от недавнего пикового повышения цен на нефть на мировом рынке. Объемы производства нефти сократились с рекордных 3,4 миллиона баррелей в сутки в 2004 году до 2,6 миллиона в прошлом году, и объемы экспорта продолжают сокращаться. Сегодня страна зарабатывает на торговле нефтью намного меньше, чем пять лет назад, а теперь над ней навис еще один серьезный риск, связанный с повышением цен на это сырье. Данная тенденция крайне негативно сказывается на другой крупной экспортной статье Мексики – продаже автомобилей в Соединенные Штаты. А еще из-за ограниченных мощностей в области нефтепереработки страна постоянно увеличивает импорт бензина. Как следствие влияния всех этих факторов весьма серьезное повышение цен на нефть на мировом рынке практически никак не сказалось на экономическом росте Мексики.

Когда растущее неравенство – зло не необходимое

Одним из следствий олигополистической культуры является бесконечное усиление социального неравенства. Показатель Мексики тревожно выделяется на так называемой кривой Кузнеца, отображающей, что на ранних этапах экономического роста любой страны мощный прилив подхватывает и увлекает вверх все лодки, хотя доходы богатых слоев общества растут значительно быстрее, чем доходы рабочего класса. Обычно растущее неравенство – необходимое, но временное зло, неизбежный спутник быстрого экономического развития. Целому ряду стран, в том числе, например, Тайваню и Южной Корее, со временем удалось вырваться из рамок этой кривой и обеспечить быстрый рост, сопровождавшийся сглаживанием имущественного расслоения общества. Мексику же приходится отнести в этом смысле к абсолютным неудачницам, ибо тут усиление неравенства сопровождается весьма скромными показателями роста: по сути, глубоко укоренившиеся власть и богатство мексиканской элиты стали основным препятствием на пути развития экономики всей страны в целом.

В том, что в большом бизнесе развивающегося государства заправляют доминирующие семьи, нет ничего удивительного, но в Мексике у крупных объединений и профсоюзов еще и вошло в привычку передавать бразды правления привилегированным наперсникам. При этом такие группы

преследуют исключительно своекорыстные интересы. Например, профсоюз работников соцобеспечения добился для себя пенсий не только гораздо более щедрых, чем в среднем по стране, их еще и субсидируют из кармана среднестатистического мексиканца. А учительский профсоюз уже двадцать лет назад с боями вырвал себе право на ведение коллективных переговоров на общенациональном уровне. По мнению экспертов, одним из главных результатов данного соглашения стало то, что мексиканские школьники из года в год занимают по международным рейтингам одно из последних мест по уровню подготовки, независимо от того, в каком городе или регионе страны они получали образование.

Данную ситуацию застоя и косности четко отображает список мексиканских миллиардеров. В последние годы он практически не менялся. Все те же несколько семей богатеют день ото дня, а чтобы и впредь удерживать в руках свою небывалую мощь в сфере ценообразования, они изо всех сил противостоят любым попыткам открыть местную экономику для внешних конкурентов, что, в свою очередь, ведет к дальнейшему росту инфляции в стране.

Впрочем, сказать, что мексиканские магнаты чувствуют себя на родине комфортно, будет явным преувеличением. Олигархи, входящие в топ-десятку миллиардеров, в среднем владеют состояниями свыше 10 миллиардов долларов каждый (на сегодня это самый высокий показатель во всем развивающемся мире), но стараются не выставлять свое богатство напоказ. Так же как в Бразилии, ЮАР и других развивающихся странах с высоким уровнем преступности и общественного негодования, где похищение людей ради получения выкупа стало весьма распространенным и выгодным бизнесом, мексиканские крэзы, как правило, предпочитают особо не высовываться. Они ездят на пуленепробиваемых автомобилях, окруженные десятками телохранителей, и стараются не слишком бросаться в глаза. Мексиканский магнат Карлос Слим считается самым богатым человеком во всем мире, но, глядя на его дом в Мехико, этого никак не скажешь. Мало того что это относительно скромное здание с шестью спальнями и небольшим бассейном, оно еще и скрыто за высоченным забором.

Для сравнения скажу, что мне много приходилось путешествовать по бесплодным землям криминогенного индийского штата Уттар-Прадеш в компании одного из богатейших тамошних миллиардеров. Этот человек был защищен только собственными одеждами и чувствовал себя при этом в полной безопасности. Индийские миллиардеры вообще с большим удовольствием выставляют напоказ свое богатство. Видели бы вы,

например, дом богатейшего человека страны Мукеша Амбани стоимостью в миллиард долларов. Площадь его – более тысячи квадратных метров, двадцать семь этажей горделиво возвышаются даже над строениями высотного элитного района Мумбаи. И несмотря на это, атмосфера в Индии куда приятнее и здоровее, чем в Мексике, где олигархи еще богаче, но при этом страшно всем напуганы.

Когда сегодня приезжаешь в Мехико, кажется, что страна достигла критической точки. Местные СМИ пестрят жуткими историями о резком всплеске преступности, сценарии мексиканских телесериалов в основном посвящаются убийствам, разбоям и похищениям. Не впадая в самые страшные крайности, скажу, например, что путешественникам, приехавшим в Мехико, не рекомендуется садиться в зеленые автомобили Beetle, принадлежащие столичному такси. Тут всем известно, что водители этой компании нередко везут пассажира не в пункт назначения, а прямо в руки грабителей. Да и на государственных должностях тут нередко оказываются вымогатели и нечестные люди. Так, хозяин моего любимого ресторанчика в Мехико поспорил с влиятельной местной чиновницей, которая непременно хотела войти в его заведение с собакой. Владелец запретил ей это делать, и злопамятная дама, воспользовавшись в качестве официального предлога указом о правилах парковки, вскоре закрыла его ресторан.

Впрочем, в страхе в этой стране живут не только олигархи. Конечно, в многолетней войне мексиканских властей с наркодилерами плохие парни стреляют в основном в полицейских либо друг в друга, но не обходится и без неизбежных в такой ситуации побочных эффектов. Все больше мексиканцев побогаче и предприимчивее делают себе специальную американскую визу, позволяющую им, если они инвестируют достаточно средств в американские компании, переезжать в США. Недавно мне рассказали об одном бизнесмене, который владеет клиникой в городе Сьюдад-Хуарес, расположенном неподалеку от американо-мексиканской границы, прямо напротив тexasского Эль-Пасо. Раньше, напуганный насилием и засильем наркотиков, он запрещал своим домочадцам ездить в Колумбию, а сегодня связанный с наркотиками криминал заполонил Сьюдад-Хуарес и заставил его перевезти семью в Техас. Теперь этот человек ездит в собственную клинику только в случае особой надобности, в сопровождении вооруженных до зубов охранников. А вот в Колумбии ситуация с наркотиками исправилась настолько, что его семья ездит в отпуск в колумбийский город Медельин, еще пять лет назад считавшийся мировой столицей криминала.

Если кредиты заморожены десятилетиями, капитализм не работает

Сегодня бизнес страны, что называется, лег на дно. Если глобальный кризис вынудил многие страны занимать слишком активно и много, Мексике пришлось занимать слишком мало. За прошедшее десятилетие зарождающиеся рынки в среднем увеличили сумму банковских кредитов для юридических и физических лиц на 20 процентных пунктов, до 50 процентов от ВВП, а в Мексике этот показатель вырос всего на 3 процента, составив 24 процента от ВВП. Это весьма важный и показательный момент, ибо капитализм просто не может функционировать без займов, в Мексике же кредиты растут медленнее, чем в любой другой стране Латинской Америки. Начиная с кризиса песо, разразившегося в 1994 году, основные мексиканские банки упорно держат кредиты и займы «на коротком поводке», и такая вялость в области кредитования вполне ожидаема для любого неконкурентоспособного рынка. (Этим, например, частично объясняется стагнация в Японии, где банковское кредитование тоже было заморожено много лет назад.) В последние годы одним из ключевых факторов экономического роста других стран Латинской Америки стала активная инновационная деятельность банков, начавших предоставлять кредиты клиентам с низким уровнем доходов, то есть сектору, ранее ими не обслуживаемому. Но мексиканские банки предпочли не суетиться.

Исключения обычно делали только для крупных частных монополий, даже когда с деньгами было совсем туго. Олигополистическая структура этих компаний формировалась в 1970-е годы, когда Мексика была еще, по сути, социалистической страной, а большинство отраслей – государственными монополиями, надежно защищенными от иностранной конкуренции высокими тарифными барьерами. В результате двух кризисов 1980-х и 1990-х годов, вызванных огромными государственными задолженностями, эти компании распродали частным владельцам. На практике это зачастую горстка имеющих доступ к капиталу богатых семей, которые приобретают госсобственность по ценам значительно ниже ее балансовой стоимости. В итоге государственные монополии превратились в частные; именно они со временем дали жизнь многонациональным корпорациям Мексики.

Расширять бизнес на родине было крайне трудно, ибо укрепиться в сферах, где доминирующие позиции занимают яростно конкурирующие друг с другом магнаты и олигархи, практически невозможно. Поэтому мексиканские компании, воспользовавшись весьма серьезным преимуществом огромной наличности, генерируемой закрытым для внешнего мира внутренним рынком, начали с поразительным успехом выходить на зарубежные рынки. В настоящее время на фондовой бирже Мехико зарегистрирована крупнейшая в мире телекоммуникационная компания America Movil, третья по величине цементная компания CEMEX,

вторая по величине компания по производству содовой Femsa и крупнейшая компания, выпускающая маисовые лепешки тортилья, Gruma (любопытно, что бо2льшую часть прибыли она зарабатывает не в Мексике или Латинской Америке, а в США). В предыдущее десятилетие многие из них, чтобы укрепиться на глобальном рынке, активно брали кредиты, и какое-то время все шло, на первый взгляд, просто замечательно – до кризиса 2008 года, выявившего недостатки этой системы. Некоторые зарубежные операции оказались слишком дорогими. Песо с треском «обвалился», и ценовой потолок острыми шипами пробила специальная монопольная цена капитала. Курс акций одних мексиканских мировых гигантов, в первую очередь цементной компании CEMEX, резко снизился; другие были вынуждены вовсе отступить на внутренний рынок.

Оказавшись в ситуации сильного прессинга, олигархи перестали соблюдать неписаное правило, запрещающее нападать друг на друга на своей территории – например, производители цемента поменьше начали конкурировать с CEMEX за ее давних клиентов. А телекоммуникационные компании меньшего размера принялись давить на правительство, стараясь заставить его отменить непомерно высокую плату за подключение к сети и прекращение вызова, которые холдинг America Movil, доминирующий игрок мексиканского телекоммуникационного рынка и собственность Карлоса Слима, издавна использовал для безраздельного контроля над этим рынком. America Movil, со своей стороны, изо всех сил старалась пролезть в сферу телевидения, а телевизионные гиганты делали все возможное, чтобы отобрать у нее долю телекоммуникационного рынка.

Иными словами, мировой финансовый кризис инициировал процесс подрыва обороноспособности мексиканских олигополий, и к 2011 году правительство страны начало предпринимать первые шаги для исправления ситуации. В частности, был принят новый антимонопольный закон, предусматривающий суровое наказание за использование антиконкурентных практик, включая серьезные штрафы и даже возможность тюремного заключения для топ-менеджеров компаний-нарушителей. Вскоре после принятия этого закона компании Слима America Movil выписали штраф в 1 миллиард долларов – за то, что она взимала с конкурентов явно завышенную плату за проведение звонков своих клиентов через ее сеть. Слим нанес ответный удар, вновь потребовав выдать его компании, специализирующейся на телефонии и интернет-услугах, лицензию на создание телевизионного канала. Несколько лет назад Слиму уже отказали, главным образом из-за опасений правительства по поводу выхода его мощной, доминирующей в стране телекоммуникационной сети на новый рынок. Учитывая, что конкурентам магната еще раньше позволили

предлагать потребителям «тройной сервисный пакет», включающий услуги телефонии, интернета и телевидения, отказ предоставить такое же право Слим только укрепляет конкурирующие монополии.

Правила уличного движения: Мехико

Что хорошо для отдельных компаний, не всегда хорошо для экономики страны, и наоборот. В первую очередь это относится к государствам, в которых господствуют олигополии, таким как Мексика, ЮАР и в некоторой степени Филиппины. Если, например, конкуренция усиливается, ослабляя власть олигополий, это может негативно сказаться на аномально высоких прибылях крупных компаний, но нередко бывает полезно для экономики в целом, так как цены для потребителей снижаются, а общая производительность труда растет, усиливая тем самым потенциал роста страны.

Межолигархические войны

Первые, пока еще едва зарождающиеся антимонопольные усилия и усиливающиеся стычки между мексиканскими магнатами можно воспринимать как предвестники поворота страны в сторону истинной конкуренции. Но впереди у нее еще очень долгий путь. По мнению аналитиков Уолл-стрит, вполне вероятно, что в результате всех этих межолигархических войн Слим и его конкуренты просто поделят между собой рынки телекоммуникаций и телевидения и оба сектора окажутся в руках сильных, давно устоявшихся олигополий. America Movil поклялась подать апелляцию на штраф в миллиард долларов, и это судебное разбирательство может затянуться на долгие годы. Чтобы сломить сопротивление сильнейших национальных монополий, вновь созданной комиссии по конкуренции придется выдержать длительную кампанию. При этом, надо сказать, действия президента Кальдерона не дают больших поводов для оптимизма в этой сфере: его главные приоритеты, озвученные при вступлении в должность, включали в числе прочего реформу трудового законодательства, исправление дисфункций энергетического сектора и решение проблемы роста государственных доходов. Однако по состоянию на середину 2011 года Кальдерон так и не добился сколько-нибудь заметного успеха ни на каком из этих фронтов.

Жестокие нарковойны в Мексике в определенной мере тоже являются следствием картельной бизнес-культуры этой страны. По всей видимости, не стоит удивляться, что после серьезного ослабления власти колумбийских наркокартелей центр картельной мощи переместился в Мексику – своего рода «чашку Петри» для разведения монополий любых видов и типов. Когда

в 2010 году Кальдерон предупреждал, что мексиканские наркокартели «пытаются навязать монополию силой оружия и даже ввести свои собственные законы», он, возможно, говорил о давно всем привычных мексиканских олигополиях (ну, разве что они не используют огнестрельное оружие). Эти картели изрезали северную границу страны нелегальными коридорами в США; каждый из них действует в основном в своей зоне. За единственным исключением – когда в результате решительных наступательных действий правительства освобождается место лидера картеля и среди его подчиненных и конкурентов начинается борьба за освободившийся трон.

По сути, мексиканский наркобизнес преимущественно существует и действует как своего рода параллельная экономика, минимально воздействуя на нормальную, легальную экономику. Принятое в 2006 году решение президента Кальдерона бросить на борьбу с наркокартелями национальную армию сильно обострило войну; число связанных с наркотиками смертей резко выросло с 2500 случаев в 2007 году до 13 тысяч в 2010-м. Однако курсы акций мексиканских компаний, кажется, остаются абсолютно равнодушными к творящемуся в стране насилию и по-прежнему больше зависят от американских и глобальных экономических тенденций, а не локальных нарковойн и национальной политики.

Обнадеживающий сигнал – азиатская сторона Мексики

Еще одна причина, по которой мексиканский фондовый рынок в основном оторван от происходящего в родной стране, заключается в том, что многие из секторов, от которых зависит местная экономика, на бирже вообще не представлены. Производители экспортных товаров, в частности крупные американские автомобилестроительные компании с многочисленными заводами вдоль границы, представляют собой важную часть мексиканской экономики. Но акции GM, Ford, Chrysler на мексиканской фондовой бирже не котируются. Во главе другого крупнейшего сектора экономики – нефтяного, стоит компания Pemex, которая вообще нигде не зарегистрирована. Партия PRI и сегодня считает принятое еще в 1938 году решение передать бразды правления нефтяной отрасли в руки государства большой победой в борьбе за нацию и до сих пор противится президенту Кальдерону, который считает, что продажа части этого гиганта могла бы обогатить управление мексиканскими нефтяными месторождениями хотя бы некоторой логикой рынка. Компании, доминирующие на фондовой бирже Мексики, сосредоточены в основном на внутренних рынках телекоммуникационных услуг и СМИ, но даже они постепенно все больше выходят на международный уровень. Сегодня открытые акционерные

компании Мексики почти 45 процентов своих доходов зарабатывают за границей, преимущественно в других странах Латинской Америки и в США.

По сути, в Мексике происходит в основном то же, что в США. Рост американской экономики на один процент означает рост мексиканской экономики на 1,2 процента; рецессия в США приводит к равноценному, хоть и противоположному эффекту. Как ни удивительно, экономическая модель Мексики скорее азиатская, чем латиноамериканская; экономика этой страны всегда значительно больше зависела от экспорта товаров промышленного производства в США, нежели от экспорта сырья в Азию. Однако к началу прошлого десятилетия Китай начал, что называется, красть с тарелки Мексики. Учитывая значительно более высокие темпы роста производительности труда и намного более низкий уровень заработной платы, эта страна стала казаться некой неумолимой силой, призванной на корню уничтожить мексиканскую экономику. Учитывая, что после обвала песо в 1994 году Мексика возродилась прежде всего благодаря выгодной торговле с США, вполне объяснимо, что в действиях Китая она усмотрела прямую угрозу одному из своих важнейших конкурентных преимуществ. Наряду с некоторыми промышленными державами, например с США и Японией, «китайская угроза» рабочим местам мексиканцев стала в Мексике предметом горячих дебатов – темой, вызывающей огромный страх в обществе, чего не наблюдалось больше ни в одной стране Латинской Америки.

И, как оказалось, эти опасения были частично оправданными: некоторые мексиканские отрасли, например текстильная, под натиском Китая удержались, но другие ждала менее счастливая судьба. Впрочем, учитывая резкий рост заработной платы, наблюдающийся в Китае в последнее время, вполне вероятно, что скоро маятник удачи качнется в сторону Мексики. Если в 2002 году средняя зарплата на китайских промышленных предприятиях была на 240 процентов ниже, чем в Мексике, то сегодня этот разрыв составляет всего около 13 процентов. Близость к границе с США и рост транспортных расходов тоже уверенно склоняют чашу весов в сторону Мексики. Особенно это относится к предприятиям тяжелой промышленности, в частности автомобилестроительным, а также к заводам и фабрикам, поставляющим продукцию для американских каналов поставок, работающих по принципу «точно-в-срок». Кроме того, в некоторых отраслях, например в производстве дисплеев новейшего образца для компьютеров и телевизоров, Мексика уверенно поднимается по лестнице сложности. И мексиканский песо по-прежнему дешев по сравнению с валютами большинства развивающихся стран, что является еще одним плюсом для мексиканских производителей экспортных товаров. Так что,

если у Мексики и есть основания для оптимизма, то это ее производственный сектор.

Мексика – не единственный формирующийся рынок, на котором господствуют олигополисты. Еще один яркий пример представляют собой Филиппины, но с приходом нового президента, строго ориентированного на реформы, у этой страны, с моей точки зрения, сегодня есть четкая «дорожная карта» для внедрения необходимых изменений. Задача, стоящая перед Филиппинами, намного проще еще и потому, что доходы на душу населения в этой стране в пять раз ниже, чем в Мексике. Впрочем, по единодушной оценке международных экспертов, в ближайшие годы мексиканская экономика будет по-прежнему отставать. Забегая вперед, скажу, что даже собственный центральный банк Мексики прогнозирует темпы роста на внутреннем рынке всего в 2,5 процента, что в половину, а то и больше, не дотягивает до потенциала большинства развивающихся стран.

Мексиканские избиратели разочарованы ухудшением ситуации с безопасностью: их раздражает постоянная угроза быть обобраным мелкими местными чиновниками или полицией, им не нравится не слишком привлекательная история экономического развития их страны. Политическая система реагирует на народное раздражение медленно и нерешительно, отчасти, надо полагать, потому, что многие мексиканцы предпочитают просто уезжать из страны, а не требовать изменений дома. Впрочем, сделать это очень и очень трудно из-за чрезмерного количества законодателей (их в Мексике 628) – треть из них избирается по партийным спискам, а не прямым голосованием. Для реальных, существенных изменений в стране прежде всего нужно, чтобы политики почувствовали значительно большее давление со стороны местного электората, ибо именно здешняя политическая система породила в свое время культуру олигополии, ставшую главным препятствием на пути экономического роста Мексики.

Глава 7

Лакомый кусок Восточной Европы

Совершенно очевидно, что Польша – полная противоположность России: эта страна солидна и предсказуема, а бизнесмены Варшавы не замечены в диких вечеринках даже по выходным дням. Даже новая архитектура столицы Польши на редкость скучна и однообразна – а это четкий знак мощного потенциала будущего роста страны

Главная опасность для инвесторов, заинтересовавшихся Центральной и Восточной Европой, таится в том, что они позволяют эмоциям управлять разумом – таким образом очень легко увлечься прелестями Будапешта, Черногории и Дубровника. Все это красивейшие места, которые, без сомнения, стоит посетить, но в них совсем необязательно вкладывать деньги.

Что же касается Варшавы, то ее лицо не понравится ни одному инвестору. Столица Польши, в том числе прекрасный Старый город и Королевский замок, была на 85 процентов разрушена в годы Второй мировой войны. А то, что коммунисты построили на месте этих древних красот, поражает своей серостью и скукой. Поляки, конечно, попытались воссоздать Старый город, но в результате получилась подделка а-ля XIV век вроде диснеевского парка развлечений, и гражданам Польши это отлично известно. Сегодня в городском пейзаже доминирует здание Дворца культуры и науки, построенное в сталинском стиле; говорят, это подарок от диктатора обиженному народу Польши, который теперь любит шутить, что из Дворца открывается самый лучший вид на Варшаву, ибо это единственное место в городе, откуда его не видно.

Тут уместно вспомнить всем известную мудрость – что хорошо смеется тот, кто смеется последним. Вполне вероятно, к Польше она имеет самое непосредственное отношение. Наряду с Чешской Республикой, еще одним освобожденным бывшим сателлитом СССР, с точки зрения перспектив быстрого экономического роста поляки сегодня находятся в гораздо более выгодном положении, чем Россия. Чехия растет быстрыми темпами вот уже на протяжении десяти лет, и теперь, имея средний доход на душу населения более 20 тысяч долларов, страна твердо встала на путь возрождения своего довоенного статуса одной из ведущих индустриальных держав мира. А Польша, растущая с более низкой базы в чуть более 12 тысяч долларов, имеет все шансы присоединиться к Корею и Тайваню и войти в число очень немногих развивающихся наций, которые, начав практически с нищеты, достигают среднего общемирового уровня доходов и в итоге примыкают к элитному классу богатых стран.

Впрочем, надо сказать, причины данного положения дел не имеют ничего общего с обидой, соперничеством и страхами, которые в свое время стимулировали экономическую конкуренцию в Азии. Данная ситуация обусловлена, прежде всего, позитивной притягательностью Европейского союза – великого эксперимента в области партнерства в масштабах континента с шестидесятилетней историей, открывшего европейские национальные границы для свободного перемещения потоков людей, денег и продуктов. Сегодня вошло в моду критиковать старую Европу за стагнацию и уютную самоуспокоенность, присущую государствам всеобщего благосостояния, но как политико-экономическая модель она и поныне чрезвычайно интересна и жизнеспособна. Вряд ли можно назвать более мощный мотив для проведения радикальных реформ, нежели желание присоединиться к более богатым западным странам, став членом ЕС.

Летящие гуси Запада

Для описания экономического подъема Азии специалисты часто используют яркую метафору, в частности стаю летящих гусей: Япония впереди, Южная Корея и Тайвань в следующем ряду, а замыкает косяк остальная Восточная Азия. Приблизительно такая же картина сложилась в последнее десятилетие и в Европе, где социалистические страны, бывшие сателлиты советской империи, наперегонки, косяком, ринулись в ЕС. Но нынешняя Европа превратилась в своего рода место для выбраковки стаи; Польша и Чешская Республика приблизились к ЕС вплотную, а многие другие государства Восточной Европы, сильно израненные кризисом 2008 года, безнадежно отстали.

И это вполне типичная ситуация, ибо каждая очередная формула, обеспечивающая удачный старт и определяющая следующие прорывные нации, как правило, не имеет практически ничего общего с предыдущей. Начнем с того, что Япония была лидером совершенно иного типа, нежели Европа. Южная Корея и Тайвань в годы своего бума «летели» за Японией, используя многие из основных движущих факторов ее экономического роста: жесткую экономию с целью увеличения объема инвестиций, необычно большие расходы на научные исследования и технические разработки и, наконец, такое крайне редкое преимущество, как быстрый экономический рост в комбинации с ослаблением имущественного расслоения общества. Для этих стран сегодня характерно относительно более равномерное распределение богатства, чем полвека назад, что стало одной из главных причин, по которым они сумели удержаться на пути серьезных реформ. Именно благодаря этому они избежали негативной популистской политической реакции, направленной против богатых слоев общества, которая в потенциале способна остановить любые рыночные реформы.

Европейская же модель совершенно иная. Чехия и Польша стремятся стать частью обновленной Европы, и их реформы в течение более десятка лет основывались не столько на анализе того, что уже сработало в Европе, сколько на выполнении требований, необходимых для вхождения в общий рынок ЕС и ввода единой валюты Еврозоны. Характерно, что и Европа по мере присоединения новых членов сосредоточилась не столько на решении задач динамичного роста, сколько на обеспечении стабильности. Критерии членства в ЕС сфокусированы в основном на создании в странах-кандидатах ряда конкретных институтов: нормально функционирующего парламента, аполитичных судов и честной государственной бюрократии, в том числе полиции, свободной прессы, СМИ и многих других.

На счастье новичков, сильные институты и отсутствие чрезмерного государственного долга одновременно служат мощными катализаторами экономического роста, а по мере того как нация становится богаче, важность этих факторов только повышается. Вот почему относительно богатые развивающиеся страны, такие как Польша и Чешская Республика, вошли в категорию прорывных наций, в то время как многие их соседи все больше откатываются назад. После введения в 1999 году евро многие члены ЕС приняли новую валюту, но не играли по правилам: они нарушали основные обязательства, касающиеся долгов, и не соблюдали требования в области ограничения государственных расходов, что в итоге и привело к серьезному долговому кризису, разразившемуся сегодня в Европе. Не только Греция и Португалия, но и некоторые страны – учредители ЕС, например Франция, на

протяжении многих лет игнорировали бюджетные правила, и теперь это ударило по ним рикошетом. В отличие от Польши и Чехии, страны Балтии и Балкан, а также бо2льшая часть Центральной Европы, включая Венгрию, Румынию, Болгарию и Украину, вошли в мировой кризис 2008 года с огромным дефицитом государственного бюджета и серьезными задолженностями населения, в итоге им пришлось бороться с крайне тяжелыми его последствиями.

Надо сказать, эти последствия были в высшей мере неоднозначными. Восточная Европа является домом как для тех наций, которым в кризис пришлось особенно тяжело, так и для тех, кто проскочил его без особых потерь. Но единственной европейской страной, экономика которой в 2008 и 2009 годах не уменьшилась, была Польша, и сегодня эта страна может похвастаться самым жизнеспособным рынком труда во всей Европе. Новые рабочие места создаются тут настолько высокими темпами, что многие поляки-иммигранты возвращаются из Великобритании и других сильно пострадавших от кризиса стран и без проблем устраиваются на работу дома. Экономика Чешской Республики в период кризиса сократилась на 4 процента, но быстро восстановилась, и сегодня многие считают ее своего рода убежищем, этаким спасительной гаванью, где можно укрыться от ужасов непомерных долгов, известия о которых постоянно поступают, например, из Греции.

Где живет Фридрих Хайек

В конце 2008 и начале 2009 года, в самый разгар экономического кризиса, многие специалисты и аналитики Европы и США высказывали серьезные опасения, что дело может дойти по полномасштабной Депрессии, сравнимой с экономической катастрофой, разразившейся в 1930-х годах в Америке, когда очереди за хлебом стали мрачным символом страны. Чтобы избежать такого развития событий, богатые государства были готовы буквально на все: на стимулирование экономики тратились миллиарды государственных средств; чтобы убедить людей и компании брать кредиты, процентные ставки снижались до нуля. Но у стран Восточной Европы меньшего размера, например прибалтийских, не было таких денег, либо же в них присутствовали мощные финансовые силы, препятствующие займам со столь сомнительной целью. Именно этот регион пережил в результате кризиса особенно болезненную «жесткую посадку»: некоторые притормозили буквально в паре шагов от Депрессии.

В первые годы Великой депрессии экономика США сократилась на четверть, без работы остался каждый четвертый американец. Объемы промышленного

производства в Венгрии в одном только 2009 году уменьшились на 17 процентов. Безработица в прибалтийских и балканских странах подскочила в среднем на 13 процентных пунктов, в Литве на 19, а в Латвии на 18 процентов. А одной из первых стран, которой для выплаты процентов по займам в годы кризиса потребовалась финансовая помощь МВФ и ЕС, была Румыния, резко скатившаяся с 6-процентного роста в 2007 году до отрицательных 7 процентов в 2009-м. И если население этих стран не погрузилось в пучину отчаяния, сродни охватившему Америку в годы Депрессии, вполне вероятно, это объясняется тем, что они еще отлично помнили о трудных временах своего не столь далекого прошлого, когда все они были членами социалистического лагеря.

Если у этой печальной истории есть светлая сторона, то она заключается в том, что наиболее пострадавшие от кризиса страны оказались лучше других подготовленными к творческому экономическому буму вроде того, который пережили Соединенные Штаты после Депрессии, когда экономика страны выросла по сравнению с докризисным пиком 1929 года почти в два раза. Уже сегодня можно найти признаки, указывающие на то, что прибалтийские государства, такие как Эстония и Литва, уверенно встали на путь выхода из тупика, в который их загнал кризис. После резкой «внутренней девальвации», приведшей в числе прочего к серьезному сокращению потребительских расходов и заработной платы, объемы экспорта и уровень занятости населения начали уверенно расти.

Страны Балтии в 2008 году оказались в чрезвычайно трудной ситуации, прежде всего, из-за искусственно поддерживаемого валютного курса в комбинации с огромными займами в иностранной валюте (под залог недвижимости), что в конечном итоге привело к сильнейшему давлению на налогово-бюджетную политику государства: чтобы избавиться от огромного дефицита по текущим счетам, банки вынуждены были активно заключать договоры. Из-за абсолютно нежизнеспособных внешних платежных балансов прибалтийским странам пришлось исправлять ситуацию посредством внутренней девальвации, что, несомненно, одобрил бы известный австрийский экономист Фридрих Хайек. Эти небольшие государства не могли воспользоваться кейнсианским путем и ослабить боль благодаря временному фактору, как это на протяжении двух десятилетий делала Япония, ведь у них не было таких огромных резервов внутренних сбережений для проверки и стимулирования их экономик. Однако, учитывая, что сегодня экономика Японии выросла по сравнению с пиком 1990 года всего на 20 процентов, а ее дефицит и задолженности продолжают накапливаться, эти трудные для прибалтийских стран обстоятельства, возможно, окажутся на поверку благом.

В ближайшем будущем на путь уверенного роста могут встать и некоторые балканские страны, например Румыния. Ее правительство взялось за решение проблемы дефицита, достигшего 9 процентов от ВВП (второй по величине показатель в Европе после Греции), а частные компании смело проводят болезненную политику масштабных сокращений – общее число рабочих мест уже снизилось на 14 процентов. Уже в ближайшие годы эти меры могут привести к резкому повышению уровня конкурентоспособности румынской экономики. А вот в соседней Болгарии, напротив, оснований для оптимизма не слишком много, и Венгрия по-прежнему действует под лозунгом правящей партии страны: «Никто не останется внакладе».

Сказка о двух Восточных Европах

Причину того, почему страны Восточной Европы выбирают столь разные пути выхода из кризиса, следует искать в политике коммунистической и посткоммунистической эпох. «Железный занавес» в некоторых государствах был менее плотным, чем в других, СССР предоставлял одним лидерам больше свободы, чем другим. Руководству Венгрии, например, в результате упорного труда удалось создать самую либеральную систему среди всех сателлитов СССР; ее даже окрестили «гуляшным коммунизмом», потому что венгры чуть ли не единственные из всего соцлагеря могли позволить себе мясо в главном национальном блюде. Благодаря относительно нежесткому управлению венгры имели чуть больше свободы говорить, путешествовать и вести бизнес на Западе, чем большинство других социалистических стран. Уровень их жизни был самым высоким в Восточной Европе, и они чувствовали себя самой западной, самой европейской нацией в регионе; к тому же венгры, вполне объяснимо, меньше всех проявляли недовольство руководством страны. Чехи же пережили в те времена прямо противоположный опыт: здесь коммунисты правили жестко и решительно. Хуже дела обстояли разве только в Восточной Германии. Чешские власти были насквозь коррумпированы и некомпетентны. Страна пережила резкое снижение уровня жизни с одного из самых высоких в мире по состоянию на 1920-е годы до времен тусклого серого застоя. Где-то посередине спектра находились поляки.

Когда в 1989 году наконец рухнула Берлинская стена, чехи выгнали коммунистов из политики и со всех других постов, предполагающих реальную власть и ответственность, и вместе с поляками решительно встали на путь в Европу и на Запад. Они стали прилежными учениками не только Европейского союза, но и МВФ и Всемирного банка, проповедовавших приблизительно такую же комбинацию рыночной свободы и бюджетной дисциплины.

А вот Венгрия по-прежнему продолжала дебатировать свое коммунистическое прошлое. Венгерская оппозиция позиционировала себя как антикоммунистическую альтернативу и строила свою кампанию на националистических призывах к возрождению Венгрии как «звезды» Восточной Европы – ностальгическое видение, возвращающее к временам мощной Австро-Венгерской империи. Ни одна партия не предложила венграм устремленного в будущее прагматичного видения чехов, которые единодушно решили, что их главная задача заключается в создании бюджетно-институциональной основы для рыночной экономики. Венгрия же превратилась в поле, пожалуй, для самых жестоких идеологических и политических битв в регионе: и ультралиберальные левые, и правые националисты из всех сил стараются очернить друг друга и активно борются за народные сердца посредством все более щедрых государственных расходов.

Венгрия вошла в прошлое десятилетие, возможно, самой успешной экономикой Восточной Европы и сумела привлечь в страну большой поток иностранных инвестиций, но эти достижения были сведены на нет в результате смен правительств – как левого, так и правого, – которые обещали обеспечить жесткий контроль над бюджетными расходами, но так этого и не сделали. В итоге Венгрия стала позорным исключением из общей тенденции растущей финансовой ответственности, которая крепла на формирующихся рынках в течение всего последнего десятилетия. С географической и культурной точек зрения Венгрия находится на воображаемой границе, разделяющей Северную и Южную Европу, и сегодня в инвестиционных кругах широко распространено мнение, что именно давняя привычка южан хорошо жить и много тратить стала одной из главных причин проблем этого региона. Например, за годы вековой конкуренции с имперской Веней ошеломительный по красоте Будапешт воспроизвел практически все архитектурные шедевры австрийцев – от самого популярного кафе до оперного театра, – только в еще более роскошном и дорогостоящем варианте.

В итоге Венгрию сегодня считают одной из костяшек домино, которые упадут первыми, если кризис дефолта выйдет за рамки Греции, а Польшу и Чехию, напротив, часто рассматривают как убежище, своего рода спасительную гавань, где можно укрыться от кредитных проблем Европы. Рынки относятся к этим двум странам как к маленьким Германиям, считая их аскетическими и надежными. Включая даже самих немцев. Не секрет, что в декабре 2010 года канцлер Германии Ангела Меркель обратилась к Польше и Чешской Республике с приглашением присоединиться к еврозоне раньше намеченного времени. Ей нужны более консервативные с финансовой точки

зрения союзники в европейской борьбе с членами ЕС, привыкшими жить на непозволительно широкую ногу. Однако и поляки, и чехи ответили госпоже Меркель вежливым отказом.

В Евросоюзе, но не в еврозоне

В настоящее время Польша и Чешская Республика занимают уникальную позицию лакомых кусков мировой экономики: обе они уже вступили в ЕС, но не еще вошли в еврозону. Государство, оказавшееся в такой выгодной позиции, сумело создать стабильные банковские и финансовые институты, необходимые для членства в ЕС, привлекает огромные новые потоки инвестиций из других стран – членов Европейского союза, да еще и может рассчитывать на щедрые трансфертные платежи ЕС, которые позволят ему поднять показатель среднего дохода на душу населения до уровня стран – членов Евросоюза. Прежде считалось, что как только страна вступает в ЕС, очередным шагом должно быть принятие ею единой европейской валюты. Членство в еврозоне и бюджетная дисциплина, им предусмотренная, способствовали тому, что небольшие посткоммунистические государства сразу начинали выглядеть намного более стабильными и надежными, способными вернуть занятые ранее средства, и, следовательно, могли рассчитывать на относительно низкие процентные ставки.

Так, по сути, и было до последнего времени, но, как оказалось, это палка о двух концах. Одновременно с присоединением к зоне евро страна входит в зону опасности, где из-за дешевизны капитала даже самые мудрые, по всеобщему мнению, инвесторы начинают совершать всевозможные ошибки. Например, если говорить о Португалии или Испании, то сегодня создается впечатление, что именно евро (и пришедшие вместе с новой валютой низкие процентные ставки) привел к появлению на рынках недвижимости этих стран «пузырей», с треском лопнувших во время кризиса 2008 года. В связи с этим народ Словакии, перешедшей на евро в 2009 году, как раз накануне греческого кризиса, резко протестовал против того, что теперь этой относительно бедной стране наравне с самыми богатыми членами Еврозоны, такими как Германия, приходится выручать просто более богатых ее членов, в частности Грецию.

А Польша и Чехия тем временем наслаждаются преимуществами, которые им обеспечивает позиция лакомого куска, и это положение может сохраняться еще не один год. Оба государства с готовностью и большим удовольствием пользуются своим правом члена ЕС на свободное передвижение граждан и товаров внутри Союза. Например, резко вырос объем польского и чешского экспорта в страны ЕС, и оба государства сильно

выигрывают от всевозможных субсидий и трансфертов Евросоюза, начиная с направленных на поддержание доходов физических лиц на определенном уровне и заканчивая средствами для строительства дорог или закупки оборудования для частных компаний. В период между 2007 и 2010 годами ЕС одобрил переводы в Чехию на общую сумму в 17 процентов от ВВП страны, то есть 3300 долларов на одного человека. Впрочем, сильно истощенной экономике даже такой «золотой дождь» не принес бы особого облегчения. Румыния, например, тоже получила от ЕС весьма увесистый «горшок с деньгами», но из-за некомпетентности и коррупции властей лишь малая их толика была потрачена на те цели, для которых они предназначались. Это ставит под большое сомнение новые трансферты и дотации, несмотря на то что этой стране еще очень многое нужно изменить. Достаточно сказать, что в Румынии одна из худших транспортных сетей на континенте и практически нет многополосных автомагистралей.

Помимо всего прочего, благодаря положению лакомых кусков Восточной Европы Польша и Чехия оказались надежно изолированным от заразы, поразившей в 2010 году Грецию. По мере того как в финансовом мире крепло сомнение, что Греция сможет расплатиться по стремительно растущим долгам, инвесторы принялись в массовом порядке избавляться от греческих облигаций, а потом и от евро, поскольку это и греческая валюта. Стоимость евро начала быстро снижаться, порождая в свою очередь новые сомнения по поводу способности и других стран еврозоны погасить задолженности. На какое-то короткое время Польша и Чешская Республика тоже «попали под раздачу», но вскоре рынки поняли, что у этих стран нет непреодолимых трудностей с выплатой долгов, более того, они вообще не накопили особенно больших долгов.

Большинство новых членов ЕС сегодня счастливы, что оказались в таком выгодном положении: в Союзе, но без евро. Они совсем не спешат пройти весь путь до конца и перейти на новую валюту, оттягивая этот день всеми доступными способами. Вовсе отказаться от евро новые члены не могут, но выдвигать все новые и новые аргументы в оправдание отсрочек им вполне под силу. Учитывая это, аналитики отодвигают прогнозируемые даты введения евро все дальше: сегодня ожидается, что Польша утвердит единую валюту не раньше 2019 года, а Румыния и Чехия через год после поляков. Чехи уже много раз откладывали эту дату, и общественное движение против быстрого вступления в еврозону в стране только усиливается. В Польше последние опросы общественного мнения показали, что впервые за время обсуждения этого вопроса очевидное большинство (60 процентов) поляков выступают против ввода евро. Например, многие граждане Польши в ходе этих дебатов говорили о том, как разумно поступила в свое время Швеция,

решив вступить в ЕС (это произошло еще в 1995 году), но отказавшись перейти на евро. Однако сегодня, к сожалению, такой вариант новым членам недоступен.

Венгерское исключение

Теоретически Венгрию тоже можно отнести к лакомым кускам Восточной Европы, но практически, в отличие от Польши и Чешской Республики, страна упустила этот шанс. Вместо того чтобы работать над созданием сильных институтов и повышением прибыльности своей экономики, и Социалистическая, и Консервативная партии Венгрии наперебой стараются подкупить избирателей, предлагая венгерскому народу все новые и новые социальные льготы и пособия. Разумеется, это ослабляет стимул к труду и, соответственно, ведет к сокращению трудовых ресурсов, в то время как уровень государственного долга как доли от экономики в целом вырос за последние десять лет с 50 до более чем 80 процентов.

Бездумное соперничество двух ведущих партий, каждая из которых старается продемонстрировать избирателям свою щедрость, достигло своего апогея в 2000 году, когда правительство инициировало программы кредитования, оказавшиеся для Венгрии разрушительными. Власти предложили людям льготные ипотечные кредиты с очень незначительными ограничениями относительно того, кто может их взять и на какую сумму, и вскоре ситуация начала выходить из-под контроля. А когда правительство попыталось дать обратный ход, на две трети сократив максимальную сумму займа (до 5 миллионов форинтов), венгры отказались принимать это решение и принялись искать источники кредитования в любых других местах, причем отнюдь не только для приобретения домов.

Добавьте сюда еще и крупные европейские банки, которые в то время толпами гонялись за компаниями по всей Восточной Европе, надеясь по горячим следам заполучить выгодных клиентов из стран, считавшихся маленькими Германиями. Банки наперебой предлагали валютные кредиты в швейцарских франках и евро всего под 2 процента (венгры, к слову сказать, были счастливы, если им удавалось занять форинты под 8 процентов), и это было четкой установкой на серьезнейшие долговые проблемы. К концу 2007 года 90 процентов всех венгерских ипотек были в швейцарских франках и евро; когда же разразился глобальный кризис, у страны просто не было шансов, а иностранные банки при этом начали массово уходить с зарождающихся рынков.

Чехам и полякам предлагали такую же сделку, но они эту наживку не проглотили. Поляки, правда, брали кредиты в иностранной валюте, но

намного меньшие суммы, чем венгры. А чехи, у которых и дома были сопоставимые процентные ставки, вовсе не попались на эту удочку. Отчасти столь утешительный итог объясняется тем, что правительства этих стран не гнались со всех ног за дешевыми деньгами и отказались от абсолютно ошибочной политики щедрого субсидирования ипотечных займов. Другая весьма вероятная причина – культурные особенности наций. Как бы там ни было, сегодня Венгрия иностранных инвесторов практически не интересует; этот излюбленный ими после падения советской системы объект страдает от сокращения объемов зарубежных инвестиций вот уже одиннадцать кварталов подряд. Аналогичная ситуация наблюдается на Украине и в странах Балтии и Балкан, и пройдет еще немало времени, прежде чем они выберутся из этого тупика.

Венгрия по-прежнему хочет ввести евро, поскольку курс евро выше курса венгерского форинта, и после ввода новой валюты венграм будет легче расплатиться по кредитам в швейцарских франках. Однако экономическое лидерство, которым страна могла похвастаться десять лет назад, кануло в Лету, и сегодня среди основных экономик региона она имеет наименее конкурентоспособную валюту, самые высокие процентные ставки и самые серьезные проблемы с безработицей. Поскольку власти бездумно увеличивали социальные выплаты населению, им, чтобы сдержать рост дефицита бюджета (что пока не удастся), пришлось повысить и налоги, а предлагая венграм все новые варианты социальных льгот, они все сильнее ослабляли стимулы людей к труду.

Правила уличного движения: Будапешт

Внимательно следите за темпами и направлением экономических реформ. Обычно страна идет на реформы, только если она приперта к стене. А когда экономика стабилизируется и рост начался, желание внедрять серьезные изменения резко ослабевает. Даже в Китае, который занимался реформированием дольше и радикальнее большинства других наций, сегодня руководство страны уже отказалось от реформ, направленных на повышение производительности труда или обеспечение свободного роста экономики без усиления инфляции. Ныне китайские лидеры планируют реформы, нацеленные на повышение качества жизни граждан, – реформы, доступные только относительно богатым странам, например направленные на дальнейшее создание государства всеобщего благосостояния. Такие же перемены сегодня можно наблюдать на многих крупных формирующихся рынках, в том числе в Индии и Бразилии. По сути, это знакомый любому экономисту цикл: радикальные экономические реформы стимулируют заметный рост экономики, что порождает в стране чувство

самоуспокоенности и ведет к ослаблению стимулов к дальнейшему реформированию. Так вот, в Венгрии этот цикл начался и закончился за одно прошлое десятилетие.

Стойкая притягательность ЕС

Сегодня ситуация с трудовыми ресурсами Венгрии считается одной из самых незавидных в Европе. В стране трудится всего 55 процентов взрослого населения – это самый низкий показатель в Европе, за исключением Мальты, где женщины вообще традиционно не работают. В Венгрии и Чешской Республике проживает приблизительно одинаковое количество людей – около 10 миллионов человек, – но трудовые ресурсы Венгрии насчитывают всего 3,8 миллиона, а Чехии 4,9 миллиона. Я привожу эти цифры вовсе не для того, чтобы обидеть и унизить Венгрию, а чтобы еще раз подчеркнуть, насколько правильным и смелым был выбор, сделанный Чехией и Польшей, – пусть не слишком интересный, зато в высшей степени ответственный. Обе эти страны могут служить классическим учебным примером того, как не пойти по пути Греции, ибо, нацелившись на вхождение в ЕС, они крепко взялись за ум. Польша издавна считалась законодателем моды в регионе. В сущности, она была первым государством – сателлитом СССР, сумевшим вырваться из его орбиты. За последние годы в стране создана сильная система образования, выпускающая высококвалифицированную рабочую силу; готовятся специалисты для малого и среднего бизнеса, вполне конкурентоспособно работающие во всей Европе. Четко управляемые польские банки функционируют намного надежнее банковской системы заклятого врага Польши, России; в стране растет число компаний, выпускающих потребительские продукты высокого качества. Центральный банк Польши по-настоящему независим и защищен от какого-либо политического влияния. Во многих отношениях эти «восходящие звезды» Восточной Европы выглядят намного стабильнее и надежнее, чем западные модели, на которые они равняются.

Имеющая население в 38 миллионов, Польша – единственная страна в Восточной Европе, внутренний рынок которой достаточно велик для обеспечения экономического роста, невзирая на проблемы и трудности всего остального мира. На сегодня ситуация в стране улучшилась по сравнению с другими государствами настолько, что поляки не только приносят в дом деньги, они и сами массово возвращаются домой. Известно, что в прошлом десятилетии «польский сантехник» стал символом европейского кошмара: западноевропейские страны испытывали ужас перед наплывом квалифицированной и дешевой рабочей силы с Востока, начавшимся после того, как ЕС открыл сервисные отрасли для конкуренции. Теперь же

польский сантехник возвращается на родину: если во время экономического спада Польша лишилась 150 тысяч рабочих мест, то сегодня страна вернула их все, плюс еще 100 тысяч; а уровень безработицы, который неуклонно снижался на протяжении всего прошлого десятилетия, продолжает снижаться и сейчас.

Похожая ситуация наблюдается и в Чешской Республике, только в меньших масштабах, что объясняется значительно большим влиянием на страну глобальной экономики, а также тем, что ее столица, многонациональная Прага, намного более привлекательна для иностранцев, чем, например, Будапешт. На первый взгляд, Прага ничуть не краше и не очаровательней Будапешта, однако, учитывая политические причуды Венгрии, Прагу все чаще называют истинным бриллиантом и «воротами» в Восточную Европу – именно об этом статусе так мечтает Венгрия.

В отличие от польской, чешская экономика в период кризиса сократилась, ибо она экспортирует много товаров в Германию, которая пострадала от экономических потрясений особенно сильно. Но внешние долги Чехии оставались вполне контролируемы, во многом благодаря надежности отечественной банковской системы и правильному управлению. По сути, база чешской банковской и бюрократической систем настолько прочна и стабильна, что экономика государства неуклонно росла даже в долгий период серьезных политических беспорядков и потрясений. Достаточно вспомнить, например, бесконечную чехарду слабых коалиционных правительств, сменявших одно за другим начиная с далекого 1989 года, когда в результате Бархатной революции был свергнут коммунистический режим. Надежды на формирование сильного большинства в парламенте впервые за долгое время дала стране победа правоцентристских партий на выборах 2010 года. Впрочем, на сегодняшний момент чехи создали настолько крепкую систему банков, судов и других государственных институтов, что страна может успешно развиваться и при относительно слабом избранном правительстве.

Все вышеупомянутые бывшие сателлиты СССР имеют сегодня значительно больше шансов, чем Россия, расти с ориентировочными темпами около 4 процентов с их относительно высокой базы и с их уровнями дохода. Как известно, любой богатой стране, чтобы продолжать расти и дальше, нужно производить дорогие и качественные товары, а у России нет ни одного предприятия обрабатывающей промышленности, способного конкурировать на мировом рынке. А вот у Польши и Чешской Республики, напротив, таких предприятий много, в частности в отрасли автомобилестроения. Чехия – единственная страна Восточной Европы, сумевшая, невзирая на все

трудности, сохранить свой автомобильный бренд Škoda, который сегодня входит в немецкий автоконцерн Volkswagen, но с точки зрения дизайна и технических разработок совершенно независим.

Если история России в прошедшие два десятилетия – это в основном история сильных личностей, таких как Горбачев, Ельцин и Путин, то история Польши и Чешской Республики – это история вызревания систем, свободных от занимающихся самолюбованием автократов. Польшу, например, вообще можно считать полной противоположностью России. Эта страна солидна и предсказуема, а бизнесмены Варшавы не замечены в диких вечеринках даже по выходным дням. Даже новая архитектура столицы Польши на редкость скучна и однообразна – и это четкий знак мощного потенциала будущего роста страны, ибо позволяет сделать вывод, что деньги тут не разбазариваются.

Нынешнее руководство Венгрии, напротив, выглядит сегодня странноватым и запутавшимся. Правящая консервативная партия «Фидес» (Венгерский гражданский союз), к которой принадлежит премьер-министр Виктор Орбан, склонна винить во всех бедах нации иностранцев и поддерживает тревожно тесные отношения с крайне националистической партией «Йоббик» – известной также под названием «За лучшую Венгрию», – а ее члены, как известно, устраивают шествия по Будапешту в форме подразделений SS. Не так давно Орбан устроил серьезную провокацию против соседей, выдав венгерские паспорта венграм, проживающим в данное время в Румынии и Словакии, – явная попытка хоть в чем-то вернуть прошлое и возродить великую имперскую Венгрию. Одержав на последних выборах полную и решительную победу, Орбан вознаградил своих сторонников новым законом, по которому иностранные банки обязаны принимать на себя огромные убытки по ипотечным кредитам, выданным ранее венграм. Специалисты с Уолл-стрит окрестили данный акт венгерским «законом об ограблении банков», и это, конечно, совсем не то, что нужно стране, которая хочет восстановить доверие к себе и привлечь столь необходимые ей иностранные инвестиции. Сегодня Венгрия вступила на болезненный путь сокращений и урезаний, без которых ей не уменьшить свои задолженности; государственный долг страны составляет 82 процента от ВВП, что на 44 пункта больше, чем у Чешской Республики, и на 25 пунктов, чем у Польши.

По-прежнему достаточно дешево для дальнейшего процветания

Надо сказать, что, несмотря на относительно высокие доходы на душу населения, цены в Польше и Чешской Республике еще не дотягивают до уровня глобальной конкуренции. В Варшаве и даже в туристической Мекке

Праге снять номер в отеле по разумной цене намного проще, чем в Москве или Рио, в первую очередь благодаря низкому обменному курсу. Кроме того, затраты на рабочую силу в Центральной Европе составляют всего 27 процентов от соответствующих затрат в Западной Европе. Учитывая, что работники Центральной Европы, как правило, намного хуже обучены и экипированы, к этому показателю следует подходить с большой осторожностью. Но, даже сделав скидку на более низкую производительность труда (около 60 процентов от уровня западных стран), расходы на него в Западной Европе больше чем вдвое превышают соответствующие затраты в Центральной Европе. Столь мощный трудовой потенциал обещает множество относительно легкодоступных выгод и преимуществ. Благодаря обучению людей и их техническому оснащению можно серьезно и довольно быстро повысить производительность труда и заработную плату. Не стоит забывать, что при оценке перспектив экономического роста нации ее относительную бедность и отсталость следует считать плюсами, ибо они оставляют много места для сравнительно простых и легких улучшений. Например, это означает, что Румыния с доходом на душу населения всего в 6 тысяч долларов и правительством, которое в настоящее время активно сокращает расходы и урезает зарплаты в государственном секторе, имеет все шансы стать в недалеком будущем весьма конкурентоспособной экономикой. И тот факт, что средняя зарплата рабочего на производстве в Румынии составляет сегодня всего 4 евро в час (в Греции – 18 долларов), в данном случае имеет огромное позитивное значение.

Но дело, конечно, не только в зарплатах. Стоимость роскошной квартиры в Варшаве каждые пять лет вырастает примерно вдвое, но и сегодня при показателе в 1200 долларов за квадратный метр она по-прежнему значительно ниже, чем во многих других крупных городах формирующегося рынка – например в Сан-Паулу, где за элитное жилье придется выложить не меньше 2400 долларов за квадратный метр. Данный факт служит еще одним подтверждением того, что польская валюта остается относительно дешевой: с поправкой на инфляцию ее стоимость неизменна вот уже десять лет.

Одной из веских причин ухудшения отношения стран к евро можно, без сомнения, считать осознание того, что ввести единую валюту – все равно что надеть на себя «политико-экономические наручники». Нации, которые не могут позволить себе при необходимости девальвировать свою валюту, в условиях кризиса неизбежно сталкиваются с явлением, которое экономисты называют «внутренней девальвацией»: поскольку курс валюты не корректируется, зарплаты резко снижаются. Только в этом случае страна может оставаться конкурентоспособной во время коллапсов глобального

рынка. Именно это и случилось в небольших странах – членах еврозоны в 2009 году. Выбирая между ослаблением валютного курса и сокращением зарплат и снижением уровня занятости, любая страна должна предпочесть первый вариант. В 2008 году, как только кризис начал набирать обороты, польский злотый и чешская крона ушли в состояние «свободного падения». Объемы экспорта немедленно выросли, смягчая, а не усугубляя внезапность и серьезность экономического спада в этих странах. Это еще одна причина, по которой и поляки, и чехи с удовольствием остаются членами ЕС, но всеми силами отдалают момент введения евро.

Глава 8 На пути тигра

Когда после двенадцатилетнего перерыва я опять приехал в Манилу, больше всего меня поразило то, как мало изменился город за это время. Забудьте о скоростных поездах: самый распространенный вид транспорта тут сейчас национальное маршрутное такси джипни, появившееся еще во времена Второй мировой войны

Индонезия – облегченный вариант Китая

Сегодня в Джакарте уже не осталось видимых признаков, характерных для зоны массовых беспорядков. Пожары, которые индонезийцы устраивали, требуя свержения режима диктатора Сухарто и желая отомстить всем его союзникам, давно отпылали. Здания, застывшие недостроенными скелетами, после того как толпы разгневанных горожан шли сюда в поисках китайских бизнесменов, которых считали друзьями этого режима, давно достроили. Дети, которых родители-китайцы, опасаясь за их безопасность, отправляли учиться за границу, давно вернулись. На транспортной развязке Семангги, где протестующие остановили армейские бронетранспортеры, рвавшиеся к горящим зданиям Китайского квартала, уютно расположился роскошный торговый центр и отель Ritz.

Азиатская финансовая зараза, распространившаяся из Таиланда в 1997 году, породила бурные народные протесты по всему региону, но ни один из них по ярости, гневу и насилию и близко не стоял рядом с жесточайшими уличными беспорядками, в результате которых был свергнут диктатор Сухарто, до этого правивший страной целых тридцать два года. Вскоре после этого бесследно исчезли деньги из Джалан Судирман, центрального и самой «денежного» района столицы, и недвижимость, в том числе легендарный отель Indonesia, в котором в 1982 году снимали хит «Год опасной жизни» с Мелом Гибсоном, пришла в полную негодность. Позже его восстановили под новым названием Hotel Indonesia Kempinski; зал для завтраков в здешнем ресторане украшают фотографии предшественника Сухарто, президента Индонезии Сукарно в компании Джона Кеннеди и Мэрилин Монро.

Однако годы правления диктатора Сухарто тут не забыты. Каждого, кто приезжает сегодня в Джакарту, поражает огромное желание индонезийцев никогда в жизни не переживать больше этого ужасного опыта. Индонезия стала одной из наций, сильнее других пострадавших от кризиса 1997–1998 годов: ВВП страны снизился за этот период почти на 20 процентов. Ужасная финансовая ситуация, вполне объяснимо, вызвала бурю народных протестов. Однако именно благодаря этим трудным, но полезным урокам Индонезия оказалась в наиболее выгодном положении для того, чтобы после кризиса 2008 года быстро возродить экономику и встать на путь процветания.

Она не разбазарила огромные прибыли, полученные в результате сырьевого бума предыдущего десятилетия, как это сделали, например, Россия и Бразилия, и сегодня у нее накоплены достаточные сбережения для все более масштабных инвестиций в экономику. По сути, это единственная страна Юго-Восточной Азии, где доля инвестиций от ВВП превысила пиковый

показатель до кризиса 1998 года; на данный момент он составляет 32 процента. Пока Индонезия инвестирует в основном в сырьевой сектор, но постепенно расширяет охват, выходя и на другие, более продуктивные, сектора экономики. А оставшиеся от реинвестиций средства тут старательно сэкономили, благодаря чему страна уже выплатила львиную долю своего государственного долга: если в 1998 году он составлял 97 процентов от ВВП, то на сегодня снизился до 27 процентов.

Лично я убежден, что «очередного Китая», о котором так любят говорить современные экономисты, вообще не существует, но Индонезия сегодня больше, чем любая другая страна мира, напоминает Китай начала 1990-х, когда китайский экономический бум перевалил во второе десятилетие. У Индонезии имеются все базовые элементы для долгосрочного и очень серьезного роста: низкий доход на душу населения, оставляющий достаточно места для быстрого и успешного развития; политическая система, рожающая лидеров, которые понимают, что с такой низкой базы расти легче, чем с высокой; и наконец – в нынешних-то условиях, когда потребители на Западе все еще, затянув ремешки, выбираются из долговой ямы, – большой внутренний рынок для стимулирования внутреннего спроса. И несмотря на все это, по какой-то непостижимой причине даже индонезийские корни президента Барака Обамы пока не вдохновили американских инвесторов и не убедили их серьезнее отнестись к этой многообещающей азиатской «звезде». А следовало бы.

Пекинских лидеров наперебой прославляют, называя их экономическими гениями за то, что им удалось в основном увернуться от тягот глобального кризиса 2008 года. А между тем нынешний президент Индонезии Сусило Бамбанг Юдойоно, или SBY (Susilo Bambang Yudhoyono), как его называют, сделал то же самое, только без огромных расходов, на которые пошло правительство Китая. Индонезия вышла из кризиса практически не отягощенной долговым бременем и почти невредимой, за что народ в 2009 году отблагодарил SBY переизбранием на высший пост страны. Президент пообещал индонезийцам продолжить возрождение экономики и немедленно продемонстрировал серьезность своего обещания, предложив на пост вице-президента не одного из фаворитов от союзнических партий, а всеми уважаемого технократа. SBY – первый президент Индонезии, избранный на второй срок после падения в 1998 году диктатуры Сухарто, он несет стране стабильность и гибкость, так необходимые ей в новой фазе быстрого роста.

Сегодня Индонезия представляет собой самую организованную и хорошо налаженную сырьевую экономику и самую большую страну, способную избежать так называемого нефтяного проклятия. Страна экспортирует

нефть, пальмовое масло, природный газ и прочие сырьевые товары, а также является одним из немногих формирующихся рынков, лидеры которых поняли необходимость перехода на «новую норму», а не совершили опасные шаги (большие расходы, дешевые деньги) в попытке вернуть необычно высокие темпы роста прошедшего десятилетия. В результате у Индонезии нет таких огромных проблем, вызванных долговым кризисом, с которыми столкнулись все крупные формирующиеся рынки.

Индонезии отлично известны ее главные слабые стороны: 55 процентов доходов от экспорта приносит сырье, что делает экономику страны крайне уязвимой к колебаниям цен на этот тип продуктов. Хорошо, что индонезийские бизнесмены и предприниматели это понимают. Не так давно президент одного из крупнейших банков страны рассказал мне поучительную историю о том, что Индонезия в 1950-х годах по-настоящему процветала – но лишь до тех пор, пока США, которые вели холодную войну, активно создавали стратегические запасы индонезийских экспортных товаров, в частности каучука и олова. А как только этот источник спроса иссяк, цены на сырье упали, и главная «кормушка» Индонезии с треском захлопнулась. Судя по всему, этот тяжелый опыт глубоко отпечатался в сознании индонезийской нации, воплотившись в весьма дальновидной решимости непременно извлекать уроки из катастроф прошлого. Общий объем экспорта сегодня составляет всего 25 процентов от экономики страны, что делает Индонезию одним из очень немногих государств Восточной Азии, которые отказались от идеи добиться процветания исключительно благодаря вывозу товаров за рубеж.

Оправданная осторожность, эффективная коррупция

В настоящее время индонезийские банки и корпорации действуют чрезвычайно осторожно – большая редкость для развивающихся стран. Представители крупного бизнеса, погрязшие в клановом капитализме, который привел к кризису 1998 года, никуда не делись, но были вынуждены, что называется, самомодифицироваться. Все они в 1998 году разорились, и впоследствии им пришлось любыми путями выбираться из той или иной формы банкротства либо выкупать свои компании у судебных приставов. Теперь они действуют очень осторожно, но, как показывает рост объема инвестиций в стране, это оправданная и продуманная, а не парализующая волю осторожность, которая сегодня весьма эффективно тормозит инвестиционный процесс в Бразилии.

В годы правления Сухарто Индонезия могла служить классическим примером того, что конгломератам ни в коем случае нельзя позволять

владеть собственными банками, поскольку объединение кредитора и должника под одной крышей есть не что иное, как долговой кризис в виде бомбы замедленного действия. Вот почему крупные индонезийские конгломераты сегодня отлучены от банковского бизнеса и прилагают все усилия, чтобы их баланс оставался активным, а корпоративное управление высокопрофессиональным. Новые независимые банки страны чрезвычайно осторожно подходят к выдаче кредитов, а компании – к выбору объектов для инвестирования. После падения режима Сухарто многим финансовым магнатам пришлось очень много и долго трудиться, чтобы вернуть себе контроль над собственной компанией; воспоминания об этом все еще свежи в их памяти, и бдительность по-прежнему на очень высоком уровне. Один из богатейших олигархов страны, Энтони Салим, в результате кредитного кризиса 1998 года лишился огромного банковского и других холдингов. Сегодня он учит инвесторов, что человек, переживший такое крушение, уже не считает богатством средства, полученные в кредит, что теперь богатство определяется совсем по-другому: «потoki наличности, потоки наличности и потоки наличности».

По результатам глобальных опросов, проведенных, в частности, международной организацией Transparency International, ситуация с коррупцией в Индонезии по-прежнему очень сложная, однако сегодня в регионе хотя бы крепнет осознание, что в этой стране трудится и множество порядочных, «чистых» компаний. Достаточно велик и приток прямых иностранных инвестиций в Индонезию: в настоящий момент он составляет 10 миллиардов долларов в год – при экономике стоимостью в 650 миллиардов.

Индийских и китайских инвесторов можно встретить в Индонезии буквально повсюду: они готовы вкладывать средства в уголь, пальмовое масло и многое другое. Индийские бизнесмены, приезжая в эту страну, отмечают, что сегодня тут намного проще открыть цементный завод, чем у них на родине, – и все благодаря «эффективной коррупции» того типа, с которой бизнесмены часто сталкиваются в Китае. Возможно, придется дать кому-то взятку, зато выяснить, кому именно, будет относительно просто. А как только вы свяжетесь с нужным человеком – или подыщете себе партнера-покровителя в здешнем правительстве, – можете быть уверены, что он не просто возьмет деньги, а непременно выполнит свою часть работы. Некоторые зарубежные инвесторы с долей одобрения отмечают, что, попав в Джакарте в дорожную пробку, можно позвонить по специальному номеру и за 100 долларов нанять полицейский эскорт на мотоциклах, который расчистит вам путь. А если вас остановят в центре города в час пик в автомобиле, в котором вы находитесь один – тогда как, согласно местным правилам уличного движения, в машине

должно быть не менее трех человек, – за несколько долларов можно тут же, на тротуаре, нанять женщину с ребенком и выполнить это требование. Согласен, услуга довольно сомнительная, но, по словам местных жителей, система работает; во всяком случае, она обеспечивает небогатых матерей дополнительным доходом и наглядно отражает крепнущий предпринимательский дух индонезийской столицы.

Есть в бизнес-сфере Индонезии и еще одна «зона неопределенности». Если Индия и Китай в последнее время потихоньку начинают реализовывать новые экологические и социальные проекты – например, по защите коренных народов, – Индонезия по-прежнему в основном относится к этим важнейшим аспектам по принципу «и так сойдет». Так, одна из причин особой привлекательности индонезийского угля для инвесторов заключается в том, что значительная часть залежей находится почти на поверхности, следовательно, добывать уголь просто и дешево. А о защите окружающей среды тут думают мало.

Лучший лидер – имени которого никогда не прочитаешь в заголовках газет

Мудрое и весьма примечательное президентство SBY не привлекло особого внимания остального мира прежде всего потому, что этого человека можно назвать идеальным воплощением духа нации постсухартовской эпохи. Бывший генерал, пользующийся огромной популярностью среди сограждан, он немало озадачил некоторых наблюдателей, отказавшись воспользоваться своим влиянием для проталкивания реформ через органы законодательной власти. В начале 2011 года в Джакарте все бурно обсуждали одну и ту же тему: почему, пытаясь провести законопроект о покупке земли, который позволил бы серьезно ускорить темпы развития экономики, президент SBY не действовал решительнее и агрессивнее. И наиболее вразумительный ответ, судя по всему, заключается в том, что президент не хочет напоминать согражданам о временах диктатуры Сухарто, что он стремится создать в стране атмосферу доверия к государственным институтам. И, что примечательно, в поступках SBY нет ровно ничего показного – лишь твердая решимость двигаться в правильном направлении.

Благодаря мудрому правлению Индонезия все больше становится уникально успешным примером островного капитализма. В Индии и Китае центральное правительство и чиновники в провинциях борются за власть, а олигархи угрожают способности своих стран управлять экономическим ростом. А президент SBY управляет так, чтобы превратить конфликты, неизбежные среди самого неоднородного населения в мире (в Индонезии на 13 тысячах

островов живет 240 миллионов человек, представляющих десятки этнических групп и языков), в свое преимущество, просто разрешив их. Сухарто (как и его предшественник Сукарно, которого в стране тоже называли только по имени) много трудился над тем, чтобы максимально сгладить этнические и региональные противоречия и объединить Индонезию в рамках общей философии вынужденного сотрудничества, но без особого успеха. А президент SBY не только получил на выборах 2009 года необходимые 70 процентов голосов избирателей – он одержал убедительную победу в большинстве провинций, отчасти благодаря расширению экономических свобод, предоставленных этим регионам.

Одной из грандиозных выгод такой децентрализации стало процветание второстепенных городов в постсухартовскую эпоху. При Сухарто фокусом всех политических и деловых инициатив была Джакарта, но сейчас, после принятия в 2001 году важнейшего закона о децентрализации, на сцену уверенно выходят новые города. На сегодня в стране имеется десять городов с населением более миллиона человек, а к моменту свержения Сухарто их было всего два. Именно долгосрочная поддержка SBY идеи передачи власти провинциям дала этим новым центрам силу и уверенность в том, что им действительно предоставят свободу, необходимую для истинного процветания.

Кроме того, децентрализация породила новую жизнеспособную бизнес-культуру за пределами провинции Ява, где расположена столица Индонезии Джакарта. В последние годы правления Сухарто банковская система, контролируемая его ставленниками, охотно предоставляла кредиты компаниям, принадлежащим людям из их же круга. Базировались они главным образом в Джакарте, которая в итоге получила 66 процентов всех займов, выданных в 1995 году. Со временем этот показатель неуклонно снижался, и в настоящее время составляет всего 33 процента. Такое же ослабление кланового контроля наблюдается и в центральном правительстве: если в последний год правления Сухарто на его долю приходилось 73 процента всех государственных расходов, то теперь этот показатель сократился до 48 процентов.

Укрепление власти провинций способствовало бурной активизации строительства и инвестиций. Потребление цемента в отдаленных провинциях в настоящее время растет намного более быстрыми темпами, чем в провинции Ява, а объем иностранных инвестиций за последние пять лет вырос на 23 процента в провинциях и только на 10 процентов на острове Ява. По мнению предпринимателей, все это добавляет новую смазку в колеса «эффективной коррупции», ибо местные власти начинают все сильнее

конкурировать за растущий «сундук» инвестиционных долларов, неуклонно снижая суммы взяток и откатов. А поскольку локально собираемые взятки также локально тратятся, значит, теперь не все эти не самым правомерным путем полученные прибыли идут в Джакарту.

Занятость населения и минимальная зарплата в нестоличных провинциях тоже растут намного быстрее, чем в провинции Ява, привлекая все бо2льшие потоки внутренней миграции. И число домохозяйств за пределами Явы увеличивается почти вдвое быстрее. По состоянию на 2010 год самой быстрорастущей провинцией страны была уже не Ява, а расположенный в центре индонезийского архипелага остров Сулавеси, третий по плотности населения. И это можно считать весьма примечательным знаком, своего рода вехой, символизирующей конец эпохи правления Сухарто, единственным фокусом внимания которого всегда была Ява.

«Нефтяное проклятие» – в чем оно заключается?

Индонезия – одна из немногих стран мира, экономика которой сильно зависит от сырьевых товаров, и при этом не создается впечатления, что многие ее граждане живут совершенно не по средствам. В Джакарте редко встретишь кичащихся богатством нуворишей, которых так много в Москве, и цены тут не идут ни в какое сравнение с ценами в Рио. Номер в Four Seasons в Джакарте обойдется вам менее чем в 250 долларов – сравните со средним для зарождающихся рынков показателем в 460 долларов за ночь в отеле этой высококлассной гостиничной сети. Структурная инфляция в Индонезии ниже, чем в России или Бразилии, а поскольку она инвестирует (но не потребляет) больше этих стран, есть все основания рассчитывать на то, что в ближайшие годы Индонезия будет расти более быстрыми темпами. Словом, эта сырьевая экономика работает весьма эффективно.

Глядя на Индонезию, и другие государства Юго-Восточной Азии начинают ощущать, что процесс, приведший к валютному кризису 1997 года, повернулся вспять. Одним из мощных катализаторов кризиса стало принятое в 1994 году решение Китая побороть серьезный экономический спад путем резкой девальвации юаня и удержания его на низком уровне в течение всего последующего десятилетия. Возможно, только один этот ход больше, чем любые другие меры, ослабил конкурентоспособность экспорта с рынков Юго-Восточной Азии, которые не могли соответственно отреагировать на девальвацию китайской валюты, ибо их валюта была жестко привязана к доллару. Уменьшение доходов от экспорта привело к кризису платежного баланса, поскольку страны Юго-Восточной Азии не могли выплатить внешние долги. Но в последние годы Китай позволяет юаню понемногу

расти, а зарплата в стране вообще растет довольно быстро, из-за чего конкурентоспособность экспорта из стран Юго-Восточной Азии на мировом рынке постепенно возвращается на прежний уровень.

Затраты на наем фабричного труда в Китае заметно выросли, в среднем с менее чем 200 долларов в 2005 году до 450 долларов в месяц в 2010 году. По состоянию на 2010 год затраты на рабочую силу в Китае были почти в два раза выше, чем в Таиланде, примерно в три раза выше, чем на Филиппинах, и в четыре раза выше, чем в Индонезии. Предприниматели из Таиланда и Индонезии говорят, что это напоминает им ситуацию в 1990-е годы, проигрываемую в обратном направлении, – они чувствуют себя так, будто набирают обороты в конкурентной борьбе с китайцами. А по мере того как глобальные рынки все больше осознают, что чаша преимуществ по показателям затрат себестоимости опять склоняется в сторону стран Юго-Восточной Азии, вполне возможно, что скоро деньги потекут в такие страны, как Индонезия, не менее бурным потоком, каким они вытекали из них в конце 1990-х годов.

Богатство природными ресурсами, которое прежде считали проклятием, источником шальных денег, подрывающим стремление и волю нации к труду и высоким свершениям, сегодня считают серьезным конкурентным преимуществом, так как от него в огромной мере выиграл целый ряд стран, от Бразилии до России. А Индонезия – единственная азиатская экономика, благословленная сразу в двух отношениях: это четвертая по плотности населения страна мира, при этом обладающая огромными неиспользованными резервами нефти, угля, пальмового масла и никеля. Но что еще важнее, она тратит свои невероятные сырьевые богатства намного разумнее большинства других таких же счастливиц.

Филиппины – это уже не шутка

В 2009 году – поворотный момент в судьбе многих представителей филиппинской элиты, до которого они все очень надеялись никогда не дожить, – в результате экономического бума впервые в современной истории индонезийцы стали жить богаче филиппинцев. И действительно, к концу прошлого года Филиппины стали считаться первым увальнем азиатского континента; страна настолько погрязла в некомпетентности, что ее обошли практически все ее соседи. А ведь в далеких 1960-х по уровню дохода на душу населения Филиппины стояли на втором месте в Азии, отставая только от Японии. Но уже в следующем десятилетии их обогнали Южная Корея и Тайвань, в 1980-х – Малайзия и Таиланд, в конце 1990-х – Китай, и на этом скольжение вниз по наклонной плоскости не прекратилось.

Когда после двенадцатилетнего перерыва я опять приехал в Манилу, больше всего меня поразило то, как мало она изменилась за это время. Контраст с бешеным прогрессом Китая и Индии был просто удручающим. Поселился я в той же гостинице, что и в прошлый раз, ибо никаких новых вариантов не появилось. На местных рынках доминировали все те же несколько семейных конгломератов, новых игроков так и не нашлось. И забудьте о скоростных поездах: самый распространенный вид транспорта тут национальное маршрутное такси под названием джипни, появившееся еще во времена Второй мировой войны. И если большинство крупных азиатских городов могут похвастаться новыми современными аэропортами, то туристу, прилетевшему в Манилу, придется приземляться на аэродроме, введенном в эксплуатацию еще в далеких 1970-х. А недавно председатель правления крупного малайзийского банка рассказал мне, что в 1960-х годах в стране было страшно модно носить *баронг* – вышитую национальную филиппинскую рубашку.

Обычно неудачи Филиппин объясняют хронической политической нестабильностью, начавшейся в 1986 году с падения диктатуры Фердинанда Маркоса, но этого объяснения явно недостаточно. Таиланд, например, еще более политически нестабилен, но на протяжении всех 1990-х уверенно опережал Филиппины. За последние 75 лет в Таиланде было сделано восемнадцать попыток государственного переворота и принято семнадцать новых конституций, на Филиппинах же таких попыток было с полдесятка и всего одна конституция. Все дело в том, что нестабильные политические лидеры Таиланда принимали более верные решения в отношении экономического развития страны, по крайней мере вплоть до прошлого десятилетия.

Но сегодня Филиппины, судя по всему, наконец готовы вернуть былые времена мощного экономического роста. Новый президент Бениньо «Нойной» Акино III, избранный в июне 2010 года, пользуется немалой поддержкой народа, и, вполне возможно, ему удастся придать реформам достаточно сильный импульс, чтобы решить эту задачу.

Имя Акино и сегодня воспринимается людьми практически как синоним обещания в корне изменить Филиппины. Бениньо III – отпрыск легендарной политической династии. Его отец Бениньо-младший был лидером оппозиции; именно с убийства этого политика сторонниками Маркоса началась революция «Народная воля», которая в 1986 году привела к власти мать Бениньо III, Корасон Акино. Изначально иностранные политические круги уверенно сбрасывали Бениньо III со счетов. Никто в мире не видел большого политического будущего в этом пятидесятиоднолетнем холостяке,

который всю жизнь жил с мамой и, занимая малозаметный, не слишком важный пост в филиппинском сенате, победил на президентских выборах исключительно на волне всеобщего сочувствия по поводу недавней кончины его матери. Но филиппинцы рассмотрели в нем честного политика, который способен наконец исполнить традиционные для династии Акино обещания великих перемен; кроме того, народ пребывал в полном отчаянии после девяти лет вялости и медленного загнивания под управлением предыдущего президента Глории Макапагал Арройо.

Акино действительно может изменить правила игры – так же, как это сделал президент SBY в Индонезии, заняв свой пост в 2004 году. Семь лет назад Индонезия и Филиппины довольно сильно походили друг на друга как по показателю уровня доходов на душу населения, так и по ряду других характеристик – например, у обеих стран были серьезные проблемы с повстанцами в удаленных островных провинциях. В 2000 году и Индонезия, и Филиппины привлекли прямые иностранные инвестиции на сумму более 1 миллиарда долларов каждая. В 2010 году в Индонезии этот показатель вырос до почти 10 миллиардов долларов, а Филиппины так и застряли на уровне десятилетней давности. Практически все в стране пребывает в безнадежном, почти аварийном состоянии. Достаточно, например, сказать, что на конференции, организованной в Маниле в декабре 2010 года ради привлечения внимания иностранных инвесторов к новым проектам в области развития инфраструктуры, прямо во время выступления министра энергетики в зале вырубилось электричество.

Очевидно, что условия для старта у Филиппин не слишком благоприятные, но местные избиратели на последних выборах выдали Акино огромный кредит доверия, и сегодня он достаточно влиятелен, чтобы вновь зажечь свет во всей стране. Он активно наделяет властью компетентных технократов и, судя по всему, понимает, что нужно для обеспечения уверенного экономического роста Филиппин. Прежде всего необходимо оживить инвестиции в эту, пожалуй, единственную азиатскую страну, которая потребляет чрезмерную долю своих доходов: потребление тут составляет непомерные 80 процентов от ВВП, что на 10 пунктов больше, чем в США, и более чем на 40 пунктов больше, чем в Китае. В итоге на инвестиции с целью наращивания промышленного потенциала страны остаются сущие крохи. О долгосрочном инвестиционном голодании Филиппин, например, четко свидетельствует тот факт, что сегодня страна потребляет столько же цемента, сколько двадцать лет назад, хотя ее население выросло за это время с 70 до 90 миллионов человек.

По своему отношению к экономии средств Филиппины намного больше напоминают Америку, чем азиатские страны; возможно, отчасти это объясняется тем, что когда-то они были колонией США. Проблемы экономии имеют тенденцию приводить к проблемам с долгами и дефицитом бюджета, но Акино уже приступил к решению этого вопроса. На начало 2011 года администрация президента уже опережала предложенный им ранее весьма агрессивный график сокращения долгов, нацеленный на снижение бюджетного дефицита с 3,9 процента от ВВП в 2010 году до 2 процентов в 2013 году.

Кроме того, Акино еще предстоит создать в стране среду, в которой предприниматели смогут уверенно инвестировать в филиппинскую экономику, что, соответственно, требует обуздания коррупции, ужесточения мер по отношению к семьям-магнатам, все еще доминирующим в экономике страны, и честного выполнения контрактов. Все эти цели объединены под «зонтом» первой крупной инициативы Акино. Речь идет о призыве президента к частным инвесторам всего мира принять участие в открытых торгах на реализацию ряда государственно-частных проектов: по восстановлению магистралей вокруг центральной Манилы, по созданию железнодорожной сети пригородного сообщения и по доведению обветшалого аэропорта столицы до уровня международных стандартов.

Этот аэропорт действительно представляет собой ярчайший пример того, что кумовство в стиле Маркоса и сегодня серьезно тормозит экономический рост страны. Первоначально планировалось открыть новый аэропорт в 2002 году, но из-за постоянных юридических и политических маневров местного магната и владельца авиакомпании, не желающего, чтобы в обновленном порту садились самолеты авиакомпаний-конкурентов, открытие много раз откладывалось. По сути, эта ситуация просто нелепа – разве может серьезная международная столица позволить местному олигарху решать, кто будет пользоваться ее аэропортом, а кто нет? Многие зарубежные инвесторы увидели в этом ярчайший пример кумовства и nepotизма в третьем мире, и это стало одной из главных причин, по которым прямые иностранные инвестиции остаются на очень низком уровне, а страна до сих пор не использует свой огромный туристический потенциал. Филиппины могут похвастаться чуть ли не красивейшими пляжами во всем мире, раскинувшимися на тысячах живописных островов, а приезжает сюда всего три миллиона туристов в год, то есть намного меньше пяти миллионов, посещающих ежегодно всего один индонезийский остров Бали.

На недавние встречи с иностранными инвесторами президент Акино приходил улыбчивым, в неформальной одежде и не давал никаких высоких

обещаний: он подчеркивал свое намерение сохранить чистоту правительства, был внимателен к инвесторам, но без какой-либо навязчивости, и много говорил о планах обеспечить талантливых филиппинских экспатриантов вескими причинами для возвращения домой. И это действительно очень важная, приоритетная для Филиппин задача. Начиная с 1980-х годов, надеясь на лучшие перспективы за рубежом, страну покинули более 10 миллионов филиппинцев. В настоящее время они трудятся по всему миру, в США и Японии, Великобритании и Германии, Саудовской Аравии и ОАЭ. В прошлое десятилетие общая сумма, переправляемая ими своим семьям, росла двузначными темпами и в настоящее время составляет 10 процентов от ВВП, превращая эти денежные переводы в самый сильный сектор роста Филиппин. По сути, многие инвестиционные банки относятся к этому как к позитивному фактору: денежные переводы действительно способствуют улучшению платежного баланса, – но если так много граждан страны ищут работу за рубежом, это всегда большая проблема. Например, именно данная ситуация привела к созданию уникальной субкультуры среди филиппинцев, живущих на чеки, присылаемые им родственниками из-за рубежа, а не за счет собственного труда. Стереотипом филиппинского эмигранта считается горничная, работающая в Гонконге, но многие выходцы из этой страны трудятся также в офисах и на рабочих местах, традиционных для среднего класса. Филиппинам просто необходимо, чтобы хотя бы некоторые из этих талантов вернулись домой и начали повышать продуктивность родной экономики.

Чем могли бы стать Филиппины, довольно четко демонстрирует относительный успех Индонезии за последние несколько лет. Стране нужна лишь капля политической стабильности и более острое чутье в решении ряда базовых экономических вопросов. Филиппины – пятое в мире по богатству хранилище природных ресурсов, в том числе нефти, меди, никеля, золота и серебра. Страна обладает также большими и молодыми трудовыми ресурсами: половина населения Филиппин моложе двадцати одного года, и две трети из них живут в больших городах. Это очень высокий уровень урбанизации для страны со средним доходом менее 2500 долларов, а поскольку высокая концентрация людей и бизнеса стимулирует экономический рост, эти факторы, без сомнения, следует считать большим плюсом.

Больше того, Филиппины могут похвастаться рядом серьезных преимуществ по сравнению с Индонезией – например, хорошо образованным англоговорящим населением. И хотя страна вот уже тридцать лет разбазаривает эти преимущества, сегодня появляются явные признаки улучшений. Наиболее показательным из них является усиление позиций

Филиппин как конкурента Индии в сфере аутсорсинга бизнес-процессов – той самой индустрии, которая обеспечивает вас услугами оператора колл-центра, когда вы звоните в службу поддержки клиентов практически любой крупной международной компании. Еще десять лет назад на Филиппинах не было ни одного такого центра, а теперь это отрасль стоимостью в 9 миллиардов долларов, в которой трудится 350 тысяч человек. Очень важно, что колл-центры все активнее открываются за границами столичной Манилы, возникая, словно грибы после дождя, на всех островах Филиппин. Некоторые аналитики даже считают, что благодаря этой тенденции страна может стать очередным примером успешного островного капитализма в регионе Юго-Восточной Азии. И это действительно вполне возможно – если третий представитель династии Акино сумеет правильно провести революцию в экономике страны.

Красный код Таиланда

В любой большой стране население второго по величине города, как правило, составляет от трети до половины населения самого густонаселенного мегаполиса. Это правило отлично работает для бразильских Сан-Паулу и Рио-де-Жанейро, корейских Сеула и Пусана, российских Москвы и Санкт-Петербурга, тайваньских Тайбэя и Гаосюна. А теперь сравните это с ситуацией в Таиланде, где население в 10 миллионов жителей крупнейшего в стране Бангкока соотносится с численностью следующего по величине города как 10 к 1. И в основе этой вопиющей неравномерности лежит история недавнего политического хаоса в этом государстве.

Последние десять лет направление тайской политики определялось непрерывной борьбой между бедными «краснорубашечниками» из провинций и сконцентрированными в Бангкоке относительно богатыми и просто богатыми «желторубашечниками»; а главной причиной этой борьбы была абсолютная и повсеместная власть мегаполиса и столичной элиты. Почти 70 процентов тайцев до сих пор живут в сельской местности (сравните с 50 процентами в Индонезии и 33 процентами на Филиппинах), несмотря на то что доход на душу населения в Таиланде почти в два раза выше, чем у его соседей. А поскольку обычно урбанизация и уровень дохода представляют собой две стороны одной медали, эти цифры четко свидетельствуют о наличии в государстве серьезных политико-культурных барьеров, не дающих тайцам перебираться с ферм в города. На долю сельского хозяйства в этой стране приходится всего 7 процентов от ВВП и почти 40 процентов рабочей силы, и данный факт создал отличный фундамент для конфликта между деревенским электоратом и бангкокской элитой.

Правила уличного движения: Бангкок

Внимательно следите за ситуацией во второстепенных городах государства. Их жизнеспособность – отличный показатель сбалансированного роста разных регионов страны и высоких темпов урбанизации. Как правило, если столица резко отличается по размерам от второго по величине города, значит, что-то не так (как, например, в Таиланде). А если экономика создает новые города-миллионники, это ведет к экономическому подъему всех регионов и снижает угрозу социальной нестабильности (как в Индонезии). Даже на Филиппинах, где средний доход на душу населения более чем вдвое не дотягивает до показателя Таиланда, а жизнь тоже сконцентрирована в основном вокруг столицы, Манилы, имеется еще три города с населением более миллиона человек. Соотношение «один к трем» со временем будет все привычнее, ибо по мере развития любого государства оно, как правило, стремится помочь своим второстепенным городам, поднять их на новый уровень. И тот факт, что такая богатая страна, как Таиланд, с доходом на душу населения около 5 тысяч долларов, имеет соотношение 10 к 1, что тут, помимо десятиmillionной столицы, нет ни одного города хотя бы с миллионом жителей, вызывает изумление.

Во время посещения Таиланда в марте 2006 года я стал свидетелем уникального восстания элитарных «желторубашечников» – непостоянной коалиции, объединяющей крупных и малых предпринимателей, роялистов и армейских офицеров. Они выражали протест против якобы злоупотреблений властью тогдашнего премьер-министра Таксина Чинавата и его заигрываний с «краснорубашечным» электоратом. Бывший магнат из сферы телекоммуникаций, Таксин, позиционировавший себя как защитника интересов сельской бедноты, впервые был избран на пост премьер-министра в 2001 году. Придя к власти, он начал агрессивно продвигать свое популистское меню, состоящее из всевозможных мер государственной поддержки для сельского электората, в том числе весьма щедрые дотации и льготы для сельских поселений, медосмотры для бедных за один доллар и многое-многое другое. «Желторубашечники» увидели в действиях премьер-министра Таксина копьё, нацеленное в сердце давней власти Бангкока, и в сентябре 2006 года начали действовать. В результате военного переворота – восемнадцатого по счету из потрясших Таиланд за последние семьдесят пять лет – Таксин был отправлен в ссылку, что вызвало целую серию все более яростных ответных протестов «краснорубашечников».

Фермеры маршировали по Бангкоку, требуя возвращения Таксина; их возмущение будет кипеть, иногда прорываясь в активные действия, еще много лет. Я умудрился приехать в страну в следующий раз в начале 2009

года, практически сразу после того, как протестующие «краснорубашечники» на целую неделю закрыли аэропорт в Бангкоке; а затем в начале 2011 года, незадолго до того, как в результате всплеска насилия, выразившегося в столкновениях военных с «краснорубашечниками», было убито больше ста тайцев. После изгнания Таксина, то есть с 2006 года, четверо разных премьер-министров-«желторубашечников» пытались восстановить порядок в стране, предлагая сельскому электорату еще более щедрые субсидии, чем Таксин, но у них ничего не получилось, поскольку ни один из них не пользовался доверием сельского большинства.

Из-за постоянной угрозы политической нестабильности компании не желали инвестировать новые средства в развитие бизнеса. Экономика, которая, начиная с азиатского кризиса 1998 года, отставала от своих региональных конкурентов, продолжала работать, по сути, вхолостую, что только усугубляло политическую напряженность в стране. Приближались выборы, намеченные на июль 2011 года, и в Бангкоке все считали, что, если «краснорубашечники» победят, опять вмешаются военные и начнется очередной цикл противостояния. С точки зрения большинства инвесторов, Бангкок шел по пути Манилы 1970-х и 1980-х годов, когда из-за бесконечных политических беспорядков Филиппины практически исчезли с инвестиционной карты мира. Один мой коллега описал три столпа застойной экономики Таиланда как «рис, тапиока, и массаж», и в этой шутке, несомненно, была доля правды.

Реальной замены существующему режиму никто не видел. За месяц до выборов 2011 года Йинглак Чинават, младшей сестры Таксина, даже не было на экране политического радара. Успешная бизнесвумен и крупный игрок в партии брата, она всегда говорила, что не намерена выдвигать свою кандидатуру на пост премьер-министра. А когда Йинглак вдруг решила это сделать, ее соперники говорили и думали только одно: «Что ж, она хотя бы очень хороша собой». Чинават ворвалась в большую политику буквально из ниоткуда и одержала столь убедительную победу, что даже военные не решились отменить результаты выборов, хотя все рассматривали ее как замену и доверенное лицо старшего брата.

Сегодня новый премьер-министр Таиланда вселяет некоторые надежды на позитивные изменения в стране, ибо в ее планах расширение прав и свобод населения сельскохозяйственных регионов. Надо сказать, международных инвесторов не слишком вдохновляет программа «краснорубашечников», нацеленная на дальнейшие подачки бедным слоям населения, а не на повышение производительности труда и рост экономики. Но нет никакого

смысла ждать прогресса в стране, где подавляющее большинство допускается к власти лишь время от времени, когда на это милостиво согласятся военные. Сегодня же демократия, похоже, заработала, военные ослабили свои позиции, и в условиях относительной стабильности есть все шансы на появление нового лидера, способного исправить основные проблемы экономики страны.

Стараясь держать руку на пульсе

Один из уроков Великой рецессии заключается в том, что если есть подъем, будет и падение – но Таиланд никогда не был на особом подъеме. В то время как другие формирующиеся рынки в годы великого глобального бума, с 2003 по 2007 год, достигали невиданных ранее высот, Таиланд соскальзывал в нечто вроде рецессии: темпы роста тайской экономики снизились с 6 до менее 5 процентов, ниже среднего показателя зарождающихся рынков, в тот период составлявшего более 7 процентов. Объяснялось это в значительной мере тем, что из-за постоянных уличных беспорядков экономическая деятельность в стране практически прекратилась, что еще больше усиливало разрыв между сельским и городским населением и в итоге привело к созданию еще одного серьезного дисбаланса – между экспортом и внутренним спросом.

Тайский потребитель стремительно терял позиции. На пике своего могущества в середине 1990-х Таиланд с населением в 60 миллионов человек считался одним из главных в мире потребителей предметов роскоши, таких как легковые автомобили Mercedes Benz, грузовики Volvo и шотландский виски Johnnie Walker, но эти времена канули в Лету. А поскольку потребление пошло на спад, все бо2льшую и бо2льшую роль в экономике страны начал играть экспорт. В сущности, внутренние инвестиции тоже стремительно сокращались, но благодаря серьезным денежным вливаниям в строительство новых дорог и заводов до 1998 года Таиланд оказался очень неплохо подготовленным к экспортному буму. Экспорт легковых автомобилей, выпущенных на многочисленных заводах восточного побережья страны, вырос с весьма незначительного показателя до 1998 года до более чем миллиона в год сегодня, превратив Таиланд в третьего по величине азиатского экспортера авто, уступающего только Южной Корее и Японии.

Но, как известно, излишне активно используемое преимущество рано или поздно становится обязанностью. Многие страны, судя по всему, уверены, что чем больше экспорт, тем лучше, но сегодня целый ряд азиатских экономик, от Тайваня до Таиланда, страдают от слишком сильной

зависимости от экспорта. Когда в 2008 году разразился кризис и спрос в США и Европе начал стремительно слабеть, экспортеры оказались в очень трудном положении. И Малайзия, и Таиланд, в которых на экспорт приходится более 70 процентов ВВП, пережили намного более тяжелые времена, чем Филиппины и Индонезия, в которых экспорт составляет меньше 50 процентов ВВП.

Можно сказать, что Таиланд представляет собой воплощение всего того, что пошло не так у восточноазиатских тигров. Любое упоминание об Азии вызывает в нашем воображении образы бурного роста: процветающий средний класс, толпами устремляющийся в огромные новые торговые центры, повсюду бурлит предпринимательская энергия, и все в таком духе. Но правда в том, что в случае с Таиландом и Тайванем в этой привлекательной картинке начисто отсутствует такой элемент, как внутренний потребитель. Сегодня на экспорт приходится бо́льшая часть тайской экономики, чем на внутреннее потребление – аномалия даже для азиатских «чемпионов» в области экспорта.

Традиционному представителю этой группы, Японии, удалось в 1970–1980-х годах пробить барьер среднего дохода на душу населения только благодаря созданию благоприятных условий для внутренних инвестиций и резкого увеличения потребления. Доля экспорта от ВВП страны в этот период составляла в среднем всего 10 процентов. В Таиланде же этот показатель вырос с 20 процентов в 1980 году до 35 процентов в 1998 году и до 72 процентов на сегодняшний день. При этом доход на душу населения в Таиланде остался прежним, 5 тысяч долларов, а в Японии вырос до 35 тысяч долларов. Это абсолютно неверный путь и в значительной мере следствие постепенного умирания внутреннего рынка, которое тянет за собой обнищание сельскохозяйственных регионов.

Одним из самых необычных признаков застоя экономики страны следует считать тот факт, что Таиланд до сих пор не сумел воспользоваться своими стандартными преимуществами, обеспечиваемыми работающим женским населением. В Таиланде очень много работающих женщин, что обычно способствует переходу страны на более высокий уровень экономического развития. Очевидно, что чем больше граждан государства зарабатывает деньги, тем богаче общество. Однако высокие темпы роста привлечения тайских женщин к трудовой деятельности – целых 66 процентов – не дали развитию экономики страны никакого импульса. Это особенно удивительно, учитывая, что в Таиланде семья жениха должна платить выкуп за невесту, а не наоборот, как во многих азиатских культурах. Данная традиция, без сомнения, предполагает наличие в Таиланде культуры, в которой

способности женщины приносить в дом деньги традиционно придается большое значение. И у нас есть все основания предположить, что одной из причин, по которым эта категория рабочей силы не оказывает должного влияния на рост национальной экономики, является то, что тайские женщины довольствуются в основном низкооплачиваемой или временной работой, где у них нет шанса серьезно влиять на производительность своего труда. Другое возможное объяснение заключается в том, что когда национальная политика в целом пребывает в бесконечном хаосе, гендерная политика в области трудовых ресурсов вряд ли способна заметно изменить ситуацию.

Тайским лидерам следовало бы принять меры по сбалансированию экономики, чтобы она больше зависела от внутренних инвестиций, но вместо этого они продолжали гнуть свою линию. Для повышения доходов сельского населения премьер-министр Таксин испробовал все возможные субсидии и дотации и действительно несколько улучшил ситуацию с обнищанием населения в этих регионах, но эти меры, конечно, никак не могут заменить открытие новых предприятий с реальными рабочими местами. Он так и не смог создать условия, которые привлекли бы новые инвестиции в сельские районы, а его преемники, как это ни странно, старались исправить ошибки Таксина, в основном предлагая крестьянам еще более щедрые государственные поправки.

В первую очередь Таиланду нужны серьезные изменения вроде тех, которые происходят сегодня в Турции под руководством правящей Партии справедливости и развития (ПСР). Основанная десять лет назад, ПСР тоже привела, по сути, своих «краснорубашечников», представляющих интересы граждан с относительно низким уровнем доходов и сельский электорат, к победе на выборах над давно «окопавшейся» во власти элитой. Но между этими странами есть одно весьма существенное отличие: если Таксин своими деспотическими мерами настроил городскую элиту против себя, ПСР умело избежала прямой конфронтации. Она начала с обеспечения стабильности на макроэкономическом уровне, без которой не возродить активности инвестиций. А пока турецкая экономика набирала обороты, Партия справедливости и развития сумела удовлетворить основные потребности сельского электората, направив часть новых инвестиций в ранее забытые государством провинции и тем самым восстановив равновесие экономики, в которой когда-то безраздельно господствовали Стамбул, Анкара и Измир. Да еще и сумела расположить к себе некоторую часть городской элиты.

До сих пор неясно, есть ли у нынешнего правительства Таиланда четкое видение, как обеспечить страну таким же сильным лидерством, или зрелость, которая поможет ему не спровоцировать очередной политический переворот. Оно, без всякого сомнения, пользуется поддержкой народа, необходимой для проведения смелых реформ, способных быстро вдохнуть новую жизнь в отечественную экономику. У расплатившихся с долгами после кризиса 1998 года тайских корпораций найдутся деньги для инвестиций, им только нужна политическая стабильность и уверенность в будущем. Если внутренний рынок под руководством «краснорубашечного» правительства оживет, вполне можно ожидать, что и в ближайшие годы в Таиланде начнется расцвет второстепенных городов. И в результате Таиланд даже может стать одной из прорывных наций текущего десятилетия.

Нация – любитель аббревиатур

Махатхир Мохаммед (на момент ухода с поста премьер-министра Малайзии в 2003 году один из мировых лидеров-долгожителей) в последнее время ведет блог. И он не раз жаловался в нем, что созданный им умеренный авторитарный режим начал проводить слишком жесткую политику в отношении блогеров, таких как он сам. В блоге к десятой годовщине трагедии 11 сентября Махатхир в очередной раз высказал идею, что Вашингтон сам организовал эту атаку, чтобы оправдать собственные нападения на мусульман. Правильнее всего было бы просто проигнорировать это заявление как бред обиженного пенсионера – если бы не тот факт, что взгляды Махатхира и сегодня во многом определяют экономику «тигра», лишившегося своих когтей во время кризиса 1997–1998 годов, да так до сих пор их и не отрастившего.

Что на самом деле произошло после 1998 года

В самый разгар кризиса Махатхир бросил великим западным державам вызов, и какое-то время казалось, одержал над ними победу. Яростно критикуя вредное попустительство иностранных биржевых дельцов, инициировавших кризис, и суровую политику затягивания поясов МВФ, усугубившую ситуацию, Махатхир не знал себе равных. Он усилил валютное регулирование, чтобы не дать этим биржевым дельцам уйти от ответственности, и резко увеличил расходы, стараясь тем самым «перезапустить» экономику страны. На какое-то время эти меры сработали, и Махатхир стал для некоторых истинным героем, но теперь история вынесла свой вердикт.

После азиатского кризиса темпы роста Малайзии резко замедлились. В годовом исчислении этот показатель снизился почти вдвое, до 5 процентов и

даже меньше, примерно до того же темпа, на котором остановились Таиланд и Филиппины. Однако одинаковый 5-процентный показатель был достигнут неравнозначными способами, и, стало быть, малайзийский рост более низкого качества, чем у его соседей. Во время пребывания в Куала-Лумпуре трудно отделаться от ощущения, что экономика страны растет за счет огромных бюджетных расходов и чистого везения – например, резкое повышение мировых цен на сырьевые товары очень способствовало увеличению экспорта резины и пальмового масла, – а вовсе не благодаря правильным решениям ее лидеров.

Щедрые расходы, на которые пошел Махатхир в борьбе с азиатским кризисом, не прекратились и сегодня. Если соседи Малайзии после кризиса изо всех сил трудились над тем, чтобы избавиться от пассивного баланса и кумовства, эта страна скатилась со стабильного профицита платежного баланса к ежегодному дефициту. Подогреваемые доходами от роста мировых цен на сырье, государственные расходы на текущий момент составляют 28 процентов от ВВП (в 1998 году они составляли 20 процентов), и это один из самых высоких уровней в Восточной Азии. Малайзийская экономика выглядит все более прогосударственной, вялой и неконкурентоспособной. Сегодня Малайзия – единственная азиатская страна, в которой доля государственного долга от ВВП за прошлое десятилетие выросла с 20 до 50 процентов. Ее огромные и молодые трудовые ресурсы – 60 процентов малайзийского населения младше двадцати пяти лет – могли бы стать мощным конкурентным преимуществом, но поскольку очень многие люди не работают или нетрудоспособны, Малайзия вынуждена импортировать рабочую силу.

Все последнее время Малайзия упорно соскальзывала вниз. Вместо того чтобы попытаться стать конкурентоспособной в более передовых областях, страна попадала во все большую зависимость от экспорта пальмового масла и плантаций каучуковых деревьев, которые были основой ее экономики еще в XVIII веке. Доля Малайзии в мировом экспорте сырья неуклонно растет, а доля в мировом экспорте промышленных товаров за прошлое десятилетие сократилась на целых 26 процентов. Двадцать лет назад основной статьей малайзийского экспорта считалась бытовая электроника, которую собирали из компонентов, произведенных другими азиатскими странами под именами крупных мировых брендов; эта отрасль и сегодня представляет собой ядро угловой малайзийской промышленности. За последние десять лет прирост объемов торговли промышленными товарами в стране резко сократился, в то время как в Китае, Корее, Тайване и Сингапуре наблюдается быстрый рост этого показателя.

Больше всего из всех своих конкурентов Малайзия одержима борьбой с крошечным Сингапуром. Это соперничество уходит корнями в постколониальный период, когда англичане слишком долго не могли решить, как провести границу в регионе, населенном малайским национальным большинством и крупным китайским меньшинством. На некоторое время китайский анклав Сингапура объединился с Малайзией в федерацию, но этот союз очень скоро развалился из-за этнических проблем. И главную роль в этом сыграл Махатхир, обвинивший китайскую бизнес-элиту в дальнейшем обнищании бедных малайцев. Казалось, город-государство Сингапур с его скудными природными ресурсами ждет весьма незавидная судьба. Однако под мудрым руководством Ли Куана Ю он стал примером поистине потрясающего экономического успеха и региональным финансовым центром. Начиная с 1965 года доход на душу населения в стране вырос в 71 раз, до 37 тысяч долларов, в то время как в Малайзии этот показатель увеличился в 20 раз, до 7 тысяч долларов. Когда в 2011 году Сингапур обошел Малайзию по общим размерам экономики, это вызвало в Куала-Лумпуре сильнейшую обиду: Махатхир тут же заявил, что Сингапур добился таких успехов, сосредоточившись исключительно на экономическом росте и совершенно забыв о «справедливом распределении богатства между народами, как это делаем мы в Малайзии».

Но проблемы Малайзии не ограничиваются расовыми трениями и давним соперничеством. Каждое государство Юго-Восточной Азии в тот или иной момент своей постколониальной истории пережило период протестов против китайского бизнес-класса, но только Малайзия упорно поддерживает этот огонь, преподнося данную проблему как важнейший вопрос государственной политики. Еще до того как в 1981 году к власти пришел Махатхир, в стране была разработана программа позитивной дискриминации по предоставлению этнической группе бумипутра – это коренное население Малайзии, включающее малайцев, – большей доли участия в компаниях. Махатхир же превратил эту программу в проникшую во все сферы и аспекты жизни систему расовых квот и субсидий, охватывающую все, от школ до государственных постов. Сегодня 60-процентное малайское большинство считает, что до сих пор не получает справедливой доли экономического пирога, а 30-процентное китайское национальное меньшинство, пытаясь конкурировать с малайцами-магнатами, пользующимися безраздельным покровительством властей, чувствует себя все в такой же изоляции. А если в стране живут сплошь обиженные на судьбу жертвы, остается только удивляться, когда находится смельчак, готовый инвестировать в ее экономику.

Сегодня эта сложная политическая обстановка не дает Малайзии открыть двери и дать обратный ход, отменив излишне щедрые льготы для представителей бумипутры. Почувствовав себя в западне, иностранные и местные инвесторы начали переводить капиталы за рубеж. А когда благоприятные возможности окончательно иссякли, талантливые малазийцы стали и сами массово уезжать за границу, и сильнейшая утечка мозгов сделала страну еще менее привлекательной для инвесторов.

Малайзия – единственное азиатское государство, в котором объем прямых иностранных инвестиций уменьшается: общий приток долларовых капиталовложений ушел в минус в начале 2006 года, и с тех ситуация не изменилась: в последнем квартале 2011 года темпы составили –2,5 процента ВВП. В любой развивающейся стране экономисты прежде всего ищут признаки сильного «инвестиционного цикла», который указывает на то, что местный бизнес достаточно уверен в будущем, чтобы вкладывать деньги в новые заводы, офисные здания и предприятия. В Малайзии именно высокие уровни инвестиций местных и японских инвесторов способствовали росту тяжелой промышленности в 1990-х годах и превратили экспорт в главный фактор, стимулировавший высокие темпы роста, которые к началу азиатского кризиса достигли пикового значения в почти 9 процентов. Но после 1997 года объем частных инвестиций уменьшился с 40 до 20 процентов от ВВП. В этом и заключается самое серьезное отличие Малайзии от других стран Юго-Восточной Азии, например от Индонезии: сегодня Малайзия практически исчезла с инвестиционной карты мира.

Вся правда об этих «злых» биржевых дельцах

Самое печальное, что такой уход Малайзии в себя, скорее всего, был спровоцирован искаженным пониманием ею роли, которую якобы сыграли в кризисе 1998 года «злые» иностранные биржевики-спекулянты.

Правила уличного движения: Куала-Лумпур

Внимательно следите за действиями отечественных инвесторов. Во времена наихудших кризисов в развивающихся странах, от Мексики в 1980-х до Восточной Азии в 1990-х, их политики, как правило, тут же обвиняли в стремительном опустошении национальных счетов якобы никому не нужных иностранцев с их «горячими деньгами», то есть спекулятивными капиталами. Особо отличился в этом деле Махатхир, заявив в 1998 году, что в крахе национальной малазийской валюты ринггита виноват всемирный заговор еврейских биржевиков-спекулянтов, но основная идея, что у истоков любого серьезного экономического кризиса стоят иностранные спекулянты, по сей день пользуется в стране большой популярностью. Истина же в том,

что первыми с тонущего корабля чаще всего бегут занимающие вполне надежные позиции местные. Вот почему сегодня существует целая небольшая индустрия, специализирующаяся на отслеживании сделок корпоративных инсайдеров, и государствам нужно делать то же самое на своем уровне.

Мы провели исследование, которое показало, что когда на горизонте маячит финансовый кризис, деньги из страны имеют тенденцию вывозиться в три этапа. Первыми начинают действовать крупные местные инвесторы; из-за правил, существующих на многих формирующихся рынках и ограничивающих потоки капитала, им приходится вывозить деньги через подпольные каналы. Таким образом, данная утечка денег не будет отображена в стандартных статьях национального бухучета, но часто ведет к резкому увеличению статьи под названием «Ошибки и пропуски» в универсальной отчетности по платежному балансу. Широко распространена еще одна уловка: компании, от малых предприятий до государственных гигантов, начинают указывать в отчетах заниженные данные по экспорту и завышенные по импорту, вуалируя тем самым массовый отток денежных средств в зарубежные банки и заграничные инвестиционные проекты. Разумеется, финансовые магнаты и олигархи с отличными связями в правительстве владеют более оперативной и достоверной информацией о серьезных проблемах отечественной казны и при ранних сигналах тревоги первыми устремляются к выходу.

Вслед за ними уходят иностранные кредиторы, что выражается в замедлении потоков краткосрочных межбанковских кредитов от иностранных банков; иногда этот процесс даже разворачивается в противоположную сторону. Всплеск краткосрочного кредитования в период бума и обратный процесс во время экономического спада можно без особого труда отследить по специализированным отраслевым отчетам, но пресса не слишком любит использовать эти источники. Если же говорить конкретно о Малайзии, то тут вообще не найдется ни одного доступного источника информации, прозрачного настолько, чтобы благодаря ему можно было определить, кто и когда именно выводил средства за рубеж.

Как известно, легче всего «спалить» того, кто уходит последним; это одна из причин, почему на них так любят сваливать всю вину. В нашем случае это иностранные инвесторы, вкладывавшие деньги в отечественный фондовый рынок. Потоки на этих рынках отслеживаются в режиме реального времени, а по правилам, действующим сегодня во многих развивающихся странах, иностранные инвесторы обязаны отчитываться в своих авуарах подробнее, чем местные. Сейчас в Малайзии нет кризиса, но тот факт, что и местные

жители, и иностранцы активно вывозят капиталы из страны, особого оптимизма, разумеется, не внушает.

А вот когда местные предприниматели переводят деньги домой, особенно если иностранные инвесторы паникуют, это следует воспринимать как сигнал, что базовая ситуация на данном рынке лучше, чем вы, возможно, думаете. Обращайте также внимание на цены, назначаемые менялами на черном рынке. Если они берут за местную валюту больше, чем по официальному курсу, это, скорее всего, свидетельствует об их уверенности в относительно светлом будущем. Так было, например, в Бразилии в 2003 году, и данная ситуация стала одним из первых сигналов о том, что надвигающийся на эту страну экономический бум будет особенно мощным.

Грандиозные планы

Малайзия буквально одержима идеей централизованного планирования. Некоторые критики сравнивают эту страсть с советской моделью, но, как мне кажется, у нее больше общего с моделью британского социализма послевоенных лет. Первый пятилетний план Малайзии был принят в 1955 году, за два года до обретения страной независимости, и с тех пор она с огромным удовольствием занимается планированием на всех уровнях.

Должностные лица и чиновники охотно заваливают посетителей огромным множеством аббревиатур, которые тут активно используются для обозначения многочисленных планов и схем, нацеленных на восстановление темпов роста. Надо сказать, в общем эти инициативы верно отображают главные проблемы отечественной экономики. Производственный сектор страны слабеет, корпорации массово переезжают за рубеж, и руководство Малайзии понимает, что прежде всего необходимо возродить конкурентоспособность экономики, опять привлечь внимание инвесторов, повысить квалификацию рабочей силы и сделать повсеместную систему позитивной дискриминации более прозрачной и дружественной по отношению к рынку. Все эти цели включены в новую экономическую модель, или NEM (New Economic Model), которая была обнародована в марте 2010 года и в конечном счете нацелена на увеличение доходов на душу населения в два раза к 2020 году. NEM, в свою очередь, включает в себя программу экономических преобразований ETP (Economic Transformation Program) и программу государственных преобразований GTP (Government Transformation Program). Они нацелены на реформирование в десятках конкретных основных национальных экономических зон – NKEA (National Key Economic Areas) и предполагают реализацию ста тридцати целевых проектов входа в заданную зону EPP (Entry Point Projects). Огромные армии

государственных служащих, увлеченно выводящие в документах все эти аббревиатуры, кажутся материальным воплощением культуры микроменеджмента, любимого детища Махатхира, никогда не упускавшего ни малейшей возможности прокомментировать любую, даже самую незначительную, проблему, но пока в стране не нашлось ни одного человека, которому оказалось бы под силу добиться поставленных целей.

Главная проблема Малайзии – исполнение. Страна печально прославилась грандиозными планами, которые так никогда и не реализуются, и объявлениями о новых «коридорах роста», существующими только на бумаге. Многие из этих планов выглядят как отголоски невероятно давних лет – например, нынешний премьер-министр Малайзии Наджиб предложил «План развития региона Искандер», который, по сути, не что иное, как видоизмененная версия плана, предложенного двадцать лет назад Махатхиром под названием «Экономический коридор Южного Джохора». Впрочем, в основном идеи все равно остаются только на бумаге. Например, к моменту реализации «Восьмого малайзийского плана» в 2005 году 80 процентов средств остались неизрасходованными.

Справедливости ради отмечу, что некоторые из этих планов принесли очень заметные плоды. Весьма успешным, например, оказался финансовый план, в прошлое десятилетие немало способствовавший укреплению огромной коррумпированной банковской системы Малайзии. Другие обеспечили результаты лишь частично – например, «Суперкоридор развития мультимедиа», предложенный Махатхиром, серьезно не дотянул до его видения новой Кремниевой долины. В 2009 году местные газеты писали, что малайзийскую Долину заселили в основном государственные учреждения. В последнее время – и это весьма обнадеживает – малайцы начали приглашать крупные международные корпорации использовать эти мощности в качестве центров обработки данных. Это, конечно, шаг вперед, но страна все равно бесконечно далека от решения главных задач современной инновационной экономики.

За годы своего правления Махатхир неоднократно вступал в конфронтацию с ключевыми малайзийскими центрами власти: провинциальной оппозицией, судами, чиновничьим аппаратом. И каждый раз выходил победителем, создавая новые, лояльные ему институты. Однако теперь эти институты стали серьезными барьерами на пути его преемников, Абдуллы Бадави и Наджиба Разака. Оба они создавали новые органы для контроля старых, запутывая народ во все новые слои мудреных сокращений и аббревиатур. Орган Наджиба, например, называется PEMANDU (Performance Management and Delivery Unit) – подразделение по управлению

производительностью и снабжением. Подразделение укомплектовано консультантами из частного сектора, работающими по контракту, руководит им специалист по антикризисным мерам. Предназначение данного органа в том, чтобы максимально сократить количество целей, по которым «стреляет» правительство, и добиться того, чтобы оно все же попадало в яблочко. И чем меньше новых аббревиатур придумают работники данного подразделения, тем больше шансов, что они добьются успеха. Малайзии надо двигаться дальше и в первую очередь отладить и восстановить институты, сильно поврежденные на последних этапах правления Махатхира. Прошло уже почти десять лет после его ухода в отставку, не следует позволять ему отбрасывать на страну такую длинную тень.

Глава 9 Золотой медалист

Самый популярный корейский поп-исполнитель весьма мудро выбрал себе сценический псевдоним из одного слова – Rain (в переводе с англ. «дождь»), которое поймут практически во всем мире. На иллюстрации его выступление на Азиатских играх в Гуанчжоу

Когда мне требуется пощупать пульс мировой экономики, я ищу жизненно важные сигналы не в Лондоне, не во Франкфурте, не в Париже, не в Токио и даже не в Шанхае. Я обращаю свой взор на Сеул. Начнем с того, что Южная Корея – одна из первых крупных экономик, которая начала представлять данные об экономическом развитии каждый день, и данные эти своевременны, точны и достоверны. Кроме того, южнокорейские компании проявили потрясающую способность неизменно оставаться на переднем крае: они основные игроки целого ряда отраслей, от автомобилестроения до производства химикатов. А еще эта нация невероятно открыта для иностранцев: они владеют более чем третью акций корейских компаний, это один из самых высоких показателей в мире. В результате всех этих факторов индекс KOSPI, корейский эквивалент S&P 500, дает в высшей степени точную картину глобальных тенденций. Что бы ни находилось в фокусе – Кремниевая долина и высокие технологии, как это было в 2000 году, или Китай и другие крупные формирующиеся рынки, как в прошедшем десятилетии, – Южная Корея всегда находится в центре событий, всегда держит руку на пульсе мировой экономики. Учитывая это, стоит ли удивляться, что в некоторых финансовых кругах сеульский индекс прозвали доктором Kospi?

Потрясающая способность Южной Кореи всегда оставаться в авангарде стремительно сменяющихся друг друга отраслей выделяет ее в свою уникальную категорию. Южная Корея и Тайвань – два золотых медалиста глобальной экономической гонки. Только эти две страны за всю задокументированную историю мировой экономики обеспечивали экономический рост выше 5 процентов на протяжении пяти десятилетий подряд. Но сегодня для них настал переломный этап. Обе эти страны в прошлом были колониями Японии, и их успех базируется прежде всего на копировании основных принципов и правил японской экономической системы. Они много инвестируют в научные исследования и технические разработки и целенаправленно работают над сдерживанием неравенства доходов того типа, который может привести к народному протесту против быстрого экономического роста. По мере того как их экономики становятся все более зрелыми (доходы на душу населения превысили показатель 20 тысяч долларов), развитие, естественно, замедляется и в Корее, и в Тайване. Однако сегодня у Кореи намного больше шансов догнать Японию, на долгие годы застрявшую на уровне доходов в 35 тысяч долларов, чем у ее главного конкурента.

Из-за того, что две экономики так долго росли практически одинаковыми темпами, экономисты давно объединили Южную Корею и Тайвань в пару, но базовые различия между ними очевидны, и эта пропасть продолжает расширяться. Южная Корея с ее ВВП в 1 триллион долларов и населением в 48 миллионов, в два раза больше Тайваня (450 миллиардов долларов и 23 миллиона человек соответственно), неуклонно укрепляет свои конкурентные позиции. В 2006 году суммарная стоимость южнокорейского фондового рынка впервые превысила показатель Тайваня, и сегодня разрыв между ними сильно увеличился: 1 триллион долларов против 700 миллиардов. Любопытно, что семейные династии, которые по-прежнему доминируют в топ-тридцатке корейских компаний и которые все считали первопричиной жесточайшей проблемы «кланового капитализма», приведшей к азиатскому финансовому кризису 1998 года, реформировались настолько сильно, что сегодня рассматриваются как важнейшее конкурентное преимущество Южной Кореи. Корпорация Hyundai, которую десять лет назад хором высмеивали за жесткий авторитарный стиль управления, абсолютную непрозрачность бухгалтерского учета и до смешного плохую продукцию, в настоящее время превратилась в мирового чемпиона. Оба наших золотых медалиста гонки экономического развития – очень близкие, так называемые разделенные нации. Но у Тайваня очень мало шансов когда-либо воспользоваться выгодами от объединения с большей материковой отделенной частью, в то время как Южная Корея уже сейчас готовится принять у себя дисциплинированную рабочую силу из Северной Кореи, что может произойти в любой момент. В итоге из пары золотых медалистов Южная Корея – главный претендент на звание прорывной нации, то есть нации, растущей быстрее, чем ожидало большинство людей.

Сегодня Южная Корея все больше выходит из тени Японии и все сильнее расширяет пределы возможного для крупной промышленной державы. Обе эти нации представляют собой в высшей степени конформистские общества, то есть общественное мнение в них, как правило, стремится закрепить статус-кво, однако в Южной Корее само определение статус-кво может измениться в мгновение ока. При наступлении кризиса Япония старается изо всех сил защитить существующую экономическую систему, а Южная Корея мобилизует все силы, принимает самые решительные меры, а потом отстраивает экономику практически заново. Самым красноречивым в этом смысле можно считать контраст во времена кризиса 1990-х, когда Япония в течение многих лет старалась любыми способами удержать на плаву оказавшиеся на грани банкротства компании, а Южная Корея быстро провела в стране «генеральную уборку». Тогда почти 40 процентам крупнейших корейских компаний позволили просто исчезнуть с лица земли. Даже известные транснациональные корпорации, в том числе Daewoo, и

целый ряд других фирм были проданы новым владельцам. В итоге Южная Корея стала моделью изменений, а Япония – символом статус-кво. Корейский индекс KOSPI сегодня считается зеркалом мировых рыночных тенденций, а японский индекс Nikkei впал в долгосрочный ступор и практически перестал отображать важнейшие глобальные тренды. Четким симптомом изменения судеб этих двух стран можно считать и тот факт, что сегодня богатейшим человеком Японии является этнический кореец, миллиардер и предприниматель Масаёси Сон.

Мое личное отношение к происходящему на Корейском полуострове резко изменилось после великого глобального бума 2003–2007 годов, когда создавалось полное впечатление, что корейское «чудо» пошло на спад. Как большинство азиатских наций, до этого момента Южная Корея росла и развивалась прежде всего за счет производства дешевых и относительно дешевых товаров, предназначенных для продажи в богатых странах, но эта стратегия, казалось, исчерпала себя. К 2003 году выпуск продукции данного типа составлял такую огромную долю экономики Южной Кореи, ее доля от мирового экспорта промышленных товаров была так велика, что было крайне трудно найти там хоть какое-то пространство для дальнейшего роста. Тем не менее на сегодняшний момент на обрабатывающую промышленность страны приходится 31 процент экономики, в то время как всего пять лет назад этот показатель составлял 26 процентов, что, несомненно, в очередной раз подтверждает непревзойденное мастерство Кореи в сфере промышленного производства. Кроме того, Корея сегодня уверенно выходит за рамки своих традиционно сильных отраслей – производство автомобилей и стали – и превращается в глобального игрока в принципиально новых направлениях, например: выпуск промышленного оборудования, робототехники и аккумуляторных батарей, аэрокосмическая промышленность, биотехнологии и материаловедение. Так что корейское «чудо», судя по всему, продолжается.

Правила уличного движения: Сеул

Правила экономического роста варьируются в зависимости от времени и страны. Например, раньше, если доля обрабатывающей промышленности в экономике страны достигала 25–30 процентов от ВВП, можно было ожидать, что в этой области достигнут естественный лимит и экономика, скорее всего, сместит свой фокус на сервисный сектор. Обычно данный сдвиг происходит на относительно ранней стадии игры под названием «экономическое развитие», при доходе на душу населения не выше 10 тысяч долларов. Так было в Соединенных Штатах, Японии и даже в Германии, обрабатывающая промышленность которой и сегодня остается мощным сектором экономики

страны. Однако все это еще не значит, что закон переключения фокуса на сферу услуг работает во всех странах и во все времена, и Южная Корея, возможно, представляет собой исключение из данного правила, хотя и редкое.

Приехав в Южную Корею в 2007 году, я увидел нацию, которая не знала, как реагировать на знаки судьбы. Надо сказать, что на предыдущих этапах развития Сеул на удивление легко и с огромным мастерством договаривался с нацией обо всех важнейших изменениях: о переходе с легкой промышленности на тяжелую, с текстильной на сталелитейную и т. д. Начиная с Пак Чон Хи – генерала, захватившего власть в стране в результате переворота 1961 года и руководившего народом вплоть до своей насильственной смерти в 1979 году, – целый ряд автократических корейских президентов продемонстрировал бесспорную способность управлять административно-командной системой, создав, в частности, такие национальные промышленные гиганты, как Samsung и Hyundai. Южная Корея стала мировым лидером в сталелитейной промышленности, нефтехимии и судостроении.

К 1990-м годам следующий логичный шаг заключался в усилении и развитии внутреннего потребительского рынка и создании сильных сервисных отраслей: страхования, туризма и розничной торговли, – но Сеул будто вдруг лишился своего дара в деле развития. Государство научилось освобождать производителей для свободной конкуренции, но так и не смогло заставить себя не вмешиваться в дела сервисного сектора, в котором даже сегодня темпы роста продуктивности почти вдвое ниже, чем в производственном, прежде всего за счет назойливого регулирования и управления со стороны государства. Когда в конце 1990-х «корейская поп-музыка» стала настоящим азиатским хитом, Сеул, верный своим родительским инстинктам, умудрился создать специализированное государственное агентство для продвижения этого музыкального направления и управления им.

Однако, хотя правительство и видело необходимость потребительской революции, ее запуск был проведен неудачно. После азиатского финансового кризиса 1998 года Сеул попытался инициировать потребительский бум, поощряя распространение кредитных карт. Но вместо бума это привело к кризису задолженностей населения, ибо многие корейцы при первой же возможности исчерпывали кредит по всем своим карточкам. Растущий корейский средний класс изо всех сил старался продемонстрировать всем свое благосостояние, но его вековая обида на тех, чье богатство для него недостижимо, никуда не делась. В 2003 году именно благодаря усилиям этого класса президентом был избран Но Му Хён,

пообещавший осуществить справедливое перераспределение богатства. В конечном итоге в попытке предотвратить спекуляции с недвижимостью этот лидер пошел на такие агрессивные меры, что Южная Корея стала одной из редких стран, полностью прозевавших глобальный бум цен на недвижимость. Это в числе прочего привело к тому, что корейцы решили, будто их дома слишком бедные, чтобы они могли позволить себе много тратить, что практически свело на нет усилия правительства по продвижению экономики потребления. При этом корейских производителей почти не ограничивали в том, где и как вести бизнес, и они, чтобы не нанимать местную рабочую силу, начали массово перемещать производство за рубеж. Корея занимает второе место по уровню зарплат в Азии, уступая только Японии, а по строгости законов об обеспечении занятости среди всех развитых стран мира уступает только Португалии. Отток крупных компаний с отечественного рынка привел к сильной безработице среди молодежи, что, в свою очередь, еще более негативно отразилось на настрое потребителей, и без того угнетенных большими долгами.

Внутренний рынок Южной Кореи остается малоподвижным и сегодня. Потребительский спрос практически не растет, а расходы физических лиц как доля от ВВП сократились с 75 процентов в 1970 году до 53 процентов в настоящее время, что почти на 20 пунктов ниже среднего показателя для стран с тем же уровнем дохода. Корейцы все еще выбирают из глубокой долговой ямы, в которую они угодили из-за маневра с кредитными картами. Задолженность населения составляет 146 процентов от общего объема экономики – один из самых высоких показателей в мире. В сущности, можно сказать, что южнокорейский потребитель в настоящее время страдает от «бумофобии», сильнейшего страха перед долгами, болезнью, характерной для стран, восстанавливающихся после цикла «спад-подъем».

Азиатская Германия

Несмотря на очевидные проблемы отечественного потребительского рынка и сервисной сферы, сегодня я вижу еще одну, совершенно другую сторону Южной Кореи. Считается, что если очевидно, что, казалось бы, абсолютно нетрадиционный подход отлично работает, в какой-то момент следует попытаться изменить традицию, а не подход. Но Южная Корея упорно продолжает пробиваться к процветанию в основном благодаря экспорту товаров обрабатывающей промышленности. Эта модель зависящего от экспорта роста зародилась в далекие 1960-е годы; в те времена ее было относительно просто воплотить в жизнь, поскольку на азиатском рынке существовало всего три крупных игрока: Япония, Тайвань и Южная Корея. Но чем больше игроков вступало в конкурентную борьбу – сначала Таиланд,

Малайзия и Индонезия, чуть позже Китай и Индия, затем Вьетнам и Бангладеш, – тем труднее становилось добиться заметных результатов. Южной Корее удалось переиграть в этой игре всех, в том числе и своих главных соперников по наиболее престижным и прибыльным производственным нишам, Японию и Тайвань. В итоге она добилась роста ВВП более 4 процентов – весьма существенное достижение для такой богатой страны, как Южная Корея. Сегодня специалисты начинают говорить о Южной Корее как об «азиатской Германии», многие уже считают ее региональным «золотым стандартом» в области высокотехнологичного производства, хотя прежде этот титул принадлежал Японии.

В середине 1990-х годов южнокорейские производители вступили в игру на международном уровне и принялись оспаривать господство крупных западных брендов. Многие аналитики восприняли это с большим сарказмом. До тех пор развивающиеся страны держали свои амбиции в узде, выпуская товары, продававшиеся под торговыми марками Европы или США. Скептики возвели маркетинг в ранг искусства и утверждали, что, для того чтобы добиться успеха на этом поприще, необходимо тонкое понимание и знание новейших западных и японских стилей, трендов и направлений и даже чувство «комедийного тайминга» (если в нужный момент выпустить на экраны смешную рекламу, она будет очень эффективной). Прежде ни одной нации «третьего мира» не удавалось освоить это искусство, и когда такие компании, как Samsung, начали тратить огромные средства на рекламу и продвижение своих брендов на международном рынке, многие аналитики сочли это напрасными тратами для страны, которой якобы следовало рассчитывать в конкурентной борьбе исключительно на низкую себестоимость продукции и эффективность производства. В качестве образца для подражания они дружно указывали на Тайвань, ибо эта страна продолжала использовать прежнюю модель и производить ноутбуки и прочие высокотехнологичные продукты широкого спроса, которые продавались под брендами Dell, HP и других крупных западных производителей.

Но Южная Корея доказала всем, что эта критика была ошибочной. Хотя некоторые развивающиеся страны, прежде всего Мексика и ЮАР, создали сильные транснациональные корпорации, все это за редким исключением, по сути, региональные компании, конкурирующие на родных континентах в таких областях, как телекоммуникации, СМИ и пивоварение. И только одной Южной Корее удалось создать поистине глобальные бренды в области высокотехнологичной обрабатывающей промышленности, и возглавляют этот список, конечно же, Samsung, Hyundai и LG. Они уверенно завоевывают не только потребителя США и Европы, но и многие зарождающиеся рынки,

от Азии до Латинской Америки. Корея – единственный экспортер промышленных товаров в Китай, доля рынка которого в прошлом десятилетии выросла; доля же всех остальных промышленных держав, в том числе Японии, Тайваня, США и развитых европейских стран, сократилась в пользу государств – экспортеров сырья, в частности Индонезии, России и Бразилии.

Это и стало главным импульсом к мощному южнокорейскому прорыву. Агрессивный выход страны на формирующиеся рынки изменил правила игры в глобальной обрабатывающей промышленности. Пять лет назад, оценивая перспективы корейских компаний, аналитики рассматривали традиционный диапазон потенциальных рынков, в первую очередь западный и японский. Теперь же этот диапазон охватывает весь мир; Южная Корея сумела резко расширить пределы возможного для такого сектора, как обрабатывающая промышленность. И сделала она это очень быстро: если в 2003 году две трети южнокорейского промышленного экспорта направлялось в развитые страны, то сегодня столько же идет в развивающиеся. В прошлом году Корея экспортировала в Китай больше товаров, чем в США, ЕС и Японию, вместе взятые. И в этом случае Запад как-то особенно упорно и долго не замечал, насколько быстро менялись правила мировой экономической системы, как быстро Корея становилась глобальным игроком – даже в те времена, когда «глобализация» была еще излюбленным всеми неологизмом.

Еще более впечатляющим мне представляется контраст между Южной Кореей и Японией. Япония, которая изначально считалась общепризнанным экспортно-производственным гигантом, в настоящее время зарабатывает на экспорте чуть больше 10 процентов от своего ВВП, то есть меньше, чем десять лет назад. Сегодня она утратила свой статус «звездного» поставщика высокотехнологичной продукции для Германии. При этом объемы экспорта Южной Кореи продолжают расти мощными двузначными темпами, вдвое быстрее экономики страны в целом; в настоящее время на экспорт приходится 53 процента от ВВП, что почти на 20 пунктов больше, чем всего десять лет назад. За прошедшее десятилетие Южная Корея превратилась в одну из самых открытых крупных экономик мира; сегодня ее внешнеторговый оборот составляет 100 процентов от ВВП. Кроме того, стране удалось сохранить долю в мировой экономике, равную 2 процентам, в то время как доля Японии снизилась почти в два раза, до 7 процентов.

Консервативное общество, мобилизующееся в условиях кризиса

Сегодня Южная Корея продолжает процветать, используя модель, когда-то позаимствованную у Японии, которая, судя по всему, сама свои собственные уроки забыла. Из-за девальвации иены, особенно из-за одновременного повышения ее стоимости по отношению и к евро, и к корейской воне, японский экспорт на протяжении двух прошедших десятилетий становился все дороже и, следовательно, все менее конкурентоспособным. Особенно красноречивым мне представляется тот факт, что Корея уже сегодня обогнала Японию в области экспорта высокотехнологических продуктов. На мой вопрос, как это японские компании позволили себе отстать от корейских конкурентов на зарождающихся рынках, один японский экономист ответил: «Из-за отсутствия ощущения насущной потребности». И верно, со своим средним доходом на душу населения в 35 тысяч долларов, Япония, судя по всему, чувствует себя вполне комфортно.

Определенную роль играет и культурная реакция этих двух наций на кризисную ситуацию. Усилия Японии, нацеленные на спасение оказавшихся на грани банкротства компаний в 1990-х годах, привели к увеличению доли государственной собственности в экономике страны и, как следствие, к снижению ее продуктивности. А во время кризиса 1998 года, когда огромные внешние долги привели к краху азиатских валют, Южной Корее пришлось идти с протянутой рукой к Международному валютному фонду с просьбой о пакете антикризисных мер на рекордную сумму в 58 миллиардов долларов. Тогда казалось, что, для того чтобы рассчитаться с долгами, корейцам потребуется много-много лет. Внутри самой страны чувство унижения из-за потребности в займе МВФ (и его весьма жестких условий) привело к серьезным уличным протестам антиглобалистов в Сеуле, но это же чувство вдохновило корейцев на общенациональную кампанию с целью скорейшего исправления ситуации. В то время как граждане других пострадавших от кризиса стран, защищая свои капиталы, массово переводили их на Каймановы острова, корейская нация мобилизовала все свои силы, чтобы как можно скорее выплатить государственный долг. Люди выстраивались в длинные очереди, желая пожертвовать свои золотые украшения на эту благородную цель – уникальный пример корейского патриотизма во имя радикальных изменений. Обремененным долгами конгломератам и страдающим от недостатка средств банкам было позволено «умирать» такими быстрыми темпами, какими могли бы гордиться даже на редкость практичные экономисты австрийской школы. Но уже через год суровых испытаний Южная Корея вернулась в гущу мировых событий. В результате вакханалии 1999–2000 годов, связанной с так называемыми дотками, стоимость акций южнокорейских технологических компаний резко выросла. К середине 2001 года корейский долг МВФ был полностью погашен.

Во время кризиса 1998 года экономика Южной Кореи пострадала значительно сильнее, чем тайваньская, но опять намного быстрее восстановилась, выйдя из очередных испытаний еще более сильной, чем прежде. Способность к созидательному разрушению – вот что прежде всего отличает Южную Корею от Тайваня и Японии. После 1998 года многие крупные корейские конгломераты пригласили для управления повседневными операциями профессиональных менеджеров, но главная ответственность все еще лежит на семьях-основателях, и долгосрочные стратегические решения по-прежнему остаются на редкость смелыми и радикальными.

Победа над Японией на ее собственном поле

Благодаря великой общенациональной «генеральной уборке» корейские конгломераты начали завоевывать мир. Начиная с 2000 года они принялись активно строить в Китае заводы по выпуску автомобилей, нефтехимической продукции и высокотехнологичных продуктов широкого спроса, например мобильных телефонов. Это одна из главных причин, по которым корейским производителям удается сегодня сохранять ценовое преимущество перед японскими конкурентами. С 2004 года доля Южной Кореи от мирового рынка продуктов информационных технологий, в том числе мобильных телефонов и телевизионных ЖК-дисплеев, выросла почти в два раза, до 30 процентов. И в основном это увеличение было достигнуто за счет Японии. Корейские компании уверенно опережают своих японских конкурентов в гонке, цель которой заключается в укреплении высококлассных брендов на крупных формирующихся рынках.

Южная Корея вкладывает огромные деньги в научные исследования и технические разработки, а это считается главным показателем стремления страны к инновациям и ее готовности к изменениям. В Южной Корее все началось на заре 1970-х, когда диктатор Пак Чон Хи четко и однозначно сформулировал главную экономическую цель нации – скопировать эффективную стратегию Японии в области научно-технических разработок при помощи мощных государственных инвестиций. Впрочем, сегодня государство все же отошло на второй план, и основную роль в инновационном процессе теперь играют крупные частные компании. Они построили собственные исследовательские центры и нанимают огромную армию ученых и исследователей; и именно благодаря им и без того немалые расходы на эти цели в 1999 году (2,6 процента от ВВП) к 2009 году выросли до 3,7 процента. В тот год Южная Корея опередила Японию по данному показателю.

Значительная часть расходов на научные исследования в Южной Корее направляется в высокотехнологичную и автомобилестроительную отрасли, чем во многом объясняется мощный прорыв целого ряда корейских автомобилей, от Hyundai до Kia, на североамериканском и мировом рынках. В конце 1980-х, когда корейские авто только появились за границей, их высмеивали все кому не лень: их называли корейской версией Yugo, печально знаменитого фиаско югославского автомобилестроения из далеких 1970-х. Даже десять лет спустя руководство Toyota видело в «корейцах» конкурентов только для подержанных автомобилей своей марки. Сегодня же корейские машины представляют собой два наиболее быстрорастущих бренда в США; эта продукция неизменно получает хорошие отзывы экспертов, у нее высокий рейтинг по уровню качества, и она уверенно отнимает у Toyota все бо2льшую долю массового рынка семейных авто.

Южная Корея догнала или опередила Японию и на мировом рынке автомобилей. С 2004 года доля страны на этом рынке тоже заметно увеличилась – почти в два раза, до около 8 процентов. И если японские автопроизводители не слишком активно выходили на зарождающиеся рынки, то компания Hyundai оперативно выявляла и реализовывала все благоприятные возможности. Например, она начала собирать небольшие автомобили в Индии, создав тем самым новую огромную базу для продажи продукта не только в этой стране, но и в Африке. Для разработки моделей авто, пользующихся сегодня спросом на всех формирующихся рынках мира, в том числе и на китайском, компания наняла бывшего дизайнера Audi, который усовершенствовал Kia, и бывшего дизайнера GM для работы над Hyundai.

Если развивающейся стране удавалось построить конкурентоспособный на мировом рынке «народный автомобиль», многие считали это четким знаком ее выхода на глобальную сцену. В прошедшее десятилетие это пытались сделать многие государства (Малайзия, Югославия, Россия), но безуспешно. Китай и Индия со своими Chery и Tata работают над этой задачей и поныне. И только Южная Корея сделала практически невозможное, продав после кризиса 1998 года две свои автомобилестроительные компании (Daewoo и Samsung) иностранцам, а две выжившие сильнейшие объединив в Hyundai Kia Automotive Group. А уже этот конгломерат сделал все и вложил достаточно средств в создание автомобиля, который выглядит и пахнет именно так, как должна выглядеть и пахнуть хорошая новая машина, в которой чувствуешь себя человеком.

Почему Тайвань – не Южная Корея

Уникальные достижения Южной Кореи в создании глобальных брендов обеспечили ей серьезное преимущество перед Тайванем, ее единственным реальным соперником, вторым золотым медалистом гонки экономического развития. Если Южная Корея изначально и целенаправленно настроилась на победу над Японией на ее собственном поле, Тайвань с самого начала был заинтересован в сотрудничестве с Японией и с удовольствием занимался производством по субподряду комплектующих для японских брендов, господство которых стремились свергнуть корейцы. Вместо того чтобы вступить в борьбу с более крупными конкурентами, тайваньские бизнесмены занимали все пока еще незанятые ниши, которые им удавалось найти, то есть в основном эксплуатировали такие преимущества, как тесные культурные связи с Китаем и близость и доступность его огромных трудовых ресурсов. Они с готовностью инвестировали огромные средства в китайские заводы и фабрики, многие из которых расположены в непосредственной близости от Тайваня, прямо через Тайваньский пролив в провинции Фуцзянь, и на протяжении многих десятков лет этого было вполне достаточно для обеспечения устойчивого и быстрого экономического роста страны.

Но в последние пять лет узость тайваньской ниши становится все более заметной и очевидной. За прошлое десятилетие доля страны на мировом рынке ноутбуков выросла с 30 до 80 процентов, однако тайские компании не имеют никакого права голоса в области ценообразования, ибо западные бренды могут без особого труда найти субподрядчика в какой-то другой стране мира или просто-напросто сравить трех крупнейших тайваньских производителей друг с другом. Кроме того, поскольку Китай в последнее время начинает терять свое конкурентное преимущество в некоторых областях, например по затратам на рабочую силу, тот же процесс наблюдается и в Тайване. За прошедшее десятилетие его доля в мировом экспорте сократилась почти на 20 процентов, в то время как соответствующий показатель Южной Кореи примерно на столько же вырос.

Тайбэйский фондовый рынок в основном состоит из небольших компаний, которые выпускают комплектующие для ПК, работающих на базе Windows и Intel. Это очень узкая ниша, и с 2000 года, когда лопнул «пузырь» высоких технологий, Тайбэйская фондовая биржа совсем не пользуется популярностью в мире и работает далеко не в полную мощность. В отличие от «доктора Kосpi», никто не считает индекс этой биржи зеркалом глобальных тенденций. Большую часть прошедшего десятилетия богатые граждане Тайваня, вместо того чтобы инвестировать средства на родине, весьма активно (по 2 миллиарда долларов в месяц) переводили капиталы за границу, вкладывая их в конкурентные зарождающиеся рынки, например в китайский и индийский, либо в недвижимость в Калифорнии. В результате

этого устойчивого оттока каждый раз, когда на мировом рынке разражается экономический кризис, тайваньские инвесторы приходят к нему с большим куском «провального» пирога. Последним ярчайшим проявлением этой тенденции на данный момент стал крах Lehman Brothers в 2008 году.

С первых послевоенных лет Тайвань был гораздо больше, чем Южная Корея, открыт для внешних инвесторов, в первую очередь японских, и значительно менее независим. Отчасти это объясняется совершенно разным опытом, пережитым этими странами во время японской оккупации в годы Второй мировой войны. В Южной Корее оккупация была намного более жестокой: этот период отмечен постоянными восстаниями местного населения и незначительным экономическим ростом и закончился в 1945 году весьма плачевной ситуацией в сельских районах страны. Оккупация же Тайваня прошла без особых потрясений – например, японцы много инвестировали в сельское хозяйство оккупированной территории, в том числе в электрификацию сельскохозяйственной тайской глубинки. Таким образом, когда в конце войны власть в стране захватили китайские националисты во главе с Чан Кайши, они получили намного менее травмированное население и более высокую стартовую базу для дальнейшего роста, нежели их «коллеги» из Южной Кореи.

В итоге, однако, Южная Корея вышла из войны значительно сильнее нацеленной на экономическую самостоятельность, чем Тайвань. Сегодня эта страна входит в топ-пятерку государств, зарегистрировавших самое большое количество международных патентов, и быстро увеличивает свою долю в этой области, в то время как Тайвань не входит даже в двадцатку лучших. Тайваньские производители обычно предпочитают закупать важнейшие высокотехнологичные компоненты у Японии, а не разрабатывать их на родине. Эта зависимость особенно ярко проявилась после мощного землетрясения, потрясшего Японию в апреле 2011 года. Природная катастрофа практически разрушила каналы поставок в Тайване и почти не сказалась на экономике Южной Кореи.

Порой создается впечатление, что тайбэйские лидеры, стараясь найти новую формулу роста, готовы хвататься за соломинку. Долгие годы тут ведутся разговоры о создании мировых брендов, но ничего подобного пока не видать. В последнее время в мире много говорят о развитии туризма, и в этой области Тайвань действительно обладает неплохим потенциалом роста; для этого стране в первую очередь надо привлечь внимание китайских туристов, количество которых растет очень быстро. В прошлом году с целью туризма за рубеж выехало более 50 миллионов китайцев, и это число растет со скоростью 20 процентов в год, однако даже это вряд ли дает основания

надеяться на серьезные изменения в экономике страны, доходы от туризма которой не дотягивают и до 5 процентов от общего объема производства.

Правила уличного движения: Тайбэй

Будьте бдительны, если лидеры страны обещают дать толчок развитию ее экономики за счет туризма. Иногда создается впечатление, что все нации, у которых имеются неплохие пляжи, пара-другая горных хребтов и несколько приличных музеев, мечтают об одном и том же – о миллионах туристов, создающих все новые и новые сервисные отрасли. На самом деле в относительно крупном государстве даже довольно бурное развитие туризма вряд ли может серьезно повлиять на экономическую ситуацию.

Экономика Южной Кореи диверсифицирована значительно сильнее и надежнее, чем тайваньская. Ее бренды способны серьезно влиять на глобальное ценообразование, прибыли стабильны, ассортимент товаров широк. Больше всего страна славится легковыми автомобилями и бытовой электроникой, но среди компаний, котирующихся по индексу KOSPI, довольно много представителей самых разных секторов промышленности. По сути, самым быстрорастущим сектором южнокорейского рынка в последние десятилетия были вовсе не автомобили или продукты высоких технологий, а судостроение. Корея издавна славилась сильным военно-морским флотом и новаторством в области судостроения; сегодня три самых крупных и лучше всего оснащенных судостроительных предприятия в мире принадлежат Южной Корее.

Корейские строительные компании тоже быстро крепнут и развиваются. Они накопили большой опыт в области проектирования и строительства промышленных предприятий еще в 1960-х и 1970-х годах, когда правительство усиленно стимулировало и продвигало отечественную сталелитейную и нефтехимическую промышленность, и сегодня активно используют этот опыт за рубежом. В самой Корее нет нефти, но ее строительные фирмы, будучи мировыми лидерами в области возведения нефтехимических предприятий, очень сильно выиграли от резкого всплеска цен на нефть в последние годы. Корейские проектно-строительные компании уверенно выходят на рынки Ближнего Востока, Центральной Азии, Африки и Юго-Восточной Азии. Именно благодаря этому разнообразию индекс KOSPI правомерно считают на редкость точным мерилем жизнеспособности разных аспектов мировой экономики.

Стремление Южной Кореи к самодостаточности проявляется и в корпоративной культуре этой страны. Корейцы в основном не приобретают компании за рубежом, предпочитая создавать свои; в 2010 году корейские

прямые инвестиции в собственные предприятия, расположенные за границей, выросли по сравнению с показателем 2005 года до 140 миллиардов долларов, то есть на 300 процентов. Эта экспансия, без сомнения, чрезвычайно важна для способности Южной Кореи и впредь продолжать расти как промышленная мировая держава, но она приносит большую пользу и отечественной экономике. Сектор обрабатывающей промышленности Южной Кореи значительно больше тайваньского, но при этом корейские промышленные предприятия нанимают гораздо меньше рабочей силы, чем тайские (15 и 25 процентов от общего объема трудовых ресурсов соответственно). Кроме того, Южная Корея может похвастаться самой плотной популяцией роботов в мире. Значит, страна производит намного больше продукции с привлечением меньшего числа рабочих, чем Тайвань, и, следовательно, ее отечественная экономика работает значительно продуктивнее.

И главная причина этих достижений в том, что южнокорейские корпоративные лидеры проявили и проявляют бо2льшую дальновидность, нежели их тайваньские конкуренты, что, надо сказать, довольно удивительно. Изначально для культуры Тайваня характерна бо2льшая предприимчивость и общительность, чем для Южной Кореи. С одной стороны, тайские компании более открыты для иностранцев, чем корейские: куда чаще можно встретить программиста-индийца в офисе небольшой тайской компании, чем в корейской. Кроме того, Тайвань – страна малого и среднего бизнеса; здешние компании редко разрастаются до больших размеров, в частности, потому, что сотрудники часто уходят от работодателя, чтобы основать свое дело. А в Южной Корее на тридцатку крупнейших компаний приходится 70 процентов национальной экономики – притом что гигантомания вообще, как правило, не рассматривается как возможная модель для творческих инноваций.

Но жизнеспособный корейский предпринимательский сектор все же существует и процветает, традиционно в виде малого бизнеса, например продуктовых магазинов и химчисток. Большинство корейцев сочтут за счастье поступить на работу в гигантскую компанию; они будут трудиться в ней всю жизнь, и им даже в голову не придет уволиться и основать конкурирующую фирму. Но сегодня меняется даже эта ситуация. Множество малых компаний возникают в таких областях, как передовые технологии, машинное оборудование и, все чаще, сервисные направления. В Корее одни из самых развитых коммуникаций в мире с практически универсальным доступом к широкополосной связи. Это очень сильно способствует созданию новых онлайн-игр, онлайн-магазинов, социальных сетей и услуг

электронной коммерции, которые корейцы уже сегодня с большим успехом экспортируют в Китай и другие страны Азии.

Характерный для корейской культуры пиетет к контролю «сверху вниз» не душит творчество ни в обычном искусстве, ни в прикладном искусстве международного брендинга. С 2000 года Корея уверенно оспаривает статус Японии как лидера азиатского рынка поп-культуры, экспортируя «мыльные оперы», музыку, косметику и готовую одежду в самые разные страны региона. Корейский телесериал «Жемчужина дворца» об истории бедной девушки-повара, ставшей богатой и знаменитой, считается настоящим хитом от Сингапура до Пекина. Для обозначения этого явления – распространение современной культуры Южной Кореи по всему миру – журналисты даже придумали специальный термин «Халлю» (или «Корейская волна»). Именно благодаря этому явлению Международный кинофестиваль в Пусане превратился сегодня в одно из крупнейших международных событий в азиатском регионе. Корейские фильмы стали источником вдохновения даже для индийского Болливуда, прославившегося на весь мир плагиатом голливудских сценариев. Например, недавний болливудский хит «Искушение замужней женщины – 2» (оригинальное название Murder 2) увидел свет благодаря корейскому триллеру «Преследователь» (The Chaser). Корейская поп-музыка сегодня успешно соперничает с японской за первые строчки хит-парадов даже в самой Японии, на втором по величине музыкальном рынке мира. В дуэли девичьих групп японская АКВ48 и южнокорейская Girl's Generation стали настоящими сенсациями YouTube, получив примерно одинаковое количество кликов (десятки миллионов), но корейским бэндом восхищалась вся Азия, да еще и Европа с Америкой, а АКВ48 – практически одни японцы. Корейская национальная страсть к музыке и интересным историям способствует и дальнейшему разветвлению гигантских корпораций. В полном соответствии с традиционным стремлением контролировать все аспекты процесса производства и продаж практически каждая крупная корейская компания имеет сегодня собственное большущее рекламное подразделение.

Семья лучше знает

В определенном смысле глобальный рост корейских семейных фирм, таких как Samsung и Hyundai, можно считать четким доказательством того, что и демократическая, и авторитарная системы в равной мере способны обеспечить экономический рост страны, поскольку успех в данном случае зависит не столько от системы, сколько от мотивации и видения лидеров. Рискованное решение Hyundai выйти в 1986 году на автомобильный рынок США с автомобилем, с технологической точки зрения явно уступавшим

японским и европейским конкурентам, часто объясняли стилем «бульдозерного лидерства», характерным для харизматического основателя конгломерата Чон Чжу Ёна. Первый год на рынке стал для компании приятным сюрпризом, в большей мере благодаря тому, что многие американцы из-за сходства логотипов ошибочно считали Hyundai Motors с дочерним предприятием Honda. Вскоре, однако, постоянные проблемы с качеством продукции в сочетании с многочисленными спорами между корейскими и американскими менеджерами привели к десятилетию вялых продаж и вечным подтруниванием над Hyundai в поздних эфирах американского телевидения.

Но Hyundai решила не отступать, а продвигаться дальше вглубь рынка США; возглавил этот процесс старший сын основателя компании, Монг Ку Чунг. Нацелившись в первую очередь на создание репутации надежного и доступного автомобиля, Чунг принял меры по усилению контроля качества, а в 1998 году решил предложить американским потребителям десятилетнюю гарантию – вдвое больше, чем все, что предлагали другие автостроители. Американские СМИ тут же назвали предложение «безумием», а американские менеджеры Hyundai объясняли этот смелый ход исключительно «железной рукой» Чунга. В любой более демократичной корпоративной культуре риск, неразрывно связанный с десятилетней сервисной гарантией, уничтожил бы эту идею на корню, но в Hyundai она выжила и сыграла ключевую роль в позитивном изменении имиджа компании. Другой сюрприз Hyundai преподнесла скептикам и критикам, открыв свой первый завод в США в 2005 году, когда объемы продаж автомобилей в стране неуклонно сокращались. Многие недоумевали: неужели корейцы действительно думают, что их новый завод в Алабаме сможет добиться успеха в то время, как американские газеты пестрят заголовками с мрачными прогнозами вроде «Смерть Детройта»? Сегодня корейское предприятие в Алабаме – не обремененное профсоюзными требованиями, которые в свое время привели к губительному повышению себестоимости детройтских авто, – входит в число наиболее эффективных в США и уже достигло своей главной стратегической цели, то есть помогло Hyundai стать к 2010 году одной из пяти ведущих автомобилестроительных компаний мира. По словам лидеров Hyundai, завод в Алабаме сыграл ключевую роль в создании в мире «иллюзии», что за Hyundai стоит не просто надежность, а надежность типа «сделано в Америке», а также для ослабления рисков в связи с неизбежными торговыми разногласиями и колебаниями валютных курсов.

Сегодня крупными южнокорейскими конгломератами управляет уже второе чрезвычайно эффективное поколение лидеров – эти люди получили

должность по наследству, но, без сомнения, являются очень сильными личностями и обладают широчайшими полномочиями. Однако это же второе поколение лидеров стояло и у руля ряда крупных конгломератов, потерпевших крах в 1998 году, да и по поводу третьего поколения ясности пока нет. Иными словами, еще пять-десять лет основные корейские компании, судя по всему, будут в надежных руках. А потом – кто знает?

Базовый момент остается тут неизменным: самая сильная корпоративная модель – это семейная компания, акции которой тем не менее торгуются на бирже, с профессиональным менеджментом. Семейственность и преемственность позволяет компании сосредоточиться на долгосрочных перспективах, а открытая продажа акций вынуждает ее аккуратно и точно вести бухгалтер, приглашать для управления повседневными операциями крепких профессионалов и не подпускать к руководству не слишком здравомыслящих родственников. Взлет южнокорейских брендов – достойный объект самых всесторонних исследований, причем отнюдь не только в качестве позитивного примера. Одно такое исследование, проведенное в 2003 году по заказу Newsweek International Thomson Reuters, показало, что в предыдущем десятилетии эффективно управляемые семейные компании Южной Кореи обошли своих «несемейных» соперников по всем шести основным европейским фондовым индексам, от лондонского до испанского, причем с огромным разрывом. По немецкому, например, четыре к одному, а по французскому три к одному. А чуть позже еще одно исследование международной консалтинговой компании McKinsey выявило, что в период между 1997 и 2009 годами корейские семейные компании опережали глобальный фондовый рынок по показателю доходности в среднем на 3 процента в год. И из кризиса 2008 года они вышли в значительно лучшей форме, чем конкуренты, которыми управляют не семьи: с меньшими долгами, бо2льшими потоками наличности и бо2льшими инвестициями в научно-технические исследования и разработки в течение всего кризисного периода. Эти результаты в основном подтверждает и исследование Гарвардской бизнес-школы на базе четырех тысяч семейных компаний и открытых акционерных обществ. Оно показало, что в период между 2006 и 2009 годами объемы продаж в первой группе росли в два раза быстрее, чем во второй, и она смогла противостоять сильнейшему давлению со стороны акционеров, которое в акционерных обществах нередко приводило к излишне масштабным увольнениям персонала и неоправданному урезанию расходов. Впрочем, современные международные СМИ куда чаще пишут и говорят не о сильных сторонах и достижениях южнокорейских семейных компаний, а о частых скандалах, что, впрочем, вполне объяснимо. Ведь заглянуть в шкафы богатых и влиятельных так и тянет, да и скелетов там предостаточно. Не так давно во

время поездки в Индию Уоррена Баффета спросили, что он думает о компаниях, управляемых семьями, и великий инвестор ответил: «Они отлично работают, но только до тех пор, пока не начинаются семейные дразги».

Не надо обслуживания, пожалуйста, мы же корейцы

Из-за устоявшихся сомнений в том, что владельцы южнокорейских семейных компаний готовы к переменам, глобальные рынки и сегодня оценивают ценные бумаги этой страны с большими скидками. Впрочем, надо признать, кое-какая работа по выводу туманной отчетности семейных компаний на свет Божий уже ведется. И это весьма позитивный момент, учитывая, что вплоть до 2011 года южнокорейский бизнес вообще не предоставлял стандартных ежеквартальных сводных финансовых отчетов, которые во всех развитых странах давно считаются чем-то само собой разумеющимся. И хотя некоторые корейские компании по-прежнему ведут дела по старинке – то есть «подмазывая» политиков ради получения финансирования и выгодных контрактов, – взятки и подкупы в повседневных рабочих отношениях стали значительно более редким явлением и сегодня рассматриваются не как риск для самой компании, а как риск для страны в целом.

И наконец, некоторых владельцев семейных компаний Южной Кореи по-прежнему считают создателями империи, которых куда больше интересует вопрос доли бизнеса в мировом рынке, нежели задача получения прибыли для акционеров. Южнокорейские гиганты действительно выплачивают дивиденды намного неохотнее тайских компаний, но именно по этой причине у них так много наличности, которая направляется на научные исследования и разработки. И вышесказанное отнюдь не значит, что Южная Корея может вечно рассчитывать на сильную обрабатывающую промышленность. Но в том, что она и сегодня обладает достаточным потенциалом для успешной эксплуатации своей стратегии глобального экспорта и что эта ситуация сохранится довольно долго, сомнений нет.

При этом стране может сильно навредить неравномерность ее экономического развития. Сегодня вызывает немалую тревогу то, что крупные корейские компании видят благоприятные возможности практически только за рубежом, а стагнация в сервисном секторе остается для такой большой экономики, как южнокорейская, поистине аномальной. Несмотря на глобальный триумф Samsung и Hyundai, корейские банки и телекоммуникационные компании не сумели добиться особого успеха даже на внутреннем рынке. Председатель одного из крупнейших корейских

банков недавно весьма откровенно признался мне, что отечественные банки в подавляющем большинстве не в состоянии идти в ногу с инновационными продуктами и эффективными услугами их международных коллег. Вот почему из сорока крупнейших корейских конгломератов займы в корейских банках берут лишь очень немногие. Данная ситуация негативно сказывается и на малых и средних компаниях страны, которые в итоге лишены простого доступа к международному капиталу.

Иногда создается впечатление, что Южная Корея страдает культурной слепотой, не позволяющей ей разглядеть ценность сервисного сектора. Вежливые и гостеприимные, как любой другой народ мира, корейцы, кажется, испытывают общенациональное предубеждение против того, чтобы платить за нематериальное. Лучшим отелем в Сеуле считается Shilla, и с 1997 года, когда я посетил город впервые, у него так и не появилось ни одного достойного конкурента – несмотря на то что за прошедший период доход на душу населения в стране вырос почти в два раза. Когда я спросил местного бизнесмена, как такое возможно, он ответил, что корейцы не желают платить за услуги и, приезжая в Сеул, предпочитают останавливаться у родственников или друзей. А еще в Корее совершенно не принято давать чаевые гостиничному персоналу.

Надо признать, правительство Южной Кореи все больше осознает, какие серьезные политические риски связаны с однобоким развитием с явным перевесом в пользу обрабатывающей промышленности. Эта нация представляет собой в высшей степени эгалитарное общество, в котором все сильнее доминируют несколько крупных промышленных конгломератов. На первых порах ей удавалось обеспечивать рост экономики и одновременно сдерживать увеличение пропасти между богатыми и бедными – сначала благодаря земельным реформам, то есть справедливому разделу земель, прежде принадлежащих крупным местным землевладельцам или японцам после Второй мировой войны, а затем благодаря граничащим с фанатизмом усилиям в области всеобщего образования. С 1950 по 1980 годы Южная Корея была безусловным лидером по уровню охвата населения средним образованием среди развивающихся стран мира; на сегодня у нее также самый высокий показатель по уровню начального образования (и третий по уровню высшего). И этим, согласитесь, все сказано. Расходы на эту статью в государственном бюджете значительно превышают расходы на любую другую статью, в результате чего необычно высокий процент корейцев имеет подготовку, необходимую для присоединения к армии «белых воротничков». Вполне возможно, именно эти целенаправленные усилия по обеспечению равноправия позволяли корейцам достигать консенсуса в обществе, когда у страны возникала потребность в радикальных переменах

– например, в период крайне неприятных переговоров с МВФ во время кризиса 1998 года.

Но в последние годы, когда здешние конгломераты стали глобальными и прибыльными, расслоение общества стало усиливаться. Кроме того, по мнению многих корейцев, богатство все больше концентрируется в руках нескольких семей – представителей большого бизнеса, преуспевающих на мировом рынке. Поэтому в то время как южнокорейский средний класс вовсю грешит показным потреблением, в среде супербогатых корейцев царят совершенно иные настроения. Ни один корейский миллиардер не «стоит» дороже 10 миллиардов долларов, а на их совокупный собственный капитал приходится всего 4 процента от экономики страны – это один из самых низких показателей среди развивающихся стран. И если эти люди и живут в сказочной роскоши, то делают они это максимально осмотрительно и осторожно, не кичась своим богатством.

Как разделение народов может сыграть на руку Южной Корее

Переоценивать разницу между Кореей и Тайванем было бы большой ошибкой. По основным направлениям развития эти страны на удивление похожи друг на друга вот уже пять десятилетий. Они обе, например, имеют схожие проблемы, связанные с быстро стареющим населением, что серьезно ослабляет перспективы продолжения «азиатского века». По уровню рождаемости Южная Корея, Япония и Тайвань занимают соответственно 218-е, 219-е и 220-е место в мире; одна женщина здесь рождает в среднем 1,2 ребенка в год, что сильно не дотягивает до коэффициента воспроизводства населения (2,1). Иными словами, население трудоспособного возраста в этих странах находится на грани быстрого сокращения. Значит, напряженность в отношениях между трудоспособным населением и пенсионерами неизбежно будет нарастать, а это последнее, что нужно Южной Корее вдобавок к увеличивающемуся в стране разрыву в уровне доходов бедных и состоятельных граждан.

Кроме того, и Южная Корея, и Тайвань имеют необычный статус: обе страны представляют собой более богатую часть ранее разделенных народов, и этот фактор сыграл немаловажную роль в их неустанном фокусе на экономическом росте и развитии. В конце Второй мировой войны Южная Корея отделилась от Северной Кореи, а Тайвань от материковой части Китая. В течение многих лет обе страны жили под угрозой возможного вторжения своих соседей, что, несомненно, более чем достаточная причина, чтобы оставаться бдительными и неуклонно стремиться к наращиванию экономической и военной мощи.

Однако в будущем это разделение народов, скорее всего, сыграет на руку Южной Корее, но не Тайваню. Тайвань постепенно угодил в чрезмерную зависимость от дешевой рабочей силы Китая, который уже начал терять свое конкурентное преимущество по себестоимости продукции, да и перспективы воссоединения с материковой частью в данном случае по-прежнему туманны. При этом многие южнокорейские лидеры практически убеждены, что Север под неумелым руководством Ким Чен Ира и его семьи просто обречен на провал. Это одна из главных причин, по которым Сеул в последние годы планомерно сокращал свой государственный долг и уменьшил его до 34 процентов от ВВП: он явно готовится к высоким затратам на восстановление Северной Кореи. Северный сосед все чаще рассматривается южанами как объект инвестиций, способных обеспечить дальнейший и еще больший экономический рост страны. По сути, южнокорейские политики абсолютно уверены в грядущем объединении. Недавно в беседе я спросил одного тамошнего советника по национальной безопасности, принимаются ли в расчет интересы Китая в данной ситуации, и тот ответил, что, как учит история, каждый раз, когда Китай вмешивался в дела Корейского полуострова, расходы на это вторжение приводили к падению империи.

Главным фактором успеха Южной Кореи в последние десять лет было то, что она сумела выйти из длинной тени Японии и утвердиться как самостоятельная промышленная держава. Во время моей последней поездки в эту страну бывший премьер-министр Южной Кореи Ун Чан Чунг упомянул, что его родина уже сегодня является седьмой по величине и богатству экономикой мира среди стран с населением более 50 миллионов и с ВВП на душу населения более 20 тысяч долларов. И не исключено, что если в ближайшие пять-десять лет две Кореи все же объединятся, Южная Корея вырастет еще сильнее, резко, одним махом. Особенно учитывая то, как быстро смена политического режима привела к сильнейшей трансформации Центральной Европы, а также происходящее сегодня на Ближнем Востоке. Воссоединение Кореи «подкинуло» бы значительные запасы угля экономике, у которой нет собственных энергетических ресурсов, да и 24 миллиона дисциплинированных северян оченьгодились бы огромному рынку труда Кореи. А тем, кто сомневается, что южане сумеют успешно адаптироваться к закрытому коммунистическому обществу севера, я бы посоветовал вспомнить, насколько быстро они адаптируются к любым новым глобальным тенденциям.

Глава 10

Одноголосое звучание Турции

Здесь у всех на устах одно имя, здесь везде звучит монофонический голос Турции, принадлежащий влиятельному и харизматичному оратору, основную поддержку которому оказывают не столичные центры власти, старые либо новые. Имя его – Реджеп Тайип Эрдоган

Через окно оригинального отеля Four Seasons в историческом центре Стамбула Султанахмет по пять раз на день доносится азан – мусульманский призыв к молитве. Издающие эти звуки муэдзины стоят на крышах минаретов многочисленных мечетей Старого города, и, их пение, начинаясь с интервалом в долю секунды, сливается в удивительный стереофонический хор. Но спуститесь вниз с холма в район ночных клубов, тянувшихся вдоль берегов Босфора, и множества современных отелей, в том числе нового, современного Four Seasons, – и звуков азана уже не услышишь. Здесь у всех на устах одно имя – монофонический голос Турции, принадлежащий влиятельному и харизматичному оратору, основную поддержку которому оказывают не столичные центры власти, старые либо новые. Имя его – Реджеп Тайип Эрдоган, премьер-министр Турции, который, стоя у руля

государства второе десятилетие, целенаправленно превращает Турцию в откровенно мусульманскую страну.

Эрдоган стоит во главе классической контрреволюции – движения, нацеленного на восстановление порядка и спокойствия после периода бурных потрясений. В 1980-х годах Вацлав Гавел, в то время еще только чешский писатель-диссидент, тоже призывал к контрреволюции: он писал, что люди, живущие при коммунизме, истосковались по «нормальной жизни», по свободе от коммунистических призывов к «перманентной революции», от постоянных усилий, направленных на превращение себя в образцовых социалистов.

Бархатная контрреволюция 1989 года закончилась свержением коммунизма в Чехии; она сделала Гавела президентом страны и освободила чехов, предоставив им право просто быть самими собой. И с тех пор страна добилась заметных успехов. В Турции сегодня происходит нечто очень похожее. На протяжении восьмидесяти лет турки жили при режиме, который постоянно оказывал на них давление, принуждая быть более современной и более европейской страной и подавляя любые проявления мусульманских или восточных корней нации. Стране, в которой 99 процентов населения считают себя мусульманами, не позволяли быть самой собой ни в общественной, ни в частной жизни.

Именно Эрдоган дал Турции шанс почувствовать себя комфортно в своей собственной коже. Система, при которой наиболее желанные и влиятельные должности предоставлялись исключительно людям, проповедующим светские европейские идеалы, сегодня уступает место системе, делающей карьерный рост доступным и для практикующих мусульман. Административные, судебные, военные, полицейские посты, должности в области образования и командные высоты в частном секторе – все эти центры власти, прежде занимаемые исключительно представителями светской элиты, сегодня доступны и мусульманам. Эта свобода в свою очередь высвобождает экономику для роста по всем ее естественным каналам и направлениям, с фокусом не только на торговых связях с Европой, как это было в течение нескольких последних десятилетий, но и с мусульманскими (и немусульманскими) государствами Ближнего Востока, Центральной Азии и Африки.

Чтобы добиться экономического роста в стране, зачастую требуется прежде всего отменить бессмысленные с экономической точки зрения базовые правила, и Турция сегодня растет благодаря прекращению регулирования самого по себе ислама, в частности за счет стимулирования и подъема новых

бизнес-империй в мусульманском сердце страны, Анатолии. Цель – помочь Турции восстановить высокий статус коммерческого государства, которым она по праву владела в составе Османской империи. Ее владычество продолжалось более шести веков, с 1299 по 1923 год. Империя охватывала огромную территорию, от современной Венгрии в Центральной Европе до Ливии в Северной Африке и Ирана на Ближнем Востоке. Результатом же радикальных перемен последнего времени стало то, что ни одна другая страна с сопоставимым с Турцией уровнем доходов (государства со средним доходом около 10 тысяч долларов, в список которых входят Бразилия, Россия, Мексика, Малайзия и ряд других стран) не имеет лучших шансов стать в ближайшем будущем прорывной нацией.

Когда антиклерикализм был фундаментализмом

Впрочем, контрреволюция в Турции не закончена. Корни конфликта между светской и мусульманской частями этого государства уходят слишком глубоко – чтобы забыть о них, потребуется жизнь не одного поколения. Страна в ее современном воплощении создавалась после Первой мировой войны на обломках Османской империи. Руководил процессом избравший курс на радикальную модернизацию государственный деятель и солдат Кемаль Ататюрк. Поражения и окончательный разгром Османской армии наглядно продемонстрировали полную технологическую отсталость страны, и Ататюрк решил создать новую Турцию, способную конкурировать с Европой. Герой войны, возглавлявший турецкое сопротивление, боровшееся с союзническим оккупационным режимом после Первой мировой войны, Ататюрк был живой легендой и обладал достаточно сильным влиянием, чтобы навязать консервативной мусульманской стране свои чужеродные, модернистские убеждения. Он начал проводить радикальные и очень болезненные реформы. В 1929 году Ататюрк заменил арабский алфавит латиницей, в результате чего 99 процентов населения страны буквально в одночасье стали функционально неграмотными, – и все во имя скорейшего включения нации в европейский мейнстрим.

Ататюрк много говорил о «борьбе с религией», и созданное им государство с начала 1930-х стало государством «для народа вопреки народу»; своей главной целью оно считало защиту турок от ислама. Партия Ататюрка безраздельно правила страной до и на протяжении Второй мировой войны, а затем допустила к выборам отколовшиеся ранее партии, принявшие идеалы Ататюрка, и запретила исламистские, угрожавшие этим идеалам. В переворотах, потрясших Турцию в 1960, 1971 и 1980 годах, участвовала светская армия, одну за другой свергавшая светские партии за коррупцию, хаос или попытки либерализации системы. После переворота 1980 года,

закрепившего за армией и судами статус защитников светского государства, основная идея Ататюрка была узаконена Конституцией 1982 года. В первых трех статьях этого документа политическая система страны описывалась как светская туркоговорящая демократия, базирующаяся на идеологии Ататюрка, а статья 4 запрещала даже предлагать поправки в первые три статьи. Иными словами, это правительство насильно принуждало турецкий народ принять либеральную европейскую культуру, которая, разумеется, никогда не поняла бы и не приняла жесткий запрет, легший в основу турецкой конституции.

Авторитарное видение правящей верхушки, закрепленное в Конституции 1982 года, породило в стране активное заговорщическое политическое движение, существующее в Турции по сей день. Поскольку мусульманской нацией управляла светская элита, правящее руководство начало видеть в мусульманских партиях заговорщиков, которые только и ждут возможности его свергнуть, а исламистские партии начали видеть в правящей элите силу, постоянно замышляющую заговор с целью их уничтожения с применением всех мыслимых и немыслимых инструментов государственной власти. Исламистские партии запрещали чуть ли не сразу после их создания, причем зачастую за пропаганду реформ, казалось бы, исключительно социальной направленности, например за позволение исламским женщинам носить хиджабы в государственных учреждениях. Но светская элита видела во всех этих инициативах серьезную угрозу своей власти: она считала, что исламисты хотят лишить ее высоких руководящих государственных постов и помешать превратить Турцию в современное европейское общество. Партию известного исламского политика послевоенного времени Неджметтина Эрбакана запрещали четыре раза, только в 1996 году он наконец стал первым премьер-министром от исламистов, и то ненадолго. Его партия «Рефах» была тесно связана с ультраконсервативными исламскими кругами, открыто провозглашавшими свои довольно эфемерные планы создания исламистского военного союза по примеру НАТО, введения исламской валюты и возрождения халифата в исламской юриспруденции. Такого светская элита стерпеть не могла, и уже в 1997 году Эрбакан получил от военных высших чинов письмо с просьбой уйти в отставку и там вести свою деятельность против светских властей, что он и сделал.

Однако светская система уже стояла на краю пропасти. После Второй мировой войны правительство в современной Турции менялось в среднем каждые девять месяцев, и всегда, за исключением короткого пребывания у власти Эрбакана, у руля стояли светские партии.

Все это были партии городской элиты, проживающей в «треугольнике» богатых прибрежных городов Стамбул-Анкара-Измир, но все они были напуганы и разрозненны. В лучшем случае им удавалось создавать хрупкие коалиционные правительства. Хроническая политическая нестабильность вела к постоянному перерасходу бюджетных средств и экономическому хаосу, в частности к убийственному сочетанию высоких процентных ставок, стремительной инфляции и медленного экономического роста. Поскольку мусульманское население правящим светским партиям, естественно, не доверяло, они так и не смогли произвести на свет лидера, который сумел бы обойти проблемы формирующегося рынка, понимал бы связь между эффективной экономикой и правильной политикой и был достаточно харизматичен, чтобы убедить нацию в необходимости радикальных реформ.

Для свержения светского режима, созданного Ататюрком, потребовался серьезный кризис, и он начался в 2000 году. Светская коалиция, отправившая в отставку Эрбакана, была, как всегда, крайне нестабильной; кроме того, к 2001 году в правительстве начались серьезные распри из-за циничных попыток правящей партии оставить на посту умирающего премьер-министра, что привело к спекулятивным нападкам на валюту, в свою очередь, приведшими к полномасштабному банковско-валютному кризису. При уровне инфляции более 70 процентов и процентных ставках, взлетевших до 6200 процентов, турецкая лира практически в одночасье подешевела почти наполовину, и от финансового краха страну уберег только спасительный заем МВФ, в конечном итоге составивший свыше 20 миллиардов долларов.

Турецкие избиратели были сыты по горло, их ярость породила настоящее политическое землетрясение. В 2002 году народ подавляющим большинством голосов отверг и правящие светские, и традиционные исламистские партии, в том числе и радикальных лидеров «Рефах». Избиратели обратили свой взор к партии, отколовшейся от «Рефаха» и предлагавшей намного менее радикальное видение ислама, в частности планы вступления в Европейский союз и тесного сотрудничества с США в рамках НАТО. Речь идет о Партии справедливости и развития (ПСР). Опыта работы на общенациональном уровне у нее не было, но ее лидер Эрдоган, будучи мэром Стамбула, заслужил репутацию компетентного и честного чиновника уровня местного самоуправления. Получив в результате честных выборов 32 процента голосов, то есть почти в три раза больше, чем ее сильнейший соперник, ПСР заняла достаточно твердую позицию для серьезных реформ в стране.

Приход к власти ПСР вызвал вполне ожидаемые параноидальные вопли светской элиты об угрозе исламского переворота, но партия с первых шагов руководствовалась в своих действиях и решениях исключительно основными интересами своих избирателей. С тех пор как она взяла бразды правления в свои руки, государственный долг страны уменьшился с 90 до 40 процентов от ВВП, а задолженность частного сектора сегодня составляет 45 процентов от ВВП – относительно низкий показатель для страны с таким уровнем доходов, как в Турции. Средняя инфляция в 1980-х годах составляла 75 процентов, а в 1990-х – более 50 процентов; в 2004 году темпы ее роста впервые за тридцать лет сократились до однозначной цифры. Процентные ставки резко снизились, а темпы роста экономики заметно выросли. С момента прихода Эрдогана на должность премьер-министра ВВП страны растет в среднем на 5 процентов в год – сравните это с 4 процентами в период между 1980 и 2000 годами, – а средний доход на душу населения увеличился с 3500 до 11 тысяч долларов. ПСР предельно аккуратно, без малейшего намека на «исламский переворот», подходит к решению спорных социальных вопросов, таких, например, как право на ношение мусульманскими женщинами хиджабов в общественных местах. В первую очередь партия сосредоточена на задаче вступления Турции в ЕС. Членство в нем пропагандируется как еще один реальный путь расширения турецких рынков и повышения экономической стабильности в стране.

Правила уличного движения: Стамбул

Внимательно следите за лидерами, которые пользуются поддержкой широких масс и, следовательно, могут рассчитывать на народ при проведении серьезных реформ. Два самых недавних примера – Эрдоган в Турции и Лула в Бразилии. Когда к власти в развивающейся стране приходит прозападный технократ, Уолл-стрит и международная пресса обязательно переполняются самыми радужными надеждами. Однако технократы редко обладают харизмой и народной поддержкой, достаточными для сплочения нации во имя радикальных реформ.

Яркими примерами лидеров-технократов могут служить Фернанду Колор ди Мелу из Бразилии и аргентинец Фернандо де ла Руа. Оба они были избраны в 1990-х годах, но не смогли проводить сильную политику из-за отсутствия связи с широкими народными массами. И нынешний премьер-министр Индии Манмохан Сингх, которого в стране считают не слишком серьезным политиком, тоже пока не провел ни одной хоть сколько-нибудь радикальной экономической реформы.

А вот лидеры-«народники» вроде Лулы и Эрдогана нередко пугают иностранных инвесторов своей агрессивной предвыборной риторикой, но, оказавшись при власти, показывают себя с самой лучшей практической стороны. Президент Перу Ольянта Умала и даже новый президент Замбии Майкл Сата, прозванный за ядовитый язык «Королевской коброй», тоже проявляют после выборов явные признаки благоразумия и умеренности.

Важность политической стабильности для нации, которая так долго жила в условиях сильнейшего экономического хаоса, переоценить просто невозможно. Известно, что одним из основных критериев при оценке перспектив экономического роста является уровень доверия местного населения к нынешним властям. Так вот, если граждане некоторых государств, например России, усиленно вывозят капиталы из страны, то турки не только массово переправляют их на родину, но и после пятидесяти лет внешней миграции, в основном в Европу, начинают возвращаться домой сами. Миграционный поток повернулся вспять. Начиная с 2008 года почти 60 тысяч человек, то есть пятая часть турецких домовладельцев, продали дома в Германии и переселились в Турцию. В 2011 году Эрдоган был переизбран на третий срок, став самым долгосрочным лидером страны за всю современную историю Турции. Печальная эпоха чехарды в правительстве, судя по всему, закончилась.

Именно благодаря стабильности Турция в последнее время стала образцом для подражания для исламских стран Ближнего Востока; она же позволила турецким компаниям сосредоточиться на долгосрочной перспективе. По словам турецких бизнесменов, в долгие годы безудержной инфляции о международном долгосрочном финансировании можно было даже не мечтать, ибо модели кредитования данного типа при росте цен двузначными темпами просто не работают. А местные банки инвестировали практически только в высокодоходные государственные ценные бумаги, и у них не было никакой потребности предоставлять кредиты частным компаниям. Амбициозные проекты никого не привлекали, ведь никто не заглядывал в будущее дальше, чем на полгода. Сегодня же Турция реализует масштабные проекты по развитию инфраструктуры: тут строятся железные дороги для высокоскоростных поездов, атомные электростанции и канал «Стамбул» – альтернатива Босфору, который в настоящее время представляет собой единственный маршрут, соединяющий Черное и Средиземное моря.

Конфликты и столкновения между исламистами и светскими силами Турции уступили место серьезному напряжению в новой точке: его порождают опасения, что победившие силы умеренного ислама слишком агрессивно воспользуются своим успехом и нацелятся на установление в стране

авторитарного исламистского режима. Популярность ПСР растет, и ее соперничество со старой светской элитой уже сейчас стало совершенно однобоким – например, суды эпохи Эрдогана имеют право заключать высших военных чинов в тюрьму по обвинению в подготовке переворота, не опасаясь контрмер. Как многие другие политические системы, Турция отлично усвоила сомнительный урок Китая: если у вас хорошо идут дела в экономике, в политике сойдет практически все что угодно. Эта страна добилась на экономической ниве весьма заметных успехов, и на ниве политической тон и тактика правительства с каждым годом становятся все жестче.

До того как это произошло в Китае, страны вроде Турции считали, что реальные экономические достижения невозможны без принятия либеральных западных ценностей. Быстрый рост Китая в последнее десятилетие сильно пошатнул это убеждение, а отступление США на некоторых экономических фронтах открыло новые возможности для расширения влияния там, куда американские компании сегодня идти опасаются. Америка откатывается назад, а такие страны, как Турция, напротив, стремятся вперед. Это движение дает мощный толчок турецкой торговле и усиливает ее политическое влияние на Ближнем Востоке и в Африке. Сегодня, например, турецкие строительные компании владеют второй по величине долей глобального строительного рынка, уступая только Китаю.

А так ли привлекательна Европа?

Одновременно с этим турки перестали считать вступление в Европейский союз шансом ступить на обетованную землю, ведь эта земля и сама погрязла в своем собственном долговом кризисе. Общественное мнение в Турции, как и в Восточной Европе, все больше склоняется против вхождения в ЕС. Эти нации отлично видят проблемы таких членов Союза, как, например, Греция, и огромное бремя, накладываемое этим членством на других участников данного соглашения и на их правительства. Первого апреля 2010 года, в международный День дурака, крупнейшая ежедневная газета Анкары высмеяла туманные выгоды от вступления в ЕС таким заголовком: «Турция спасает экономику Греции».

Однако было бы большой ошибкой считать это растущее раздражение в отношении Европы признаком того, что Турция полностью сменила ориентацию и теперь стремится к союзу и сотрудничеству исключительно с арабским и мусульманским миром. Даже сами европейцы сегодня относятся к европейскому проекту намного критичнее. Видя, к чему привел цикл

подъема-спада в условиях жесткой европейской валютной структуры таких членов ЕС, как Греция, страны Восточной Европы уже совсем не так охотно желают присоединиться к еврозоне. Да и учитывая то, что и лидеры, и народы Франции и Германии все более однозначно высказываются против вступления Турции в ЕС, совсем неудивительно, что поддержка этой идеи широкими народными массами страны уменьшилась с 73 процентов в 2004 году до почти 50 процентов в настоящее время. Однако немалое удивление вызывает тот факт, что о ЕС по-прежнему благоприятно высказываются больше турок (32 процента), чем французов или немцев.

И все же, несмотря на изменение отношения турок к ЕС, вряд ли можно сказать, что нация «поворачивается на восток», как это утверждают многие западные наблюдатели. Заместитель премьер-министра Турции Али Бабаджан сказал мне, что, работая над новой конституцией, лидеры его страны по-прежнему надеются на помощь Европейской комиссии в проведении политических реформ. По словам Бабаджана, речь идет о «снятии сливок», то есть об использовании наилучших стандартов ЕС, и сегодня это будут стандарты скорее из политической, нежели из экономической сферы. А Эрдоган тем временем ссорится со злейшими врагами Америки (Ираном и Сирией) и делает визиты на высшем уровне в страны, свергшие в 2011-м своих диктаторов: Тунис, Египет и Ливию. Но даже если оставить в стороне любые политические мотивы, найдутся и вполне практические резоны, по которым Турции следует налаживать более тесные политические и торговые связи со странами, расположенными к востоку от нее, – например, замедление темпов экономического роста на Западе и собственные проблемы конкурентоспособности Турции.

Если Турция неспособна успешно конкурировать с американскими или азиатскими товарами на европейском рынке, она может нацелиться на рынки, где изначально имеет языковые и культурные преимущества. Десять лет назад всего 7 процентов турецкого экспорта шло на Ближний Восток, в настоящее время эта доля составляет 20 процентов. Десять лет назад Ирак вообще не входил в список основных экспортных рынков Турции, а сегодня идет в нем под номером четыре. После ухода в 2009 году американцев из провинции Наджаф – «нервного центра» иракского шиитского восстания против американской оккупации, эту территорию принялись активно «осваивать» турецкие предприниматели, которые уже сегодня добились отличных успехов в области строительства. Один турецкий бизнесмен, постоянно путешествующий по Наджафу на Hummer, утверждает, что видит аналогичные благоприятные возможности по всему региону.

Возможно, Турция излишне сильно «давит на педали», стараясь догнать Китай по темпам экономического роста, – слишком уж это рискованный путь. Эрдоган решительно нацелен на завершение своего основного проекта – позволить умеренному исламу занять в Турции приличествующее ему место, – и он понимает, что именно высокие темпы экономического роста обеспечили его политической силой для достижения этой цели. Заняв свой пост, премьер-министр старался ускорить рост экономики во всем и везде, где это только возможно, и был совершенно прав, но теперь, когда доход на душу населения в Турции вырос до более 10 тысяч долларов, это, скорее всего, уже не имеет смысла.

Сегодня, благодаря потрясающим достижениям страны после кризиса 2008 года, доверие к турецкой экономике в мире достигло невероятно высокого уровня. Впервые кризис повлиял на Турцию не тем, что привел к разрушению ее экономики, а тем, что рушился мир вокруг нее. На этот раз турецкая экономика оказалась подготовленной к испытаниям. Огромная работа, проделанная Турцией после 2002 года ради исправления экономической ситуации, окупилась сторицей, ибо, как только кризис пошел на спад, иностранные инвесторы вернулись на рынок. Когда западный бизнес начал хиреть, турецкие компании сократили производство, а затем принялись активно выходить на новые рынки в Азии, России, Северной Африке и Ближнем Востоке. Турция – беднейший член клуба промышленно развитых стран ОЭСР, и в 2008 году страна пережила самое резкое сокращение производства из всей этой группы; темпы роста ВВП снизились более чем на 10 процентов. Но именно Турция восстановилась одной из первых. К началу 2011 года экономика Турции действительно догнала по темпам роста китайскую; на тот момент она росла двузначными темпами (11 процентов), и это самый высокий показатель в мире.

И все же Турция – не Китай. Главное отличие между ними заключается в том, что Китай сэкономил огромные средства для финансирования дальнейших инвестиций и кредитования, а в Турции уровень экономии очень низкий, особенно для страны с молодым и относительно богатым населением: всего около 20 процентов от ВВП (сравните с почти 50 процентами в Китае). Значит, для финансирования кредитования во все больших объемах, которые в конце 2010 и начале 2011 годов росли на 30–40 процентов в год, Турции приходилось занимать деньги за рубежом. Однако, как известно, огромные зарубежные займы – далеко не лучший способ обеспечения быстрого роста в стране с таким уровнем доходов, как у Турции, ведь в этом случае речь идет в основном о краткосрочных инвестициях в акции и прочие финансовые активы, которые в условиях кризиса, скорее всего, очень быстро «сбегут» с рынка. Периодическая угроза блокирующего

дефицита счета текущих операций – это настоящая ахиллесова пята турецкой экономики; а между тем это распространенный критерий состояния торговли, включающий в себя такой показатель, как доход страны от иностранных инвестиций. Вот, например, Китай, будучи крупным экспортером и кредитором других стран, может похвастаться огромным профицитом текущего счета.

Эта проблема не была бы столь серьезной, если бы не тот факт, что, в отличие от Китая, Турция не слишком сильный конкурент на мировых экспортных рынках и, следовательно, не может особенно рассчитывать на доходы от экспорта. Китай сделал первые шаги во внешней торговле в начале 1980-х, а Турция еще совсем недавно, в 1994 году, использовала стратегию замещения импорта отечественным производством стиля 1960-х, то есть пыталась укрепить турецкий бизнес, закрывая двери перед товарами иностранных конкурентов. В итоге отечественные компании наслаждались неплохими прибылями на внутреннем рынке, но за рубежом сталкивались с практически непреодолимыми ответными барьерами. В 1994 году доля экспорта пятисот лучших турецких компаний была ничтожной, меньше 8 процентов. После прихода к власти ПСР, благодаря ее усилиям по освобождению внешней торговли, этот показатель вырос до вполне достойных 28 процентов, но проблема конкурентоспособности страны на экспортном рынке пока никуда не делась.

Если Китай и даже богатая Южная Корея по-прежнему укрепляют свой статус поставщиков продуктов обрабатывающей промышленности на мировой рынок, объемы производства в Турции сокращаются – с 24 процентов от ВВП в 1998 году до 15 процентов в настоящий момент. Прежде Турция славилась как экспортер бытовой техники (кухонные электроприборы и подобные продукты), а теперь сама импортирует эти товары из Германии и Японии. Правительство страны принимает определенные меры для снижения стоимости национальной валюты – например, удерживает процентные ставки на низком уровне, – но чтобы добиться заметных результатов, Турции необходимо серьезно улучшить платежный баланс.

Издержки путинизации

В свой первый срок у руля нации ПСР была настроена более проевропейски: партия проводила реформы, основанные на правах меньшинств и свободе вероисповедания – все в полном соответствии с требованиями ЕС. Но после решительной победы на очередных выборах 2006 года появилась несколько видоизмененная ПСР. Она по-прежнему поддерживает европейские

реформы на глобальном рынке, но дома действует намного решительнее и агрессивнее, порой даже запугивая оппонентов и запрещая критически настроенные СМИ. Сегодня Эрдоган убеждает народ принять конституцию, серьезно расширяющую полномочия президента, и не раз намекал, что, вполне возможно, сам будет баллотироваться на эту новую влиятельную должность.

Последним лидером граничащих с Европой стран, который расширил сроки своего правления с помощью простых рокировок в администрации, был Владимир Путин. Сегодня в Анкаре много говорят о том, что Эрдоган идет по стопам Путина, то есть использует популярность, заслуженную благодаря десятилетиям экономических достижений, для захвата большей власти как путем внесения изменений в конституцию, так и в результате ужесточения мер в отношении конкурентов и критиков. На последних выборах ПСР повсюду развесила огромные плакаты «Эрдоган 2023» (год столетнего юбилея современной Турции), которые некоторые восприняли как знак, что Эрдоган планирует оставаться у власти все это время. С экономической точки зрения, главная проблема Путина заключается не в его неумном стремлении к власти как таковом, а в том, что он потерял уважение к бюджетной дисциплине и в деле финансирования раздутых государственных расходов все больше полагается на высокие цены на нефть. Впрочем, к Турции Эрдогана, которая просто не может «подсесть» на сырьевой экспорт за неимением иного и в которой доля государственного долга от ВВП неуклонно снижается, это никак не относится.

Да и вообще непохоже, чтобы Эрдоган любыми способами цеплялся за высокий пост, стараясь стать пожизненным лидером страны. Хотя Путин фактически уничтожил внутреннюю организованную политическую оппозицию и не имеет реальной оппозиции в парламенте, он управляет клептократической^[11] экономикой, и амбициозные российские олигархи, без сомнения, воспользуются малейшей возможностью, чтобы его свергнуть. Турция же представляет собой намного более стабильный вариант демократии, какого в России никогда не было; законодательные и судебные органы и армия обладают тут реальной властью и до сих пор способны оказать президенту серьезное сопротивление. Без сомнения, критики правы, утверждая, что Эрдоган, пригрозив с присущей российскому лидеру прямоотой «уничтожить» противников своих конституционных реформ, поступил по-путински. Но не стоит забывать, что эти реформы нацелены в числе прочего на изменение проправительственной конституции, в частности на усиление уважения к правам личности и устранение дисбаланса непомерной власти турецкой армии и судов.

Надо сказать, что риторика и тон премьер-министра Эрдогана тоже вполне соответствуют временам разгара контрреволюции. Совсем недавно, в 2007 году, светская элита из политических и армейских кругов открыто взывала к «национальному рефлексу» и призывала изгнать «чуждую» ПСР из власти. Она издавала пользовавшиеся большой популярностью книги, в которых Эрдогана и Гюля называли представителями еврейской нации или даже обвиняли в принадлежности к тайным международным организациям. ПСР, к ее чести, никогда не отвечала тем же и продолжала говорить в основном о членстве в ЕС, укрощении инфляции, развитии внешней торговли и привлечении инвестиций. Только после решительной победы на выборах 2007 года партия начала использовать в борьбе против своих врагов обвинения в нарушении налоговой дисциплины и аресты критически настроенных журналистов. Эту же тактику использовал в борьбе со своими врагами Владимир Путин, но и предыдущие военные правительства Турции тоже не чурались подобных методов в борьбе против религиозных партий. Так что те, кто называет Эрдогана «новым Путиным», не учитывают уникального турецкого контекста борьбы, которую ведет лидер современной Турции.

Подозреваю, что сам Эрдоган предпочел бы, чтобы его считали турецким аватаром не Путина, а Ли Куан Ю – легендарной личности, отца независимого Сингапура. В начале 1960-х Сингапур был застойным аванпостом Британской империи, и Ли видел решение экономических проблем своего города-государства в слиянии с общим рынком соседних малайских провинций. Но из-за серьезных расхождений на этнической и расовой почве, напоминающих сегодняшние трения между турками и Европой, слияние не удалось, и Малайзия бросила Сингапур на произвол судьбы. Ли воспользовался трудной ситуацией для введения авторитарного правления, нацеленного на экономическое развитие страны, и реализовал эту модель во всем ее стратегическом блеске, став в результате не только глубоко почитаемым отцом народа, но и лидером, к которому в периоды кризисов обращались за советами и наставничеством соседние государства. В незначительной мере Эрдоган уже играет похожую роль: после того как Европа, по сути, отвергла Турцию, он, правя нацией все более твердой рукой, ведет ее к статусу независимого игрока своего региона.

Растущая мощь Анатолии

В том, что правительство Эрдогана культивирует новые торговые связи с другими мусульманскими народами в основном за счет развития бизнеса Анатолии – сердца мусульманской Турции и базы политической поддержки ПСР, – нет ничего удивительного. В последние годы президент Абдулла

Гюль лично проехал по всему Ближнему Востоку, Африке и Центральной Азии, включая Туркменистан и Казахстан, и обычно в этих поездках его сопровождают несколько десятков СЕО, представителей нового анатолийского бизнес-класса с тесными связями с ПСР. Лидером этой влиятельной группы считают Ахмета Чалыка, недавно вошедшего в список глобальных миллиардеров Forbes. Этот человек год от года все больше инвестирует буквально во все, от текстильных предприятий в Туркменистане до строительства по всему Ближнему Востоку.

Точно так же, как несравненная предпринимательская креативность Сеула подняла так называемую «Корейскую волну» – всеазиатское увлечение корейской музыкой, фильмами и телесериалами, – хлещущая через край космополитическая энергия Стамбула произвела на свет мощный поток новых телевизионных шоу и поп-музыкантов, привлечших внимание зрителей и почитателей всего Ближнего Востока. Как известно, поп-арт есть порождение мощного экономического динамизма в чистом виде, а этого добра и у Кореи, и у Турции в достатке. Сегодня Турция умело зарабатывает на популярности своих телешоу, привлекая фанатов всего региона на экскурсии в города и места, где эти шоу снимаются. Всего четыре-пять лет назад я почти не встречал в Стамбуле арабских туристов, а теперь они ездят по столице целыми автобусами, явно очарованные этим очередным «Парижем Ближнего Востока» – символом того, на что способен ислам. Из-за политических проблем в период между 2005 и 2010 годами число туристов из Израиля сократилось на 72 процента, но количество приезжающих в Турцию из соседних арабских стран резко увеличилось: из Иордании на 121 процент, а из ОАЭ на целых 246 процентов.

Сегодня западные наблюдатели активно обсуждают вопрос, не несет ли эта новая анатолийская политическая и бизнес-элита фундаменталистскую угрозу того типа, которая возникла в последние годы во многих странах Ближнего Востока. Эта угроза возникает, когда могущественные силы начинают верить, что исламский закон универсален, что он регулирует все стороны и аспекты жизни, от проблем личного выбора до политических решений. Но в Турции, где даже сейчас, после прихода к власти ПСР, государство через систему образования и Управление по делам религии проводит в жизнь единое, умеренное толкование ислама, практически ничто не подает голос в поддержку этих опасений. Большинство турок (около 60 процентов) считают религию сугубо личным делом каждого человека, а еще 30 процентов убеждены, что религия должна оказывать нравственное влияние на политику, но только так, чтобы это не противоречило принципам современной демократии и экономического развития. Не так давно исследователи сравнили эту группу с группой политиков-христиан из США,

которые тоже довольно близко подошли к идее навязывания обществу библейских законов. Так вот, оказалось, что на сегодня 90 процентов турок с точки зрения оценки роли религии в политике практически единодушны с американцами. И только 10 процентов граждан Турции почувствовали бы себя комфортно в Иране или Саудовской Аравии, где религиозная полиция тщательно следит за соблюдением общественной морали, а законы шариата – привычное дело. О навязывании законов шариата в современной Турции не может быть и речи.

До недавнего времени, пока ПСР не стала активнее назначать своих людей на разные должности в полиции, правоверные мусульмане в Турции нередко становились объектами полицейского преследования. Например, в 2008 году государственный прокурор, ссылаясь на конституционный запрет на антисветские мероприятия, пытался запретить президенту Гюлю заниматься политикой, и одной из главных «улик» было то, что жена Гюля носит хиджаб в общественных местах. Полный абсурд! Одно дело, когда ношение хиджабов запрещают во Франции, на родине либеральной республики, в обществе, не имеющем никаких исламских корней. И совсем другое – когда это делается в мусульманской стране. Кроме того, ни Эрдоган, ни Гюль не требуют подобных проявлений благочестия от своих коллег по партии, так что их религиозные убеждения вряд ли можно назвать политикой правительства.

Умеренный характер ислама в Турции имеет давние корни. На протяжении многих десятилетий приезжие из других исламских стран, спускаясь по вечерам к Босфору, не могли сдерживать изумления: бурные ночные вечеринки, женщины с сигаретами, свисающими с пальцев, словно у голливудских «звездочек» давно минувших дней. Со временем – в том числе и за десять лет, которые страной правит ПСР, – эта картинка, пожалуй, становилась только более красочной и задымленной. Ночные клубы на Босфоре начинают работать только после полуночи, и к раннему утру близлежащие улицы настолько забиты роскошными автомобилями, что в последнее время среди иностранных гостей вошло в моду добираться обратно в отель на лодках.

Недавно, когда я находился в одном из таких ночных клубов под названием Anjélique, расположенном на набережной, к заведению подплыл катер береговой охраны. Менеджерам было приказано приглушить музыку, которая, к слову сказать, играла так громко, как никогда не услышишь в таком же густонаселенном районе Манхэттена. Так вот, среди гуляк тут же нашлись желающие повозмущаться произволом властей. Кто-то даже едко пошутил насчет новой полиции нравов, созданной ПСР. Но, с моей точки

зрения, это было вполне разумное требование по восстановлению общественного порядка, не имевшее ничего общего с религиозным запугиванием. Впрочем, никто и не испугался. Клуб приглушил музыку минут на пятнадцать, пока катер береговой охраны не отплыл на достаточное расстояние, после чего она загремела громче прежнего. Мой коллега, тоже свидетель этой сцены, сказал: «Да, этого джинна обратно в бутылку не засунешь».

Многие члены ПСР, по сути, видят в Эрдогане человека, держащего линию обороны против консерваторов, которые, если бы не он, намного резче склонили бы Турции в сторону консервативного ислама и Ближнего Востока. Эрдоган принимает меры для более равномерного распределения богатства между европейской и азиатской частями Турции, но быстро это не делается. Число фирм, не входящих в элитарный треугольник Стамбул-Анкара-Измир на западной границе страны, в топ-сотне турецких компаний, увеличилось с шестнадцати в 2000 году до тридцати девяти в 2011 году. Количество турецких городов, ежегодно экспортирующих товары более чем на 1 миллиард долларов, выросло за этот период с четырех до четырнадцати, причем в значительной мере за счет анатолийских городов, которым в этом помогла ПСР. Промышленный город Кайсери, родина президента Гюля, уверенно становится известным производителем мебели и пластмасс. В сущности, одна из самых привлекательных для народа отличительных черт Эрдогана заключается в том, что его речь больше напоминает говорок уличного хулигана из веселого стамбульского района Касымпаша, чем заумную риторику образованного западного государственного деятеля, характерную для верхушки светских партий.

Крупные турецкие банки постепенно смещают фокус внимания на новые центры роста, а объемы новых кредитов, направляемых в Стамбул, Анкару и Измир, напротив, сокращаются. Только за последние три года доля Стамбула снизилась с 46 до 41 процента. По словам маркетологов, это распространение роста на провинции особенно четко отражается на доле благосостояния, которую получает 20 процентов богатейшего населения страны, по-прежнему сосредоточенного в Стамбуле и Анкаре. Сегодня эта доля сокращается практически во всех категориях расходов, от здравоохранения до образования.

Ярчайшим воплощением новой ориентации Турции на Ближний Восток является Газиантеп, город с населением в 1,3 миллиона жителей, расположенный всего в часе езды на запад от сирийской границы. Это один из старейших городов мира, который постоянно подвергался вражеской оккупации; построенный вокруг цитадели-крепости VI века, сегодня он

окружен современными торговыми центрами и фисташковыми рощами. После снятия в 2009 году визовых ограничений Газиантеп мгновенно стал мощным магнитом для сирийских туристов и покупателей. Число сирийцев, приезжающих сюда за покупками по выходным, выросло с 5 до 60 тысяч человек, хотя после серьезных политических беспорядков в Сирии в начале 2011 года резко сократилось.

И даже несмотря на мощную экспансию анатолийских бизнес-империй, все больше белых турок – представителей светской элиты из треугольника Стамбул-Анкара-Измир – чувствуют себя при власти Эрдогана все более и более комфортно. Стабильность, которую несет премьер-министр, обеспечивает их серьезным потенциалом для роста и развития, ибо именно эта старая элита по-прежнему безраздельно господствует в прозападных торговых связях с Европой и США. Список ведущих турецких бизнес-групп и сегодня состоит из того же ограниченного набора названий, доминировавших в бизнесе много лет до прихода к власти ПСР: Кос, Sabancı и Dogus. И сейчас, когда ПСР усиленно проводит свои реформы свободного рынка – самые недавние, например, направлены на приватизацию контролируемых государством энергетических отраслей, – наиболее перспективные заявки при проведении тендеров по-прежнему поступают от этой группы компаний, обладающей ресурсами и связями, необходимыми для реализации проектов такого масштаба.

Досовременный аспект Турции

Следует отметить, что такое господство старых семейных компаний нехарактерно для современной экономики, и данная ситуация служит еще одним доказательством того, что контрреволюция Эрдогана еще далека от завершения. По сути, беспрецедентные даже для стран, в которых семьи-патриархи обладают высшей экономической властью (например в России), турецкие семейные империи продолжают перерождаться во все более раскидистые и все менее сконцентрированные конгломераты: банки владеют компаниями по производству стекла, гостиничные сети скупают акции компаний по добыче природного газа, производители цемента выходят на рынок розничной торговли. Данная тенденция, как правило, ведет к ослаблению конкурентоспособности и уменьшению прибылей корпораций и в других развивающихся странах – например в ЮАР, где компании находятся под реальным давлением и обязаны обеспечивать ценность для своих акционеров, – и просто невысказанно.

Такую же мешанину современного и давно отжившего мы видим и на турецком рынке труда. Решив создать современное европейское государство

всеобщего благосостояния, Турция ввела необычно жесткие требования к работодателям. Несмотря на относительно низкий доход на душу населения, в стране введен один из самых высоких стандартов минимальной заработной платы, пособий по социальному обеспечению и выходного пособия среди стран – членов ОЭСР. Более того, эти требования ужесточаются при увеличении числа сотрудников, что вынуждает компании воздерживаться от расширения официального оплачиваемого персонала. Многие вообще стараются обходиться без официального найма работников, предпочитая оплачивать труд «в конвертах». В итоге официальный уровень занятости тут самый низкий среди стран ОЭСР, всего 40 процентов, как и доля занятости женщин (20 процентов).

Из-за методов найма, характерных для черного рынка труда, туркам очень трудно конкурировать на международном уровне. Неофициальный найм лишает компании доступа к наиболее квалифицированной рабочей силе, серьезному банковскому финансированию и глобальным рынкам, в результате чего продуктивность типичного работодателя с черного рынка на 40–80 процентов ниже, чем работающего официально. Зарплаты у людей меньше, экономить не на чем – отсюда весьма ограниченные резервы внутреннего капитала для дальнейшего кредитования. Все это усиливает зависимость Турции от иностранного капитала и ведет к новым угрозам резкого увеличения дефицита текущего счета. Но есть и хорошая новость – совершенно очевидно, что надо сделать для исправления этой ситуации. Прежде всего, необходима реформа излишне щедрого трудового законодательства. Теперь дело за ПСР, которой предстоит убедить турецкий народ в насущной потребности этих реформ.

Сегодня на черном рынке ведется такая огромная часть бизнеса – по приблизительным оценкам, до 20 процентов от общего объема операций, – что Турция пока оставила попытки обложения физических или юридических лиц бо2льшими налогами. Почти 80 процентов государственных доходов сегодня поступает в казну от косвенных налогов, выплачиваемых несколькими наиболее жестко регулируемым государством отраслями: телекоммуникационной, автомобилестроительной, газобензиновой. В результате автомобили в Турции стоят дороже, чем где-либо в Европе, а бензин так же дорог, как в странах ЕС. Еще один большой источник госбюджета представляют собой так называемые «налоги на пороки» – на товары, не рекомендуемые исламом, – но введены они скорее по практическим, нежели религиозным соображениям, ибо алкоголь продается тут через регулируемые государством специализированные магазины, которые никак не могут скрыться от налоговиков.

Наверное, в мире не найдется ни одной другой страны, которая в деле государственного финансирования так сильно полагается на косвенное налогообложение в считанных целевых отраслях. Эта очень редкая система построена для того, чтобы избегать столкновений со злостными неплательщиками налогов, вместо того чтобы бороться с ними, и в ближайшее время данная ситуация вряд ли изменится, поскольку правительство Эрдогана не склонно создавать еще одну точку конфронтации со светской деловой элитой. Когда одного преуспевающего турецкого бизнесмена недавно спросили, боится ли он, что ПСР резко повысит налоги, он ответил: «Вряд ли, они ведь знают, что пока могут действовать только очень и очень осторожно».

Турецкая модель

Сегодня ПСР наслаждается новым статусом Турции, уверенно главенствующей в своем регионе; партия открыто поддержала все демократические революции, вспыхнувшие с начала 2011 года в ряде арабских стран. Например, задолго до того, как стал очевиден исход народных выступлений, Эрдоган призвал уйти в отставку Хосни Мубарака – диктатора Египта, страны, которая больше, чем любая другая страна мира, и по размеру, и по бывшему статусу регионального лидера, и по амбициям подходит на роль «второй Турции». В марте 2011 года Гюль отправился в Египет и устроил в турецком посольстве в Каире большой прием, на который при его негласном благословении явились все основные участники разворачивающейся драмы египетского народного бунта. Даже консервативные «Братья-мусульмане» пришли пообщаться с президентом Гюлем, чтобы узнать, как Египту повторить экономический успех Турции.

А чуть позже, в начале осени того же года, премьер-министр Эрдоган приветствовал в Каире огромные толпы египтян, скандировавших: «Египет, Турция – единый кулак». Эрдогана встречали тут с огромным восторгом, как символ грандиозных достижений, которых может добиться мусульманская страна за одно десятилетие после глубочайшего политико-экономического кризиса. Сегодня Египет действительно во многом напоминает Турцию на момент прихода к власти Эрдогана: доход на душу населения чуть менее 3 тысяч долларов; большое и молодое население в почти 75 миллионов человек; отсутствие богатых природных ресурсов, но выгодная стратегическая позиция на важнейшем с геополитической точки зрения водном пути (Суэцкий канал); политическая система, только что открывшая двери для исламских партий; и измученная инфляцией экономика, нуждающаяся в лидере, знающем, как дать толчок бурному экономическому развитию.

Во время моей встречи в сентябре 2011 года заместитель премьер-министра Египта Хазем Аль-Баблави признался мне: «Параллели с Турцией вселяют в нас большие надежды». И добавил, что выступление Эрдогана в Каире с призывом к Египту стать «светским государством» и ограничить роль ислама в частной жизни было весьма вдохновляющим для египетского народа. «Не бойтесь секуляризма, – сказал тогда Эрдоган. – Египтянам, которые считают, что секуляризм означает полное отделение религии от государства или создание государства неверных, я говорю: вы ошибаетесь... Секуляризм означает уважение ко всем религиям. Если в стране проповедуются идеи антиклерикализма, все общество может чувствовать себя в полной безопасности; это значит, что и атеисты, и набожные граждане находятся под защитой верховенства права».

Столь верная и взвешенная оценка важности умеренного отношения к светскому аспекту жизни из уст лидера партии, возникшей в результате многих десятилетий борьбы с автократией светского режима Ататюрка, действительно очень впечатляет. Это отношение характерно для страны, уверенно вставшей на путь нормального развития, и оно дает все основания рассчитывать на то, что Турция станет еще одной прорывной нацией текущего десятилетия.

Глава 11

Медовый месяц без начала и конца

Вот загвоздка: оказывается, у расовой интеграции есть реальные пределы, и за рамки офисной среды она почему-то почти не простирается. Красноречивое доказательство: в превосходных ресторанах Южной Африки редко встретишь чернокожего посетителя

В 2003 году ЮАР готовилась к празднованию десятилетнего юбилея великого события – окончания в 1994 году правления белого меньшинства, – но при этом страна страдала от осознания вины в соучастии в жестоком преступлении. По соседству, прямо за рекой Лимпопо, разваливалась на куски многострадальная Зимбабве. Учитывая характерную для обеих стран долгую историю жесточайших расовых распрей, многие наблюдатели были уверены, что ЮАР тоже рано или поздно скатится к насильственным требованиям, чтобы белые наконец поделились богатством с миллионами чернокожих, по-прежнему прозябающих в нищете, без работы и собственной земли. И вот, в марте 2003 года я решил поехать в ЮАР и лично убедиться, насколько обоснованны эти мрачные предсказания.

Я прибыл в Кейптаун в воскресенье и первым делом отправился на остров Роббен, где в прошлом находилась печально знаменитая исправительная колония «Роббен-Айленд», в которой десятилетиями томились Нельсон Мандела и другие лидеры «черного» освободительного движения. Убогие тюремные камеры показались мне истинным символом угнетения мрачной эпохи апартеида, но, к своему немалому удивлению, я увидел, что многие белые, бывшие тюремные охранники, и сейчас живут на острове по соседству с немногочисленными бывшими чернокожими заключенными, которые теперь работают гидами и водят по острову толпы туристов вроде меня. Иными словами, бывшие заключенные мирно, без малейших признаков неминуемого всплеска негативных эмоций, сосуществовали со своими бывшими тюремщиками. Иными словами, остров Роббен оказался материальным воплощением ментальности «забудь прошлое и живи будущим», типичной для большинства жителей ЮАР, – настроения, эхом преследовавшего меня во время всего моего последующего путешествия по стране, от города Порт-Элизабет на самом кончике восточного мыса до Претории на севере.

Однако приходится признать, что объяснить это сюрреалистическое спокойствие ЮАР с каждым годом становится все труднее. На момент моей последней поездки в эту страну в середине 2011 года темпы ее экономического роста оставались на незавидном 3-процентном уровне, в основном из-за того, что многие чернокожие южноафриканцы по-прежнему совершенно не готовы работать и конкурировать на мировом рынке. Уровень безработицы тут застыл на 25 процентах – такой показатель в большинстве других стран мира почти наверняка привел бы к серьезным беспорядкам и народным волнениям. Экономическая справедливость, краеугольное обещание Манделы и его партии «Африканский национальный конгресс»,

до сих пор остается лишь обещанием. Уровень безработицы среди чернокожего населения по-прежнему аномально высок – 30 процентов, среди белых граждан этот показатель значительно ниже – 6 процентов. Трое из четырех молодых чернокожих жителей сельскохозяйственных районов сидят без работы. При этом профессионалы в городах никаких проблем с трудоустройством не испытывают (безработица составляет тут всего 0,4 процента). Разница в доходах населения страны сегодня не меньше, чем в 1994 году, когда «Африканский национальный конгресс» наконец сверг правительство апартеида. Коэффициент Джини, стандартная статистическая мера степени расслоения общества, где 0 означает абсолютное равенство, а 1 – максимальное неравенство, законсервировался в ЮАР на 0,7 процента; это один из самых высоких показателей в мире. Только в нескольких странах на всей планете, в том числе в соседних с ЮАР Зимбабве и Намибии, коэффициент Джини больше 0,6. С учетом столь огромной безработицы, практически ставшей отличительной характеристикой экономики ЮАР, в одном из последних рабочих докладов МВФ долгосрочные темпы роста ВВП страны оцениваются всего в 2 процента. На сегодня это самый неутешительный результат среди всех крупных формирующихся рынков.

Меня вот уже много лет не перестает поражать тот факт, что большинство чернокожих южноафриканцев готовы мириться с такой ужасной ситуацией. Приветливость, политическая прозорливость и дипломатичность, на весь мир прославившие Нельсона Манделу, без сомнения, характерные национальные черты. Изначально мировое финансовое сообщество реагировало на правление Манделы и его преемника Табо Мбеки с большим скептицизмом, но со временем эти лидеры доказали скептикам их неправоту, сосредоточив внимание на главных экономических задачах страны: контроле над государственным долгом, стабилизации инфляции и создании фундамента, с которого может начаться экономический рост нации. Однако рост так и не начался. И теперь, после стольких лет без какого-либо реального прогресса в экономике, политическая прозорливость и дипломатичность властей начинают сильно походить на стагнацию. Люди, в руках которых сосредоточены экономические рычаги, явно не видят потребности в скорейшем исправлении ситуации в стране, из-за чего быстрое развитие экономики ЮАР в ближайшем будущем представляется крайне маловероятным.

Индийский медовый месяц

Долгий медовый месяц, то есть празднование своих достижений, характерен для большинства освободительных движений, но «Африканский национальный конгресс» живет на дивиденды от своей победы вот уже почти

два десятка лет. Это было бы неудивительно при диктатуре – в целом ряде африканских государств революционеры, захватив власть, становились репрессивными правителями, – но ЮАР представляет собой истинную демократию с прогрессивной конституцией, независимой судебной системой и свободными СМИ. Единственная похожая ситуация, которая приходит мне на ум, наблюдалась в постколониальной Индии, где партия «Индийский национальный конгресс», стоявшая во главе борьбы за независимость, ловко пользовалась своей победой в этой борьбе, чтобы оставаться у власти с 1950 до 1977 года, без каких-либо заметных экономических успехов. Показатели экономической эффективности Индии были настолько низкими, что экономисты, которые обожают подыскивать разным ситуациям религиозно-культурные объяснения, начали называть вялые 3-процентные темпы роста «индусскими». Но в ЮАР почему-то никто не торопится давать низким темпам роста имя «Африканского национального конгресса» (АНК): в этой стране практически отсутствует протест против системы, обеспечивающей высокий уровень стабильности, но весьма скромный экономический прогресс. А речь в данном случае действительно идет о системе – о четкой системе отката в прошлое, базирующейся на массовом объединении рабочей силы в профсоюзы, государственной собственности и безраздельной власти правящей партии.

Одна из причин этого относительного спокойствия заключается в том, что АНК представляет собой своего рода «зонтичную» организацию, объединяющую целый ряд сил, в свое время вместе боровшихся против апартеида. Формально правительство страны – это союз партии «Африканский национальный конгресс», Южно-Африканской коммунистической партии и Конгресса южноафриканских профсоюзов (КОСАТУ). Неформально же в этот альянс входят все кто угодно, от сторонников свободного рынка до поборников государства всеобщего благосостояния европейского стиля, от популистов до социалистов старой школы. Приветствуется и принимается любой, кто выступает против правила «только для белых», а это весьма большой срез населения страны. В сущности, ЮАР – единственное государство в мире, в котором главная федерация профсоюзов является частью правительства, и единственная прозападная страна, в которой коммунисты в правительстве все еще открыто называют себя коммунистами. Впрочем, их вряд ли можно назвать откровенными радикалами. Подумать только, коммунисты и профсоюзные лидеры ратуют за увеличение объемов госзакупок в надежде, что, если государство будет приобретать больше отечественных товаров, это приведет к повышению уровня занятости населения. И ни один из участников этого альянса не ставит под сомнение базовые принципы традиционной экономики.

Самые мощные оппозиционные силы скопились внутри самой АНК, и самый активный подстрекатель среди них – Джулиус Малема, лидер молодежного крыла Конгресса. Он единственный, кто предлагает радикальное решение проблемы экономического роста, вплоть до национализации золотых приисков. Впрочем, пока радикалы вроде Малема не отколются от АНК (как в конечном итоге поступили внутренние противники партии «Индийский национальный конгресс»), они не несут ни малейшей реальной угрозы, что на посту президента окажется представитель какой-то другой политической силы.

Следует учитывать, что чернокожее большинство ЮАР будет вечно благодарно АНК уже за одно то, что эта партия освободила людей от апартеида, при котором им отказывали в гражданстве и загоняли на родине в резервации, где они имели жилье, школы, больницы, пляжи и все остальное намного хуже, чем у белого населения. Вполне возможно, что для выработки в обществе сколько-нибудь критического отношения к руководству АНК в стране должно вырасти новое поколение. И все же господствующее в ЮАР спокойствие явно идет вразрез с мощным импульсом нынешней эпохи – эпохи интернета, когда темпы социальных возмущений и бунтов значительно ускорились даже в самых репрессивных диктатурах. Для ЮАР характерна огромная вера в демократию: несмотря на однопартийное правление, тут нет цензуры и фальсификаций на выборах, и власти не подавляют острые дебаты ни в парламенте, ни в прессе. Традиционные демократические инструменты, обычно применяемые для обеспечения ответственности лидеров, тут тоже существуют, но их, по сути, практически не используют. И данная ситуация опять же напоминает Индию: после свержения старого репрессивного режима индийский народ по сей день испытывает огромное чувство благодарности, и до того, когда он начнет выдвигать освободившему его правительству требования реального экономического прогресса, скорее всего, пройдут годы.

Даже Хелен Зилле, глава ведущей оппозиционной партии ЮАР, согласна, что в ближайшее время АНК практически ничего не грозит. Ее партия «Демократический альянс» управляет Западно-Капской провинцией со столицей в Кейптауне, и Хелен – единственный премьер не от АНК среди всех семи провинций ЮАР. Зилле обеспечила себе мощную поддержку предоставлением населению ряда базовых государственных услуг, чего АНК до сих пор не сделала. Я, например, узнал, что она регулярно проверяет свою страницу в твиттере и тут же, экспромтом, отвечает на жалобы граждан, которые, по ее собственным словам, варьируются от сетований по поводу мусора на улицах до сообщений о злостных наркоманах.

Хотя в прошлом Зилле известный активист борьбы против апартеида, ее саму и ее «Демократический альянс» считают в стране «слишком белыми». А учитывая, что на выборах в местные органы власти в 2011 году партия Зилле получила всего лишь меньше четверти голосов, очевидно, что этой политической силе предстоит преодолеть еще очень долгий путь, прежде чем она достигнет своей цели и станет общенациональной правящей партией. Реального шанса потеснить АНК на следующих президентских выборах, намеченных на 2014 год, Хелен Зилле не видит, ее партия рассчитывает на победу только в 2019 году. К этому времени АНК будет у власти уже четверть века, то есть практически сравнивается с рекордом партии «Индийский национальный конгресс», которая пока дольше всех в мире живет на дивиденды от своей победы в освободительной борьбе.

Временная петля

После длительного периода изоляции в годы режима апартеида, действовавшего под давлением мощных международных санкций с 1980-х до 1994 года, сегодня стабильность ЮАР пребывает в состоянии зыбкого равновесия, в очередной раз угодив в своего рода временную петлю.

Мы уже говорили о том, что в последние годы лидеры многих развивающихся стран, в том числе, например, Бразилии и Турции, приходили к власти на волне жесткой радикальной риторики, а потом проводили довольно умеренную политику. В ЮАР же это случалось уже трижды, начиная с Нельсона Манделы. Едва лидера освободительного движения в 1990 году выпустили из тюрьмы, он немедленно призвал к национализации копей. Но уже на следующий год Мандела отправился в Давос, на ежегодный дискуссионный форум для глобальной элиты, организованный Всемирным экономическим форумом, где имел возможность пообщаться с западными бизнесменами и политическими лидерами. Вернувшись, он объявил своему народу, что если копи будут национализированы, международное сообщество не захочет иметь с ЮАР дело, и идею потихоньку, что называется, спустили на тормозах.

Когда на место Манделы пришли его преемники-смутьяны, мировые рынки напугала возможность перехода страны к социализму. В 1999 году пост президента ЮАР занял крайне сдержанный, склонный к суровому морализаторству Табо Мбеки; он тут же назначил на пост министра финансов белого Тревора Мануэля, популярного как среди рядовых членов АНК, так и среди международных инвесторов. А назначенный Мануэлем на должность главы центрального банка Тито Мбовени, в прошлом радикал-ленинец, начал проводить в банковской сфере в высшей степени

ортодоксальную политику. В 2009 году место Мбеки занял харизматичный вождь зулусов Джейкоб Зума, которого до этого обвиняли в изнасиловании и коррупции. К власти он пришел в основном благодаря тому, что много говорил о перераспределении богатств в пользу рабочих и чернокожего населения. Поначалу Зума напугал мировое финансовое сообщество еще больше, чем Мбеки, но, заняв президентское кресло, он тут же позабыл об агрессивных планах и начал проводить такую же умеренную политику, как его предшественники.

Но, хоть умеренность и предпочтительнее хаоса, в посткризисной глобальной среде, в которой зарабатывать намного труднее, а конкуренция значительно жестче, ее явно недостаточно. ЮАР предстоит решить серьезные проблемы фундаментального характера. Как многие зарождающиеся рынки в последнее время, страна правильно поняла свои основные финансовые задачи: усиление контроля над государственным долгом и уменьшение инфляции, – но пока так и не смогла создать условий для быстрого органичного роста отечественных компаний.

Как страна, богатая золотом, может пострадать от высоких цен на этот металл

Прежде всего, ЮАР больна весьма опасной «голландской болезнью». При этом недуге богатая тем или иным природным ресурсом страна, по сути, страдает от своего богатства. Когда мировая цена на ресурс идет вверх – например, в Голландии это природный газ, в Саудовской Аравии нефть, в ЮАР золото и платина, – это приводит к повышению стоимости местной валюты, что, в свою очередь, снижает ценовую конкурентоспособность местных производителей на мировой арене. Но в Южной Африке негативный эффект излишне дорогой национальной валюты серьезно усугубляется требованиями мощных профсоюзов, в которых сегодня заправляют лидеры, прежде стоявшие во главе борьбы против апартеида. Как только цены на золото и платину начинают расти, здешние профсоюзы начинают усиленно бороться за увеличение своей доли прибыли.

В большинстве стран мира повышение зарплат сопровождается соответствующим ростом инфляции или производительности труда, но к ЮАР это не относится. Здесь заработная плата растет намного быстрее, чем эти два показателя. В 2009 и 2010 годах средняя зарплата увеличилась более чем на 9 процентов, при этом инфляция выросла примерно на 3 процента, уровень занятости остался прежним, а производительность труда все также отставала почти от всех остальных формирующихся рынков. На сегодня и глобальным, и локальным рынкам известно, что если растет цена на золото,

следует ждать повышения стоимости южноафриканской валюты и зарплат. Эта порочная «связь» обходится южноафриканским компаниям очень дорого. За последнее десятилетие золото подорожало более чем на 600 процентов, и фактически на столько же за этот период снизился курс акций ведущих золотодобывающих компаний ЮАР. Этот на редкость нелогичный результат резко контрастирует с весьма впечатляющими фондовыми показателями золотодобывающих предприятий других стран мира: Австралии, Канады и США. В период между 2005 и 2011 годами акции американской горнодобывающей компании Barrick Gold подорожали более чем на 50 процентов, а курс акций южноафриканской Harmony Gold снизился на 10 процентов в долларом выражении.

Кроме того, в ЮАР продолжается процесс деиндустриализации, причем как раз в тот период развития, когда ее основные отрасли должны продолжать расти. Несмотря на крупнейшие в мире запасы платины и марганца и завидные залежи золота, железной руды и угля, уровень занятости в горнодобывающей промышленности снижается. На добычу сегодня приходится всего 3 процента от ВВП, что значительно меньше 14 процентов 1980-х годов. В обрабатывающей промышленности дела тоже не слишком хороши: ее доля снизилась с пикового значения в 17,4 процента от ВВП в 2000 году до 15,5 процента в настоящее время. Заводы и фабрики простаивают или вообще останавливаются, и ЮАР все больше утрачивает способность к созданию новых рабочих мест. Во время глобального кризиса 2008–2009 годов страна лишилась миллиона рабочих мест – это один из худших показателей среди всех развивающихся стран мира, – и вряд ли у нее есть шансы в ближайшее время исправить эту ситуацию.

Южноафриканское профсоюзное движение никак не может понять, насколько сильно изменились реалии жизни, и по-прежнему сосредоточено на повышении зарплат для своих нынешних членов, а не на создании новых рабочих мест для более широкого рабочего класса страны. Профсоюзы ЮАР в свое время вышли из горнила борьбы с апартеидом, которая в значительной мере базировалась на идеях социальной справедливости и «достойной работы за достойную зарплату», и благодаря давним и тесным связям с АНК накопили огромную мощь в деле защиты своих интересов. Правительство Зумы предпринимает попытки сместить фокус профсоюзов и убедить их бороться просто за «рабочие места», но пока без особого успеха. Сегодня уровень забастовочной активности в стране выше, чем на момент прихода к власти АНК: в прошлом году ЮАР потеряла в забастовках 14,6 миллиона рабочих дней – сравните с 4 миллионами в 1994 году. Бастующие настойчиво требуют повышения зарплаты, даже несмотря на то что их зарплаты в

последние годы росли значительно быстрее, чем у работников, не состоящих в профсоюзе.

А чем настойчивее и активнее действуют профсоюзы, тем больше сопротивляются корпорации. Руководители южноафриканских корпораций на редкость много говорят о замене рабочей силы новыми технологиями. Нам часто приходится общаться с лидерами одной крупной компании по выпуску химических и взрывчатых веществ; сегодня в ней уделяется огромное внимание созданию современного завода, оснащенного по последнему слову техники, на котором будет трудиться очень ограниченное количество сотрудников.

Почему не возмущаются безработные

В стране постоянно усиливается напряженность между растущими рядами безработных и теми, кто обеспечил себе защищенное профсоюзом рабочее место в рамках альянса АНК, – тут их называют «черными бриллиантами». Adcorp, крупнейшая служба занятости и признанный эксперт по отслеживанию тенденций на рынке труда ЮАР, называет этот раскол «новым апартеидом» и предупреждает, что при наихудшем варианте развития событий это может привести к серьезным народным бунтам и в итоге натравит безработные сельские массы на тех, кто имеет хорошую постоянную работу в городах. Сегодня два миллиона членов крупнейшего в ЮАР профсоюза КОСАТУ – капля в море по сравнению с 6,4 миллиона безработных, 3,7 миллиона работающих внештатно по трудовым контрактам и двумя с лишним миллионами занятых в неформальной экономике.

Однако, надо сказать, пока безработные ЮАР протестуют против своего незавидного положения только способами, ничем не угрожающими функционерам АНК. Несмотря на многочисленные слухи о коррупции в высших эшелонах власти, заметных проявлений данного явления в стране практически нет. Ни один здешний лидер не выстроил огромного дворца, что вызвало бы гнев народных масс и наверняка привело бы к бесславному окончанию его карьеры на государственной службе. При этом все чаще объектами нападок становятся белые фермеры в сельской местности и рабочие из соседней Зимбабве, которые, спасаясь от хаоса режима Мугабе, массово нелегально переходят границу с ЮАР и претендуют на рабочие места в здешней экономике. Кроме того, в стране очень высок уровень алкоголизма и уличной преступности: приезжим не рекомендуется выходить за ворота отелей Йоханнесбурга даже среди бела дня; не стоит также останавливаться на светофоре в ночное время суток. В столице ЮАР просто

невозможно встретить человека, который ни разу не становился жертвой уличных преступлений или хотя бы лично не знаком с таким бедолагой.

В некоторой мере недовольство людей по поводу поистине заоблачного уровня официальной безработицы сдерживается огромным черным рынком труда. Каждый четвертый житель страны трудится в неформальном секторе экономики. На каждом светофоре, на каждом перекрестке вы увидите уличных торговцев, готовых либо продать вам все что угодно, от джинсов до солнечных очков, либо наняться к вам на любую поденную работу. В отличие от крайне удивленных такой же ситуацией граждан Греции или Испании, где рост безработицы начался относительно недавно, южноафриканцы никогда не знали лучших с этой точки зрения времен. Руководители центрального банка ЮАР признались мне, что, по всей вероятности, именно долготерпением этой группы населения можно объяснить долгожительство АНК: не имея никаких точек соприкосновения с рассерженной оппозицией, большинство работников неформального сектора «просто научились жить с тем, что имеют, то есть очень и очень скромно».

Еще один несомненный источник политической мощи АНК – известная всем идея государства всеобщего благосостояния. При апартеиде государство тратило на белых в девять раз больше, чем на чернокожих, но теперь ситуация резко изменилась, и чернокожие получают вдвое больше, чем белое население. Сегодня Южная Африка – единственная крупная страна мира, в которой на социальные льготы и дотации живет больше людей, чем на официальную зарплату: 16 миллионов граждан ЮАР получают всевозможные социальные пособия (от пособий по уходу за ребенком или престарелыми родителями до пособий по безработице). Это в шесть раз больше, чем в 1998 году. В итоге выходит по три иждивенца на каждого налогоплательщика, при этом социальные выплаты являются самой быстрорастущей расходной статьей государственного бюджета. Если так пойдет и дальше, ЮАР скоро будет тратить на льготы и пособия больше, чем на образование – иначе говоря, страна будет больше вкладывать в подачки безработным гражданам, чем в их реальную подготовку к труду.

Кроме того, хотя АНК и удалось несколько повысить уровень вертикальной мобильности некоторой части чернокожих южноафриканцев, надо признать, этот бум среднего класса был отчасти иллюзией и, по сути, уже закончился. В большинстве стран с растущим средним классом расширение данного сегмента населения становится естественным следствием увеличения экономического пирога, но в ЮАР это явление в основном стимулировалось программой поддержки определенных групп граждан, которая реализуется здесь везде, где только можно и даже нельзя. Программа содействия

экономическому развитию чернокожего населения (Black Economic Empowerment, ВЕЕ) обязывает все компании, кроме самых маленьких, увеличивать долю соответствующего сегмента в собственности, управлении и общей занятости. Программа вступила в силу в 2003 году, тогда же, когда на формирующиеся рынки хлынул поток дешевых денег из США, приведший к экономическому буму.

В такой обстановке обычно удаются практически любые социальные эксперименты, и в ЮАР программа ВЕЕ впервые в истории помогла стране приблизиться к восстановлению расовой справедливости. Ее цель заключалась в создании новых компаний, которыми будут владеть чернокожие граждане, и в увеличении их доли в собственности уже существующих компаний. К тому же ВЕЕ поставила перед компаниями задачу нанимать больше чернокожих. И результаты не заставили себя ждать. Корпоративные собрания и советы директоров, прежде состоявшие практически исключительно из белых мужчин, заиграли всеми цветами радуги: теперь в них можно увидеть и белых, и черных, и представителей смешанной расы, и азиатов, и даже женщин. Но вот загвоздка: оказывается, у расовой интеграции есть реальные пределы, и за рамки офисной среды она почему-то почти не простирается. Красноречивое доказательство: в превосходных ресторанах ЮАР практически не увидишь чернокожего посетителя. Один чернокожий профсоюзный лидер, с которым я недавно беседовал, назвал это явление «экономикой капучино»: «горка белых сливок лежит на большой черной массе, а поверх нее крошки черного шоколада».

Кроме того, кажущееся на первый взгляд усиление вертикальной мобильности в значительной мере было достигнуто за счет долгов населения. Заработная плата быстро росла, приток глобальных капиталов серьезно облегчил доступ к кредитам, и растущий средний класс страны начал активно занимать и тратить деньги. В период бума, с 2003 по 2007 год, рост национальной экономики ускорился с 3 до 5 процентов, в значительной мере за счет увеличения потребления среди местного среднего класса. Прошлой десятилетие стало для страны истинным «золотым веком». Экономика работала на полную мощность: благодаря дешевым кредитам потребители транжирили деньги направо и налево, уверенный в себе бизнес активно инвестировал в новые проекты, и правительство щедро тратило средства на новые автомобильные и железные дороги. Ныне же потребители просадили практически все, накопив при этом огромные долги (отношение задолженности к чистому доходу в настоящее время составляет 70 процентов, это один из самых высоких показателей в развивающихся странах); владельцы компаний уже совсем не так уверены в успехе бизнеса,

и основным двигателем экономического прогресса стало государство, на долю которого приходится почти весь рост экономики.

Иными словами, те немногочисленные чернокожие южноафриканцы, которые могли пополнить ряды среднего класса, это уже сделали. Остальным присоединиться к глобальной экономике мешает отсутствие профессиональных навыков. Уровень образования в стране остается низким: хотя ЮАР тратит на эти цели почти 6 процентов от ВВП – показатель, сопоставимый со многими экономически развитыми странами, – по результатам ряда оценок качества начального и среднего образования, она занимает одно из последних мест в мире. Миллионы южноафриканцев на протяжении многих лет оставались безработными, вследствие чего не имеют навыков, необходимых для работы на уровне среднего класса, даже когда на такие должности открываются вакансии. Чтобы создавать новые рабочие места в количестве, достаточном для повышения уровня занятости, экономика страны должна расти на 6–7 процентов, а этого в ЮАР не было даже в годы недавнего бума. И сегодня темпы экономического роста ЮАР вдвое ниже, чем необходимо для решения ее основной проблемы – проблемы безработицы.

Новая ЮАР слишком похожа на старую

Отрасли, которые в годы апартеида и президентства Питера Боты принадлежали государству, теперь контролирует АНК, но управление ими по-прежнему неэффективно. Телефонная компания Telkom принадлежит государству; стоит ли удивляться, что только 14 процентов жителей ЮАР имеют сегодня доступ к интернету. То же самое можно сказать и о государственном поставщике электроэнергии Eskom, из-за отвратительной работы которого население постоянно страдает от веерных отключений электроэнергии. А железнодорожная сеть находится в ведении Transnet, которая вот уже пять лет ведет переговоры с частными партнерами, чтобы устранить основные «узкие места» в системе, мешающие ЮАР увеличивать экспорт железной руды даже в периоды пикового повышения спроса на этот продукт в годы глобальных экономических бумов.

Именно государственной собственностью объясняется и то, что у национального флагмана авиаперевозок South African Airways практически нет конкурентов и почему невозможно купить дешевые авиабилеты в Южную Африку, что сильно мешает развитию туризма в стране и реализации других бизнес-возможностей. Новаторство по-южноафрикански – если это можно так назвать, – нередко заключается в том, что талантливый предприниматель находит лазейки, чтобы обойти нелепости здешней

системы. Тут есть, например, венчурная компания, предлагающая другим компаниям услуги прямого подключения к национальным сетям электроснабжения, что позволяет им избежать высоких цен и отвратительного качества обслуживания, предлагаемого местными государственными посредниками. Все это означает возврат не только к некоторым принципам социализма, к которым в свое время прибегли победители апартеида, но и к более жестко регулируемому капитализму стиля 1970-х, который практиковал сам режим апартеида.

Государство очень неплохо справляется с масштабными проектами – например, футбольный турнир «Кубок мира», проведенный в ЮАР в 2010 году, стал, по всеобщему мнению, большим успехом и был проведен на уровне мировых стандартов, – но граждане страны все чаще жалуются на отвратительное качество основных услуг. В частности, многие чернокожие южноафриканцы ежедневно испытывают унижение из-за нелепо длинных поездок на работу и обратно, из-за постоянных отключений воды и электроэнергии, из-за ужасно медленного интернета, а то и из-за полного отсутствия подключения к нему.

Странности огромного богатства на медленно зарождающемся рынке

Апартеид оставил ЮАР в наследство относительно закрытую и защищенную экономическую систему. Ситуация тут немного напоминает Мексику: во многих отраслях, включая финансы, розничную торговлю и СМИ, доминируют олигополии, которые получают очень большую прибыль и имеют достаточно средств для агрессивной экспансии в недостаточно охваченные регионы страны.

За годы апартеида в ЮАР сложилась одна из самых неустойчивых форм капитализма на всем земном шаре, которая характеризуется быстрым ростом курсов, чреватых последующим падением. До 1971 года экономика всего мира пользовалась золотым стандартом, обеспечивая южноафриканские золотодобывающие компании огромным глобальным рынком. Фиксированная цена на золото создала надежный экономический фундамент для системы апартеида. А когда эпоха золотого стандарта закончилась, цены на него начали сильно колебаться, что привело к нарушению торгового баланса страны и крайне негативно сказалось на стоимости национальной валюты, ранда. Но к тому времени золотодобывающие конгломераты стали настолько влиятельными, что, как только перспективы отрасли начинали казаться менее радужными, они тут же начинали скупать другие направления экономики. В итоге к концу 1980-х большая пятерка южноафриканских конгломератов – Anglo, Sanlam, Mutual, Liberty и

Rembrandt – контролировала 90 процентов фондового рынка. И в последующие годы, по словам Алана Хирша, бывшего главного советника президента по экономическим вопросам и автора вышедшей в 2005 году книги «Сезон надежды: экономические реформы при Манделе и Мбеки» (Season of Hope: economic reform under Mandela and Mbeki), правительство «смотрело в другую сторону, а конкуренция тем временем слабла».

В середине 1980-х международное сообщество ввело в отношении апартеида более жесткие санкции, и правительство Боты еще больше замкнуло страну на самой себе. Ко времени, когда режим окончательно рухнул, южноафриканское бизнес-сообщество было практически полностью изолировано от реалий глобального рынка. АНК предприняла некоторые попытки разрушить власть монополий, однако после 1998 года, когда доля топ-пятерки южноафриканских конгломератов в фондовом рынке страны снизилась до минимальных 55 процентов, этот показатель опять начал быстро расти.

Сегодня эти компании частного сектора находятся под протекторатом государства, однако ими очень хорошо управляют (опять большое сходство с Мексикой), и они являются источником всех без исключения экономических успехов ЮАР на глобальном рынке. Надо сказать, в Южной Африке самый развитый финансовый рынок среди всех развивающихся стран (по оценке Всемирного экономического форума он находится на пятом месте по уровню сложности развития), но деньги в основной массе «заперты» дома. Таково мрачное наследие жесткого контроля над движением капиталов, осуществлявшегося режимом апартеида с целью предотвращения массового оттока денег из страны. Начиная с 1990-х ситуация постепенно меняется, но запасы внутренних сбережений по-прежнему огромны. Сейчас под управлением местных страховых, пенсионных и взаимных фондов находятся активы стоимостью 750 миллиардов долларов – сумма, в два раза превышающая ВВП страны, из чего следует, что в экономике ЮАР накоплено поистине огромное богатство.

К несчастью, режим апартеида был настолько непреклонен в своих намерениях всячески подавлять черное население, что отказывался использовать хотя бы часть этих легкодоступных денег на его нужды, в итоге все национальные системы, от школьного образования до водопроводной системы, пришли в весьма плачевное состояние. Такими они остаются и поныне, ибо южноафриканский бизнес не слишком активно инвестирует средства в отечественный рынок, и доля основного капитала, в частности вложений в тяжелую технику и заводское оборудование, от ВВП неуклонно

снижается. Это одна из причин, по которым снижается и производительность труда в стране.

Иными словами, сегодня ЮАР представляет собой развитый рынок, завернутый внутрь развивающегося. Большинство белых семей имеют по две машины, и общее соотношение числа автомобилей к количеству жителей страны достаточно высоко, 109 на тысячу человек, но среди чернокожего населения ситуация несравненно хуже. По сути, если убрать автомобили, принадлежащие белым южноафриканцам, это соотношение, скорее всего, будет приблизительно таким же, как в Индии, хотя средний уровень дохода в ЮАР в пять раз выше. Объем средств, управляемых пенсионными фондами страны, тоже очень велик – больше 7200 долларов на одного человека (сравните с показателем в России в 267 долларов), – но эти деньги тоже в основном сосредоточены на счетах белого населения. Такая концентрация богатства в руках явного меньшинства может привести к тому, что главная тема дебатов в ЮАР скоро поменяется, и вместо способов увеличения экономического пирога тут будут обсуждать в основном его перераспределение.

Почему, по мнению некоторых, местная экономика не имеет значения

Поскольку фондовый рынок зарабатывает подавляющую часть своей прибыли за пределами страны, экономический пейзаж самой ЮАР не представляется этому рынку чем-то действительно важным. В лучших южноафриканских компаниях работают умные менеджеры, они предлагают акционерам высокие дивиденды и наслаждаются отличными прибылями, зарабатываемыми в основном за рубежом. В группе шестидесяти самых успешных компаний 56 процентов прибыли поступает из-за границы – это один из самых высоких показателей в мире. Поистине наглядный пример того, что «глобализация» может одновременно стать символом как корпоративной мощи, так и слабости нации в целом.

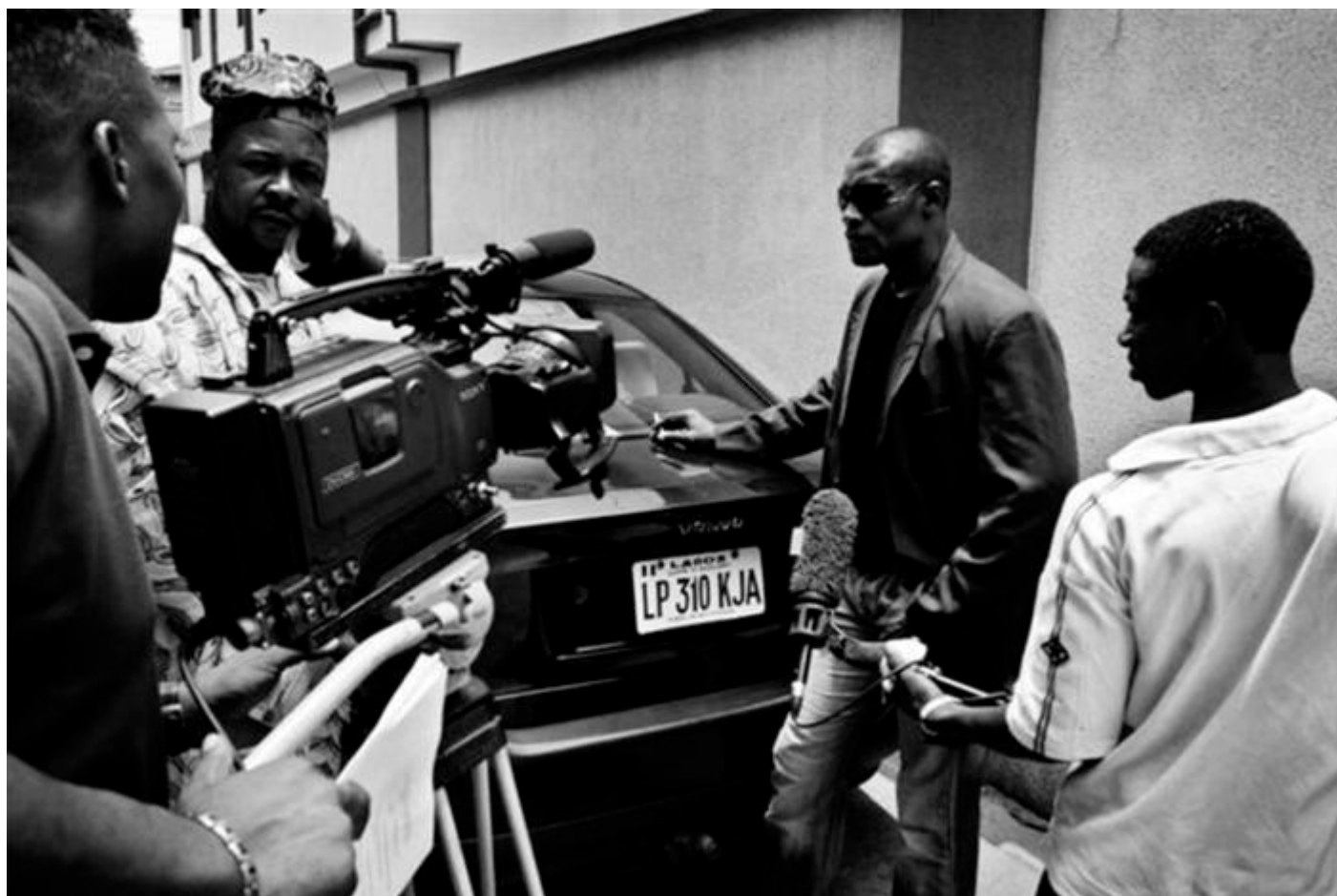
На протяжении многих десятилетий ЮАР была повернута к остальной части Африки спиной. Еще в 1940-х годах, когда мировые лидеры вели переговоры о первых международных торговых соглашениях, лидеры апартеида выступали против любой попытки включения их страны в список формирующихся рынков, даже если это означало выгоды и благоприятные условия для развития. Они хотели, чтобы другие нации относились к ЮАР как к части белого европейского мира, и активно инвестировали за рубеж, в англоговорящие страны с преимущественно белым населением, прежде всего в США и Австралию. Несколько позже, когда зарождающиеся рынки совершили в 1990-х годах настоящий прорыв, южноафриканские инвесторы

начали искать объекты инвестирования в Китае, России и Индии, но все равно не в Африке. Эта ситуация резко изменилась в последние десять лет: новая Южная Африка ищет благоприятные возможности на своем собственном заднем дворе, агрессивно выходя на рынки других стран южной части Африки, таких как Замбия, Мозамбик, Намибия, и дальше, в глубь континента, в Нигерию и Танзанию. Активное выведение находчивыми транснациональными корпорациями ЮАР капиталов в соседние африканские страны точно указывает, где таятся наиболее многообещающие возможности на этом втором по величине континенте мира.

Правила уличного движения: Йоханнесбург

Становясь «глобальными», компании, как правило, привлекают всеобщее внимание, но это необязательно хороший знак для страны. Если более 50 процентов корпоративной прибыли поступает из-за рубежа, вероятно, это плохая примета. В Сингапуре, где бизнес не может зарабатывать много денег дома из-за очень небольшого населения, данная ситуация особенного беспокойства не вызывает. Но в странах с огромными внутренними рынками, таких как ЮАР, Мексика и Россия, ее нередко можно рассматривать как вотум недоверия отечественного бизнеса к национальной экономике. И, к сожалению, в Южной Африке все именно так и обстоит.

Глава 12 Четвертый мир

Взлет Нолливуда, превратившегося за двадцать лет практически из ничего во второго по величине работодателя страны после государства, служит потрясающим примером того, как недорогие новые технологии вроде цифровых видеокамер в сочетании с предпринимательской жилкой населения могут привести к настоящему экономическому мини-буму даже в самом сердце Африки

Когда наблюдаешь за необычным поведением мировой экономики в годы экономического бума, нередко вспоминаются причудливые идеи знаменитого британского биохимика и психолога Руперта Шелдрейка. В своей вышедшей в 1981 году книге «Новая наука о жизни»^[12] Шелдрейк исследовал загадочные связи между живыми существами на нашей планете. Например, почему собака каким-то образом точно знает, что ее хозяин скоро придет домой. Помимо всего прочего, автор описывает один эксперимент, в котором сотню обезьян обучали новой задаче, и каждое очередное животное училось чуть быстрее предыдущего. В итоге сотая обезьяна каким-то непостижимым образом впитала в себя опыт всех предыдущих и оказалась самой способной ученицей. Шелдрейк объяснил эти телепатические связи «морфическим резонансом»; суть его идеи заключалась в том, что живые

существа могут обмениваться информацией и воспоминаниями через невидимые сгустки, которые ученый назвал «морфическими полями».

Несмотря на его превосходную репутацию в научном мире, коллеги-ученые резко раскритиковали теорию Шелдрейка, назвав ее лженаучной. Но, глядя на четко синхронизированные циклы развития глобального рынка в последнее десятилетие, я не могу не вспоминать о морфических полях, об этом привлекательном, пусть и в конечном счете неправильном объяснении многих любопытных явлений нашего мира. Крупные формирующиеся рынки всегда меняются в соответствии с собственной уникальной логикой, в последнее время они переживают взлеты и падения парами, как будто глобализация сама по себе стала некой мистической жизненной силой. И, судя по всему, многие современные аналитики и экономисты, уже считающие эту силу «конвергенции» реальной и универсальной, уверены, что все формирующиеся рынки будут и впредь расти такими же быстрыми темпами, постепенно догоняя Запад по уровню доходов населения.

Но при более внимательном взгляде на ситуацию становится очевидно, что на самом деле глобализация сказывается на развивающихся рынках совсем неодинаково. В мире был и остается широкий спектр небольших стран, которые до сих пор не подключились в полную силу к глобальным потокам торговли и денег и, что, возможно, еще важнее, к общепринятым идеям управления экономикой. Эти страны в совокупности составляют хаотический «четвертый мир» так называемых пограничных рынков, политические лидеры которых еще не готовы в полной мере принять согласованные принципы и правила глобального рынка и в которых экономический рост и рост фондового рынка по-прежнему намного более непредсказуемы, чем того требует норма. И сегодня, когда многие инвесторы пребывают в поиске крупных рынков, развивающихся и действующих непохоже на других, способность пограничных рынков выбирать для себя совершенно неожиданные пути развития делает их объектом всеобщего восхищения.

Если правильное отношение к миру в наши дни сильно зависит от понимания того, насколько развивающиеся страны отличаются от других, то к четвертому миру это правило относится вдвойне. Термин «пограничные рынки» ввели в регулярное употребление примерно в 2007 году. У него несколько разных определений, но самое простое таково: к этой группе относят нации, открытые для иностранных инвесторов, но не играющие по традиционным рыночным правилам. Это состояние полубеззаконности делает их неустойчивыми и непредсказуемыми; в прошлом году темпы экономического роста в таких странах колебались от максимума в 20

процентов в Гане до всего 2 процентов в Сербии. На крупных рынках разброс значительно меньше, всего от 9 процентов в Китае до 4 процентов в Бразилии. На пограничных фондовых рынках ситуация еще более неоднородная: в 2010 году рынок Шри-Ланки получил прибыль в 80 процентов, а рынок Болгарии понес убытки в размере 20 процентов. Если же говорить о крупных развивающихся рынках, то на одном конце спектра тут находится Индия с максимальной прибылью в 20 процентов, а на другом Бразилия, закончившая год практически без изменений.

Границы четвертого мира определяются не уровнем бедности, а верховенством или отсутствием закона. К пограничным рынкам относят как страны со средним доходом менее тысячи долларов, например Гану, так и богатейшую страну мира, крошечный Катар, где средний доход на душу населения недавно перевалил за 100 тысяч долларов. В категорию развитых или формирующихся рынков входят около пятидесяти стран мира, в список пограничных – тридцать пять. А еще почти сто государств нашей планеты (в том числе Парагвай, Сенегал и Туркменистан) вообще не поддаются никакой классификации, в качестве объектов инвестирования их не рассматривают даже самые бесстрашные рыночные игроки.

Тридцать пять пограничных рынков составляют мир, в котором зачастую процветает инсайдерская торговля, разрешенная тут почти официально. Здесь финансовые данные разрознены и нередко абсолютно недостоверны, поскольку власти далеко не всегда требуют от бизнеса ясности, а зарубежным инвесторам порой настоятельно рекомендуют по прибытии нанять вооруженных телохранителей. Исследования этого мира зачастую требуют отнюдь не сложного анализа или математических расчетов, а умения в нужный момент прижать ухо к нужной стене. Недавно мой аналитик спросил у одного из бесцельно слоняющихся по Кувейтской фондовой бирже людей, чего они, собственно, ждут, и в ответ услышал: «Слухов».

«Макромания», обуявшая наблюдателей на зарождающихся рынках в последнее десятилетие, когда они стали свидетелями их практически синхронных взлетов и падений, на четвертый мир не распространяется: тут каждый рынок имеет тенденцию развиваться в своем собственном уникальном ритме, зачастую определяемом прихотями местных лидеров. Например, никто не может назвать причины, по которым Камбоджа открыла в июле 2011 года свою фондовую биржу. Компаний, готовых к регистрации на бирже, в стране не было, в результате чего ее фондовый рынок стал единственным в мире рынком с нулевым объемом торгов. А соседний Лаос открыл свою первую фондовую биржу в начале 2011 года; к этому моменту

на ней были зарегистрированы всего две компании суммарной стоимостью 265 тысяч долларов.

Инвесторы обычно считают, что небольшая выборка котируемых компаний ограничивает их выбор, и, следовательно, для бизнеса это плохо, но в четвертом мире даже богатая выборка далеко не всегда означает наличие более-менее привлекательных вариантов. В Украине, например, на бирже зарегистрировано более пятисот компаний, но это кажущееся изобилие является всего лишь естественным результатом стратегии, позаимствованной Украиной у России, которая, очевидно, вряд ли может служить моделью рациональности свободного рынка. Стараясь создать с нуля динамичный фондовый рынок, в 2008 году Украина просто потребовала, чтобы все компании, имеющие более сотни акционеров, и все банки, выпустили свои акции в свободное обращение.

Использование метода «принудительной биржевой котировки» для насаждения в стране культуры свободного рынка, без сомнения, абсолютно абсурдное решение, но для пограничных рынков это, к сожалению, вполне типично. В Украине это привело к тому, что многие компании выпустили в свободное обращение лишь малую толику своих ценных бумаг, лишь бы выполнить требования властей. Для обозначения этой доли акций экономисты ввели технический термин «доля акций в свободном обращении», и, как правило, чем меньше акций выставляется на публичные торги, тем менее свободным будет их обращение. И чем менее свободно их обращение, тем меньше менеджмент компании руководствуется в управлении основными ценностями публичной акционерной компании – например, получением прибыли и высокими дивидендами для акционеров. По сути, многие крупные украинские компании эти ценности ничуть не волнуют, они нередко даже не принимают заявок от иностранных инвесторов. Стоит ли удивляться, что сторонние игроки считают локальный рынок Украины чем-то вроде шутки, а те украинские компании, которые желают, чтобы их воспринимали серьезно, выпускают свои акции в обращение на биржах Лондона или Варшавы.

Но самым изолированным от общепринятых норм глобального рынка считается Ближний Восток. Среди крупных стран региона, благодаря некоторой ловкости рук, статус развивающегося рынка сохранил Египет, но Ирак, Иран и Сирия так и остались слишком закрытыми, чтобы рассматривать их даже как пограничные рынки. Основными пограничными рынками Ближнего Востока считаются нефтяные монархии Персидского залива, но даже самая крупная из них, Саудовская Аравия, открыта только для инвесторов данного региона.

Надо сказать, из-за описанной выше классификации время от времени возникают довольно странные ситуации: в 2005 году фондовый рынок Саудовской Аравии раздулся до такой степени, что стал крупнейшим среди всех формирующихся рынков мира, больше китайского и индийского. И все исключительно за счет нефтяного богатства местных жителей. Увлекаемая потоками дешевых денег, треть населения вышла на фондовую биржу, и почти четверть из них открывала и закрывала позиции по своим счетам в течение одного торгового дня, нередко занимая деньги у любых источников или продавая автомобили и другие активы ради последующего приобретения акций. По безумию эта схема не идет ни в какое сравнение даже с одержимостью дотками, охватившей США на рубеже тысячелетий, и лопнул этот «пузырь» довольно быстро. Впрочем, если пузырь лопается в Персидском заливе, остальной мир звука не слышит. Никто за пределами этого региона не обращает на это особого внимания, ведь иностранцев на местный рынок все равно не пускают.

Даже если лидеры не торопятся соглашаться с общепринятыми правилами глобального рынка, их экономика все равно зависит от политики. В последнее время мы не раз становились свидетелями того, как руководители государств, привлекающих большое внимание иностранных инвесторов и большие объемы торговли, просто не могли полностью игнорировать традиции. В итоге многие радикальные кандидаты, встав у руля, начинали проводить значительно более умеренную экономическую политику, намного лучше сочетающуюся с общепринятыми рыночными законами. Но на пограничных рынках общепринятые традиции и правила имеют гораздо меньшую силу, и, когда дела начинают идти особенно плохо, их лидеры нередко просто закрывают местные фондовые биржи, рассчитывая на то, что кризис рассосется сам собой.

Такая финансовая политика эквивалентна застыванию в позе эмбриона. Она может на время приостановить падение курса акций, но почти всегда за счет еще худшей катастрофы, которая разражается, когда рынок открывается опять, а на нем – разъяренные покупатели, запертые в ловушку плохой торговли. Это превосходный рецепт создания полного хаоса, особенно если непонятно даже, кто вообще принимает решения. Например, в разгар мирового кризиса 2008 года правительство Нигерии внезапно объявило о закрытии фондовой биржи по причине технического сбоя. А когда она через несколько дней открылась, никто ничего не покупал ни по какой цене, ибо в сказку о «техническом сбое» никто, конечно же, не поверил.

Закрытие фондовой биржи на длительный срок – прямой билет к понижению статуса с развивающегося рынка до пограничного. С Пакистаном это

произошло в 2009 году, после того как власти почти на четыре месяца ввели жесткие ограничения на торговлю на своем рынке. Аргентина была понижена в статусе в 2009 году в результате ужесточения контроля над движением капитала в страну и из нее. И для такой страны, как Аргентина, в прошлом настоящей экономической «звезды», вступление в этот непривлекательный клуб, безусловно, отнюдь не комплимент, однако, с точки зрения крупных инвестиционных банков, отслеживающих финансовые индексы, для членства в нем достаточно одного-единственного условия – отстающего в развитии финансового рынка. Чтобы избежать не слишком почетного звания пограничного рынка, некоторые страны весьма умело манипулируют системой. Например, во время массовых политических беспорядков в 2011 году Египет закрыл свои рынки на пятьдесят пять дней и открыл их как раз вовремя, чтобы избежать понижения статуса.

Конечно, находятся и совсем уж причудливые страны вроде Венесуэлы, которая, по сути, по собственной воле предпочла отказаться от статуса нормального развивающегося рынка, вместо того чтобы идти по более спокойному пути развития. Уго Чавес весьма «талантливо» привел Венесуэлу к вводу ограничений входящих и исходящих потоков капитала и упорно продолжает закапывать свой народ в яму дурной славы. Так, например, недавно он ввел 95-процентный налог на доходы от нефти свыше 100 долларов за баррель – практически сразу же после того как цена на черное золото достигла этого уровня. А поскольку львиная доля нефтяных денег и так идет на финансирование всевозможных расходных программ президента, новый налог вполне логично воспринимается как весьма прозрачная попытка Чавеса захватить полный контроль над доходами от нефти в преддверии президентских выборов 2012 года.

Нет ничего удивительного в том, что пограничные рынки зачастую не способны решить основную задачу любого рынка, которая теоретически заключается в том, чтобы благодаря свободной дискуссии, позволяющей договориться о справедливой цене, согласовывать интересы покупателей и продавцов. Когда вместо информации используются слухи, а правила не имеют никакой силы, ценообразование тоже происходит бессмысленно. Инвесторы, оказавшиеся в нужном месте в нужное время, могут воспользоваться ситуацией и в результате удвоить, а то и утроить вложенный капитал, но с такой же легкостью они могут и в одночасье всего лишиться.

Впрочем, деспотический менеджмент по бессистемным правилам вряд ли следует считать основным риском четвертого мира. Это сущая ерунда, если учесть, что в некоторых странах этой категории по городам можно перемещаться только в бронированном автомобиле с вооруженной охраной.

В нашей инструкции по обеспечению безопасности для приезжающих в Пакистан мы предлагаем ряд весьма полезных советов. Например, находясь в вестибюле отеля, всегда садитесь на стул, а не на диван, чтобы в случае взрыва было чем закрыться от осколков и обломков. Именно благодаря этой «черепашьей» тактике один из наших охранников остался невредим, когда в 2008 году страшный взрыв в полицейском участке в Карачи выбил все окна в расположенном неподалеку отеле Sheraton. А в Нигерии прилетевшим в страну бизнесменам рекомендуется с особой осторожностью относиться к водителям, встречающим их в аэропорту, даже если они держат табличку с их именем. Это просто необходимо после целого ряда случаев, когда бандиты останавливали автомобиль по пути в аэропорт, отбирали у таксиста табличку и, используя ее, завозили иностранцев в безлюдное место и грабили. Вот почему в нашей компании каждому командировочному, отправляющемуся в Нигерию, в числе других проездных документов выдается фото водителя, который будет встречать его в аэропорту.

Сегодня на пограничных рынках четвертого мира проживает один из шести миллиардов жителей Земли, но на эти рынки приходится всего 5 процентов от мирового ВВП, и привлекают они всего 0,5 процента общемировых инвестиций. Почти все специалисты убеждены, что со временем столь огромная пропасть исчезнет, эти страны получат более справедливый кусок пирога мировой экономики и объем инвестиций в них серьезно вырастет. И, судя по всему, так и случится, хотя процесс этот, скорее всего, будет крайне неравномерным. Приведу всего один пример: всем известно, что именно пограничные рынки понесли самые большие потери в результате глобального кризиса 2008 года: экономика пострадавшей сильнее других Украины сократилась больше чем на 20 процентов, а ее фондовый рынок «упал» на целых 90 процентов. Да и политические риски на пограничных рынках огромны – не меньше, чем проблемы с пониманием ситуации. В 2009 году «пузырь» огромных долгов в Дубае лопнул всего через несколько дней после того, как правящий шейх лично с огромным энтузиазмом заверил инвесторов, что проблемы Эмиратов сильно преувеличены. Тем не менее именно тут, на пограничных рынках, мир, скорее всего, станет свидетелем самого стремительного роста следующего десятилетия. В странах, сумевших правильно понять некоторые базовые принципы и задачи, их проницательность сыграет поистине судьбоносную роль. В первую очередь это относится к государствам, которые в последнее время серьезно страдали от межнациональной розни (например, Кения) и гражданских войн (Шри-Ланка). Тут одно лишь отсутствие жестоких конфликтов может стать мощным фактором экономического роста.

Можно привести также не менее поразительные примеры наций с огромным потенциалом, которые по-прежнему практически закрыты для внешнего мира. Ангола, вторая по объему нефтедобычи страна в Африке с экономикой в 100 миллиардов долларов, не считается пограничным рынком только потому, что тут нет своей фондовой биржи. Но ситуация может измениться в ближайшее время, ведь об открытии рынка тут говорят уже не первый год. Сделав это, страна мгновенно привлечет огромное внимание инвесторов, как отечественных, так и зарубежных. Это касается также Ирана и Кубы, которые пока тоже надежно изолированы от внешнего мира, хотя и не в такой мере, как Монголия двадцать лет назад, когда она впервые открыла свой рынок для иностранцев. А ведь сегодня общая стоимость фондового рынка Монголии составляет миллиард долларов.

Пограничные рынки – крайне нестабильный мир. Всего несколько лет назад многие специалисты считали Вьетнам очередным Китаем, а сегодня эта страна скорее напоминает пародию на своего северного соседа; а вот Шри-Ланка, выйдя из длительного периода гражданской войны, быстро достигла былого уровня экономического чуда, которым она перестала быть несколько десятилетий назад. В следующих разделах мы подробнее обсудим эти и другие сюрпризы пограничных рынков.

Мирные дивиденды Шри-Ланки

Впервые я посетил Шри-Ланку в 1997 году, вскоре после того как в результате бомбардировок повстанцами штаб-квартиры центрального банка финансовая система страны оказалась повергнутой в полный хаос. Многочисленные военные контрольно-пропускные пункты превратили передвижение по столице страны, Коломбо, в настоящий бег с препятствиями. Однако на меня намного более сильное впечатление произвела природа совершенно очаровательного острова и талантливый народ, завязший в трясине бесконечной гражданской войны.

В следующий раз я приехал в Шри-Ланку в 2011 году. Гражданская война закончилась, и я специально выделил целый день, чтобы лучше рассмотреть эту страну, в том числе огромные территории, которые во время моей первой поездки находились под властью повстанцев. На первый взгляд это представлялось довольно легкой задачей, ведь тамильская культурная столица Тринкомали находится всего в 160 километрах от Коломбо. Но новые дороги еще только строились, а лучший в Коломбо отель не мог предоставить мне надежного автомобиля. Из воздушного транспорта мне предложили вертолет с одним двигателем – ту самую модель, которая, как мне известно из печального опыта, слава Богу не собственного, в соседней

Индии имеет обыкновение регулярно падать. В итоге мои любезные хозяева договорились с ВВС, и военные взяли меня в свой вертолет с двумя двигателями. Должен сказать, путешествуя по развивающимся странам с их отвратительными транспортными системами, я часто пользуюсь этим средством передвижения, и, как правило, для меня это служит четким показанием для негативной оценки инфраструктуры государства. Но потрясающие виды многочисленных строящихся скоростных магистралей, пышных зеленых плантаций и новых корпусов отелей, окнами выходящих на прекрасные бирюзовые воды, окружающие остров, быстро убедили меня, что Шри-Ланка перешла на принципиально новый этап развития.

В 1960-х Шри-Ланку провозгласили очередным азиатским экономическим чудом, но на пути развития страны тут же встал социализм, сыгравший главную роль в разжигании гражданской войны. Обретя независимость в 1948 году, лидеры сингальского большинства решили наконец восстановить справедливость после британского колониального правления, во время которого явное предпочтение оказывалось тамильскому меньшинству. В британской администрации высокие посты занимали в основном тамилы, и сингальские националисты, едва придя к власти, решили спустить их на землю, вернув законный статус этнического меньшинства. Сингальцы быстро вытеснили тамилы с официальных постов, а в 1960-х и 1970-х начали щедро раздавать новые рабочие места в государственном секторе и вводить новые субсидии, дотации и социальные пособия – и все во имя процветания и равноправия великого сингальского народа.

Но вместо этих благ они получили восстание тамилы. Возникшее в 1977 году движение объединилось под знаменем террористической организации «Тигры освобождения Тамил Илама», а ее поистине новаторская жестокость – например, использование детей-солдат и террористов-смертников – остановила развитие Шри-Ланки на целых тридцать лет. В эти годы страна росла вдвое медленнее «звезд» Восточной Азии, Кореи и Тайваня, и стала еще одним серьезным разочарованием в длинном ряду обманувших надежды мира формирующихся рынков. В 1960-х сингапурский лидер Ли Куан Ю приезжал в Шри-Ланку для изучения ее в качестве главной модели экономического развития, но уже довольно скоро Сингапур обошел эту страну буквально по всем показателям.

Но сегодня, кажется, все же настало время Шри-Ланки. Еще совсем недавно, в 2007 году, «Тигры» контролировали огромные территории северных и восточных провинций, призывая мужчин, женщин и детей под знамена партизанских формирований, слепо верящих своему харизматическому лидеру Велупиллаи Прабхакарану. Издавна считалось, что партизанские

отряды можно сдерживать или оттеснить, но не уничтожить, однако к середине 2009 года армия Шри-Ланки доказала всем, что это не так. В результате тотального наступления по всем фронтам армия блокировала «Тигров» в их цитадели, на северном полуострове Джафна, и благодаря героическому маневру, столь редкому в наш век мобильных телефонов с фотоаппаратами, наглухо изолировала весь регион от постороннего взора. Впоследствии плотный кордон был растянут еще дальше и удерживался до тех пор, пока Прабхакаран, его семья и большинство высших руководителей «Тигров» не были убиты – а вместе с ними и огромное количество мирных жителей. Несомненно, заключительные этапы войны были в высшей степени спорными и неоднозначными – обвинения в нарушении прав человека по сей день выдвигаются обеим сторонам конфликта, – но экономический эффект этих решительных мер сегодня очевиден всем.

Гражданская война закончилась, процесс выздоровления экономики идет полным ходом, и при сильном президенте Махинде Раджапаксе, стоящем сегодня у руля страны, есть все основания считать, что Шри-Ланка может стать прорывной нацией. В годы войны экономическое развитие страны резко замедлилось, но все равно экономика росла в среднем почти на 5 процентов в год. Так что 7–8-процентные темпы роста уже в следующем десятилетии представляются вполне достижимой целью. Вступив в должность в 2005 году, президент Раджапакса начал консолидировать власть способом, который многие критики трактуют как начало семейной династии. Ключевые министерства возглавляют трое братьев президента, а своей победой над «Тиграми» он умело воспользовался не только для решительной победы на очередных выборах, но и для введения в конституцию поправки, предоставляющей президенту неограниченные полномочия. Впрочем, пока Раджапакса, расширяя и укрепляя свою власть, ограничивается рамками, позволяющими сделать вывод, что президент понимает основополагающие принципы если не демократии, то как минимум экономического роста.

И хотя название страны по-прежнему вызывает в памяти воспоминания о былом влиянии СССР – Демократическая Социалистическая Республика Шри-Ланка, – администрация Раджапаксы целенаправленно трудится над тем, чтобы избавиться от «лишнего жира», оставшегося от социалистических экспериментов 1970-х годов, в том числе от высоких налогов и государственных долгов, по-прежнему составляющих 80 процентов от ВВП. Его цель – к 2014 году перевести Шри-Ланку со сто второго на тридцатое место по бизнес-климату в рейтинге Всемирного банка. Здешние власти много работают над тем, чтобы опять включить в игру обширные территории, ранее захваченные повстанцами, и использовать другие исходные преимущества страны, например высокий уровень грамотности

населения и выгодное месторасположение Шри-Ланки на основных морских путях в Индию и Китай.

Надо сказать, большинство экономистов склоняются к тенденции сбрасывать со счетов войны – этот фактор просто не входит в их базы данных. Их цифры могут многое рассказать о ценах и задолженностях, но на такие вопросы, как количество убитых граждан или введение запретных зон для полетов могут сказаться на экономическом росте страны, как правило, ответить не помогают. Оценка финансовых последствий войны – ахиллесова пята экономического прогнозирования. Самый известный пример, конечно же, представляет собой Первая мировая война, захватившая врасплох большинство инвесторов мира, в результате чего многие из них понесли огромные потери, даже несмотря на резкое наращивание регулярной военной мощи в большинстве европейских стран. Впрочем, не лучше рынки преуспевают и в решении другой важной задачи – прогнозировании и оценке выгод и преимуществ мира. При этом отчеты и документы организаций, на деле занимающихся изучением данного явления, в частности Всемирного банка и ООН, ясно свидетельствуют о том, что «мирный дивиденд» в самом деле существует. И Шри-Ланка, без сомнения, имеет все шансы очень сильно выиграть благодаря этому явлению.

Анализируя страны, которым удастся из года в год поддерживать темпы роста выше 5 процентов, не перестаешь удивляться тому, как часто в этих историях успеха ключевую роль сыграл конфликт (или его отсутствие). Например, в 1950-х, 1960-х и 1970-х годах Йемен, Судан и Тунис соответственно считались «звездами» экономического роста – но только до возникновения внутренних конфликтов, разрушивших их экономики и до сих пор отравляющих финансовую атмосферу этих стран. Моделями же, вселяющими надежду в Шри-Ланку, служат экономики с высокими темпами роста, которые из-за внутреннего конфликта угодили в глубокую яму, но по окончании борьбы сумели возродить свою былую эффективность.

К членам этого почетного клуба, без сомнения, относятся Уганда и Мозамбик, экономика которых, до того как в 1960-х и 1970-х в них разразились жестокие постколониальные войны, росла более чем на 5 процентов в год. К началу 1980-х Уганду ассоциировали с садистской диктатурой Иди Амина, а Мозамбик по праву «заслужил» титул беднейшей страны мира. И все же после окончательной победы повстанцев – в Уганде в 1986 году, в Мозамбике в 1994-м – обе страны сумели восстановить былые впечатляющие темпы роста. Особенно заметных успехов добился Мозамбик: в прошлом десятилетии экономика страны росла более чем на 7 процентов в

год, главным образом благодаря тому, что вместо военных расходов средства стали направлять на решение приоритетных экономических задач.

Еще одним кандидатом на членство в этом клубе «возвращенцев» является Ирак – благодаря темпам роста до 9 процентов в 1950–1970-х эта страна считалась самой успешной экономикой Ближнего Востока. В те времена многие специалисты рассматривали Ирак как образец для подражания для всего региона, но в 1979 году к власти пришел Саддам Хусейн и начал активно предъявлять ужасающие претензии на безраздельное господство в регионе. Иракская экономика рухнула в 1980-х, во время изнурительной войны с Ираном, и начала восстанавливаться только в 2003 году, после того как американские войска свергли режим Саддама. Как только начали увеличиваться объемы нефтедобычи, темпы роста иракской экономики выросли до среднего уровня в 5 процентов, а на конец 2011 года увеличивались более чем на 9 процентов в год.

Примеры Уганды, Мозамбика и Ирака наглядно демонстрируют, что после изнурительной войны, гражданской или какой-либо другой, можно быстро восстановиться, и у Шри-Ланки есть шансы это сделать. По сути, проведенное Всемирным банком исследование конфликтов, имевших место в шестидесяти двух странах мира в период между 1974 и 1997 годами, выявило, что в первые два-три года после окончания беспорядков темпы роста обычно не дотягивали до прежнего среднего уровня, но в период между четвертым и седьмым годами, как правило, начинался взлет. Шри-Ланка же сразу стала работать на опережение: уже в 2010 году, в первый год после наступления мира, страна отчиталась о 8-процентных темпах экономического роста.

Последствия военных действий занимают одно из первых мест в списке негативных факторов любого профессионального инвестора, но нельзя спорить и с тем, что они открывают и огромные возможности для нового роста. Именно это, по сути, происходит сегодня в шри-ланкийской провинции Тамил. Главный город региона, Джафна, потерял за годы войны треть своего населения. Его знаменитая библиотека была разрушена, огромный университет, гордость нации, закрыли. Тамильская элита, некогда основа британской колониальной бюрократии, разлетелась по всему миру. До сих пор деньги, пересылаемые на родину ее представителями, составляют треть среднего дохода Северной и Восточной провинций. Отрасли промышленности, процветавшие в 1970-е годы – текстильная, цементная, целлюлозная, – пребывают в упадке; 80 процентов населения страны занято в сельском хозяйстве, остальные в основном зарабатывают на жизнь рыболовством.

В годы войны центральное правительство Шри-Ланки ввело санкции с целью эффективной изоляции повстанческого региона от остальной страны и всего мира. А поскольку и повстанцы, и правительственные войска жестоко наказывали мирное население, подозреваемое в пособничестве врагу, доверие людей, основа любой цивилизованной финансовой системы, было подорвано окончательно. Банки сбежали с местного рынка, и тамилы стали хранить свои сбережения в наличных либо в золоте. Военные КПП ограничивали движение товаров, что привело к росту цен и сокращению экспорта. Место бескрайних полей риса, красного лука, зеленого перца чили и табачных изделий заняли поля брани и минные поля. Фермеры ограничивались выращиванием продуктов питания для собственного потребления.

На побережье повстанцы создали свой военно-морской флот, известный под названием «Морские тигры»: три тысячи мужчин и женщин вели партизанскую борьбу на небольших лодках с установленными на них пулеметами и гранатометами. Террористы-смертники топили небольшие корабли противника и грабили проходящие мимо гражданские суда. В 1980 году в этих водах добывали 64 процента от общенационального улова желтоперого и полосатого тунца и акул, но «Тигры» запугали местных рыбаков, и этот показатель снизился до 26 процентов. Пляжи были заброшены и совершенно не развивались, как и потенциальные прибрежные нефтяные месторождения.

Сегодня весь бывший повстанческий регион переживает период пробуждения. Для скорейшего возрождения местной экономики правительство создало центры профессиональной подготовки и начало реализовывать кредитные программы с низкими процентными ставками; людям раздают лодки и скот, началось строительство и реконструкция дорог и мостов. В страну возвращаются банки, крупные торговые сети открывают свои магазины, отечественные авиакомпании снова летают в Джафну и Тринкомали. В 2009–2010 годах благодаря щедрым вливаниям государственных средств темпы экономического роста в Северной и Восточной провинциях выросли до 14 процентов и, по прогнозам специалистов, еще несколько лет будут составлять 13 процентов и выше, в результате чего регион станет самым быстрорастущим во всей Шри-Ланке.

Возрождение Севера и Востока уже позитивно сказалось на всей стране в целом. Во время вышеупомянутого вертолетного путешествия я посетил ряд недавно восстановленных курортов, от шикарного ретро-отеля Chaaya Blu в Тринкомали до Cinnamon Lodge в Хабаране, в самом сердце культурного треугольника Шри-Ланки. И, признаться, мне не составило никакого труда

представить себе, как туристы со всего мира, привлеченные первозданной красотой природы этой прекрасной страны, стаями начнут слетаться в Шри-Ланку. Пусть цены тут сейчас не такие низкие, как в разгар войны, но все равно все очень дешево: 150 долларов за роскошный гостиничный номер. Значит, валюта Шри-Ланки по-прежнему весьма конкурентоспособна и привлекательна для иностранных инвесторов.

Не так давно крупный индийский конгломерат Reliance приобрел права на разведку нефти у западного побережья страны. Ставки страховых премий военной зоны, из-за которых заход судов в доки Шри-Ланки был слишком дорогим удовольствием, окончательно отменены, и потоки грузового транспорта, заходящего в главный порт страны Коломбо, резко выросли. При этом правительство активно вкладывает деньги в строительство новых терминалов здесь и новых портов и гаваней в бывших повстанческих регионах. Ожидается, что огромный толчок к дальнейшему экономическому развитию нации обеспечит реинтеграция пока еще обособленных тамиллов, для которых характерен высокий уровень образования и отличное знание английского языка. Сегодня уже несколько международных консалтинговых компаний высоко оценили мощный потенциал Шри-Ланки. Они, например, уверены, что в скором будущем страна заинтересует транснациональные корпорации как место для аутсорсинга таких вспомогательных бизнес-операций, как обслуживание клиентов, информационные технологии и др.

Впрочем, было бы большой ошибкой описывать послевоенные настроения в этом государстве исключительно в радужных тонах. Очевидно, что тамилы, озлобленные кровавыми итогами войны и с подозрением относящиеся к президенту Раджапаксе, продолжают массово покидать страну. Но многие из тех, кто остается, судя по всему, мудро решили забыть о страшном прошлом. Я, например, был немало удивлен тем, что в Тринкомали работают тамилы, привлекающие индийских туристов на «тропу Раваны», названную так в честь мифического царя с весьма неоднозначной репутацией. Согласно тамильской легенде, Равана был одним из самых могущественных и великих древних царей; для индусов же он был исчадием ада, поверженным еще более могущественным индуистским богом. Это различие в интерпретации весьма важно и показательно для маленькой Шри-Ланки, которая издавна боялась оказаться под пятой своего гигантского соседа. Но в Тринкомали местные жители говорят, что, пока Равана привлекает туристов, субъективные трактовки мифа не имеют для них особого значения.

Я убежден, что если бы весь регион начал использовать мудрый практицизм этих людей, это пошло бы ему только на пользу. Внешняя торговля в Южной Азии – в Индии, Пакистане, Бангладеше и Шри-Ланке – развита несравненно

слабее, чем в восточноазиатских государствах, которые сумели быстрее забыть о давних распрях и успешно развили торговые связи в рамках своего региона. Для любой страны абсолютно естественно активнее всего торговать со своими соседями, и объемы торговли большинства азиатских государств с соседями по региону растут быстрее, чем с остальным миром. Но в последние пятнадцать лет в торговле южно-азиатского региона наблюдался застой, она составляла всего 5 процентов от общего объема мировой торговли. В мире не найти региона с такими слабыми торговыми связями между ближайшими соседями, как Южная Азия, и это одна из главных причин, по которой эта часть Азии гораздо менее успешна, чем восточная. Отсутствие законов и изоляция наций здесь очень усложнили задачу внешней торговли.

И сегодня у Шри-Ланки есть все шансы перевести весь свой регион в новый режим торговли. Забыв о давних страхах перед индийским господством, правительство страны предложило поистине грандиозную сделку, которая могла бы разблокировать торговлю с Индией и стать мощным стимулом экономического развития. Ему пока противостоит оппозиция – бизнесмены Шри-Ланки, которые по-прежнему очень боятся индийской конкуренции. Но по крайней мере сама Индия приветствует эту идею, отчасти видя в ней шанс компенсировать растущий интерес Китая к Шри-Ланке как к одному из главных звеньев каналов поставок, пролегающих через Индийский океан. Многие малые государства Европы и Азии получали и получают огромные преимущества благодаря удачному географическому расположению, и Шри-Ланка, конечно же, будет просто счастлива использовать свое выгодное место на карте мира в обмен даже на незначительную долю гигантских внешних инвестиций Китая. Уже сегодня в рамках своего стратегического видения под кодовым названием «Нить жемчуга» – ряд портов, расположенных на главных морских путях, – Китай вкладывает немалые средства в шри-ланкийский порт Хамбантота, где, к слову сказать, находится резиденция семьи президента Раджапаксы.

Можно сказать, что после окончания войны Шри-Ланка оказалась в очень выгодной позиции: теперь за ней наперебой «ухаживают» сразу два гиганта, два огромных формирующихся рынка Азии. Но это отнюдь не означает, что мирный дивиденд может оказаться очень уж скоротечной выгодой. По наблюдениям Всемирного банка, 40 процентов стран по окончании гражданской войны возвращаются к насилию уже в течение ближайшего десятилетия. Однако существуют весьма серьезные основания считать, что Шри-Ланка сумеет сохранить мир. Во-первых, война здесь закончилась с весьма убедительными результатами. Повстанческая армия практически уничтожена; во всяком случае, остатки ее слишком малы, чтобы опасаться

возрождения как минимум в ближайшие пять-десять лет. Даже если тут и остались мятежники, которым удалось спрятаться в лесах, они вряд ли могут рассчитывать на серьезную поддержку местного населения, поскольку их неоправданная жестокость в конце войны настроила против них даже их собратьев-тамилы. Достаточно сказать, что в последних выборах приняло участие не более трети взрослого населения из тамильских провинций, и только треть проголосовавших подали свои голоса за партии – преемницы «Тигров».

Кроме того, нации удалось достичь общенационального консенсуса по основополагающему вопросу: будущее страны должно определяться ее реальными интересами и пользой, а не быть результатом идеологических свар, так долго сдерживавших развитие Шри-Ланки. Индийские социалистические идеалы, изначально очень сильно повлиявшие на основателей независимой Шри-Ланки и ее государственные расходы, со временем начали восприниматься как инструменты восстановления экономической справедливости в отношении сингальского населения. К моменту своего пика в 1970-х годах государственные расходы составляли 59 процентов от ВВП, то есть четверо из десяти граждан Шри-Ланки работали исключительно на нужды правительства – чрезвычайно высокий показатель. Но к концу 1990-х даже основная левацкая партия страны, Партия свободы Шри-Ланки (ПСШЛ), повернулась в сторону более современной модели развития, базирующейся на принципах открытой экономики и либерализации торговли. В настоящее время государственные расходы снизились примерно до 30 процентов, и большинство местных политических сил согласны, что это движение в верном направлении.

В конечном итоге, несмотря на страдания людей, переживших ужасы гражданской войны в Шри-Ланке, ее экономические последствия можно назвать относительно мягкими. Исследования Всемирного банка показали, что типичная гражданская война любой продолжительности снижает ВВП страны примерно на 15 процентов, и только на восстановление довоенного уровня доходов обычно уходит не меньше десяти лет. Во время войны экономика Шри-Ланки, хоть и медленно, но все же росла, и выросла в общей сложности на 206 процентов. Эта страна обладает невероятно мощным экономическим и административным потенциалом. Перед Мозамбиком и Угандой в похожих ситуациях стояла куда более сложная задача, чем перед Шри-Ланкой, ибо в обеих этих странах в войне победили повстанцы, которым помимо всего прочего предстояло научиться управлять государством. В Шри-Ланке же полную победу одержало правительство – возможно, даже слишком полную, – зато теперь страна может идти по пути процветания, не опасаясь угрозы со стороны террористов-смертников.

Вьетнамские порты, ведущие в никуда

Вьетнам можно считать классическим примером небольшой страны, которой навязали статус величия. К середине прошлого десятилетия многие инвесторы не только наперебой прославляли Вьетнам как очередной Китай, но и, собственно говоря, вкладывали в него больше денег, чем когда-либо инвестировали в Поднебесную. К пиковому моменту, наступившему в 2007 году, чистый приток капитала во вьетнамскую экономику стоимостью всего 80 миллиардов долларов составил 17 миллиардов долларов – соотношение в четыре раза большее, чем максимум Китая. Ажиотаж вокруг Вьетнама неуклонно раздувался, и цены на офисные помещения в Ханое поднялись выше уровня Шанхая или Пекина. Многие настаивали тогда на создании специальных вьетнамских инвестиционных фондов, но я был против, потому что считал Вьетнам слишком маленькой страной, чтобы справиться с поднявшейся вокруг него шумихой. В то время общая стоимость местного фондового рынка составляла всего 25 миллиардов долларов – примерно столько стоит одна американская компания приличного размера. К концу 2007 года в экономику Вьетнама вливалось больше денег, чем могла впитать эта страна. В итоге руководство просто утратило контроль над ситуацией, и в 2008 году этот «пузырь» с треском лопнул.

Вьетнам никогда не был и не будет очередным Китаем. Эта иллюзия возникла у инвесторов и СМИ из-за того, что было ошибочно воспринято ими как общие для обеих стран основополагающие социально-политические принципы. Оставаясь до IX века частью Поднебесной империи, народ Вьетнама долго использовал для письменности китайские иероглифы и по сей день практикует смесь буддизма, даосизма и конфуцианства, заимствованную у своего огромного соседа. Именно к этой общей истории апеллировал Дэн Сяопин, сказавший во время войны во Вьетнаме, что Китай и Вьетнам «близки, как губы и зубы».

В начале 1990-х годов, когда Вьетнам принялся экспериментировать с прагматическими реформами, очень похожими на проведенные десятью годами раньше Дэн Сяопином в Китае, многим стало казаться, что сходство между двумя странами действительно имеет глубокие корни. В отсталом коммунистическом государстве даже малая толика рыночной логики может привести к весьма впечатляющим результатам, и всего через несколько лет Вьетнам добился ежегодного экономического роста в 7,5 процента, выйдя на второе место в мире после Китая. Так родилась идея Вьетнама как «очередного Китая»: еще одна дисциплинированная азиатская нация, отказавшись от потерпевшей крах коммунистической идеологии в

экономике, решительно пошла на взлет под стабильным руководством авторитарной партии.

Но последующие события показали, что авторитарный капитализм тоже совсем не прост. Начнем с того, что девяностомиллионное население Вьетнама составляет лишь десятую часть огромного Китая, следовательно, страна не могла в той же мере воспользоваться выгодами, обеспечиваемыми масштабами рынка. Вьетнам извлек некоторую пользу из своих ранее неиспользованных трудовых ресурсов и низкого уровня заработной платы, однако дешевизна рабочей силы – не слишком важное преимущество для владельцев фабрик и заводов, если в государстве нет нормальных дорог и портов, чтобы доставлять произведенные ими товары на рынок. И хотя Китай, казалось, доказал всему миру, что благодаря авторитарному правлению в условиях административно-командной системы можно добиться немалого успеха, Вьетнам наглядно продемонстрировал, что этот успех очень сильно зависит от того, кто именно отдает команды и в каких целях.

Правила уличного движения: Хошимин

Между политической системой и экономическим ростом нет четкой взаимосвязи. Шансы, что та или иная конкретная система – демократическая, авторитарная или любая другая, – окажет на экономику страны позитивное влияние, всего лишь 50/50. Дело не в типе политической системы, а в мере ее стабильности, в том, насколько лидеры, ею управляющие, разбираются в базовых принципах экономических реформ. В четвертом же мире по крайней мере об одном из этих принципов – в частности, о верховенстве закона и здравом, разумном лидерстве – постоянно забывают.

Я долгое время руководствовался в своей деятельности упомянутым выше правилом «50/50», но, когда писал эту книгу, решил еще раз проанализировать нации с высокими темпами экономического роста – в частности, формирующиеся рынки, растущие быстрее, чем на 5 процентов в год, – последних трех десятилетий. Взяв за основу классификацию ЦРУ, мы обозначили каждую страну как демократическую или авторитарную (включая монархии и военные диктатуры). В итоге выяснилось, что в 1980-х годах тридцать две страны росли темпами выше 5 процентов, и девятнадцать из них (то есть 59 процентов) были демократиями. В 1990-х годах из тридцати девяти стран с высокими темпами роста демократическими были 59 процентов, а в 2000-х 43 процента из пятидесяти трех. Итог трех десятилетий: 52 процента из ста двадцати четырех быстрорастущих стран были демократиями. Как я и ожидал, довольно много.

Поскольку очень многие люди убеждены, что политический строй играет огромную роль в экономическом успехе страны, к этим успешным политико-экономическим системам стоит присмотреться внимательнее. Например, американские политики всегда свято верили, что демократия и капитализм не только превосходят другие политико-экономические системы, но и обязательно идут рука об руку. Однако большинство экономистов придерживаются другой точки зрения, считая, что хорошо управляемые авторитарные системы больше способны обеспечить быстрый экономический рост, особенно на ранних этапах развития государства. Данная точка зрения базируется на том факте, что многие наиболее яркие примеры успешного экономического роста – Южная Корея, Тайвань, Сингапур, – являются именно авторитарными государствами, по крайней мере на первых стадиях этого процесса.

Но теперь давайте внимательно взглянем на список из пятидесяти трех стран, экономика которых в прошлом десятилетии росла быстрее, чем на 5 процентов в год; некоторые из них мы уже обсуждали в других главах этой книги. В него входят государства, находящиеся на любом этапе перехода от авторитарной к демократической форме правления (или, наоборот, от демократической к авторитарной) – от демократических Индии и Индонезии до автократических России и Китая. Даже некомпетентные автократии вроде Мьянмы и Казахстана росли в течение этих десяти лет с ежегодными темпами в целых 10 процентов, наглядно подтверждая своим примером, как мало требуется для заметного роста с низкой экономической базы. Известный политолог Адам Пшеворский из Чикагского и Нью-Йоркского университетов отмечает, что такой же вывод позволяют сделать и исследования более раннего периода. Например, из восьми стран, доходы которых после Второй мировой войны выросли в четыре раза, две (Тайвань и Сингапур) находились под властью диктаторов на протяжении всего этого периода; одной (Южной Кореей) диктатор управлял бо2льшую часть этого времени; две (Япония и Мальта) все это время были демократиями, а еще три (Таиланд, Португалия и Греция) постоянно колебались между демократией и автократией. В связи с этим Пшеворский приходит к выводу, что столь впечатляющий успех – большая редкость, но абсолютно ничто не указывает на то, что для его достижения нужна та или иная конкретная политическая система.

Вьетнам представляет собой яркий пример стабильной капиталистической административно-командной системы, которой управляют люди, явно не понимающие базовых принципов экономического роста. Лидеры страны оказались недостаточно подготовленными и компетентными для того, чтобы справиться с огромными иностранными капиталами, хлынувшими во

Вьетнам в прошлом десятилетии. Подобно Японии, Вьетнам представляет собой общество, жестко ориентированное на консенсус. Данное обстоятельство зачастую серьезно замедляет процесс принятия решений и, следовательно, ведет к увеличению затрат. Когда в Китае решают построить новую дорогу, власти просто отбирают нужную землю у фермеров, порой без сколько-нибудь адекватной компенсации. Но, несмотря на все сильные стороны вьетнамской политической системы, государство не имеет права на принудительное отчуждение частной собственности. Вместо того чтобы просто отнять землю, которая им понадобилась, властям приходится выкупать ее, причем, как правило, по сильно завышенным ценам и нередко через коррумпированных местных чиновников. Самые яркие последние примеры этого явления – запланированное государством строительство магистрали и высокоскоростной железнодорожной ветки между Ханоем с Хошиминем, каждая стоимостью в 50 миллиардов долларов. Запредельная сумма для экономики в 100 миллиардов долларов.

Поскольку имеющаяся во Вьетнаме инфраструктура была в свое время крайне плохо продумана, эксплуатационные затраты тут значительно выше, чем в Китае. Например, из Вьетнама очень трудно добраться до международных морских путей сообщения, ведь большинство из пятидесяти четырех портов страны предназначены исключительно для речного транспорта. Воды тут слишком мелкие, причалы слишком короткие, складские помещения для грузов крупных судов в большом дефиците. На севере и юге страны дороги к побережью, как правило, в ужасном состоянии; при этом многие порты построены далеко в верховьях, и от дорог до портов еще час-два ходу. А запланированная властями новая магистраль от столичного Ханоя до побережья так пока и остается в планах.

Устаревание речных портов страны означает, что средний док во Вьетнаме способен принять не больше 169 контейнеров – капля в море по нынешним масштабам. Стандартный международный грузовой морской транспорт сегодня комплектуется крупногабаритной базой – от контейнеровозов-доставщиков, способных перевозить одновременно до тысячи контейнеров, до ультракрупных контейнерных судов, которые перевозят до 15 тысяч контейнеров за раз. Эти гиганты слишком велики даже для прохождения через Панамский и Суэцкий каналы. Во Вьетнаме же даже самые новые порты не могут справиться с этими мегасуднами, и, что еще хуже, половина портов расположена в центральном прибрежном районе, на который приходится всего 20 процентов экономической деятельности государства. Отчасти столь плачевная ситуация объясняется тем, что большинство портов принадлежат государственной компании, следовательно, на все решения,

связанные с развитием отрасли, огромное влияние оказывают местные политики.

В Китае же, где чрезвычайное влияние политиков не приводит к регулярным иррациональным экономическим решениям, такое просто невозможно. Все помнят, как еще на ранней стадии реформ Дэн Сяопин решил открыть южные прибрежные районы, чтобы как можно быстрее ввести Китай в мир глобальной торговли, несмотря на то что в краткосрочной перспективе это грозило усилением регионального неравенства в доходах и, как следствие, увеличением политических рисков. Контраст между ситуацией с портами во Вьетнаме и их гипербыстрым развитием в Китае поистине разительный, особенно если учесть, что еще десять лет назад в Китае не было ни одного порта, входившего в мировую топ-десятку по объему грузооборота. Теперь же их целых четыре.

Вьетнам пошел по наиболее типичному пути развития авторитарной экономики: он распределяет инвестиционные доллары, руководствуясь политическими резонами. Постоянное вмешательство политиков стало основной причиной, по которой строительство нового нефтеперегонного завода в экономической зоне Дунг Куат, задуманного еще в 1988 году, началось только семнадцать лет спустя. От участия в этом проекте в отчаянии отказались уже три крупных международных партнера. Начнем с того, что завод расположен в центральной провинции Куангнгай, более чем в тысяче километров от нефтяных месторождений, сосредоточенных на юге страны. При этом пока не построено ни трубопровода, ни новой дороги, соединяющих НПЗ с местом добычи. Больше того, по своим техническим характеристикам предприятие предназначено для выпуска высокооктанового бензина, хотя на вьетнамских месторождениях добывается только низкосортная, тяжелая нефть. Уже в первые годы эксплуатации в проекте обнаружилось огромное число недочетов и ошибок, и сегодня завод стремительно обесценивается, что, без сомнения, означает, что цены на его продукцию будут неуклонно расти.

С 2008 года поток иностранных капиталов во Вьетнам поиссяк, и в настоящее время страна остро нуждается в деньгах, чтобы достроить уже начатые дороги и другие основные объекты отечественной инфраструктуры. А если иностранные инвесторы и вкладывают деньги, то в основном в проекты, которые самому Вьетнаму явно не нужны, например в объекты недвижимости вроде нового казино стоимостью в 4 миллиарда долларов в трех часах езды от Хошимина. Местных жителей туда пускать не собираются, а если говорить об иностранных туристах, то составить

достойную конкуренцию доступным и популярным казино Макао и Сингапура это заведение вряд ли когда-нибудь сможет.

Политика направляет деньги не туда, куда нужно, потому что власти Вьетнама по-прежнему руководствуются в своих решениях пагубным инстинктом уравниловки, который мешает им позволить рынку диктовать цены. Это особенно заметно в ситуациях, когда прибыль получают иностранцы. Приведем лишь один пример: государство искусственно занижает тарифы на коммунальные услуги, в результате чего цена на электроэнергию во Вьетнаме самая низкая в регионе. Средний ожидаемый доход по инвестициям во все новые энергетические проекты составляет всего 4 процента – сравните со средним показателем 12 процентов по всей Юго-Восточной Азии, притом что местные процентные ставки во Вьетнаме равны около 24 процентам. Стоит ли удивляться, что желающих инвестировать в такие проекты находится немного?

Вьетнамские лидеры настолько заикнулись на том, чтобы догнать Китай по темпам роста, что продолжают вкладывать деньги в экономику, которая с этими вливаниями уже не справляется. Вьетнаму не стать очередным Китаем до тех пор, пока он не построит дороги, порты и эффективные компании, которые смогут освоить такие огромные инвестиции. Это было основной проблемой экономики страны в 2008 году и остается ею по сей день. В настоящее время иностранные кредиторы избегают Вьетнама, но власти страны упрямо поддерживали самые быстрые темпы банковского кредитования в развивающемся мире не только до кризиса 2008 года, но и, что уж совсем невероятно, после него. А без солидных компаний, способных найти этим кредитам правильное применение, данная версия бездумного печатания денег может привести только к одному результату – к сильнейшей инфляции.

Правила уличного движения: Ханой

Если кредитный бум в той или иной стране продолжается долго, а объемы банковского кредитования в течение пяти лет растут больше чем на 20 процентов в год, это, как правило, означает, что стоит ждать проблем. Слишком значительная доля кредитов расходуется на ненужные и недостойные цели, в результате чего накапливаются плохие кредиты. В преддверии кризиса 1997–1998 годов это правило нарушали страны всей Восточной Азии, а Вьетнам делает это на протяжении вот уже более десяти лет.

На момент написания этих строк инфляция во Вьетнаме вышла из-под контроля и достигла почти 20-процентного уровня, и особой уверенности,

что центральный банк сможет исправить эту ситуацию, нет, поскольку, как большинство учреждений в стране, он не независим. Государственный банк Вьетнама много раз пытался порвать связи с политическими структурами, но пока безрезультатно. Как бы там ни было, традиции основанного на консенсусе вьетнамского общества по-прежнему мешают стране выполнить основные требования, предъявляемые к современной финансовой системе – например, отказаться от политического вмешательства в такие жизненно важные решения, как, скажем, установление процентных ставок.

Более того, судя по всему, правительство страны движется в противоположном направлении, то есть к спасению государственных компаний. Очень сомнительно, что власти позволят им обанкротиться, ведь они потянут за собой в яму многие государственные банки. Почти 50 процентов кредитов государственные банки выдают крупным государственным компаниям. Центральный банк постоянно старается облегчить условия кредитования для этих клиентов, но пока это привело лишь к тому, что многие вьетнамцы сняли свои деньги с депозитов и перевели их в золото либо в ценные бумаги местного фондового рынка, оказав тем самым на вьетнамский донг такое огромное давление, что по состоянию на конец 2011 года центральный банк страны, чтобы не допустить краха национальной валюты, затрачивал каждые полтора месяца 1 миллиард долларов.

Стоит отметить, что своими поистине впечатляющими достижениями последних лет Китай во многом обязан лидерам, которые значительно лучше образованы и более опытны, чем их вьетнамские коллеги. Китайская элита начала отправлять детей в колледжи и аспирантуры Европы и США еще в 1970-х годах, и многие из сегодняшних лидеров страны имеют отличное западное образование или по меньшей мере знакомы с западной философией через своих сверстников. Вьетнамская же элита вплоть до 1991 года отправляла детей учиться в университеты СССР и Восточной Европы, где они, разумеется, впитывали в себя главным образом лучшие идеи ныне усопшей коммунистической системы. В высших эшелонах власти Вьетнама практически нет инженеров; в основном тут работают люди с юридическим образованием, а в шестерку главных лидеров входит один экономист и один философ. В любом обществе, ориентированном на консенсус, делается большой акцент на навыки и знания людей, но во Вьетнаме в настоящий момент данная отличительная характеристика нации привела лишь к тому, что от управления государством зачастую отлучают самых лучших и ярких.

Сегодня китайский коммунизм намного больше способствует достижению человеком высокого положения в обществе благодаря его способностям,

нежели его вьетнамский собрат. По мнению Бена Уилкинсона, заместителя директора Вьетнамской программы Гарвардского университета, это отчасти объясняется тем, что решающие для Китая политические события произошли в намного более далеком прошлом, чем во Вьетнаме. Первые лидеры коммунистического Китая приобрели свою репутацию еще в гражданскую войну 1930-х годов, и их времена давно миновали. Хотя связи с тем поколением и сейчас помогают китайским политикам, теперь это уже не так важно. А вот для Вьетнама решающим событием стала победа над США в 1970-х годах, и многие нынешние вьетнамские лидеры либо сами ветераны этой войны, либо их дети.

Если ваш отец воевал на стороне проигравших, то есть Южного Вьетнама, у вас мало шансов занять высокий пост в правительстве страны. Наивысшая должность, до которой когда-либо дорастал государственный чиновник из Хошимина (раньше Сайгон, столица Южного Вьетнама во время войны) в политбюро правящей коммунистической партии, идет только под шестым номером. Сегодня ее занимает экономист Ле Тхань Хай, и его карьерный успех явно свидетельствует о том, что предубеждение в отношении Юга в стране слабнет, но для его окончательного исчезновения потребуется еще некоторое время.

В сущности, в последние годы Вьетнам инвестировал в образование больше Китая, но львиная доля денег шла на начальную и среднюю школу. Если в Китае сегодня начали появляться университеты мирового уровня, то высшее образование Вьетнама остается на уровне средневековья. Иностранные компании все больше разочаровываются из-за недостатка квалифицированной рабочей силы, и они все чаще обращают свой взор на другие страны, в частности на Таиланд и Индонезию. В 2010 году Intel открыла в Хошимине завод, который обошелся ей в 1 миллиард долларов, но произошло это с задержкой на целый год, прежде всего из-за отвратительного качества работы местных строителей-подрядчиков, приведшего к обрушению части крыши здания. Далее, по проекту на заводе должно было работать 4 тысячи человек, но тесты на знание базового английского языка и наличие технических навыков дали такие слабые результаты, что из первых 1 200 кандидатов на работу взяли всего четырех. Компании пришлось самой организовать обучение новых сотрудников на месте, но штат предприятия и сегодня не укомплектован, и, вполне вероятно, в полную силу завод начнет работать не раньше 2016 года.

Честно говоря, вряд ли в мире найдется хоть одна страна с уровнем дохода на душу населения 1100 долларов, способная предложить рабочую силу, которая будет готова производить компьютерные чипы, хотя прежде не

выпускала ничего сложнее обуви и одежды. К несчастью, Вьетнам пытается прыгнуть слишком быстро и слишком высоко, и, к сожалению, многие сторонние «доброжелатели» изо всех сил поощряют его к этому. В настоящий момент экономика этой страны, нацелившейся на темпы роста хотя бы на одну процентную точку выше, чем в Китае, растет на три-четыре процента медленнее, примерно на 5 процентов в год. Приток иностранного капитала в страну резко уменьшился и, скорее всего, не вернется на прежний высокий уровень до тех пор, пока авторитарные лидеры Вьетнама не научатся как следует управлять административно-командной экономической системой страны.

Самый быстрый миллиард?

Чаще всего основания для оптимизма в отношении четвертого мира можно найти в странах Африки. По сути, сейчас этот континент пользуется такой сумасшедшей популярностью, что экономисты из Йоханнесбурга начали жаловаться на иностранных инвесторов, в один голос твердящих об «африканских возможностях», которые предлагает здешнее «миллиардное население» и «рынок в 1,7 триллиона долларов». То есть экономика всего африканского континента. А еще иностранные инвесторы любят говорить о том, что африканская экономика в 1,7 триллиона долларов приблизительно сопоставима с индийской, бразильской или российской – как будто Африка не континент, а одна страна.

Однако в том, чтобы говорить об Африке как об одном целом, не больше смысла, нежели в том, чтобы ссылаться как на одно целое на БРИКС (популярная ныне аббревиатура экономического альянса пяти крупных формирующихся рынков: Бразилии, России, Индии, Китая и ЮАР). Проблема тут очевидна, ведь экономика Бразилии имеет очень мало общего с Китаем, экономика Индии совсем не похожа на экономику Южной Африки, а все пятьдесят четыре страны африканского континента существенно отличаются друг от друга.

Повальное увлечение всевозможными аббревиатурами, альянсами и объединениями – отличный способ безвозвратно потерять деньги. И африканские страны, возможно, даже больше, чем крупные формирующиеся рынки, следует рассматривать как отдельные, самостоятельные единицы или, в крайнем случае, как кластеры. Начнем хотя бы с того, что на четыре крупнейшие страны континента (ЮАР, Нигерию, Египет и Алжир) приходится более 1 триллиона из 1,7 триллиона долларов общего африканского рынка. Большинство же остальных государств очень малы (на экономику тридцати восьми из них приходится в сумме менее 20 миллиардов

долларов) и совершенно разобщены. По сути, их объединяет только одна общая характеристика: они почти все полностью зависят от экспорта сырья, что, с учетом грядущего замедления темпов экономического роста их основного потребителя Китая, делает их крайне уязвимыми. И все же этот континент действительно полон сюрпризов.

В 2010 году индийский телекоммуникационный магнат Сунил Бхарти Миттал заплатил 9 миллиардов долларов за сеть мобильной связи, охватывающую шестнадцать африканских стран. Когда Миттал еще только планировал выходить на рынок Африки, все предупреждали его о страшной коррупции в этом регионе. Но теперь, два года спустя, магнат утверждает, что пока не дал здесь ни одной взятки, а только делал пожертвования для местных школ, клиник и футбольных команд. «Никто ни разу не просил у меня никаких денег, – говорит Миттал. – Это потрясающе».

Магнат вспоминает, как однажды ехал мимо роящихся толп и бедных магазинчиков Киншасы на встречу с президентом Демократической Республики Конго Лораном Кабилой. Дорога заняла у него много часов: сначала пришлось помотаться по городу, так как Кабила, опасаясь убийства политическими противниками, постоянно переезжает с места на место. Когда же они наконец встретились, оказалось, что Кабила простой и искренний человек, одержимый одной идеей – привлечь в свою грязную, бедную страну с населением в 80 миллионов человек, одну из самых густонаселенных, но при этом самых отдаленных стран африканского континента, как можно больше бизнесменов из Индии. Несмотря на огромные природные богатства Конго – бриллианты, золото, «земля, настолько плодородная, что достаточно просто швырнуть в нее семена, и они дадут урожай», – иностранцы едут сюда крайне неохотно. «Привезите к нам индийских бизнесменов, – сказал Кабила Митталу. – Мы отдадим вам все земли, которые вы выберете». Миттала глубоко потряс огромный потенциал, скрытый в Конго, но, чтобы раскрыть его, президенту Кабиле надо решить одну очень трудную задачу: никто не придет на этот рынок, пока в стране не построят дороги, но дороги построить невозможно, пока никто не пришел на рынок.

В 1980-х и 1990-х годах будущее Африки казалось таким беспросветным, что никто не мог разглядеть в нем хоть каплю позитивного. В период между 1960-ми и 1990-ми политические выборы считались тут большой редкостью, и в них почти никогда не участвовали новые лица: за все это время только один африканский лидер потерпел на выборах поражение. В 1990 году во всех, за исключением пяти, африканских странах правили диктаторы, но уже в следующем году с победы оппозиционного кандидата на выборах

президента в Бенине впервые с 1970 года поднялась волна перемен. К 2009 году неправительственная организация Freedom House включила в рейтинг свободных или частично свободных стран тридцать три африканских государства, хотя в предыдущем десятилетии в этот список входило всего девятнадцать стран из Африки. Верховенство закона возобладало над властью диктаторов. Традиционные африканские правители-силовики вроде кенийского Даниэля арапа Мои и нигерийского Олусегуна Обасанджо фактически были отстранены от власти в результате введения новых правил, ограничивающих сроки президентских полномочий. И хотя, согласно описанному выше правилу «50/50», между правильной политикой и экономическим ростом страны прямой связи нет, судя по всему, в данном случае Африке удалось вырваться из порочного круга коррупции и государственных переворотов именно благодаря демократическим выборам.

Кстати, как мы уже обсуждали, иногда даже самые скромные реформы или появление нового динамичного лидера способны инициировать бурный экономический рост, особенно если речь идет о пограничных рынках. Такие лидеры, как Мбеки в ЮАР, Поль Кагаме в Руанде и Жоахим Чиссано в Мозамбике, значительно лучше своих предшественников разбираются в основах экономического роста, хотя, надо признать, в некоторых аспектах улучшения в Африке начались еще до прихода к власти новых прогрессивных руководителей. Например, на континенте быстро рос процент учащихся начальных классов – с 61 процента в 1975 году до 96 процентов в 2005-м. И в средней школе этот показатель увеличился с 3 процентов в 1960 году до 39 процентов в 2005-м. Все это явные признаки движения в верном направлении, хотя, конечно, и недостаточно быстрого по стандартам развитых стран.

По словам Миттала, для современной бизнес-культуры Африки к югу от Сахары характерна удивительная «евроцентристская» направленность. Он говорит, что тут создалась «невероятно развитая» нормативно-правовая среда: «Если говорить о моей области деятельности, нормы и правила больше похожи на европейские: люди хотят получать услугу, но чтобы цены на нее оставались на низком уровне; они не «доют» отрасль, а хотят ей помочь; хотят, чтобы она развивалась и создавала новые рабочие места. Я просто потрясен качеством здешнего человеческого капитала: это образованные, эрудированные люди, изучившие американскую и британскую системы».

Кроме того, очевидно, что новые африканские лидеры внимательно проанализировали успехи Азии и пришли к пониманию, что успешная экономика, как правило, означает успешную политику. Или, по крайней

мере, что растущая экономика обеспечивает руководителя страны большим количеством рычагов для контроля над политической ситуацией. Хотя некоторые из новых лидеров со временем начали действовать, как силовики, большинство из них стараются достигать своих целей исключительно благодаря экономическому прогрессу. Согласно последней оценке Всемирного банка полутора сотен стран мира по такому критерию, как простота ведения бизнеса, самые заметные улучшения наблюдаются именно в Африке, прежде всего в Мозамбике, Конго, Анголе и Сенегале. В наступившем десятилетии экономические проблемы Африки начинают выглядеть как благоприятные возможности, но так было не всегда. Раньше критики считали огромные богатства, разбросанные запасливыми африканскими магнатами по иностранным банкам, симптомом проблем континента, а теперь консультанты по вопросам инвестиций ссылаются на эти огромные денежные резервы – они оцениваются в 420 миллиардов долларов – как на потенциальный инвестиционный капитал, способный стимулировать мощный рост африканской экономики. Да и тот факт, что африканские страны почти не торгуют друг с другом (в Африке к югу от Сахары на внутрорегиональный экспорт приходится всего 4 процента прироста ВВП) прежде считался симптомом плохих дорог, некачественной телефонной связи и перебоев с электроснабжением, блокирующими торговлю на континенте.

Африку чрезвычайно любопытно изучать по иллюстрациям на обложках популярных журналов. Там вообще часто можно найти весьма ценную и полезную информацию, хоть и не всегда ту, которую хотели донести до аудитории редакторы. К тому времени, когда та или иная тенденция рынка становится сенсационным заголовком в прессе, она, как правило, полностью «вызревает» и уже в полной мере учтена в ценах. Иными словами, уже подготовлена почва для разворота тренда в обратную сторону. Например, в 1999 году, когда пропасть в доходах развитых и африканских стран стала самой огромной за всю современную историю, журнал *The Economist* на обложке одного из своих номеров провозгласил Африку «безнадежным континентом». Тогда доходы на душу населения здесь не дотягивали и до десятой части доходов в развитых странах. Будучи самым успешным еженедельником планеты, *The Economist* вообще считается выразителем всеобщего мнения, а идея, вынесенная на его обложку, практически по определению воспринимается читателями как истина в первой инстанции. В ноябре 2009 года журнал посвятил обложку Бразилии. На иллюстрации красовалась гигантская статуя Иисуса Христа, возвышающаяся над Рио подобно космической ракете на взлете, а за следующие два года бразильский рынок «упал» примерно на 30 процентов в долларовом выражении – на 15 процентных пунктов ниже среднего показателя по развивающимся странам.

Впрочем, в последнее время The Economist с большим энтузиазмом пишет о возрождении африканского континента. Будем надеяться, на этот раз его предсказание сбудется.

Надо сказать, прогнозы экономистов очень часто базируются на идее, что будущее грядущего десятилетия сильно зависит от того, что происходило в предыдущие десять лет. Один из самых ярких последних примеров – книга «Отстающий миллиард» (Bottom Billion) Пола Колльера. Автор утверждает, что, несмотря на беспрецедентный рост богатства в развитых странах, миллиард населения беднейших стран угодил в одну из трех так называемых «ловушек бедности»: гражданская война, «проклятие» (излишнее изобилие) природных ресурсов и отсутствие выхода к морю при плохих соседях. Указывая на то, что 70 процентов из этого беднейшего миллиарда живут в Африке, книга в основном базируется на примерах именно этого континента; ее автор пытается доказать, что африканские страны безнадежно застряли в своем гетто. Книга была опубликована в 2007 году, но строится в основном на фактах из 1980-х и 1990-х. В этом труде, безусловно, точно представлены данные из недавнего прошлого, но упускаются важнейшие изменения, уже происходившие в Африке в момент ее написания.

Волна глобального бума 2003–2007 годов подхватила и увлекла вверх абсолютно все лодки, в том числе и на африканском континенте. За последние десять лет число африканских стран, растущих в среднем более чем на 7 процентов в год, увеличилось с трех до одиннадцати – больше, чем на любом другом континенте; три из них могут похвалиться темпами экономического роста свыше 10 процентов. Инвесторы, которые прежде избегали Африки, начали буквально заваливать ее деньгами. С 2000 по 2010 годы бум улучшил ситуацию даже в странах, находящихся сразу в трех упомянутых выше основных «ловушках бедности». Например, экономика Уганды, стабильно пребывавшая в состоянии застоя из-за отсутствия выходов к морю, выросла на 7,5 процента; экономика Судана, страдающего как от этой беды, так и из-за постоянных политических конфликтов внутри страны, в среднем росла более чем на 5 процентов в год; Нигерия, измученная «проклятием» природных ресурсов, достигла экономического роста более чем в 7 процентов. Я рассказываю обо всем этом не с целью раскритиковать Колльера; его труд можно назвать мудрым синтезом пессимизма, преобладающего в оценке экономических перспектив Африки. Моя цель – еще раз подчеркнуть мысль, что нам надо обращать больше внимания на «смены режима», ибо правила, работающие в один определенный период, в другой могут в корне измениться.

Сегодня Африка стремительно присоединяется к глобальному экономическому мейнстриму: ее торговля развивается быстрее, чем экономика. Особенно впечатляют достижения континента в области информационных и телекоммуникационных услуг. С 2007 года количество волоконно-оптических кабелей, соединяющих Африку к югу от Сахары с остальным миром, увеличилось в двенадцать раз, интернет-мощности выросли в сто раз, а цены на интернет-услуги снизились более чем на 95 процентов.

Чем позже начинается развитие нации, тем больше у нее возможностей учиться у стран, прошедших этот путь раньше, и перескакивать в этом процессе через целые этапы. Всем известно, что сельскохозяйственные регионы Китая от стадии полного отсутствия телефонной связи сразу перешли к использованию мобильных телефонов, миновав дорогостоящий, изнурительный и трудоемкий этап рытья траншей или установки столбов для стационарных телефонных линий. Теперь, спустя два десятка лет, по пути Китая идет Африка, которая с этапа полного отсутствия телекоммуникаций перескакивает сразу в век передовых цифровых технологий с применением мобильных устройств.

Приведу всего один пример – достижения мобильного банкинга, который сегодня обеспечивает африканцев, находящихся на нижнем конце экономической шкалы, возможностью перемахнуть в мир современных финансов, и при этом им не приходится закладывать ни одного камешка в фундамент традиционного физического банка. Благодаря «электронному кошельку» M-Pesa современные кенийцы могут оплатить с помощью мобильного телефона поездку в такси – услуга, недоступная даже на Западе. С 2007 года количество кенийцев, которые держат деньги в банке, выросло с каждого пятого до каждого второго жителя страны, тоже в основном благодаря платежной системе M-Pesa. Увеличение банковских сбережений может стать новым резервом для финансирования строительства дорог и других важных объектов инфраструктуры, и потенциал роста тут поистине огромен. Даже в относительно экономически развитой ЮАР имеются весьма существенные возможности для развития банкинга, ведь если банковские счета тут пока есть только у 20 миллионов южноафриканцев, то мобильные телефоны имеются у 40 миллионов.

К сожалению, континент, который все более объединяют и связывают с остальным миром волоконно-оптические кабели, сильно страдает от отсутствия современной инфраструктуры, что в первую очередь выражается в отвратительной транспортной системе. Как отмечают руководители южноафриканских компаний, иногда признаки благоприятных

возможностей в Африке обманчивы, потому что системы транспорта и коммунальных услуг во многих здешних странах настолько убоги, что «путь на рынок» обходится непомерно дорого. Прежде всего это касается государств с ВВП менее 10 миллиардов долларов, потенциальные прибыли которых ограничены. По оценкам Всемирного банка, на перемещение груза по дороге от фактической столицы Кот-д'Ивуара Абиджана до столицы Мали Бамако протяженностью всего чуть больше тысячи километров, может уйти до 500 часов. По сути, это меньше скорости пешехода, и объясняется данная ситуация не только жутким состоянием дорог, но и своеобразными традициями здешней автотранспортной отрасли, в которой издавна господствовали картели, бюрократия и постоянные простои и задержки при погрузке и разгрузке, из-за чего стоимость грузоперевозок взлетела до совершенно непомерных 250 долларов за тонну. Но даже здесь у африканцев имеются благоприятные возможности для скачка в будущее, для этого им надо лишь научиться извлекать полезные уроки из прошлых успехов.

Правила уличного движения: Найроби

Одна из особенностей тех редких историй успеха, в основе которых лежат высокие темпы экономического роста, заключается в том, что этот успех, как правило, достигается в так называемых географических кластерах: в нефтяных странах Персидского залива, в государствах по южному периметру Европы после Второй мировой войны, у наций Восточной Азии в тот же период. Африка, миновав этап постоянных войн и прочих непримиримых противоречий, начинает все чаще вспоминать о таких событиях, как формирование Европейского сообщества в 1950-х годах и Ассоциации государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН) в 1960-х годах. В этих альянсах она ищет идеи относительно того, как преодолеть препятствия, стоящие на пути стран, слишком маленьких, чтобы вызывать чей-то интерес по отдельности, и расположенных вдали от проторенных торговых путей. В результате уже сегодня сделано по меньшей мере пять попыток создания общего рынка в Африке; наиболее перспективным из них представляется Восточноафриканское сообщество (ВАС).

ВАС объединяет Кению, Руанду, Бурунди, Танзанию и Уганду; цель сообщества заключается в том, чтобы благодаря объединению заполучить рычаги воздействия в глобальных торговых переговорах и приступить к созданию региональной сети инфраструктуры – автомобильных и железных дорог, портов и др., – необходимой для ускорения торговли, которая ныне движется со скоростью пешехода. Приняв за модель Европейский союз, ВАС решило создать полноценный общий рынок со свободным перемещением людей и товаров, перспективой ввода единой валюты к 2012 году и

политической интеграции к 2015 году. Все внутренние тарифные барьеры между странами сообщества уже отменены, однако, учитывая кризис еврозоны, можно ожидать, что ВАС отложит или вовсе откажется от планов введения единой восточноафриканской валюты.

Надо сказать, в дискуссиях об африканском возрождении обычно игнорируются такие важные темы, как практические и политические проблемы региона, а также то, что именно стало основным источником достижений стран континента в области торговли: 80 процентов африканского экспорта приходится на сырьевые товары, что делает их крайне уязвимыми к малейшему ослаблению китайского и мирового спроса на сырье, в частности на нефть и драгоценные металлы. Кроме того, по словам индийского магната Миттала, его потрясли астрономические различия в затратах в шестнадцати странах Африки, где он ведет бизнес: строительство вышек сотовой связи в государствах, расположенных в глубине континента, например в Демократической Республике Конго, обходится ему в два раза дороже, чем в прибрежных, скажем в Кении. В первую очередь это объясняется состоянием дорог и электросетей. А на африканском рынке труда наблюдается такой огромный недостаток высокообразованных местных профессионалов, что редкие африканцы, получившие образование в США или Великобритании, могут смело требовать от работодателя зарплату на уровне западных стандартов, полный соцпакет, да еще бонусы на основе производительности. Чтобы нанять финансового директора в такой стране, как Уганда, например, вам потребуется до 250 тысяч долларов в год – более чем в два раза больше зарплаты за сопоставимую должность в Индии и примерно столько же, сколько в Лондоне.

Сегодня слишком многие говорят о том, что раз экономика одиннадцати африканских стран в последние десять лет росла на 7 процентов в год, значит, в следующем десятилетии весь континент, заразившись этим импульсом, сможет расти с такой же головокружительной скоростью. Конечно, это возможно, но только если африканцы примут основополагающие принципы и правила. Некоторые страны континента уже движутся в правильном направлении, например крупные экономики вроде Нигерии и государств – членов ВАС. У них есть отличные шансы стать прорывными нациями следующего десятилетия, что, впрочем, отнюдь не означает, что то же самое смогут сделать все их соседи.

Случайный лидер Африки

До недавнего времени Нигерия считалась одной из самых коррумпированных стран Африки, но сегодня она случайно оказалась в руках эффективного лидера с весьма подходящим именем – Гудлак Джонатан (от англ. goodluck – удача).

В отличие от привычных для нас харизматичных агентов перемен, таких как Эрдоган в Турции или Лула в Бразилии, в тот момент, когда в 2005 году действующий губернатор одного из штатов из раздираемой войной дельты реки Нигер вынужден был уйти в отставку из-за обвинений в коррупции, Джонатан занимал всего лишь пост его заместителя. Вскоре президент Умару Яр-Адуа назначил Джонатана своим вице-президентом – главным образом потому, что хотел видеть на этом посту представителя региона дельты. А когда в 2009 году Яр-Адуа скоропостижно скончался, Джонатан стал президентом страны. И хотя его стремительное восхождение по карьерной лестнице в значительной степени объясняется случаем и стечением обстоятельств, сегодня Джонатан руководит Нигерией именно так, как нужно этому государству. Никто, например, не может обвинить его в том, что он хоть раз сказал что-нибудь возмутительное или оскорбительное, и уже одно это можно считать огромной заслугой для лидера данного региона. Пока его личная репутация поистине безупречна, что весьма красноречивый и важный факт, особенно учитывая долгую историю взяточничества в Нигерии. Например, в свое время швейцарские власти объявили семью президента Сани Абачи (он правил с 1993 по 1998 год) преступным предприятием; промотанное им состояние оценивалось суммой от двух до пяти миллиардов долларов. Впрочем, хотя, по оценкам сторонних наблюдателей, Абача занимает среди самых коррумпированных лидеров в современной истории только четвертое место, уступив первенство Сухарто и Маркосу, сами нигерийцы утверждают, что их Олусегун Обасанджо (1999–2007) и Ибрагим Бабангида (1985–1993) были еще хуже. В совокупности эти три лидера правили страной почти два десятилетия, после чего их место занял Джонатан.

Но даже несмотря на коррумпированное правительство, эффект от роста цен на нефть и низкой экономической базы (доход на душу населения в стране ниже тысячи долларов) оказался настолько сильным, что Нигерия вместе с Экваториальной Гвинеей, Анголой и Сьерра-Леоне стала одной из самых быстрорастущих экономик последнего десятилетия. При темпах роста ВВП, вдвое превышающих соответствующий показатель ЮАР, это западноафриканское государство уверенно встало на путь превращения к 2013 году в крупнейшую экономику континента.

Но самая большая удача Нигерии последнего времени, которая, скорее всего, окажется даже важнее, чем повышение цен на нефть, о чем многие забывают, заключается в серии бескровных смен правительств, приведших Джонатана к власти после долгих лет переворотов, политических убийств и жестоких диктатур. Более того, приход Гудлака Джонатана к вершинам государственной власти счастливо совпал с быстрым созреванием нигерийской демократии. Яр-Адуа в 2007 году одержал победу в основном мошенническими способами, но это был первый случай демократической, ненасильственной смены власти (то есть не путем переворота) в новейшей истории Нигерии. И с каждым шагом этот процесс становился все чище. В 2009 году Джонатан занял пост президента страны в полном соответствии с духом и буквой Конституции и первым делом назначил главой новой избирательной комиссии надежного, всеми уважаемого человека. Президентские выборы, проведенные под его руководством в апреле 2011 года, на которых Джонатан без труда победил, получили очень высокую оценку международных наблюдателей: они назвали их на редкость прозрачными и справедливыми.

Важность этого поворота к стабильности в самой густонаселенной стране Африки, как и личности самого Гудлака Джонатана, не следует недооценивать. Мятеж в южном регионе дельты в некотором смысле был дальним отголоском гражданской войны периода 1967–1970 годов, стравившей сепаратистов христианского юга с властями, в те времена представлявшими мусульманский север. Это разделение и сегодня очень оживляет нигерийскую политику: на выборах Джонатан, сам южанин, победил во всех южных штатах и ни в одном северном. Однако, еще будучи вице-президентом, он сыграл главную роль в переговорах о заключении важнейшего мирного договора, в соответствии с которым повстанцы из дельты Нигера сложили оружие в обмен на безопасный переход к гражданской жизни. До подписания данного соглашения в середине 2009 года объемы добычи нефти в Нигерии стремительно сокращались, а после выросли более чем на 20 процентов, до 2,2 миллиона баррелей в день. Очевидно, что если эта новая для страны политическая стабильность сохранится, она уже в ближайшие годы подготовит почву для еще больших достижений Нигерии как производителя нефти.

Львиная доля нигерийской нефти идет на экспорт, обеспечивая 80 процентов доходов федерального бюджета, но намного важнее то, что на данный продукт приходится всего 20 процентов от ВВП страны. Остальные 80 процентов приносит сервисная сфера и сельское хозяйство, следовательно, экономический рост Нигерии не слишком сильно зависит от высоких цен на нефть. Киноиндустрия страны, приносящая в год около 300 миллионов

долларов и прославившаяся, как известно, под названием Нолливуд, считается сегодня вторым по величине производителем кинопродукции в мире, опередив сами США и уступая только Индии. Взлет Нолливуда, превратившегося за двадцать лет практически из ничего во второго по величине работодателя страны после государства, служит замечательным примером того, как недорогие новые технологии вроде цифровых видеокамер в сочетании с предпринимательской жилкой населения могут привести к настоящему экономическому мини-буму даже в самом сердце Африки. Большая часть здешней кинопродукции имеет весьма скудный бюджет, снимается буквально за несколько дней, тут же записывается на DVD и VCD и отправляется на рынки. Кинотеатры в самых густонаселенных городах Нигерии, например в Лагосе, закрылись еще в 1980-х и 1990-х годах, во времена разгула преступности в стране, да так пока и не открылись. Самый прибыльный нигерийский рынок видеопродукции находится на юго-западе, в Лагосе и вокруг него, то есть там, где благодаря растущему среднему классу наблюдается повышенный спрос на потребительские товары.

Судя по всему, правительство Джонатана нацелилось на верные меры, необходимые для того, чтобы страна начала рост с низкой экономической базы. Первое правило успеха любого богатого нефтью государства – не укради. По оценкам специалистов, за последние десять лет в карманах местных политиков и бизнесменов бесследно растворились 400 миллиардов долларов прибыли от продажи нигерийской нефти – огромные потери для страны с ежегодным ВВП в 200 миллиардов долларов. Чтобы остановить этот поток, президент Джонатан создал фонд национального благосостояния, работающий по так называемому принципу Сантьяго – это международный стандарт, предназначенный для повышения профессионализма управления этим все более популярным в мире инвестиционным инструментом, чтобы он не становился источником достижения политических целей и личной наживы для власть предержащих. Возможно, меры президента и не гарантируют, что нефтяные деньги никогда не попадут не в те карманы, но это, несомненно, шаг в правильном направлении.

Страна с таким уровнем доходов, как в Нигерии, должна тратить на столпы современной экономики – хорошие дороги, телекоммуникации, энергоснабжение – больше 20 процентов своего ВВП. Нигерия же инвестирует в инфраструктуру всего около 10 процентов, оставляя в ней зияющие дыры, особенно в энергетической сфере. Страна вырабатывает всего 4 тысячи мегаватт в год – столько же, сколько один Брэдфорд, постиндустриальный город на севере Англии. Получается, что в Нигерии

вырабатывается 162 киловатт-часа в год на человека; по этому показателю она занимает сто семьдесят пятое место в мире. Для сравнения скажу, что в Мексике объем выработки электроэнергии в четырнадцать раз больше, а в Казахстане – в тридцать.

Учитывая этот и прочие факторы, экономисты относят Нигерию к «недостаточно инвестируемым странам», однако то, с чем сталкиваются тут приезжие, иначе, как хаосом, не назовешь. В Лагосе, одном из наиболее динамично развивающихся мегаполисов мира, живет 10 миллионов человек, и это число постоянно растет. Всюду ужасная толкотня и давка. Постоянно отключают электричество – то в разгар важного заседания, то когда едешь в лифте. Беда тому, кто не знает, что в этом городе лучше ходить по лестнице. Роскошный отель Federal Hotel Palace в Лагосе оснащен несколькими генераторами резервного питания, и все равно постояльцам по несколько раз на день в течение пяти-десяти минут, пока оборудование не начнет работать, приходится сидеть без света.

Сегодня нигерийские компании обеспечивают себя электропитанием всеми возможными способами, зачастую вырабатывая ее самостоятельно. Один международный банк, имеющий филиалы в Нигерии, не только приобрел собственные резервные генераторы, но еще и хранит в огромных резервуарах под своей штаб-квартирой трехмесячные запасы дизельного топлива. Только так он может быть уверен, что без потерь переживет долгосрочные отключения электроэнергии. Понятно, что ни один крупный банк не может позволить себе сбоя ИТ-систем, но затраты на собственную электростанцию довольно серьезно сказываются на прибыли учреждения. Южноафриканский оператор мобильной связи MTN был вынужден оснастить генератором, резервным генератором и баком с топливом каждую свою башню на территории Нигерии. Теперь компании приходится постоянно пополнять запасы этих резервуаров, да еще и нанимать охранников для защиты топлива и оборудования от мародеров. Стоит ли удивляться, что операционные издержки MTN в Нигерии в три раза выше, чем на родине, в ЮАР. И если в этом энергетическом дефиците можно найти хоть какую-то светлую сторону для бизнеса, то это то, что сегодня Нигерия стала крупнейшим в мире рынком мини-генераторов; по меньшей мере одно такое приспособление имеется практически в каждом доме местного среднего класса. Однако, как мы уже говорили, обсуждая летающих по городу на вертолетах CEO крупных бразильских компаний, частное решение общественной проблемы, как правило, служит симптомом дисфункции более широкого характера. Издержки на ведение бизнеса в Нигерии могут быть поистине экстраординарными. Например, мировой поставщик строительных материалов Lafarge берет в Нигерии за тонну цемента 180

долларов, хотя в других странах Африки к югу от Сахары он стоит у компании всего 120 долларов, а на формирующихся рынках, скажем в Турции, вообще 65 долларов. Lafarge объясняет эту разницу невероятно высокой стоимостью ведения бизнеса в Нигерии, в том числе тем, что только треть дорог в стране имеет твердое покрытие.

Но, пожалуй, самым заметным и важным следствием недостаточных инвестиций в инфраструктуру является отсутствие официальных магазинов и торговых центров, из-за чего главным каналом распространения товаров в стране стали улицы. Уличные торговцы в Лагосе продают все что угодно: часы, кошельки, постельное белье, печенье, целебные средства, газеты, шахматные доски, игрушки, горшки и кастрюли, одежду и обувь, бытовую технику и многое другое. Такого не увидишь нигде в мире. Разносчики на оживленных транспортных развязках столицы страны Абуджи таскают лотки с товаром прямо на головах. Бурлящая уличная торговля представляет собой неотъемлемую часть нигерийской культуры, но она также свидетельствует о явном недостатке торговых площадей, что ведет к непомерно высоким ценам за квадратный метр в крупных городах – Абудже, Кано и Лагосе, – и вдоль всех основных магистралей страны.

Все эти проблемы вполне логичны и ожидаемы. Но чем очевиднее проблемы пограничного рынка, тем больше его возможности, особенно если национальные лидеры делают шаги, чтобы правильно понять некоторые базовые принципы и правила. Судя по планам, составленным еще в годы правления Яр-Адуа, нынешнее правительство Нигерии делает все возможное, чтобы обеспечить страну электропитанием. Оно планирует привлечь инвестиции на сумму 35 миллиардов долларов для строительства новых электростанций и в результате к 2020 году увеличить общий объем выработки электроэнергии в десять раз, доведя этот показатель до 40 тысяч мегаватт. К тому же президент Джонатан принимает меры по ослаблению законов, регламентирующих «долю отечественного капитала», которые действуют в ряде развивающихся стран мира и ограничивают иностранные инвестиции в нефтяной сектор, а также по отмене субсидий, из-за которых бытовое топливо стоит в Нигерии слишком дешево.

В общем можно сказать, что перед правительством Нигерии сегодня висит больше плодов, чем оно сможет собрать в ближайшие пять лет. Например, можно наконец разработать свое удостоверение личности; в настоящее время в Нигерии вообще нет официальных документов данного типа, из-за чего бизнесмены зачастую не знают своих клиентов, а в бизнесе создаются отличные условия для мошенничеств всех видов. На несколько ином уровне правительство может исправить ситуацию в аэропорту Лагоса, где

спекулянты дерут с пассажиров 10 долларов за ускоренное прохождение через пункт иммиграционного контроля; действуют они в сговоре с пограничниками, которые, чтобы сделать незаконный скоростной канал более привлекательным, специально слишком медленно работают на официальном контроле. А еще можно было бы просто «подчистить» систему в некоторых нигерийских штатах, в которых губернаторы должны лично, за отдельную плату, подписывать акты на продажу недвижимости. Кстати, это одна из главных причин, по которой Международная финансовая корпорация оценивает рынок недвижимости Нигерии как один из худших в мире. Любое наступление даже по одному-двум важным фронтам способно помочь этой стране получить доступ к новым источникам роста.

Несмотря на всю ее хаотичность, последние несколько лет экономика Нигерии росла на 6–7 процентов в год. При условии сохранения мира и привлечения новых инвестиционных потоков Нигерия может и в ближайшее десятилетие оставаться одной из самых быстрорастущих экономик мира. А система управления, возможно, наконец станет достаточно стабильной, чтобы страна могла нормально развиваться и процветать при любом президенте.

Мир в себе

В 2007 году, когда настал пик бума формирующихся рынков, Уолл-стрит хором пела: «Это все Шанхай, Мумбаи и Дубай». Затем, когда лопнувший кредитный «пузырь» вывел на поверхность проблемы, общие для всего Персидского залива, Дубай из списка выпал. Многие компании этого региона находятся в частной собственности: ими владеют либо семьи богатых коммерсантов, либо правящие монархии, поэтому разглядеть приближающуюся опасность на этом рынке довольно сложно. Данные о его состоянии приходят с большим опозданием и, как правило, недостоверны. Огромные долги государственной холдинговой компании Dubai World в очередной раз напомнили иностранцам, что в Персидском заливе далеко не всегда получаешь то, что видишь. И даже несмотря на то что эмират Дубай с тех пор в некоторой мере подготовил мир к своему, так сказать, возвращению, большинство иностранных инвесторов и по сей день стараются держаться от него подальше.

Исторически сложилось так, что на местных фондовых биржах регистрировалось так мало качественных компаний, что они ни в коей мере не отражали реальную ситуацию экономического роста в регионе, но сегодня эта пропасть только расширяется. В период с 2005 по 2010 год ВВП стран Персидского залива увеличивался в среднем на 6 процентов в год –

показатель, сопоставимый со средними темпами всех развивающихся экономик. Однако за это же время фондовые рынки Персидского залива (в том числе Бахрейна, Кувейта, Омана, Катара и ОАЭ) сократились на 30 процентов, а основные формирующиеся рынки на 50 процентов выросли. Почему рынки Персидского залива так сильно выпадают из общих тенденций роста региона в целом – еще одна загадка этой зоны, которую я все больше и больше вижу как закрытый, особый мир, этаким мир в себе.

Этот мир построен и живет исключительно на доходы от нефти и газа. Старая поговорка, гласящая, что человек может быть уверен только в двух вещах: в смерти и налогах – к Персидскому заливу, где, по сути, нет никаких налогов, не применима. Здешние правительства тоже припеваючи живут благодаря нефтяным богатствам. Саудовская Аравия отменила подоходный налог и для местных жителей, и для иностранцев еще в 1975 году. А в ОАЭ самые низкие действующие налоги на корпорации в мире (чуть более 2 процентов), за исключением разве что Венесуэлы, где правительство Чавеса вообще возвращает некоторым привилегированным компаниям столько денег, что общая ставка их налога получается отрицательной. По целому ряду мер и показателей – по общему объему иностранных золотовалютных резервов, приросту населения, потреблению энергии, – Персидский залив находится либо на самой верхушке глобального «хит-парада» либо вообще из него выпадает за явным преимуществом.

Черное золото текло и течет в этом регионе так легко и так долго, что государство превратилось в своего рода работающий на нефти механизм, предлагающий гражданам субсидии буквально на все: продукты питания, электричество, образование и, конечно же, топливо. Такое обилие халявы означает, что народ не получает эффективных ценовых сигналов. Например, люди, если их доходы уменьшаются, обычно начинают меньше пользоваться личным автотранспортом. Но не жители Залива, где цена на топливо поистине ничтожно низкая: галлон бензина в Эр-Рияде стоит 45 центов. А стоимость дизельного топлива составляет тут всего 3 процента от его стоимости в Великобритании. В то время как остальной мир, чтобы сдержать потребление топлива, повышает налоги на него (или, по крайней мере, активно обсуждает эту меру), субсидии, действующие в Персидском заливе, напротив, стимулируют потребительский бум. Саудовская Аравия тратит на всевозможные пособия и субсидии, в том числе на электроэнергию, моторное топливо и бензин, почти 10 процентов своего ВВП. А если учесть быстро растущее население страны, сразу становится понятно, почему потребление энергии растет тут на 5 процентов в год – один из самых высоких показателей в мире. Сегодня потребление нефти в Саудовской Аравии не вписывается ни в одну классификацию, даже если говорить о

двадцатке крупнейших экономик мира. Каждый житель этой страны потребляет более 33 баррелей в год, то есть на 50 процентов больше, чем следующие по «прожорливости» государства, Канада и США.

Когда официальных лиц из Саудовской Аравии спрашивают, почему их правительство не откажется от дорогостоящих субсидий на бензин, они отвечают, что это все равно дешевле, чем строить сети общественного транспорта, даже несмотря на то что эти субсидии в итоге оказываются в карманах иностранных компаний. Дело в том, что Саудовская Аравия так и не удосужилась построить достаточно нефтеперерабатывающих заводов, и товарное, готовое к употреблению топливо ей приходится импортировать – ситуация, типичная для этого региона. Ближний Восток владеет почти половиной мировых запасов нефти и природного газа, и при этом тут наблюдается самый большой дефицит бензина в мире. Этот парадокс дефицита в условиях изобилия отнюдь не уникален для Персидского залива: на свете есть и другие экспортеры нефти, вынужденные импортировать готовый бензин, – но, за исключением крупнейшего мирового экспортера Катара, расхождение между спросом и предложением в этом регионе самое вопиющее в мире.

Существует немалый риск, что так называемая «арабская весна» – революционная волна демонстраций и протестов, охвативших регион в последнее время, – сильно изменит ситуацию, в том числе и экономический пейзаж. Монархии Персидского залива очень напугали революции, приведшие к свержению авторитарных режимов в Тунисе, Египте и Ливии, а на момент написания этих строк угрожавшие также властям Йемена и Сирии. Надо сказать, вспыхнувшие в результате экономического застоя под неэффективным руководством неуступчивых правителей, беспорядки, столь перепугавшие режимы стран Персидского залива, были отнюдь не беспричинными. Например, население Саудовской Аравии растет так быстро, что, несмотря на увеличение богатства от продажи нефти, доход на душу населения снизился тут с максимального показателя 1980-х годов примерно на треть, до около 17 тысяч долларов.

Чтобы предотвратить внутренние конфликты и столкновения, государства Персидского залива принялись распределять нефтяные доходы с еще пущей щедростью, чем раньше: в 2011 году Бахрейн выплатил по тысяче долларов каждой семье страны, но его тут же обошел Кувейт, раздавший по 2600 долларов. Вводятся также целевые пособия для политически важных групп населения. Например, в Катаре принято решение на 70 процентов увеличить пенсионные выплаты отставным военным. И многие из здешних программ расходов – строительство нового жилья, создание рабочих мест, повышение

зарплаты и др. – представляют собой крупные долгосрочные проекты, которые будут «тяготеть» над регионом еще не один год.

Ситуация в Персидском заливе варьируется, но если брать в расчет самые крупные и упрямые страны, расходы в них в последнее время росли так быстро, что для обеспечения своих неуклонно раздувающихся бюджетов им пришлось повышать цену на нефть. Например, в Саудовской Аравии и Омане она выросла примерно в три раза, до 80 долларов, а в Бахрейне, одной из монархий, больше всех пострадавшей от уличных протестов, более чем до 110 долларов. При этом у Омана и Саудовской Аравии резервы денежной наличности намного крупнее, чем у Бахрейна, следовательно, в ближайшие десять лет они могут тратить деньги так же активно, как во время беспорядков 2009 года, даже если разразится очередной финансовый кризис. Бахрейн же, в отличие от них, уже начал принимать помощь от своих соседей в миллиарды долларов. И сможет ли он и впредь гасить возмущение своего беспокойного населения субсидиями и дотациями – вопрос открытый.

Если смотреть шире, любой регион, рассчитывающий сегодня исключительно на очередные нефтяные месторождения, попадает во все большую зависимость от этого природного ресурса. Учитывая, что формирующиеся рынки в настоящее время вступают в фазу медленного роста, высокие цены на нефть, держащие на плаву целый регион, могут рухнуть в любой момент. А у стран Персидского залива нет на такой случай эффективного плана Б для финансирования уже привычных для их населения щедрых дотаций. Несмотря на то что меры правительства Саудовской Аравии по предотвращению беспорядков предусматривают увеличение расходов в 2011 году на 40 процентов, планы введения налогов для покрытия этих затрат тут даже не обсуждаются. А ведь в любом другом регионе такая дискуссия в данной ситуации была бы так же неизбежна, как смерть. Но в обществе, где население привыкло получать от правительства чеки, повышение налогов просто не считается жизнеспособной политической альтернативой.

По мнению ведущих зарубежных консультантов, в частности МВФ, Саудовская Аравия, Бахрейн и Оман смогут позволить себе столь расточительный характер затрат еще недолго, пока остается высокой цена на нефть, но быстрые темпы увеличения расходов в любом случае становятся все более рискованными, ибо нефтяные запасы в регионе истощаются. Считается, что сегодня объемы добычи нефти и газа достигли своего пика во всех странах Персидского залива, за исключением Катара.

Катар, безусловно, выиграл в лотерею природных богатств, в частности газа – особенно если учесть размеры страны, – и еще два столетия может добывать его нынешними темпами. Так что об экономии и сдержанности тут говорить вообще не принято. Огромные расходы стимулировали экстраординарный рост экономики – с 2005 по 2010 год его средние темпы составляли в среднем 17,5 процента, – и, судя по всему, эта ситуация сохранится еще какое-то время, относительно долгое. В этом плане Катар уникален: это мир в себе, спрятанный в другом таком же мире.

Впрочем, хотя монархии Персидского залива, желая предотвратить революцию, постоянно наращивают расходы, доводя их до неприемлемого уровня, переоценивать угрозу их власти не стоит. По словам Джека Голдстоуна из университета Джорджа Мэйсона, монархии Залива – это не «султанские режимы» вроде тунисского или египетского, существовавшие главным образом ради обогащения правящего лидера и его ближайшего окружения, без какого-либо плана развития нации или даже без идеи передачи власти преемнику в установленном порядке. Монархии Персидского залива считаются в здешнем обществе абсолютно легитимными. Они глубоко уходят корнями в местную культуру и целенаправленно, хоть и не всегда эффективно, работают над созданием в пустыне жизнеспособной экономики.

Следует признать, существует целый ряд причин для оптимизма в отношении Персидского залива, в основном благодаря реформам в Саудовской Аравии, на долю которой приходится около половины всего населения региона и общего ВВП. Еще три десятилетия назад 70–80 процентов от суммарных нефтяных доходов уходили на разрешение региональных конфликтов, взвинчивание расходов на оборону и связанные с этим взятки и откаты. Бюджеты государств были глубоко пассивными. Но в 1980-х годах рухнули мировые цены на нефть, и разразившийся вслед за этим финансовый кризис заставил многие страны Персидского залива жестче контролировать расходы. К середине прошлого десятилетия 70 процентов доходов от продажи нефти шли либо на сбережения, либо на погашение долгов, и сегодня финансовый менеджмент в регионе заслуживает самой высокой оценки. Практически каждое государство Персидского залива использовало модель, созданную Норвегией – страной, которая может похвастаться чрезвычайно успешным фондом национального благосостояния для реинвестирования прибыли, полученной от продажи нефти. Некоторые исследователи считают эти фонды всего лишь очередным проходящим увлечением стран Персидского залива, попыткой выглядеть не менее современными, чем их соседи, однако пока эти инструменты вполне эффективно выполняют свое главное предназначение – стратегическое и

справедливое управление деньгами с учетом долгосрочных интересов государства.

Судя по всему, нынешние лидеры Саудовской Аравии лучше других понимают свою первостепенную задачу: им надо создать более образованную и мотивированную отечественную рабочую силу, способную в свою очередь построить экономику, которая не будет зависеть исключительно от нефти. Они много и мудро расходуют на улучшение образования, от детских садов до программ доктората, на модернизацию транспортной сети, на строительство новых электростанций. Но даже и без новых, не нефтяных отраслей, похоже, само по себе разумное расходование нефтедолларов способно обеспечить экономический рост на уровне 4–5 процентов, что совсем неплохо для региона со столь высокими доходами на душу населения. Однако, надо признать, такая ситуация вовсе необязательно сохранится долго.

В последнее десятилетие в Персидском заливе много и горячо обсуждают «жизнь после нефти» – развитие новых отраслей промышленности, прежде всего тех, для которых необходим этот природный ресурс, главное конкурентное преимущество региона. В этих странах строятся новые нефтеперерабатывающие заводы и предприятия по выпуску химических удобрений (они используют в качестве сырья нефть), но пока еще реальный экономический эффект от этих отраслей не соответствует актуальности и важности данной цели. В период между 2001 и 2010 годами доля от торговли нефтью в ВВП в таких стран, как Бахрейн, Кувейт и Оман, снизилась на несколько процентных пунктов, но некоторые государства Персидского залива фактически попали в еще большую зависимость от этого сырья. Например, нефтяная доля в ВВП Саудовской Аравии выросла на 10 процентных пунктов, достигнув 45 процентов, а доля ВВП ОАЭ увеличилась на 2 пункта, до 31 процента.

Особенно удивляет факт роста зависимости от нефти в ОАЭ, ведь один из эмиратов, Дубай, приобрел за тот же десятилетний период всемирную известность благодаря потрясающей кампании, нацеленной на создание в пустыне истинной финансово-туристической «Мекки». Идея состояла в том, чтобы, разместив серьезные компании в зданиях с уникальной, привлекающей внимание архитектурой, создать в эмирате нечто вроде помеси Лас-Вегаса с Сингапуром. Достаточно вспомнить хотя бы похожий на парус роскошный отель *Vuğ Al Arab*, вдохновивший на подобные предприятия еще один эмират, Абу-Даби, а также Катар, Оман и другие страны Персидского залива. Но проект потерпел сокрушительное фиаско.

Помимо долговых проблем, с самого начала характерных для данного проекта, помешала и банальная проблема спроса, ведь экономический потенциал финансово-туристической индустрии в пустыне изначально ограничен. Страны, последовавшие примеру Дубая, выдвигают аргумент, что их идеи несколько отличаются от дубайского проекта. В частности, Катар решил специализироваться на спортивном туризме (в 2022 году тут пройдут игры Чемпионата мира по футболу ФИФА), а Оман сделал ставку на неспортивный туризм. Но, помимо этого, у Катара имеется потрясающий новый Музей ислама, а в Абу-Даби не только проводятся крупные спортивные мероприятия вроде гонок Формула-1, но еще и идет строительство совершенно невероятного искусственного острова стоимостью в 25 миллиардов долларов, где планируется разместить филиалы парижского Лувра и Нью-Йоркского Гуггенхайма. Нельзя не упомянуть и об отличных международных университетах Абу-Даби. Все это великие, но конкурирующие проекты, и им, без сомнения, будет очень тесно в одном небольшом регионе.

Кроме того, Персидский залив очень слабо продвинулся в деле использования отечественных трудовых ресурсов. Всем известно, что государства этого региона обеспечивают рабочими местами огромную армию эмигрантов, составляющую почти треть его населения: 75 процентов в Катаре, 66 процентов в Кувейте и более 80 процентов в ОАЭ. Но не все знают, что бизнесом этих стран, по сути, управляют иностранные консультанты – профессионалы, занимающие все высшие управленческие должности в компаниях Залива, за исключением разве что постов CEO и членов совета директоров, которые, как правило, принадлежат членам королевских семей. В типичной нефтяной компании CEO является шейх, а президентом и его непосредственными подчиненными, как правило, британцы, индийцы или ливанцы. По сути, данная система означает создание фонда доверительного управления для местных жителей, ибо нефтяные и нефтехимические компании региона, словно пирожки, пекут огромные прибыли – по последней оценке резерв составляет около 2 триллионов долларов, – и сегодня львиная доля этих прибылей содержится в фондах национального благосостояния. Эти фонды, в свою очередь, инвестируют в основном за пределами Персидского залива – по тем же причинам, по которым данного региона избегают иностранные инвесторы: из-за нечетких правил, непрозрачной отчетности и дефицита компаний мирового класса.

Однако местные частные инвесторы – это уже совсем другая история. У здешних жителей накопилось достаточно богатства, чтобы надуть на рынках Персидского залива очень крупные «пузыри». Люди живут в таких теплицах ликвидности, построенных на фундаменте активного сальдо

торгового баланса свыше 200 миллиардов долларов в год, то есть больше 20 процентов от ВВП. По приблизительным оценкам, суммарное состояние этого региона составляет свыше 3 триллионов долларов, и, пока течет нефть, оно прирастает на 20 процентов в год. Для любого другого региона четвертого мира такое богатство просто немыслимо, и оно должно на что-то расходоваться.

В 2005 и начале 2006 года нефтяные богатства, перелившись через край Персидского залива, привели к созданию «пузыря» поистине эпических размеров. Цены на нефть росли, а некоторые страны региона, последовав примеру Саудовской Аравии, начали проводить реформы с целью приватизации предприятий нефтяной промышленности, что тут же привлекло внимание инвесторов. Объемы частного кредитования пошли в рост, инвесторы начали брать займы на приобретение акций, что привело к спиральному циклу дальнейшего увеличения сумм кредитов, ведущих, в свою очередь, к дальнейшему повышению курса акций. Вскоре в игру вступили и мелкие инвесторы, которые, чтобы купить акции, в безудержном азарте рисковали семейными сбережениями, залезали в огромные долги и даже продавали собственные автомобили и дома. Часто новичками были женщины, которые прежде никогда не занимались биржевыми операциями, и некоторые биржи, действуя в соответствии с мусульманскими требованиями разделения полов, даже открыли для них специальные торговые площадки.

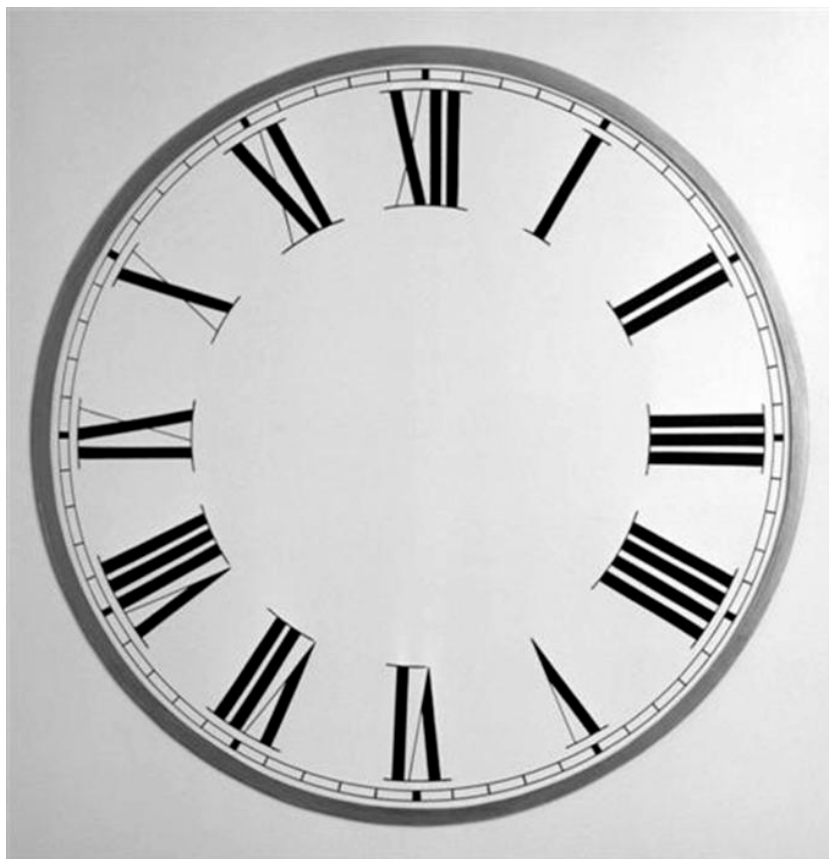
Биржевая торговля превратилась в Саудовской Аравии в общенациональную манию. На учителей публично налагали взыскания за участие в дневных торгах во время школьных занятий. В декабре 2005 года добрая половина семнадцатимиллионного населения приобрела в результате первичных публичных предложений акции той или иной нефтехимической компании. На пике одержимости каждый пятый житель Саудовской Аравии занимался дневными торговыми операциями – притом что в США в 2000 году это делал лишь один американец из ста. А когда в начале 2006 года этот «пузырь» наконец лопнул, для Саудовской Аравии это имело весьма разрушительные последствия. Роскошные магазины Эр-Рияда вмиг опустели, и граждане бросились в автосалоны продавать свои автомобили, на этот раз чтобы погасить долги на фондовом рынке. Когда страсти утихли, рыночные супервайзеры закрыли десятки сайтов, расплодившихся в огромном количестве для распространения биржевых слухов, и сейчас здешний фондовый рынок по-прежнему почти на 50 процентов меньше, чем был на момент своего пика. Сейчас его суммарная стоимость составляет около 300 миллиардов долларов, что вполне соответствует размеру экономики Саудовской Аравии, которая оценивается в 450 миллиардов.

Хотя нефтяное изобилие изначально чревато подобными спекулятивными вспышками, Персидский залив, похоже, обладает иммунитетом к другой проблеме, от которой страдают многие страны, богатые сырьевыми ресурсами. Речь идет о «голландской болезни». Названное в честь кризиса, поразившего Нидерланды в 1960-х, это явление возникает, когда рост мировых цен на главный экспортный товар, в данном случае нефть, приводит к резкому увеличению стоимости национальной валюты, из-за чего экспорт других продуктов страны становится менее конкурентоспособным и, следовательно, в других отраслях начинается спад. Как мы уже убедились, эта проблема может сильно ударить по экономике государства, серьезно зависящего от экспорта любого сырьевого товара. В последние годы эта болезнь поразила Бразилию, Россию и ЮАР. Но, как я уже сказал, страны Персидского залива практически застрахованы от этой проблемы, ибо помимо нефти они почти ничего не экспортируют. В них нет ни обрабатывающей промышленности, ни сервисной сферы, которые могли бы пострадать в данной ситуации. У экономики государств этого региона нет иных конкурентных преимуществ: кроме нефти, им приходится импортировать почти все. Даже местные компании по производству стекла – окруженные, по сути, миллионами километров песчаной пустыни – вынуждены импортировать основной ингредиент, ибо весь местный песок недостаточно высокого качества. Страны Персидского залива винить тут, конечно же, не в чем; данная ситуация лишь свидетельствует о том, как трудно построить современное общество с разнообразной экономической базой в негостеприимной пустыне.

Таким образом, государства этого региона можно считать ярчайшим примером, еще раз подтверждающим, что никакие два формирующихся рынка нельзя трактовать и оценивать одинаково и что экономический путь ни одной страны невозможно понять, руководствуясь простым набором правил. Страны Персидского залива нарушили десятки основных правил экономического развития: у них отсутствует производственная база, они испытывают явный недостаток квалифицированной отечественной рабочей силы, в них практикуются самые щедрые дотации и субсидии на всем земном шаре при практически полном отсутствии налогов – и все же благодаря нефтяному изобилию их экономика, судя по всему, будет в обозримом будущем быстро расти. В этом мире в себе есть совсем небольшие государства, самые богатые на всей планете, которые, похоже, будут процветать благодаря нефти еще не одно десятилетие. Персидский залив служит веским доказательством того, что каждая развивающаяся нация и каждый развивающийся регион, особенно четвертого мира, поистине уникален.

Глава 13

Холодный душ после экстаза

Мы все находимся на замечательной вечеринке и знаем, что по правилам игры в какой-то момент через огромные двери террасы ворвется Черный всадник, который повергнет гуляк. Ушедшие с праздника раньше могли бы спастись, но музыка и вино так соблазнительны, что мы не хотим уходить и только постоянно спрашиваем друг у друга: «Который час? Который сейчас час?» Но ни на одних часах в доме нет стрелок

Известный драматург Артур Миллер однажды заметил: «Эпоха кончается, когда исчерпываются ее основные

иллюзии». Большинство иллюзий, приведших к глобальному экономическому буму прошедшего десятилетия, – вера в то, что рост мировой экономики навеки перешел на более высокий уровень, и надежда на то, что Федеральная резервная система (или центральный банк любой страны) способна сгладить любые взлеты и падения экономического цикла, – действительно канули в Лету. И все же одна идея по-прежнему остается в силе, занимая умы и поражая воображение рынков. Суть ее в том, что неумолимый рост Китая и других крупных формирующихся рынков будет и

впредь стимулировать «сырьевой суперцикл» – пролонгированный и уверенный рост цен на сырьевые товары, от нефти до меди, от серебра до кукурузы и сои. Это убеждение послужило основной причиной для оптимизма при оценке перспектив целого ряда государств, живущих за счет экспорта сырья: Бразилии, Аргентины, Австралии, Канады и некоторых других стран.

Я назвал эту иллюзию сырьекмом (по аналогии с доткомом), ибо в некоторых отношениях данная ситуация поразительно напоминает безумие с акциями высокотехнологических компаний, охватившее мир в конце 1990-х. В разгар эпохи доткомов в их активы было вложено 30 процентов всех денег, инвестированных в глобальные рынки капитала. А когда этот «пузырь» в конце концов лопнул, на смену технологическим компаниям в качестве главного инвестиционного выбора пришли сырьевые отрасли. К началу 2011 года на них приходилось 30 процентов мировых фондовых бирж. Ни в одном «пузыре» нет ничего хорошего; лопнув, каждый из них оставляет после себя ту или иную степень нищеты и разочарования. Но по сравнению с бумом высоких технологий, эпоха сырьекмом оказала на мировую экономику намного более значительное и негативное влияние.

Этот ажиотаж создал целую новую отрасль, превращающую сырье в финансовые продукты, которыми можно торговать, словно акциями. Нефть, пшеница и платина раньше продавались в основном как сырьевые материалы, а теперь преимущественно как рискованные ценные бумаги. Медь накапливается на таможенных складах не потому, что хозяева планируют чуть позже пустить ее на производство проволоки, а потому, что на ней, как и на золоте, «сидят» спекулянты, рассчитывая однажды продать товар с огромной прибылью. Объемы дневных торгов нефтью сегодня затмевают объемы дневного потребления этого продукта, подстегивая дальнейший рост цен. И хотя рост цен на акции, включая и акции технологических компаний, как правило, стимулирует развитие экономики, высокие цены на главные продукты, такие как нефть, влекут за собой неизбежные затраты и для бизнеса, и для потребителей и, по сути, очень мешают экономическому росту.

Именно так ощущают такое явление, как сырьекмом, обычные, рядовые граждане – как якорь, сковывающий каждое их движение, а вовсе не как нечто новое и интересное. В свое время доткомы, сметя преграды финансового мира, привлекли всеобщее внимание: они вызывали огромный ажиотаж в мировых СМИ и превращали скромных офисных служащих во внутридневных трейдеров. Эта эпоха была порождением безграничного

оптимизма, веры в прогресс человечества и ощущения, что инновации Кремниевой долины непременно изменят мир к лучшему.

СЕО компаний высоких технологий стали популярны не менее рок-звезд, ведь они обещали людям прекрасное будущее: повышение производительности труда, снижение цен и высокую зарплату за разработку новых идей в крутой офисной атмосфере инновационной экономики либо отличные прибыли от торговли акциями со своего ноутбука в уюте собственной гостиной. Еще в конце 1990-х было просто невозможно заинтересовать инвесторов чем-либо не имевшим отношения к высоким технологиям и к США; некоторые заговорили о зарождающихся рынках как о «рынках всеобщего объединения благодаря новым технологиям», аналитики же тратили массу времени на поиски новой Кремниевой долины и, верные долгу, находили, но зачастую в очень уж неожиданных местах, например в тесных офисах, прятавшихся на чердаках и в подвалах городов всего мира, от Праги до Куала-Лумпура.

А десять лет спустя все наперебой говорили о крупных развивающихся рынках и нефти, но уже с более мрачным настроением. Эпоха сырьевиков стала порождением страха и полного отсутствия веры в прогресс человечества, – страха перед разворачивающимися фалангами развивающихся стран во главе с Китаем с их ненасытным спросом, перед прогнозами, предсказывающими пик нефтедобычи и засуху в сельскохозяйственных угодьях. Эти страхи сопровождаются полным отсутствием веры в способность человечества решить вышеназванные проблемы, то есть найти альтернативу нефти или способы, позволяющие повысить продуктивность сельского хозяйства. Тут мы вновь имеем дело с мальтузианским^[13] взглядом на борьбу и дефицит: запасов продуктов питания в мире недостаточно, цены на них неуклонно растут, а заработная плата снижается из-за конкуренции со стороны рабочей силы из-за рубежа.

Энтузиазм по поводу роста цен на сырьевые товары наблюдается только среди инвесторов, финансистов и спекулянтов, которые могут получить от этого выгоду. Конечно, «пузырь» сырьевиков вдохновил многих индийских и китайских предпринимателей отправиться в Африку на поиски угольных шахт, но в общественном сознании ни с чем положительным он не ассоциируется. На пике «пузыря» высокие технологии миллионы американских школьников загорелись идеей поступить в Стэнфордский университет, получить диплом в области делового администрирования и найти работу в Кремниевой долине. Сегодня же, несмотря на появление все новых учебных программ по подготовке менеджеров для нефтяной, газовой и энергетической отраслей, данное направление представляет собой лишь

очень узкую нишу сферы высшего образования. Современное общество выражает свое отношение к сырьевым исключительным в виде жалоб на рост цен на бензин и всплеск беспорядков в связи с ростом цен на продовольствие на формирующихся рынках. И данная ситуация вполне логична и обоснованна. Впрочем, пока негативное влияние на крупную экономику резкого увеличения цен на сырьевые товары все равно нами явно недооценивается. Не следует, например, забывать, что именно взлет цен на нефть предшествовал десяти из одиннадцати послевоенных рецессий в США. В течение года до начала Великой рецессии 2008 года цены на этот продукт выросли на 57 процентов, а накануне серьезных проблем американской экономики в середине 2011 года нефть подорожала более чем на 60 процентов. А когда экономическая активность в США идет на спад, она неизменно тянет за собой экономики развивающихся стран. Во время Великой рецессии 2008–2009 годов темпы экономического роста снизились на целых 8 процентов и на развитых, и на развивающихся рынках – со своего пика сразу до минимума, характерного для серьезного спада.

Самая крепкая нить, связывающая эпохи технологического и сырьевого «пузырей», – это главный движущий фактор любой мании: изобретение человечеством так называемой «новой парадигмы», призванной оправдать иррационально высокие цены. В разгар бума доткомов мы слышали самые разные, порой абсолютно экзотические, обоснования создавшейся ситуации. Аналитики щедро засыпали нас объяснениями, почему та или иная компания пока еще не получает огромной прибыли или почему наспех составленный бизнес-план либо привлекательное название продаются по астрономическим ценам. Все говорили нам о будущем, о необходимости понимания причин, по которым цены в объединенной новыми цифровыми технологиями глобальной экономике «стремятся к свободе», а уж проблема дальнейшей «монетизации» бизнес-идей, то есть превращения их в реальные деньги, со временем решится сама по себе. Мания доткомов оказалась достаточно долгой и мощной, чтобы превратить Билла Клинтона в живой символ американского возрождения, равно как резкий скачок цен на сырье сыграл важную роль в превращении Владимира Путина в символ российского возрождения, и Инасиу Лула да Силву – бразильского. Но когда и этот экстаз пройдет, сырьевомовская эпоха будет вызывать такие же негативные эмоции, какие охватили общество, когда лопнул «пузырь» доткомов.

Глобальные рынки имеют обыкновение трактовать развитие страны почти так же, как компании или виды сырья; их трактовка, невзирая на все проблемы и ошибки в прошлом, тоже подвержена влиянию преходящих модных новинок и навязчивых идей. И, несмотря на оптимизм последних

лет, странам, процветающим сегодня за счет сырьевых ресурсов, например России и Бразилии, история, к сожалению, не сулит ничего хорошего.

Двести лет экономического спада

Ажиотаж вокруг таких стран, как Бразилия, был вызван в основном тем же диковинным объяснением, благодаря которому нам пытаются втолковать, почему резкий рост цен на сырьевые товары последние несколько лет непременно означает переход мировой экономики на новый, более высокий уровень. Я имею в виду вновь всплывшую на поверхность концепцию «новой нормы». В большинстве случаев прогнозы дальнейшего подорожания сырья основываются на предположении, что спрос формирующихся рынков на эти товары будет и впредь расти так же стремительно, как в последние десятилетия; однако эту волну, скорее всего, следует считать событием разовым. А, учитывая огромное бремя высоких цен на сырье, весьма вероятное грядущее ослабление позиций зарождающегося рынка будет способствовать возрождению доверия к Западу, где большинство стран являются крупными потребителями сырьевых товаров.

Если рассматривать вопрос с точки зрения долгосрочной перспективы, на протяжении последних двухсот лет цены на сырье не просто снижались, а менялись по вполне предсказуемому шаблону. Сначала стоимость того или иного ресурса непрерывно росла в течение десяти лет, вдохновляя ученых либо на изобретение способов экономии имеющихся запасов, чтобы со временем извлечь из них больше выгоды, либо на поиск дешевых заменителей. Затем в течение двух десятилетий цена на данное сырье, как правило, снижалась. Эта тенденция – десятилетие вперед, два десятилетия назад – сохранялась много лет. В результате цены на основное промышленное сырье с учетом инфляции сегодня на 70 процентов ниже, чем в 1800 году. Есть и исключения из этого правила – например, золото и в какой-то степени нефть и медь. Цена на них за этот период либо осталась на том же уровне, либо даже выросла, но теперь даже их стоимость колеблется практически синхронно с другими видами сырьевых товаров. Все факторы, которые прежде влияли на цену сырья – погода на цену продуктов питания, процентные ставки на цену золота, промышленный спрос на неблагородные металлы, – сводятся на нет растущим спросом со стороны Китая и спекулянтов, привлекаемых дешевыми деньгами.

Сегодня мы приближаемся к концу десятилетия резких всплесков цен на нефть, и описанная выше тенденция повторяется в очередной раз. Мир уже сейчас является свидетелем серьезного прогресса эффективности,

сопровождающегося существенным падением спроса на нефть ведущих промышленно развитых стран. В США он за прошлый год снизился на 4 процента, в Германии на 8 процентов; даже в Японии с ее суперэффективностью спрос на это сырье упал на 2 процента. Высокие цены на нефть способствовали заметной активизации инвестиций в поиск альтернативных источников энергии и видов топлива, и хотя большинство из них пока находятся на стадии разработки, есть все основания надеяться, что их появление – лишь вопрос времени.

Ни у одной страны мира нет более мощных стимулов экономить на нефти и заниматься новаторством, чем у Китая, который напряженно трудится над созданием «зеленых» городов, электромобилей, энергосберегающих домов и менее энергоемких предприятий. Причем для достижения этих целей Китай использует способы, возможные, пожалуй, только в стране с агрессивной командно-административной системой. Попробуйте съездить в командировку в Пекин летом, когда правительственным учреждениям официально разрешено включать кондиционеры для охлаждения воздуха только до 25° по Цельсию, и сразу поймете, о чем я говорю.

Нефтяные миллиардеры

Чем больше Уолл-стрит проникается иллюзиями сырьевого «пузыря», тем к большим проблемам это приведет в будущем, ибо все больше личных и национальных состояний направляются на неправильные цели, и все чаще богатства концентрируются в руках тех, кто этого не заслуживает. В 2000-х многие новоиспеченные миллиардеры были действительно творческими предпринимателями; многие из них, пережив крах, и сейчас продолжают трудиться во имя технологической революции, предлагая все новые поколения смартфонов, компьютеров и бесконечное число других инноваций. К сожалению, сегодня миллиардерами становятся в основном благодаря нефти и другим сырьевым товарам: за прошедшее десятилетие акции их продавцов подорожали на 400 процентов, и крупные игроки по-прежнему зарабатывают огромные деньги, по сути, выкачивая из земли те или иные ресурсы. Если в 2001 году в мире насчитывалось двадцать девять миллиардеров в энергетической отрасли и семьдесят пять в технологической, то к 2011 году ситуация была практически противоположной – двадцать в технологической и семьдесят шесть в энергетической, в основном нефтяной. При этом магнаты и олигархи новой формации вносят позитивный устойчивый вклад только одного типа: вдохновляют конкурентов на разработку альтернативных видов топлива, благодаря которым мир сможет вырваться из этого порочного круга.

Прогнозы, предрекающие дальнейшее повышение цен на сырьевые товары, породили целую индустрию, которая предлагает всевозможные инвестиционные продукты, например биржевые инвестиционные фонды, и сегодня даже непрофессионал может торговать сырьем, словно акциями. И эта тенденция, получившая название «расчет финансовых результатов от торговли сырьем», набирает обороты поистине головокружительными темпами. Общая сумма средств, вложенных в фонды инвестирования в сырьевые рынки, за последние пять лет выросла более чем в два раза; по состоянию на 2011 год она составила более 400 миллиардов долларов. По данным базирующейся в США исследовательской компании Cornerstone Analytics, которая специализируется на энергетическом секторе, общий объем встречных продаж фьючерсов на энергоносители в 2008 году достиг более 1,2 миллиарда баррелей в день. Это в шестнадцать раз больше ежедневного общемирового потребления энергии, хотя всего десять лет назад разница была лишь троекратной. На сырьевых рынках господствуют спекулянты, и цены на некоторые виды сырья, в том числе серебро, кукурузу и хлопок, во много раз превышают затраты на их производство даже на самых неэффективных предприятиях (которые на обычном рынке работали бы себе в убыток). Как уже говорилось, после экономического спада стоимость сырьевых товаров обязательно повышается, но то, что происходило в последние годы, явно выходит за рамки этого правила. За двадцать три периода экономического возрождения, пережитых миром с 1900 года, цены на сырье росли быстрее, чем сейчас, лишь однажды, после рецессии 1914 года, и ни разу не увеличивались быстрее в сравнении с экономическим ростом. Таким образом, мы с вами являемся свидетелями самого сильного ценового бума на сырьевые товары за всю задокументированную историю мировой экономики.

Самое опасное стадное поведение

Раздутые цены на сырье, в частности на нефть, несут в себе семена саморазрушения, ведь чем выше они поднимаются, тем больше шансов, что в определенный момент они начнут тормозить развитие экономики в целом. Можно сказать, цены на нефть превратились в своего рода процентную ставку нового типа: если центральные банки начинают настаивать на затоплении системы ликвидностью, они весьма эффективно ограничивают экономический рост. Именно этой точки мы достигли в середине 2011 года: стоимость нефти превысила 100 долларов за баррель, глобальные расходы дошли до уровня 8 процентов от ВВП – в этой точке цена традиционно начинает негативно сказываться на спросе.

Резкий рост цен на нефть всегда оказывал разрушительное влияние, но в последние годы этот негативный эффект многократно усиливался на удивление стадным поведением мировых рынков. Никогда еще стоимость нефти и курсы акций не менялись с такой абсолютной синхронностью. И дело не только в нефти. Дело в том, что в последнее время инвесторы одинаково относились ко всем рискованным активам, то есть к любым инвестициям с историей резких колебаний цен в прошлом: в медь, валюту, акции компаний из богатых сырьевых стран, и даже в бросовые облигации. Когда инвесторы чувствуют себя излишне уверенно, они имеют обыкновение без разбора скупать любые активы, а как только их вера начинает ослабевать, они так же, одним махом, все сбрасывают.

Сегодня принято считать это новое стадное поведение одним из последствий глобализации. И действительно, согласно проведенным в этой области исследованиям, по мере того как страны снижают барьеры, препятствующие движению капиталов через границы, эти денежные потоки сглаживают различия между рынками всего мира. И тогда рынки начинают колебаться синхронно, а вслед за ними, из-за увеличения объемов торговли и усиления связей между капиталами, такая же тенденция возникает и в разных экономиках. Однако в последние годы синхронизация рынков достигла поистине экстраординарного уровня, что позволяет с полными основаниями предположить наличие мощных факторов помимо глобализации.

Решение этой загадки – дешевые деньги. Сегодня колебания ликвидности во многом определяют мировые тенденции, и аномально низкие процентные ставки последних лет, когда центральные банки всеми силами пытались поддержать бесконечный бум, привели к огромным потокам дешевых кредитов. А когда деньги легко доступны, инвесторы активно берут займы на приобретение материальных активов, что и привело к тому, что цены на нефть, медь и прочее сырье совершенно перестали зависеть от фактического спроса. В результате любые усилия стимулировать экономику очередными вливаниями дешевых денег просто не работают.

Центральные банки должны способствовать истинному экономическому росту, а не спекуляциям и запредельным взлетам цен на нефть. Огромные вложения денег в сырье приведут к поистине катастрофическим последствиям, и не только потому, что это ведет к чрезмерной спекуляции, но и потому, что вслед за ней резко усиливается неравенство в доходах и, соответственно, политическая напряженность в мире. От роста курса акций несравненно больше выигрывает 20 процентов богатейшего населения, которое, например, в США владеет 75 процентами всех ценных бумаг. При этом рост цен на нефть наносит непропорционально большой ущерб

беднейшим 20 процентам населения, которые тратят на бензин в четыре раза бо2льшую долю своих доходов, чем богатейшие 20 процентов.

Любой социал-демократ, поддерживающий дешевые деньги как инструмент достижения социального равенства, должен переосмыслить свою позицию, ибо нынешняя волна ликвидности ведет главным образом к спекуляциям, от которых выигрывают только богатые, а обычные люди, делающие накопления, весьма эффективно облагаются дополнительными поборами (при процентной ставке ниже уровня инфляции вкладчики получают на свои деньги отрицательный реальный доход). Кроме того, политика дешевых денег имеет тенденцию способствовать явлению, которое исследовательская компания GaveKal Dragonomics весьма удачно окрестила «пузырем в наихудшем его проявлении». Суть его в том, что нулевые процентные ставки поощряют инвесторов активно вкладывать средства в активы, ценность которых определяется их дефицитностью (золото, вина, предметы коллекционирования, трофеи и награды), а не продуктивностью (технологии, станки и оборудование, суда). Когда этот «пузырь» лопается, инвестированный капитал просто «вылетает в трубу», и у людей остается не больше золота, бриллиантов или коллекционного вина, чем к началу этого процесса. «Пузырь» высоких технологий хотя бы помог объединить мир и оставил после себя целый ряд новых интернет-инструментов и услуг, которые с тех пор стали еще более полезными и ценными.

К факторам, приведшим к возникновению сырьевого «пузыря», следует отнести и неумолимый подъем Китая. Мощный поток ликвидности привел к тому, что Китай и сырьевые товары тесно переплелись в умах современных инвесторов. Однако же у нас нет ни малейших оснований полагать, что из-за стремительной экспансии Китая цена на такие товары, как, например, нефть, будет расти до бесконечности, ибо в конечном итоге она непременно достигнет точки, с которой начнется снижение темпов роста китайской производительности. Кроме того, в ажиотаже вокруг производственных доблестей Китая и его мощного спроса на нефть многие забывают об одном весьма важном моменте: смещение центра глобального промышленного производства в Китай, по сути, представляет собой игру с нулевым исходом. Цены на сырье должны отражать глобальный объем выпуска промышленной продукции и общемировой спрос на нефть, но фактически оба показателя не могут похвастаться заметным ростом. Даже несмотря на то что доля Китая в мировом производстве за последние два десятилетия резко увеличилась – с 4 до 17 процентов, – доля промышленного производства в мировой экономике за тот же период снизилась с 23 до 17 процентов, в основном за счет Европы, Японии и США. Нет ничего удивительного в том, что начиная с 2005 года спрос на медь в развитых странах уменьшался в среднем на 3

процента в год. За последние десять лет американские транснациональные корпорации сократили два миллиона рабочих мест и еще столько же перенесли за рубеж, но в основном это касалось сервисного сектора; рабочие же места в сфере обрабатывающей промышленности по большей части были просто аннулированы. Иными словами, Китай – большая и продолжающая расти рыба производственного сектора, плавающая в неуклонно мельчающем пруду, и это вовсе не означает ненасытного, бесконечного спроса на нефть на глобальном рынке.

Резкий скачок цен на сырье также усугубляет проблемы, вызываемые «проклятием» природных ресурсов. Обнаружение запасов нефти в бедных странах нередко в конечном счете ведет к трагедии, ибо получаемые благодаря ей сверхприбыли имеют тенденцию порождать коррупцию в органах власти, привлекать чрезмерные иностранные кредиты, серьезно ужесточать конкуренцию в нефтяной сфере и приводить в уныние предпринимателей, бизнес которых не связан с нефтью. В итоге экономика таких стран начинает полностью зависеть от нефти и глубоко увязает в иностранных долгах. Нации, сумевшие сохранить и правильно инвестировать новые сверхприбыли от сырья, например Норвегия и Чили, к моменту обнаружения нефти и меди соответственно были уже богатыми, и это не стало для них неожиданным выигрышным лотерейным билетом, оказавшимся в руках обездоленного и неподготовленного бедняка. Но прибыли в эпоху сырьекотов выросли настолько, что даже страны, сначала ставшие на правильный путь, вскоре, что называется, пошли вразнос. Как мы уже говорили, один из ярчайших примеров представляет собой Россия. Эта страна резко разбогатела прежде всего благодаря нефтяному фонду, мудро созданному ею на черный день, но так и не смогла создать ни одного несырьевого глобального бренда. Это касается даже таких исконно российских продуктов, как водка. Сегодня ни один из пяти лучших мировых брендов водки не является российским. А уж если на глобальном рынке перестали покупать даже российскую водку, значит, с экономикой страны что-то не так.

Я лично убежден, что связка «Китай-сырье» разрушится в ближайшее время. Китай пожирал сырьевые товары с аппетитом, явно не соответствующим размеру своей экономики, и результаты его инвестиций, признаться, поистине поражают. Достаточно вспомнить поезда на магнитной подушке, полупустыми летающие в тумане из Шанхая в аэропорт и обратно, или широкие магистрали, соединяющие сегодня все крупные города страны. С 1990-х годов доля Китая в мировом спросе буквально на все виды сырья выросла со скромной однозначной цифры до 40, 50, 60 процентов – невзирая на то что доля этого государства в общемировом производстве составляет

всего 10 процентов. Если говорить, например, конкретно о нефти, на Китай приходится лишь 9 процентов от общего объема спроса, но при этом он ответственен почти за половину увеличения спроса, ставшего решающим фактором при повышении цен. Чтобы лучше понять, в какой мере мы обязаны глобальным сырьевым бумом именно Китаю, достаточно прокрутить возможные сценарии снижения его спроса на сырье. Например, если годовое потребление Китаем меди в течение следующих пяти лет снизится хотя бы на 20 процентов, то, чтобы компенсировать эту разницу, на остальных формирующихся рынках оно должно будет увеличиться вдвое, с 7 до 14 процентов.

Мальтус вернулся

Несколько иной сценарий развития событий дает нам такое сырье, как продукты питания, впрочем, с похожим итогом. Вполне вероятно, что в ближайшее время цены на продовольствие будут продолжать расти, страдая от недостаточного финансирования, погодных колебаний и прочих факторов, но, надо признать, для современных прогнозов, основанных на новой мрачной парадигме, характерны привкус ужасов в мальтузианском стиле и фундаментальное непонимание того, в какой мере человечество способно к трансформации. Резкий скачок цен на продовольствие в 1970-х привел к серьезным государственным инвестициям в так называемую «зеленую революцию», в результате чего объем сельскохозяйственного производства вырос настолько, что в некоторых странах фермерам начали платить за то, чтобы они ничего не выращивали. Сегодня, учитывая вспышку массовых протестов против высоких цен на продовольствие в целом ряде стран мира, от Туниса до Египта, правительства имеют никак не меньше стимулов для всеобщей мобилизации на этом фронте, и налицо явные признаки того, что очередной раунд инвестиций в разработку новых технологий пищевых продуктов уже начался.

Люди, прогнозирующие долгосрочный продовольственный кризис, связывают его с растущим населением земного шара, но забывают о том, что темпы роста населения вот уже целое столетие неуклонно снижаются. Кроме того, нужно учитывать, что, по оценкам специалистов, с нынешних дней до 2100 года 80 процентов прироста населения будет обеспечиваться за счет возрастных групп старше пятидесяти лет, а поскольку потребление калорий с возрастом резко уменьшается, спрос на продовольствие довольно сильно уменьшится.

Далее, в утверждении, что почти все самые плодородные земли планеты уже распаханы, есть доля правды, если говорить, например, о США и Европе,

однако к развивающимся странам это никак не относится. Африка владеет 60 процентами пахотных земель планеты, но обрабатывается сегодня только треть. А в других регионах имеются огромные возможности для повышения урожайности: в последние пять лет Россия улучшила свои показатели по производству пшеницы на 20 процентов, до 2,3 миллиона тонн с гектара, но если сравнить ее достижения, например, с Францией, которая получает 8 миллионов тонн с гектара, россиянам, безусловно, еще есть куда расти. А в Бразилии серьезного снижения стоимости продуктов питания можно добиться одним лишь улучшением дорог, ибо сегодня доставка сои грузовиками с плантаций Мату-Гросу на побережье обходится дороже, чем транспортировка этого продукта через китайские порты.

Не забывайте о валютном правиле

В большинстве стран – экспортеров сырья рост цен на эти товары привел к увеличению стоимости национальной валюты, что, конечно же, в свою очередь ведет к росту цен на все остальное, что они пытаются продать, от туристических услуг до хозяйственных сумок. Это чрезвычайно усложняет задачу конкуренции, свидетелем чего становится любой иностранный путешественник, решивший заселиться в какой-нибудь местный отель, скажем в Four Seasons. В странах, зависящих от экспорта сырья, цена за номер в ведущих отелях мира в долларовом выражении совершенно выпадает из нормы. Самая вопиющая ситуация наблюдается сегодня в России: номера в роскошных московских гостиницах стоят почти тысячу долларов в сутки, более чем вдвое дороже, чем аналогичный номер обойдется в среднем на глобальном рынке. Та же проблема характерна и для Сан-Паулу – тут стандартные номера в лучших отелях, например Fasano, стоят на 60 процентов дороже, чем в среднем в мире, – и для финансовой столицы Персидского залива Дубай (номера на 40 процентов дороже среднего мирового показателя), и для Буэнос-Айреса, где за ночь в Four Seasons придется выложить почти на 20 процентов больше средней цены.

Известно, что многие состоятельные бизнесмены из-за последовательности и слаженности обслуживания предпочитают жить в отелях гостиничной сети Four Seasons. Зачастую это один из самых роскошных отелей города, но от других не менее роскошных или экзотических гостиниц Four Seasons прежде всего отличается повышенным вниманием к эффективности; костюм тут поглядят в считанные минуты, а документы распечатают и подсунут под дверь по первому требованию постояльца.

Вот почему сравнительный анализ цен на гостиничный номер этой сети дает столь ясную картину затрат на ведение бизнеса в той или иной стране.

Индекс Four Seasons способен рассказать нам много нового о конкурентоспособности разных стран на мировом рынке.

Индекс Four Seasons

Страна	Город и название альтернативной гостиничной сети, если таковая имеется ¹	Цены в долл. США ²	Разница по сравнению со средним показателем по развивающимся странам, в %
Россия	Москва, Ritz Carlton	924	109,3
Бразилия	Сан-Паулу, Fasano	720	63,1
	Средний показатель по развитым рынкам ³	704	59,5
Турция	Стамбул	659	49,3
ОАЭ	Дубай, Ritz Carlton	613	38,9
Нигерия	Лагос, Federal Palace	597	35,2
Аргентина	Буэнос-Айрес	520	17,8
Чешская Республика	Прага	517	17,1
Саудовская Аравия	Эр-Рияд	460	4,2
	Средний показатель по развивающимся рынкам ⁴	441	—

1 В местности, где нет гостиниц Four Seasons, в качестве основной альтернативы предлагается сеть Ritz Carlton. При отсутствии обеих этих сетей предложены альтернативные варианты других гостиничных сетей высшего класса.

2 Стоимость базируется на ценах за стандартный номер, взятых с сайтов соответствующих отелей по состоянию на 8 августа 2011 г.

3 Для местности, где имеется две гостиницы Four Seasons, указывается средняя стоимость номера.

4 Стоимость номера Four Seasons в развитых странах рассчитана по ценам следующих городов: Чикаго, Женева, Гонконг, Лондон, Милан, Нью-Йорк, Париж, Сан-Франциско, Сингапур, Сидней и Токио.

Даже при беглом взгляде на эту таблицу сразу видно, какие центры сырьевого экспорта переоценивают себя настолько, что это уже сегодня угрожает их будущему росту. В первую очередь это касается Рио и Москвы. С другой стороны спектра находится на редкость конкурентоспособная сырьевая столица Джакарта, что дает нам весьма вескую причину сделать вывод, что Индонезия может стать в ближайшем времени прорывной нацией.

«Черный всадник» финансового апокалипсиса Адама Смита

Замедление темпов экономического роста Китая может стать настоящим шоком для «звезд» прошлого десятилетия, когда самыми рентабельными ценными бумагами в мире были акции сырьевых и энергетических компаний, а самыми эффективными фондовыми рынками – рынки богатых природными ресурсами Бразилии и России, выросшие примерно на 300 процентов в долларовом выражении, что не замедлило сказаться и на национальной валюте. В основу успеха этих фондовых рынков легли высокие цены на сырьевые товары и популярность правительства, известного своей щедростью: например, российский бюджет 2011 года будет сбалансированным, только если средняя цена на нефть не опустится ниже 100 долларов за баррель. Падение цен на сырьевые товары может в мгновение ока изменить ситуацию во всем мире, что, без сомнения, приведет к усилению угрозы нестабильности на Ближнем Востоке, зато несколько поумерит амбиции и сузит пространство для финансового маневра в разрушительных нефтяных государствах вроде Венесуэлы и придаст импульс честолюбию некоторым самоуспокоившимся региональным лидерам, например Бразилии.

В 2000 году, после двадцатилетнего периода снижения цен на сырьевые товары, когда еще никто не предвидел грядущего всплеска китайского спроса на них, основные экспортеры инвестировали в добычу нефти совсем немного. Когда же спрос неожиданно подскочил, это повлекло за собой взлет цен, обещавший баснословные прибыли, но удовлетворить резко возросшие запросы оказалось очень и очень трудно. В последние годы поставщики основных видов сырья – железной руды, нефти и меди – затрачивали и затрачивают на увеличение добычи десятки миллиардов долларов, основываясь в первую очередь на прогнозах огромного спроса Китая, которые, однако, вполне могут не сбыться. Глобальные горнодобывающие компании, например, расширяют рудники по добыче железной руды исходя из предположения, что объем их поставок к 2015 году вырастет на 60 процентов. Но чтобы это случилось, Китай должен за этот же период удвоить спрос на данное сырье, а это весьма сомнительно, учитывая, что Пекин уже

весьма неоднозначно дал понять, что инвестиционная активность в стране в скором времени пойдет на спад.

Оптимисты очень любят говорить о резком повышении спроса на сырье, но за последнее десятилетие рост цен на нефть привел к столь резкому увеличению инвестиций в новые проекты – поиск новых месторождений, строительство новых трубопроводов и нефтеперерабатывающих заводов, разработку альтернативных источников энергии (например, сланцевого газа) и др., – что уже в этом десятилетии предложение вполне может превысить спрос. И это в равной мере касается как нефти, так и многих других сырьевых товаров, от стали до соевых бобов. Такая инвестиционная чрезмерность характерна для поздних стадий любого «пузыря»; именно из-за нее в зоне риска оказывается так много инвесторов, компаний и стран. Автор Джордж Гудман, больше известный под псевдонимом Адам Смит, идеально описал заключительные моменты любой мании в своей книге «Игра на деньги» (The Money Game), написанной в разгар рыночного бума 1967 года: «Мы все находимся на замечательной вечеринке и знаем, что по правилам игры в какой-то момент через огромные двери террасы ворвется Черный всадник, который повергнет гуляк. Ушедшие раньше могли бы спастись, но музыка и вино так соблазнительны, что мы не хотим уходить, и только постоянно спрашиваем друг у друга: “Который час? Который сейчас час?” Но ни на одних часах в доме нет стрелок».

Такие «черные всадники» сокрушат и гуляк, которые не смогли вовремя уйти с вечеринки сырьевых товаров. Когда связь «Китай-сырье» разорвется, одной из выигравших в результате групп, очевидно, будут импортеры сырьевых товаров, в том числе Индия, Турция и Египет. Снижение цен на сырье ослабит инфляционный прессинг, который, возможно, сегодня является самым серьезным препятствием, стоящим на пути роста этих стран.

И такой исход был бы в русле всей послевоенной истории мировой экономики, которая показывает, что подавляющее большинство экономических «чудес» были созданы промышленными державами – импортерами, а не экспортерами сырья. В 2008 году Комиссия Всемирного банка по вопросам роста опубликовала доклад, где говорилось, что начиная с 1945 года только тринадцать стран в мире сумели поддерживать темпы экономического роста в 7 и более процентов в течение четверти века подряд. Из этой группы лишь одна Бразилия добилась успеха в результате сырьевого бума 1960-х и 1970-х годов, но потом, в период снижения цен на сырье, который длился с 1980 по 1990-е годы, у нее начались серьезные проблемы. Все же остальные победители были производителями: они выпускали полезные товары по доступным ценам. Первой с 1950-х годов шла Япония,

за ней Корея, Тайвань, Китай, Таиланд и Индонезия. Гонконг и Сингапур присоединились к этой группе, став своего рода каналами, по которым азиатские производители соединялись с остальным миром.

Ничто не исчезает, все трансформируется

Если же говорить о пессимистичных прогнозах, то в данном случае распространенная ошибка заключается в убежденности в том, что когда очередное всеобщее преходящее увлечение ослабевает и уходит в небытие, мир переживает страшный коллапс, а не переходит к новой главе. В конце 1980-х на долю Японии приходилась почти половина общего объема мировых фондовых рынков, и пессимисты прогнозировали, что проблемы в экономике этой страны непременно приведут к глобальному краху. Но в начале 1990-х, когда японский фондовый рынок действительно рухнул, по глобальному экономическому морю пробежала лишь слабая рябь. На авансцену, поражая мир новыми технологиями, разработанными в Кремниевой долине, вышли США, сменившие Японию на почетном посту главного двигателя экономического роста. Еще один пример: в 1997–1998 годах, накануне азиатского финансового кризиса, промышленные экономики среднего размера, такие как Таиланд и Малайзия, составляли 30 процентов от фондовых индексов глобального формирующегося рынка, а сейчас их доля снизилась до 5 процентов.

Точнее всех суть эволюционных изменений нашего мира описал отец современной химии великий Антуан Лавуазье: *«Ничто не возникает и не исчезает, все трансформируется»*. И грядущий спад деловой активности в Китае и взрыв сырьевого «пузыря» принесет миру трансформацию, а не катастрофу. Китай не рухнет, он преобразуется. Уменьшение объема инвестиций замедлит общий рост, но, конечно же, не остановит мощного подъема потребителя этого развивающегося рынка, и этот потребитель будет захватывать все большую и большую долю как китайской, так и мировой экономики.

У других зарождающихся рынков появятся новые возможности для роста благодаря поставкам сырья для заводов и фабрик, выпускающих товары для удовлетворения нужд этих новых потребителей. Доля Азии в глобальном среднем классе выросла с 20 процентов в 1980 году до 60 процентов в настоящее время, а число азиатских миллионеров в 2010 году достигло 3 миллионов человек – столько же, сколько в Европе. Это в определенной мере свидетельствует о наличии в Китае новых рынков, способных расширяться, даже если замедлятся темпы роста инвестиционного аспекта экономики страны. Один из примеров – высокотехнологичные товары широкого

потребления, от смартфонов до телевизоров с ЖК-экранами, спрос на которые не удовлетворен до сих пор.

Без сомнения, этот разрастающийся класс потребителей будет способствовать росту спроса и на важнейшие основные товары, от мыла до упакованных продуктов питания, но поистине потрясающие возможности лежат прежде всего в группе предметов роскоши. Стремление азиатских потребителей к хорошей жизни стимулирует постоянное увеличение объемов продаж товаров класса люкс, и конца этому не видно: объем продаж предметов роскоши в настоящее время растет в 2,5 раза быстрее, чем глобальная экономика в целом. Так, например, на Китай в настоящее время приходится 10 процентов от мирового ВВП и 20 процентов сбыта предметов роскоши; при наличии чуть более 1 процента миллионеров тут ежегодно покупают 32 процента знаменитых швейцарских часов.

Новое старое

Другим важным следствием резкого снижения цен на сырьевые товары станет мощный попутный ветер для пребывающих сегодня «в осаде» западных экономик, которые очень много тратят на импорт нефти и прочего сырья. К тому же можно ожидать бо́льших потоков капитала в продуктивные части мировой экономики. Не удивлюсь, если уже в текущем десятилетии объектом всеобщей одержимости вновь станут американские высокие технологии, зеркально отобразив ситуацию XIX века, когда за три десятилетия США пережили целых два железнодорожных бума. Несмотря на подъем формирующихся рынков, США по-прежнему остаются родиной большинства наилучших компьютерных приложений. В 1980-х и 1990-х Штаты резко сократили объем инвестиций в дороги и здания – именно тех инвестиций, взлет которых тогда начался в Китае, – и взяли на себя новую роль первой в мире экономики, основанной на научных знаниях и инновациях. Сегодняшнее плачевное состояние американских дорог привело к громкому национальному скандалу, и мало кто вспоминает о светлой стороне этой медали: в период между 1980 и 2000 годом расходы на программное обеспечение и оборудование выросли более чем в два раза, инициировав бум продуктивности, который стал главным фактором быстрого восстановления американской экономики в 1990-х годах.

Достижения США в высокотехнологической сфере поистине впечатляют, даже по сравнению с самыми быстрорастущими формирующимися рынками, а также с Японией и Тайванем – странами, тоже активно инвестирующими в научные исследования и технологические разработки, но со значительно менее заметными результатами в смысле их влияния на

экономический рост. Бизнес-стратег Анил Гупта и научный консультант Хэйъян Ван отмечают, что, несмотря весь ажиотаж вокруг достижений Китая в области инноваций с его миллиардами, идущими на научные исследования, самой большой в мире рабочей силой этого профиля и всплеском числа патентных заявок, реальная ситуация тут намного менее радужная, чем представляется на первый взгляд. Дело в том, что львиная доля квалифицированной рабочей силы готовится к профессиональной деятельности по традиционному национальному методу зубрежки, а большинство патентов, подаваемых в патентные бюро Китая, предлагают лишь незначительные изменения в уже существующие конструкции, а то и вообще представляют собой лишь попытку воспользоваться иностранной идеей в системе, не признающей зарубежные патенты. Гупта и Ван указывают на то, что сегодня существует общепринятый критерий, то есть число новых идей, принятых и зарегистрированных всеми тремя главными патентными ведомствами мира: США, Европы и Японии. Так вот, на каждые тридцать зарегистрированных идей, поступивших от изобретателей США, Европы и Японии, этот тройной отсев проходит только одна китайская.

Даже Япония получает от своей одержимости научными разработками и новаторством намного меньше пользы, чем США. С одной стороны, Америке благоприятствуют сами по себе огромные размеры страны, на долю которой приходится более трети глобальных расходов на научные исследования. Но с другой – не менее важно и то, что Япония в основном, что называется, смотрит внутрь, и хотя часто она первой выходит на рынок с новыми идеями, эти идеи нередко работают только на японском рынке. Примеров тому множество: еще в 2004 году Япония заменила кредитные карты мобильными платежными системами, но до сих пор не создала на базе этой концепции ни одного глобального бренда. В стране огромной популярностью пользуются десятки всевозможных мобильных устройств, пришедших на смену смартфонам, но больше нигде в мире этих чудес техники не встретишь.

С этой точки зрения островной, закрытый характер японской высокотехнологической индустрии резко контрастирует с соответствующими отраслями большинства других стран, от США до Финляндии. Кремниевая долина густо заселена иммигрировавшими из Индии и Китая талантами, и совсем неудивительно, что Google столь победоносно прошествовала по всему миру. США выделяются среди всех стран планеты, в том числе, безусловно, Китая и Японии, своей широкомасштабной экосистемой, питающей многочисленные высокотехнологичные стартапы, созданные на венчурный капитал,

первоклассной системой университетского образования и мощной правовой защитой интеллектуальной собственности.

Штаты сильны в разных технологических сферах, но наибольшие преимущества и прибыли сложившаяся в стране система обеспечивает в области разработки компьютерных программ, то есть выработки идей, которые ложатся в основу любой зарождающейся экономики знаний. В Apple работает 50 тысяч человек, а ее рыночная капитализация за последние пять лет выросла в пять раз. При этом в тайваньских компаниях, выпускающих гаджеты для той же Apple, трудятся миллионы людей, но из-за слабой ценообразовательной способности стоимость их акций неизменна вот уже много лет подряд. Все дело в том, что «железо» можно без особого труда воспроизвести и быстро вывести на рынок, что ведет к снижению прибыли, в то время как программное обеспечение будет высокорентабельным до тех пор, пока продолжается его эффективная разработка.

По словам основателя Netscape Марка Андрессена, через два десятилетия после изобретения современного интернета и через десять лет после краха интернет-«пузыря» индустрия программных средств практически достигла своей критической массы. Технология, необходимая для преобразования отраслей при помощи программного обеспечения, уже работает и широкодоступна. Сегодня доступ к широкополосной связи имеют два миллиарда человек, а к концу текущего десятилетия благодаря смартфонам это число увеличится до шести миллиардов. Глобальная экономика, ставшая единым целым благодаря цифровым технологиям, эта мечта начала 1990-х, становится реальностью, и в авангарде прогресса идут американские компании. Именно поэтому Amazon в настоящее время считается крупнейшим продавцом, а Netflix крупнейшим видеосервисом; именно поэтому выживают те телекоммуникационные и музыкальные компании, которые вовремя трансформировались в компании по разработке программного обеспечения. А самой быстрорастущей компанией по разработке видеоигр является Zynga, специализирующаяся на онлайн-играх. Судя по всему, Андрессен совершенно прав, говоря, что данный вид трансформации – то есть распространение полезных компьютерных программ на все новые отрасли промышленности, – в ближайшее время произойдет и в таких сферах, как оборона, сельское хозяйство и образование, причем вовсе не такими аматорскими способами, к каким мы с вами привыкли.

Почти все самые «горячие» новинки в сфере цифровых технологий, от планшетных компьютеров до «облачных» вычислений и социальных сетей,

рождаются в США. Китай – одна из редких стран мира, которая имеет свои собственные сайты социальных сетей, что в основном объясняется языковыми барьерами и прочими ограничениями, регламентирующими деятельность местных СМИ. Лидерство США и сегодня проявляется самыми разными способами – от доли международных патентов до непревзойденной способности создавать и возвращать предпринимательские стартапы. Эти предприимчивые компании лидируют в сфере интернет-поиска, бизнес-нетворкинга, онлайн-коммерции. Все это привлекает внимание миллионов пользователей, самым революционным образом изменяя способ, которым мы взаимодействуем с сетью – и друг с другом, – и угрожает привычным, традиционным компаниям. И объединяет эти стартапы то, что они родом из США, хотя заявки на разрабатываемые ими продукты все чаще поступают с зарождающихся рынков. Скорее всего, это поможет США и впредь оставаться ведущим игроком глобальной игры роста. А вот страны, которые в последнее время всюю наслаждались сырьевым бумом, по всей вероятности, ждет безрадостное возвращение к банальным испытаниям повседневной жизни.

Глава 14

Третье пришествие

Если нет ветра, гребни

Если говорить об экономике, то счастье и удовлетворенность тут понятия не абсолютные, а относительные. Важно не то, что у вас есть, а то, что у вас есть по сравнению с окружающими. Исследования, проведенные в этой области, показали, что большинство людей предпочитают жить в мире, в котором у них есть больше, чем у их соседей, а не в том, в котором они просто много имеют. Иными словами, человек выбрал бы зарплату в 50 тысяч долларов, если его будут окружать зарабатывающие в два раза меньше, а не зарплату в 100 тысяч в окружении тех, кто зарабатывает 200 тысяч.

Именно эта психология лежит и в основе стенаний по поводу упадка Запада, раздающихся сегодня в США и Европе. Ведь подъем Китая и Индии угрожают ослаблением относительного, а не абсолютного могущества и процветания Запада. Если статус и рычаги влияния этих регионов по сравнению с остальным миром действительно оказались под угрозой, то их процветание в абсолютном выражении может только увеличиваться, ибо более богатые соседи становятся более выгодными клиентами. И все же перспектива жить среди быстро растущих соседей оказалась для Запада настолько неприятной, что люди стали бояться наступления переломного момента гораздо быстрее, чем это произойдет в самом деле. В начале 2011 года институт Гэллага провел опрос общественного мнения: американцев просили назвать ведущую экономику мира: 52 процента назвали Китай и только 32 процента США – потрясающее заблуждение. Китайская экономика втрое меньше американской, средний доход на душу населения в Китае чуть больше десятой части американского среднего показателя.

А теперь рассмотрим, к чему приведет эта психология в ближайшие несколько лет. Всеобщий ажиотаж в отношении Китая нельзя назвать совершенно необоснованным, особенно учитывая последние события. В конце концов, начиная с 1998 года темпы роста китайской экономики составляли в среднем 10 процентов и за это время ни разу не опускались ниже 8 процентов, даже несмотря на ряд глобальных кризисов этого периода. Как однажды заметил Джордж Оруэлл: «Кто побеждает в данный момент, будет казаться непобедимым всегда». Нет ничего удивительного в том, что Китай сегодня окутан аурой непобедимости, а в воображении западных людей масштабы этой страны непомерно раздуты. Известно, что на китайских картах мира XIV века Китай занимает львиную долю планеты, а другие континенты скромно уютятся по краям. Так вот, в первом десятилетии XXI века западное представление о мире начинает на редкость походить на представления древних китайцев, явно переоценивавших свою страну. Большинство граждан западных государств, не раздумывая, скажут вам, что

у Китая значительно больше суши, чем у Соединенных Штатов, тогда как эти страны настолько похожи по этой характеристике, что географы до сих пор не могут прийти к согласию по данному вопросу.

Но надвигающаяся тень Китая вот-вот отступит и съезжится до своих реальных размеров. Из-за больших задолженностей к концу следующего десятилетия экономический рост США, Европы и Японии, скорее всего, замедлится на целый процентный пункт по сравнению со средним показателем периода после Второй мировой войны, но это будет ничто по сравнению с 3–4-процентным замедлением роста Китая. В центре событий окажется Китай, ибо он уже сейчас слишком много получает и слишком стар для быстрого развития. А поскольку эта страна уже сегодня закупает у других развивающихся экономик меньше, чем прежде, средние темпы роста формирующихся рынков, скорее всего, тоже замедлятся с почти 7 процентов последнего десятилетия до среднего показателя менее 5 процентов, характерного для Китая 1950-х и 1960-х годов. И тогда удрученность и разочарование, охватившие в последнее время жителей богатых стран (будто все твои соседи могут позволить себе новый бассейн, а ты нет), серьезно ослабнут, а испытываемое многими американцами чувство, будто их быстро обходят безжалостные азиаты, останется в памяти лишь как очередной периодический приступ американской паранойи, сродни ажиотажу, которым сопровождался взлет Японии в конце 1980-х.

Неравномерность роста развивающихся экономик в следующем десятилетии изменит глобальный баланс сил во многих аспектах. Например, возродит уверенность Запада в себе и стряхнет «звездную» пыль с фаворитов недавнего прошлого, Бразилии и России; словно мираж, развеет очевидную ныне угрозу со стороны нефтяных диктаторов Африки, Ближнего Востока и Латинской Америки. Из тумана относительной безвестности могут выйти на свет Божий новые гиганты. В настоящее время в мире насчитывается пятнадцать экономик, генерирующих свыше триллиона долларов в год, и в ближайшие пять лет к этой элитной группе вполне могут присоединиться еще две страны, обе мусульманские демократии с экономиками с усиливающейся рыночной ориентацией: Индонезия и Турция. Такое развитие событий может иметь весьма значимые последствия, так как послужит как источником вдохновения для многих мусульманских наций, борющихся сегодня за выживание, так и наглядным уроком для тех представителей Запада, которые считают словосочетание «мусульманская современность» оксюмороном.

Новое открытие Запада

Сегодня посткризисная Америка начинает сильно походить на посткризисную Японию 1990-х годов, когда субсидии и дотации для бизнеса привели к длительной стагнации, продолжающейся по сей день, но как только темпы развития Азии замедлятся, на первый план выйдут различия между этими двумя странами. Например, в отличие от Японии США по-прежнему остаются молодыми, гибкими, инновационными – это истинный центр креативности в области высоких технологий, двери которого широко распахнуты для людей и идей. В США самое молодое население из всех развитых стран мира и в высшей степени конкурентоспособная валюта. Позитивный политический эффект непременно окажут восстановление баланса в самовосприятии американцев и разумный анализ сильных и слабых сторон; это ослабит давление на Вашингтон, вынужденный сегодня возводить очередные барьеры для глобальной торговли и видеть в Китае растущую геополитическую и военную угрозу.

Скорее всего, страхи и тревоги ослабнут и в некоторых странах Европы, где вид более нормального Китая тоже должен вызвать всеобщий вздох облегчения и привести к тому, что некоторые государства заново откроют свои базовые сильные стороны. В первую очередь это относится к Германии, одной из очень немногочисленных богатых стран, которым удалось защитить свою производственную базу от иностранной конкуренции и осуществить экспансию производства на зарождающиеся рынки. Радикальные реформы начала прошлого десятилетия замедлили темпы роста затрат на немецкую рабочую силу до самых низких темпов в Европе; одновременно немецкие компании активно открывали заводы в странах Восточной Европы с низким уровнем заработной платы. Итогом этих целенаправленных усилий стало потрясающее увеличение доли экспорта в ВВП Германии – с 24 процентов в 1995 году до 45 процентов в 2011 году, – относительно низкий уровень безработицы и второе в мире по величине положительное сальдо торгового баланса, выразившееся в быстром увеличении потребительских расходов.

В самом же Китае на ослабление триумфаторских чувств рассчитывать не стоит, ибо оно даже не успело закрепиться в китайском обществе. Несмотря на усиление национальной гордости китайцев и их всем известную безоговорочную поддержку своего коммунистического правительства, этот народ оценивает будущее национальной экономики намного реалистичнее иностранцев. Опросы общественного мнения показывают, что китайцы значительно менее представителей любой другой нации склонны считать, что Китаю в ближайшее время суждено стать мировой экономикой номер один; и они лучше других понимают, какие проблемы и подвохи могут ждать их впереди. А поскольку богатые страны мира все чаще видят в Китае и

других крупных формирующихся рынках ровню самим себе – ибо они по-прежнему обременены серьезными проблемами бедности, – крепнущее сегодня чувство соперничества между Востоком и Западом скоро пойдет на спад.

О чем говорит «индекс мучений»

Рост инфляции уже в некоторой мере стряхнул глянец, которым мы за последние пару лет покрыли крупные зарождающиеся рынки. Очень уж многие из них пытались как можно дольше продлить бум прошедшего десятилетия и медлили с отменой денежных и фискальных стимулов, введенных ими после финансового кризиса 2008 года. Но деньги сами по себе экономическому росту не способствуют, и значительная часть этих избыточных вливаний способствовала лишь одному – повышению цен. Средний уровень инфляции на формирующихся рынках поднялся с 4 процентов в 2009 году до 6 процентов в 2011 году, потихоньку подкармливая «раковую опухоль», которая со временем остановила рост ряда экономик и карьерный взлет стоявших у их руля политиков.

По всему развивающемуся миру начал распространяться так называемый «индекс мучений», о котором особенно много говорили в США в конце 1970-х, в последние уродливые годы правления администрации Картера. Этот довольно простой индекс комбинирует показатели инфляции и безработицы, и его рост при Картере до двузначных цифр рассматривался как яркий предвестник скорой политической кончины президента. Что же касается современных зарождающихся рынков, то начиная с 2009 года, после резкого падения в предыдущее десятилетие, «индекс мучений» начал неуклонно расти, увеличившись в среднем до 10–12 процентов, а в некоторых случаях даже больше. Один из самых резких скачков произошел в Китае, где данный показатель вырос с 2 процентов в 2009 году до 9 процентов в середине 2011-го, в основном из-за высокой инфляции. Неудивительно, что именно борьба с инфляцией стала главной политической целью китайского правительства в 2011 году.

Понятно, что развивающиеся рынки видели времена и похуже и благодаря этому переносят боль и страдания намного лучше, чем богатые страны. Еще совсем недавно, в 1990-х, «индекс мучений» на формирующихся рынках в среднем составлял более 100 процентов, а сегодня он не дотягивает до пятнадцати. Но в последнее время рост данного индекса уже вносит свой вклад в новую волну враждебности к власти предрержащим в Индии и чрезвычайно усложняет задачу сохранения популярности для преемников политических «звезд» вроде бразильского президента да Силвы^[14].

Надо ожидать, что рост инфляции будет восприниматься в разных регионах мира по-разному. Представители наиболее оптимистичного крыла утверждают, что новый виток инфляции можно сдерживать по крайней мере намного эффективнее, чем в прошлом, и сегодня у мира действительно появились новые бастионы в борьбе с этим негативным явлением. В начале 1970-х годов глобальная инфляция взлетела на уровень выше 10 процентов и оставалась таковой на протяжении целого десятилетия, поскольку дальнейшее повышение цен на нефть и продукты питания запустило в действие порочную спираль «цена-зарплата». Но в нынешнем глобально интегрированном мире у производителей есть возможность оперативно перебрасывать производство на более низкокзатратные предприятия, внешнеторговые потоки почти ничем не ограничиваются, и работникам очень трудно требовать повышения зарплаты без подтверждения своих требований реальным ростом производительности труда.

Кроме того, сегодня хотя бы некоторые основные центральные банки официально обязались бороться с инфляцией, вместо того чтобы просто накачивать экономику деньгами, печатая новые и новые банкноты. И многие банковские учреждения становятся все более независимыми от политического прессинга. Даже там, где по-прежнему верховодят политики, многие общества уже на собственном опыте узнали, насколько болезненной бывает двузначная инфляция, и сегодня борьба с этим явлением набирает популярность не только в экономических, но и в политических кругах. Начиная с 1990 года, когда центральный банк Новой Зеландии первым в мире объявил борьбу с инфляцией приоритетом номер один, его примеру последовали еще двадцать пять стран, в том числе Польша, Чехия, Филиппины, Индонезия и Турция. И многие из них добились целенаправленными действиями немалых успехов. С 1980-х годов доля зарождающихся рынков с двузначной инфляцией снизилась с 47 до 7 процентов, и эта тенденция, судя по всему, сохранится и в дальнейшем будущем.

В ближайшие годы наибольшие мучения (и их политические последствия), скорее всего, ждут страны, в которых замедление экономического роста приведет к увеличению в этом «индексе мучений» составляющей безработицы, а не инфляции. К данной группе относятся Россия, ЮАР и Бразилия. Очевидно, последствия этого сценария развития событий крайне негативно скажутся на ныне действующих политиках, воспользовавшихся бумом последнего десятилетия для победы в целом ряде выборов. А самые незначительные мучения, я думаю, ждут те страны, где экономический рост будет продолжаться нынешними темпами или даже ускорится, то есть Индонезию, Филиппины и Польшу.

Непостоянство наносит ответный удар

Возобновление прежней политической драмы означает возврат к непостоянству формирующихся рынков 1950-х и 1960-х годов, когда их экономика росла в среднем на 5 процентов в год, но инфляция и рецессия были постоянной угрозой. Сегодня этот сценарий повторяется, вызывая в памяти слова индийского святого Рамакришны. Когда его спросили, почему в мире существует зло, он ответил: «Чтобы сюжет был интереснее». Большинство экономик имеют тенденцию со временем постепенно расширяться, но экономические спады и кризисы подкидывают в этот скучный сюжет драматизма; они не только причиняют боль и страдания, но и создают условия для реформ и возрождения. В период между 1861 (первый год, по которому у нас имеются документы) и 1982 годом США пребывали в состоянии рецессии примерно треть этого времени, значит, страна практически постоянно находилась в процессе обновления. А вот с 1982 года Америка пребывала в состоянии рецессии только 11 процентов времени – куда менее захватывающий сюжет. Хорошие времена длились дольше, а плохие наносили не такой страшный удар, оказывая позитивный волновой эффект на экономику всего мира.

И это привело к весьма заметным изменениям. С 1982 по 2007 год Соединенные Штаты наслаждались необычно длинными периодами экономического роста и необычно короткими и поверхностными спадами – особенно по сравнению с ситуацией предыдущего столетия. Три подъема в этот период продолжались от шести до десяти лет, то есть почти в три раза дольше среднего показателя (три года) предыдущего периода. И две рецессии, имевшие место за это время, привели к падению объема производства всего на один процент за два раунда, что намного менее болезненно, чем средний показатель в 2,5 процента за предыдущий период, когда спад растянулся в сумме целых пять раундов. Данные по другим странам мира обрывочные, не такие полные, но в общем картина похожая. С начала 1980-х годов экономические циклы подъемов и спадов в развивающихся странах, как правило, составляли около восьми лет, то есть в два раза дольше среднего цикла предыдущего периода.

В США это сглаживание бизнес-цикла стали называть «Великим успокоением»; на пике данного явления в стране велись весьма бурные дебаты по поводу того, как долго сохранится эта удобная новая среда. Конец дискуссии положила агония 2008 года. До этого кризиса и глубина, и продолжительность рецессий сильно сгладились, прежде всего благодаря практически безграничной способности США финансировать дальнейший рост за счет займов, в основном от других стран мира. Глобализация

заставляла компании работать все рентабельнее, производить больше продуктов за меньшие деньги, и это ослабляло угрозу инфляции. Относительно невысокая инфляция позволила ФРС США удерживать процентные ставки на низком уровне, да еще и снижать их при первых признаках спада деловой активности. Периоды экономического подъема длились дольше, спады стали менее заметными. И довольно скоро страна, словно наркоман, «подсела» на этот приятный ритм продолжительного бизнес-цикла, удлинившегося исключительно благодаря долгам. Привыкли США и к вторичному эффекту, оказанному этим бизнес-циклом на фондовый рынок: подъемы тут растянулись со среднего показателя в двадцать два месяца до 1982 года до тридцати семи месяцев в последующий период. А тем временем вены экономики наполнялись кровью за счет всевозможных кредитов и займов.

Теперь же правительство США испытывает дефицит шприцев для дальнейших вливаний. Мощные программы стимулирования привели к повышению государственного долга с 40 процентов от ВВП в 1980 году до более чем 90 процентов в 2011 году. Экономисты Кармен Рейнхарт и Кеннет Рогофф наглядно продемонстрировали всем, что при таком уровне темпы роста в потенциале могут снизиться на целый процентный пункт. При краткосрочных процентных ставках, приближающихся к нулю, у ФРС быстро закончились дешевые деньги, которые можно было бы направить на исправление ситуации, хотя она по-прежнему пыталась это сделать. Изобретательная антикризисная политика «количественного смягчения», предложенная Федеральной резервной системой, принесла больше вреда, чем пользы, поскольку львиная доля этих шальных денег пошла на спекулятивные инвестиции – в основном в сырье, в частности в нефть и золото, – а вовсе не на банковское кредитование новых отечественных компаний. В конечном счете все эти факторы, по всей вероятности, приведут к возврату к более коротким периодам экономического подъема и более острым спадам экономической активности, а также к укорочению периодов повышательной тенденции на фондовом рынке, причем не только в США.

Формирующиеся рынки накопили гораздо меньше долгов, чем США, и они по-прежнему могут брать займы для борьбы с кризисом. Но стремительное увеличение объемов глобальной торговли и потоков капитала связали их с США теснее, чем когда-либо прежде. Сегодня американские производители приобретают 15 процентов используемых ими комплектующих и материалов именно на зарождающихся рынках – сравните с 9 процентами всего пятнадцать лет назад. И эти связи продолжают крепнуть и шириться. Товарооборот между разными странами мира растет гораздо быстрее, чем доходы внутри государств. Еще в 1960 году увеличение совокупного дохода

на один процентный пункт вело к увеличению потоков внешней торговли на два пункта, а сегодня – на целых четыре. Одной из главных причин, по которым экономики развитых и развивающихся стран начали в последние десять лет расширяться и сужаться синхронно, является усиление интеграции глобальных каналов поставок. Этим также объясняется, почему формирующимся рынкам тоже следует ожидать учащения спадов деловой активности. Если хотя бы в какой-то мере исходить из приведенных выше данных за прошлый период, можно предсказать, что фазы экономического роста сократятся примерно до трех лет во всей мировой экономике.

Правила дорожного движения в любой столице мира

Поймите, какие выгоды несет в себе жесткая посадка. Непостоянство экономического развития может пугать, но оно вовсе необязательно вредно для долгосрочного роста. Часто бывает как раз наоборот. Великое успокоение последних десятилетий ни на йоту не увеличило долгосрочных темпов роста США, так же как резкие подъемы и спады конца XIX века никак не повлияли на разразившийся вскоре в стране общий экономический кризис. Зато, как мы часто наблюдали во всем мире, страны, у которых находилось достаточно средств, чтобы заплатить за «мягкую посадку» при выходе из рецессии, нередко глубоко и надолго увязали в этой дорогостоящей мягкой подушке.

Предпочтение мягкой посадки вполне логично и понятно, но, не менее очевидно, именно жесткие посадки нередко вынуждают государства идти на реформы и закладывать фундамент для быстрого экономического роста. В последние годы это случалось в ряде стран, от Швеции и Финляндии в начале 1990-х годов до Азии после финансового кризиса 1997–1998 годов. Экономист Энди Се, общепризнанный эксперт по Азии, разработал интересную систематику выигравших и проигравших в результате этого кризиса, и, по его оценке, самые агрессивные реформы были проведены в Южной Корее. Се утверждает, что если бы Южная Корея не пострадала так сильно от жесткой посадки в 1998 году, она, вероятно, не была бы сегодня членом ОЭСР. А вот, например, Малайзия, которая, желая избежать шоковых последствий кризиса 1998 года, ввела жесткий контроль над движением капитала и вообще не стала реформировать свою экономическую систему, сегодня сильно отстает от своих соседей.

Но особенно жестко Се критикует Японию, в которой, по его словам, «величайший “пузырь” в истории человечества» лопнул вообще без каких-либо негативных последствий – это все равно что свалиться с Эвереста и не сломать ни одной косточки. На пике подъема на долю этой страны

приходилось 40 процентов суммарной стоимости недвижимости планеты, но вместо того чтобы в один «прекрасный» момент разом с треском обвалиться, цены на недвижимость медленно снижались на 7 процентов в год в течение двух десятилетий, в итоге этот рынок уменьшился в общей сложности почти на 80 процентов. Тут не было ни массовых продаж заложенного имущества, ни объявлений банкротств, ибо правительство упорно спасало должников всевозможными дотациями и субсидиями, превращая тем самым в руины свою собственную финансовую систему. А поскольку фондовый рынок потерпел крах, хотя на рынке недвижимости обошлось практически без потерь, молодым людям, владевшим только акциями, стало не на что приобретать жилье. Многие из них отложили рождение детей и надолго обрекли страну на уменьшение народонаселения. По словам Се, если бы Япония тогда просто позволила своему рынку недвижимости «самоотрегулироваться», сегодня в стране наблюдался бы прирост населения.

Любопытно, что Китай в наши дни тоже все больше переходит со своего прежнего жесткого и неудобного пути на японский. В 1998 году страна была еще в основном изолирована от потоков капитала, разносивших азиатскую заразу по всему миру, но все равно проводила жесткие реформы, направленные на оптимизацию государственных предприятий и приватизацию рынка недвижимости. Это позволило Китаю довести свою производственную систему практически до совершенства, но сегодня он оказался в более трудной ситуации. В Китае и банки, и их корпоративные клиенты, как правило, принадлежат государству, которое контролирует львиную долю экономики, и государство никогда не позволяет этим должникам доводить дело до банкротства. Должники просто «зависают», рассчитывая на очередной транш дешевых кредитов, который поможет им поправить финансовое положение. Начиная с 2008 года суммарная задолженность как доля от ВВП страны выросла со 115 до 170 процентов, и чем богаче становится Китай, тем менее вероятно, что страна добровольно пойдет на жесткие меры.

Укрепление связей между странами в последние десятилетия привело к тому, что они все меньше склонны позволять своим торговым партнерам «уходить под воду». Несмотря на нынешнюю бурную дискуссию на тему долговых дефолтов, начавшуюся в связи с кризисом в Греции, на самом деле риски неплатежей, по сути, исчезли с международной экономической арены. В своей книге «На этот раз все будет иначе»^[15] ученые-экономисты Рогофф и Рейнхарт предлагают поражающую своей банальностью модель дефолта прошлых лет: в период между 1920 и 2003 годом обязательства по платежам не выполняли, как правило, страны, на которые приходилось 5–10 процентов

от совокупного дохода; пик дефолта, до 40 процентов, пришелся на годы Великой депрессии и Второй мировой войны; на конец 1980-х этот показатель составлял 15 процентов. А вот начиная с 2003 года, когда начался синхронизированный глобальный бум, доля стран, которые довели свою экономику до этого печального состояния, снизилась с 5 процентов до нуля в любой год, на выбор. А все дело в том, что ни одно богатое государство не желает страдать от жесткой посадки или рисковать от волнового эффекта жесткой посадки своих соседей.

Однако наихудший из возможных сценариев – это даже не те страны, которые, упав на самое дно, не набивают синяков и шишек, а те, которые, стараясь выбраться из этой ямы, не идут ни на какие риски. Меня всегда забавляло чувство самолюбования и выполненного долга, источаемое индийцами, сумевшими увернуться от азиатского кризиса 1998 года – при том что в предыдущие годы экономика страны развивалась весьма скромно. Я и сегодня вижу такое же отсутствие ощущения потребности в безотлагательных мерах на многих формирующихся рынках, от Индии до Бразилии, которые явно считают экономический бум последнего десятилетия заслугой своей внутренней политики, а не следствием освобождения глобальных денежных потоков. И я убежден: поскольку мировая экономика вступает в новую эру, этому самодовольству суждено стать огромной преградой на пути прогресса человечества.

«Третье пришествие»

Зарождающиеся рынки уже стали настолько важным столпом глобальной экономики, что легко забыть, насколько нова эта концепция. Первое пришествие этих рынков датируется серединой 1980-х годов, когда Уолл-стрит начала отслеживать их как отдельный класс активов. Сначала их называли «экзотическими», но потом, поняв, что это название отпугивает многих клиентов, его сменили. В те времена на эти рынки приходилось менее одного процента денег, вращающихся на глобальных фондовых биржах, но их рост на ранних этапах носил поистине взрывной характер. Это был хаотический период великих находок и исследований, ибо многие страны открывались для иностранных инвесторов впервые за всю свою историю. Тайвань распахнул свои двери миру в 1991 году, Индия – в 1992 году, Южная Корея – в 1993 году (хотя инвестиции в эту страну ограничивались 10 процентами второстепенного участия в капитале), Россия – в 1994 году. Китай и сегодня открыт для иностранцев лишь частично: они имеют ограниченный доступ к компаниям, зарегистрированным на Шанхайской бирже, а акции материковых компаний приобретаются в основном на рынке Гонконга. Впрочем, несмотря ни на что, в период между 1987 и 1994 годом

растущий интерес инвесторов привел к беспрецедентному и беспорядочному 600-процентному буму (в долларовом выражении) инвестиций в формирующиеся рынки. За эти семь лет сумма вложенных в них денег выросла с менее одного процента до почти 8 процентов от глобального фондового рынка.

Последовавший за этим резкий спад весьма поумерил пыл иностранных инвесторов. С 1994 по 2002 год в ряде государств, от Мексики до Таиланда, разразилась целая череда экономических кризисов, в результате чего фондовые рынки развивающихся стран потеряли почти половину своей стоимости. То, что сегодня многие вспоминают как безудержное наступление формирующихся рынков по всем фронтам, на самом деле было подъемом одного Китая: в период между 1987 и 2002 годом суммарная доля развивающихся стран в мировом ВВП снизилась с 23 до 20 процентов, даже несмотря на то что доля Китая выросла в целых два раза, до 4,5 процента. Иными словами, весь груз заслуг нес на себе Китай, и к концу названного периода доля развивающихся стран в глобальных фондовых рынках снизилась наполовину, опять до менее 4 процентов. Иными словами, еще совсем недавно, в 2002 году, многие крупные инвесторы сильно сомневались, стоит ли вообще инвестировать в экономику столь малоэффективных стран.

Формирующиеся рынки пошли на взлет как группа только после 2002 года. Это было их второе пришествие, и именно оно привело впоследствии и к глобальному буму, и к краху 2008 года. С 2002 года доля зарождающихся рынков в мировом ВВП начала быстро расти и увеличилась с 20 до 34 процентов (отчасти из-за неуклонного подорожания национальных валют), а доля в мировых фондовых рынках выросла с менее 4 процентов до свыше 10. Огромные потери 2008 года к 2009 году были в основном компенсированы, но с тех пор данный процесс идет все медленнее. И сегодня мы вступаем в эпоху третьего пришествия развивающихся стран – эпоху все более умеренного роста, возврата к непостоянству экономического развития и отказа от стадного поведения.

На этом новом этапе всем будет очень не хватать как бесконечного потока дешевых денег, питавших огульные инвестиции в формирующиеся рынки, так и радужного оптимизма, порождения поистине потрясающих темпов глобального экономического развития. Темпы роста глобального ВВП последнего десятилетия, составлявшие 3,6 процента, по всей вероятности, в следующем десятилетии замедлятся до 2,9 процента, и прибыли фондового рынка развивающихся стран, скорее всего, тоже будут расти более умеренными темпами. Если в период между 2003 и 2007 годом они росли в

среднем на 37 процентов в год, то в ближайшее десятилетие, вполне вероятно, ограничатся 10-процентным ростом, в первую очередь потому, что акции и валюты формирующихся рынков сегодня уже никак не назовешь дешевыми.

В этом медленнее развивающемся и более непостоянном мире страны и компании будут расти все более и более разными темпами, поэтому особенность «третьего пришествия» заключается прежде всего в том, что нам придется научиться рассматривать все зарождающиеся рынки как отдельные единицы. Причем относится это не только к экономике, но и к политике. Например, нынешнее беспокойство Запада по поводу усиления крупных формирующихся рынков в результате объединения в политико-экономические блоки и альянсы вроде БРИКС сильно преувеличено. Посмотрите внимательно на ядро этой группы: Бразилия, Россия, Индия, Китай и ЮАР. Все это страны с конкурирующими политическими интересами. Это всего лишь группа экспортеров сырья, объединившихся для совместной борьбы с импортерами, и торговые связи между ними на удивление ограничены. Хотя Китай быстро развивает и укрепляет торговые и финансовые связи со всей остальной четверкой, эти четверо сотрудничают друг с другом не слишком активно. Более того, в условиях замедления темпов роста мировой экономики всем им будет очень трудно выработать общую программу развития.

Поскольку траектории роста будут все больше расходиться в разных направлениях, экономические ролевые модели последних десятилетий вот-вот уступят место принципиально новым моделям, а то и, возможно, полному отсутствию оных. В 1990-х годах темпы глобального роста составляли в среднем 2,9 процента, главным образом за счет США, и достигли своего пика в 4,7 процента в период с 2003 по 2007 год, в основном за счет крупных зарождающихся рынков. В следующем десятилетии рост мировой экономики, по всей вероятности, вернется к темпам 1990-х годов. Стимулировать его опять же будут прежде всего крупные формирующиеся рынки, но на этот раз в намного более сложной среде, в которой героями будут выглядеть очень немногие нации, если таковые вообще найдутся.

В прошлом, чтобы понять, как правильно и эффективно обеспечить рост, Азия обычно смотрела на Японию, страны от Балтики до Балкан – на Европейский союз, и почти все страны мира в той или иной степени – на США. Но кризис уничтожил доверие ко всем этим ролевым моделям. Государства, прежде мечтавшие войти в еврозону – такие как Польша, Чехия и Турция, – сегодня все больше задумываются, стоит ли вообще присоединиться к клубу, многие члены которого из последних сил борются

за выживание. А учитывая, что недавние ошибки Японии сегодня намного заметнее, чем ее прошлые успехи и достижения, непонятно, зачем кому-то изучать экономическую модель этой страны внимательнее, чем модель Кореи, при помощи которой ей удалось стать новой промышленной силой планеты.

Прорывные экономики

В игре роста все зависит от ожиданий. Люди постоянно спрашивают меня: получается, что если темпы роста Индии замедлятся с 9 до 6–7 процентов, они все равно будут в три раза выше, чем на Западе, не так ли? Конечно, но что это означает для самой Индии? Поначалу постепенное снижение темпов будет восприниматься как рецессия, ведь это одна из беднейших стран мира, входящая в группу низкого дохода на душу населения – менее 5 тысяч долларов. Ее граждане до сих пор наслаждаются комфортом и выгодами быстрого подъема с низкой базы – приятными чувствами, которые, вполне закономерно, вызывают у людей более высокие доходы и новые рабочие места. При составлении очередного бюджета Индии Нью-Дели исходила из доходов, на которые страна может рассчитывать при темпах роста в 9 процентов, а курсы акций на фондовом рынке Мумбаи на конец 2010 года определялись на основе будущей стоимости индийских компаний при условии, что экономика продолжит расти по крайней мере на 8 процентов в год. Иными словами, уже в 2011 году 7-процентных темпов роста оказалось достаточно, чтобы на индийском фондовом рынке возникла понижительная тенденция.

В общем и целом, прошлое десятилетие оказалось настолько необычным с точки зрения масштабов и темпов экономического роста, что сегодня значительная часть мира страдает от явно необоснованных, завышенных ожиданий. Страны с уровнем доходов на душу населения в 5–10 тысяч долларов рассчитывают не менее чем на 5-процентные темпы роста; при этом, например, надежды ЮАР и Малайзии, весьма вероятно, не оправдаются. Нации со средним доходом в 10–15 тысяч долларов ожидают 4-процентного роста, и тут в главную группу риска входят Россия, Бразилия, Мексика и Венгрия. В странах диапазона 20 тысяч долларов темпы экономического роста должны оставаться в пределах от 3–4 процентов, и такого напряжения вполне может не выдержать, например, Тайвань. Исключение из этой категории представляют собой страны Персидского залива, население которых растет так быстро – в последние годы в среднем на 2,6 процента в год, то есть значительно быстрее, чем в других развивающихся регионах, – что здешним экономистам, чтобы сохранить нынешний уровень дохода на душу населения, надо расти намного быстрее,

чем на 4 процента в год. Реальный экономический рост зависит не только от ожиданий, но и от характеристик населения, в первую очередь от уровня его доходов.

Так кто же они, прорывные экономики ближайшего десятилетия? Зависит от их богатства. В диапазоне доходности 20 тысяч долларов наилучшие шансы соответствовать ожиданиям (3-процентные темпы роста) или даже превзойти их имеются у Чешской Республики, этой тихой гавани в хаосе Европы, и у Южной Кореи, успешно сметающей все барьеры на пути превращения в мощную производственную силу. В самой большой группе с уровнем доходов 10–15 тысяч долларов шансы соответствовать ожиданиями, то есть расти темпами предыдущего десятилетия в 4–5 процентов, судя по всему, есть только у одной страны. Речь, конечно, идет о Турции, где благодаря усиливающемуся динамизму экономического развития прежде отсталые регионы становятся центром политико-экономического пейзажа и имеется сильный лидер, способный эффективно управлять данным процессом. Неплохие шансы есть и у Польши, отчасти потому, что, поскольку ее население практически не увеличивается, для того чтобы почувствовать себя быстрорастущей нацией, ей нужно перебраться только в самую низшую часть соответствующего диапазона. Особенно трудно выявить потенциальные прорывные нации в классе доходности 5–10 тысяч долларов. Наилучшие шансы тут, вероятно, у Таиланда, но пока еще не до конца ясно, на что способно и готово новое правительство этой страны.

Следующая группа включает в себя несомненного лидера – Китай, и это, конечно, особый случай. Прорывная скорость для диапазона доходности в 5 тысяч долларов и ниже составляет не менее 5 процентов в год, но Китай до сих пор рос настолько быстро и так долго, что ему придется какое-то время приспособливаться к темпам роста в 6–7 процентов. Несмотря на то что доход на душу населения в Китае уже приближается к 5 тысячам долларов и страна стоит на пороге следующей категории доходности, ожидания в отношении роста тут практически такие же, как в значительно более бедных странах вроде Индии. А если ожидания превышают максимально возможные темпы роста для вашей группы доходности, прорыв невозможен. Однако в мире немало стран с доходом на душу населения не более 5 тысяч долларов, которые с полным основанием можно назвать прорывными. Например, Индонезия и Филиппины с их перспективными лидерами, Шри-Ланка с ее огромными мирными дивидендами, Нигерия – где честный президент наконец сумел высвободить огромный потенциал нации и начать ее подъем с очень низкой базы, а также ряд государств Восточной Африки, где сегодня формируется мощный экономический альянс.

Но не забывайте, однако, о важнейшем, основополагающем правиле: система меняется. Вовсе необязательно, что все потенциально прорывные экономики из приведенного мной списка в самом деле совершат прорыв, ибо быстро расти в течение длительного периода очень и очень трудно. Недавнее исследование экономиста Дэни Родрика позволило представить этот факт в конкретных цифрах, свидетельствующих, что до 2000 года формирующиеся рынки как группа совершенно не стремились к объединению и даже не помышляли о том, чтобы догнать развитый мир. С 1950-х до 2000 года пропасть между доходами населения развитых и развивающихся стран постоянно расширялась. Нескольким особо старательным и везучим нациям все же удалось догнать Запад, но это были либо нефтяные государства Персидского залива, либо страны Южной Европы после Второй мировой войны, либо экономические «тигры» Восточной Азии. Только после 2000 года формирующиеся рынки как группа начали нагонять развитые страны, однако по состоянию на 2011 год разница в доходах на душу населения между этими двумя группами снова начала возвращаться к показателю 1950 года.

Создание надлежащих условий для быстрого роста – это скорее искусство, нежели наука. Если страна сумела определить, какие ключевые реформы ей необходимы, или если иностранные инвесторы пребывают от нее в восторге, это может казаться совсем простой задачей, но все может рухнуть в один миг. Некоторые крупнейшие «звезды» экономического роста, такие как Китай, Южная Корея и Тайвань, встали на путь успеха благодаря нетрадиционным подходам, не имевшим ничего общего с привычными рецептами свободного рынка. Они субсидировали и предоставляли налоговые льготы избранным отраслям-любимчикам, содействовали свободной торговле только в специальных зонах и предоставляли инвестиционные гарантии. Но даже если страна правильно поняла свои главные задачи – стабилизация долгов и инфляции, – нет никаких гарантий, что бизнес, стартовав с этого фундамента, будет успешно расти.

А поскольку четких рекомендаций, что будет работать, а что нет, в данном случае не существует, по словам Родрика, «нашим базовым сценарием должен стать тот, в котором высокие темпы роста носят характер эпизодический».

В описанных выше «правилах уличного движения» по разным городам мира я описал множество возможных сценариев, которые могут либо повести прорывную экономику по неверному пути, либо, напротив, переместить отстающую в прорывную категорию. Например, если лидеры Индонезии только и будут думать о том, чтобы создать семейную династию по

аргентинскому подобию, страна очень быстро утратит свой экономический импульс. Если Китай будет и впредь позволять своей валюте слишком быстро дорожать, он может лишиться одного из своих главных стоимостных преимуществ и оказаться в состоянии еще более глубокого спада. Можно привести в пример и позитивный сценарий: если Индия опять начнет поставлять новых миллиардеров в таких отраслях, как, например, высокие технологии, а не только горнодобывающее дело и недвижимость, это станет четким свидетельством ее перехода на платформу более высоких темпов роста. И если новое руководство Таиланда добьется успеха в преодолении пропасти между Бангкоком и остальной частью страны, нация сможет переместиться в категорию прорывных. И если деньги начнут возвращаться в Россию, это будет сигналом, что внутренний инвестиционный климат наконец изменился к лучшему.

Сегодня все более очевидно, что не все развивающиеся нации станут прорывными и что их пути будут очень сильно отличаться друг от друга. Уже сейчас, начиная с 2010 года, мы видим признаки постоянно усиливающейся дифференциации: увеличение потоков инвестиций зарождающихся рынков в компании, торгующие потребительскими товарами и получающие высокие оценки за эффективное управление, и уменьшение вложений в государственные компании и предприятия с нестабильными доходами. Эти тенденции непременно сохранятся и станут определяющей характеристикой третьего пришествия развивающихся стран: инвесторы будут все более взыскательными, и не только в выборе компаний, но и в выборе стран, и начнут оценивать формирующиеся рынки как отдельные единицы, а не как однородную группу. Сегодня ни одна страна не может рассчитывать на то, что она будет расти сама по себе, увлекаемая попутными ветрами случайных и счастливых глобальных обстоятельств, как это было в последние десять лет. Им придется самостоятельно обеспечивать и поддерживать свой прорыв. Каждая прорывная экономика новой эры должна сделать своей мантрой пословицу: «Если нет ветра, греби».

Примечания

1

См. Шрёдер Э. Уоррен Баффет. Лучший инвестор мира. – М.: Манн, Иванов и Фербер, 2012. – с. 564.

2

См. Роджерс Дж. Сделайте ваших детей успешными. – М.: Манн, Иванов и Фербер, 2013. – с. 71.

3

Роскошный американский курорт на побережье Атлантического океана. Прим. ред.

4

В переводе с англ. что-то вроде «сливающиеся благодаря цифровым технологиям». Прим. перев.

5

Образное наименование экономик стран, демонстрирующих очень высокие темпы экономического роста. Прим. ред.

6

«Одна семья – один ребенок» – демографическая политика КНР, принятая в 1970-х в целях ограничения рождаемости. Согласно этой политике, в среднем семье разрешалось иметь 1 ребенка. Прим. ред.

7

В сельском хозяйстве были упразднены сельскохозяйственные коммуны. В сфере промышленности рыночные реформы и образование специальных экономических зон привели к невиданному буму в экспорте и производстве потребительских товаров. Поощрялось частное предпринимательство. Стали активно привлекаться иностранные инвестиции. Прим. ред.

8

Международные спортивные соревнования стран Содружества наций. Проводятся раз в четыре года, а по количеству участников и объему выступлений уступают лишь летним Олимпийским играм. Прим. ред.

9

Империя Великих Моголов – государство, возникшее на территории современных Индии, Пакистана и южного Афганистана. Существовало с 1526 по 1858 годы. Название «Великие Моголы» появилось уже при английских колонизаторах. Прим. ред.

10

Хань – этническая группа сино-тибетской языковой семьи, крупнейшая народность в Китае. Прим. ред.

11

Клептократия (от др. – греч. κλέπτειν – воровать и κράτος – господство, власть; буквально «власть воров») – правительство, контролируемое мошенниками, использующими преимущества власти для увеличения личного богатства и политического влияния с помощью расхищения государственных средств, иногда даже без попыток имитации собственно честной службы народу. Для клептократии характерна коррупция, лоббизм и пренебрежение выполнением долгосрочных целей. Прим. ред.

12

Шелдрейк Р. Новая наука о жизни. – М.: Рипол Классик, 2005.

13

Мальтузианство – теория народонаселения, согласно которой положение трудящихся характеризуется более медленным ростом объема средств

существования по сравнению с ростом численности населения в силу действия закона убывающего плодородия почвы. Согласно этой теории, в то время как численность населения растет в геометрической прогрессии, средства существования увеличиваются в арифметической прогрессии. Основоположником ее был английский экономист Т. Р. Мальтус (1766–1834). Для решения этой проблемы Мальтус предлагал воздерживаться от браков и деторождения. Прим. ред.

14

1 января 1911 года президентом Бразилии стала Дилма Русеф. Прим. ред.

15

Рейнхарт К., Рогофф К. на этот раз все будет иначе. – Карьера Пресс, 2012.

Оглавление

- [От партнера издания](#)
- [Пролог](#)
- [Глава 1 Миф о долгосрочном прогнозе](#)
- [Этот чудесный 2003 год](#)
- [Не все деревья вырастают до неба](#)
- [Если суфле осело, оно уже вряд ли поднимется](#)
- [Тур по планете: проводим индивидуальный анализ](#)
- [Правила уличного движения](#)
- [Глава 2 Китайское афтепати](#)
- [Почему растущее богатство препятствует быстрому росту](#)
- [Иссякающий источник молодости](#)
- [Почему инфляция ведет к снижению темпов экономического роста](#)
- [Социальный протест – цена, которую Пекин платить не готов](#)
- [Иллюзия китайского профицита в размере 2,5 триллиона долларов](#)
- [Конец династии Дэна](#)
- [Дело об отсутствующем потребителе](#)
- [Замедление темпов экономического роста Китая может ему не навредить](#)
- [Глава 3 Великий индийский фокус с надеждой](#)
- [Индия и Бразилия: связь, не предвещающая ничего хорошего](#)
- [«Молчаливый Кэл» Индии](#)
- [Кто входит в класс миллиардеров?](#)
- [Если политики с вожделием поглядывают на незанятые земли, это плохой знак](#)
- [Похоже, Черчилль был отчасти прав насчет Индии](#)
- [Деление на Север и Юг](#)
- [Новая карта среднего класса](#)
- [Как «ловушка бедности» превратилась в конкурентное преимущество](#)
- [Индия – политический хамелеон... в хорошем смысле слова](#)
- [Глава 4 В России место осталось только наверху](#)
- [Не лучшее место для ведения бизнеса](#)
- [Отсутствие середины](#)
- [Слыша хорошие новости из России, нужно читать между строк](#)
- [Глава 5 Бог по национальности бразилец](#)

- [Можно ли считать Бразилию моделью растущей мировой державы?](#)
- [Почему Бразилия перегревается на таких низких скоростях](#)
- [Нечестолобивая бразильская модель](#)
- [Если Petrobras \(компания\) стоит дороже Турции \(страны\), тут что-то не так](#)
- [Неразрешимая трилемма](#)
- [Когда «культура CNBC» воспринимается как комплимент](#)
- [Настало время для экспериментов](#)
- [Глава 6 Экономика финансовых магнатов](#)
- [Революционная партия олигархов](#)
- [Когда растущее неравенство – зло не необходимое](#)
- [Если кредиты заморожены десятилетиями, капитализм не работает](#)
- [Межолигархические войны](#)
- [Обнадеживающий сигнал – азиатская сторона Мексики](#)
- [Глава 7 Лакомый кусок Восточной Европы](#)
- [Летящие гуси Запада](#)
- [Где живет Фридрих Хайек](#)
- [Сказка о двух Восточных Европах](#)
- [В Евросоюзе, но не в еврозоне](#)
- [Венгерское исключение](#)
- [Стойкая притягательность ЕС](#)
- [По-прежнему достаточно дешево для дальнейшего процветания](#)
- [Глава 8 На пути тигра](#)
- [Индонезия – облегченный вариант Китая](#)
- [Оправданная осторожность, эффективная коррупция](#)
- [Лучший лидер – имени которого никогда не прочитаешь в заголовках газет](#)
- [«Нефтяное проклятие» – в чем оно заключается?](#)
- [Филиппины – это уже не шутка](#)
- [Красный код Таиланда](#)
- [Стараясь держать руку на пульсе](#)
- [Нация – любитель аббревиатур](#)
- [Что на самом деле произошло после 1998 года](#)
- [Вся правда об этих «злых» биржевых дельцах](#)
- [Грандиозные планы](#)
- [Глава 9 Золотой медалист](#)
- [Азиатская Германия](#)
- [Консервативное общество, мобилизующееся в условиях кризиса](#)
- [Победа над Японией на ее собственном поле](#)
- [Почему Тайвань – не Южная Корея](#)
- [Семья лучше знает](#)
- [Не надо обслуживания, пожалуйста, мы же корейцы](#)
- [Как разделение народов может сыграть на руку Южной Корее](#)
- [Глава 10 Одноголосое звучание Турции](#)
- [Когда антиклерикализм был фундаментализмом](#)
- [Сомнительные уроки Китая](#)
- [А так ли привлекательна Европа?](#)
- [По стопам Китая](#)
- [Издержки путинизации](#)

- [Растущая мощь Анатолии](#)
- [Досовременный аспект Турции](#)
- [Турецкая модель](#)
- [Глава 11 Медовый месяц без начала и конца](#)
- [Индийский медовый месяц](#)
- [Временная петля](#)
- [Как страна, богатая золотом, может пострадать от высоких цен на этот металл](#)
- [Почему не возмущаются безработные](#)
- [Новая ЮАР слишком похожа на старую](#)
- [Странности огромного богатства на медленно зарождающемся рынке](#)
- [Почему, по мнению некоторых, местная экономика не имеет значения](#)
- [Глава 12 Четвертый мир](#)
- [Мирные дивиденды Шри-Ланки](#)
- [Вьетнамские порты, ведущие в никуда](#)
- [Самый быстрый миллиард?](#)
- [Случайный лидер Африки](#)
- [Мир в себе](#)
- [Глава 13 Холодный душ после экстаза](#)
- [Двести лет экономического спада](#)
- [Нефтяные миллиардеры](#)
- [Самое опасное стадное поведение](#)
- [Мальтус вернулся](#)
- [Не забывайте о валютном правиле](#)
- [«Черный всадник» финансового апокалипсиса Адама Смита](#)
- [Ничто не исчезает, все трансформируется](#)
- [Новое старое](#)
- [Глава 14 Третье пришествие](#)
- [Новое открытие Запада](#)
- [О чем говорит «индекс мучений»](#)
- [Непостоянство наносит ответный удар](#)
- [«Третье пришествие»](#)
- [Прорывные экономики](#)

Fueled by Johannes Gensfleisch zur Laden zum Gutenberg